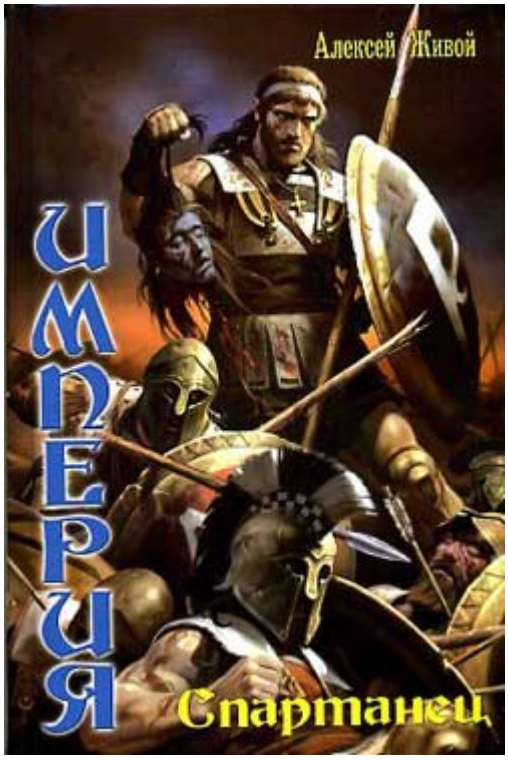
Алексей Живой
Империя: Спартанец



Аннотация

Отправляясь на подавление бунта в зоне, молодой боец спецназа «Тайфун» Тарас Черный не подозревал, чем закончится для него этот выезд. После взрыва светозвуковой гранаты он потерял сознание, а очнулся уже в другом времени и другой стране, «провалившись» в прошлое. Эта страна называется Спарта. А он сам как две капли воды похож на молодого спартанца по имени Гисандр, случайно погибшего у него на глазах. Заняв место Гисандра в строю спартанских «волчат», Тарас вынужден каждый день доказывать в этом новом мире свое право на жизнь. Свою силу, смелость и ловкость, потому что слабые здесь не выживают. Потому что здесь царят «дикие» нравы. Потому что вся жизнь спартанцев — это подготовка к смерти на поле битвы, которая покроет их славой. До сражения у Фермопил два года. Легендарный царь Леонид еще жив и только собирает отряд из трехсот спартанцев, чтобы преградить дорогу многотысячной армии персов, несущих смерть и рабство народам Греции.

Алексей Живой
Империя: Спартанец

Пролог

Узкая тропинка уходила в гору, петляя меж скалистых отрогов. То тут, то там виднелись расселины, из которых часто поднимался пар, — дыхание горячих источников, вокруг которых обычно собирались верующие, чтобы омыться перед посещением храма Аполлона.

Но сегодня утром у источников людей не было. Храм ожидал особых гостей. Сотня

длинноволосых воинов, облаченных в доспехи и красные плащи, быстро шагали вверх по извилистой тропе, несмотря на то что каждый из них сжимал в правой руке копье, а в левой круглый щит. Солнце играло на боках массивных шлемов с гребнями из красных перьев.

В центре процессии шестеро воинов, разбившись по двое, тащили на своих плечах тяжелые ящики, привязав их для верности кожаными ремнями к копьям. Эти ящики, обитые медными пластинами и закрытые на замки, больше походили на ларцы для сокровищ. Пот струился по лицам «носильщиков», но ни один из них за все время пути не издал ни звука и ни разу не пожаловался на тяжесть ноши. А день обещал быть жарким.

Небольшой отряд спартанцев еще накануне вечером прибыл в Дельфы, раскинувшиеся у подножия горы Парнас, но для того, чтобы подняться в храм Аполлона, нужно было дождаться утра. И царь Леонид в точности выполнил наказ дельфийских жрецов. Он, сам верховный жрец своей страны, как никто другой знал, как важно чтить богов, в точности исполняя все обычаи. Ни к одному важному делу не стоило приступать, не получив на то предсказания Дельфийского оракула, а тем более к такому делу, которое задумал царь Леонид. Задумал втайне от эфоров,[1] уже отобравших у спартанских царей часть их древней власти и с каждым годом стремившихся контролировать их все больше.

Однако Спарта регулярно приносила большие дары в дельфийский храм Аполлона после каждой победы, и оракул часто поддерживал спартанских царей-жрецов в их начинаниях. А в последнее время даже против воли эфоров.

«Если и на этот раз оракул возвестит правоту царя Спарты, — подумал Леонид, шествуя впереди отряда своих телохранителей и поглядывая на ящики с золотом, отобранные в последней битве у аргивцев,[2] — то даже трусливые эфоры не смогут мне помешать осуществить задуманное».

Снова посмотрев вперед, Леонид заметил величественный храм, который стоял на скалистом гребне Парнаса, возвышаясь над Дельфами, как и положено святилищу. Царь, много раз бывавший здесь прежде, отлично знал дорогу к оракулу, столь явно благоволившему к Спарте. Оставалось пройти вверх пару стадий[3] по самому краю пропасти, затем обогнуть еще два отрога, миновать Кастальский источник, в котором совершала омовения Пифия,[4] и оказаться на священной территории храма, устроенного жрецами на том самом месте, где согласно преданию древних Аполлон победил грозного змея Пифона.

Взбивая пыль на горной дороге, спартанцы вскоре оказались у самых ворот храма. И Леонид, повернув к нему свое скуластое лицо, разглядел чуть в стороне небольшую рощицу из лавров — священных деревьев самого Аполлона. За их кронами был укрыт от посторонних взоров тот самый источник, в котором купалась Пифия. Роща вплотную примыкала к священной территории храма, и оттуда Пифия, надев золототканую одежду, распустив волосы и украсив голову венком из лавровых ветвей, могла, никем не увиденная,

---

[1] Эфор — от греческого «надзирающий» — высшая судебная должность в Спарте. В первые годы появления должности эфоры, скорей всего, назначались царем для его замещения во время военных походов. В обязанности эфора (всего их было пять) изначально входили только судебные функции в гражданских делах. Но постепенно эфорат расширил свои полномочия, выйдя из-под контроля царей. А вскоре сам поставил под контроль общины царскую власть. Эфоры выбирались на один год. Переизбрание на второй год запрещалось.

[2] Аргивцы — граждане города Аргоса в Арголиде, соседствующего со Спартой. По большей части Аргос — постоянный противник Спарты, спорящей с ним из-за Кинурии, территории, примыкавшей к северной границе ее владений.

[3] Стадия (греческая) — расстояние, равное 178 метрам.

[4] Пифия — прорицательница, через которую «говорил» Аполлон. Стоявшие рядом жрецы записывали ее слова и давали ответ вопрошавшему в стихотворном и довольно «туманном» виде.

пройти в адитон,[5] где свершала свои пророчества.

Беспрепятственно войдя во двор храма, к обширной территории которого примыкало несколько каменных строений, Леонид приказал своим воинам остановиться. Спартанцы замерли, выстроившись в шеренги, и опустили щиты и копья на землю. Двор горного святилища, обычно полный народа в те дни, когда пифия делала свои пророчества, сейчас был пуст. Никто с благоговением не рассматривал статуи мойр,[6] украшавших храм Аполлона. Лишь несколько работников прошли стороной. Стараясь не смотреть на прибывших спартанцев, они быстро исчезли за оградой.

Из-за колоннады главного здания на шум вышел жрец — высокий бородатый мужчина в длинном белом одеянии, расшитом понизу золотой нитью. Он был уже стар, но еще крепко стоял на ногах и всем своим видом излучал величие — ведь он был близок к оракулу, которому внимала вся Эллада.

— Рад видеть тебя, храбрейший Леонид, царь великой Спарты! — поприветствовал жрец командира спартанцев, слегка подняв руку.

— И я рад видеть тебя, благочестивый Эврип, — поклонился Леонид, — прими эти дары, которые Лакедемон[7] жертвует Аполлону.

По его знаку шестеро «носильщиков» подняли стоявшие на камнях ящики и, сделав несколько шагов вперед, вновь опустили их у нижних ступеней мраморной лестницы.

— Боги отблагодарят тебя за твою щедрость, — проговорил старец, оглядев со своего места внушительных размеров ларцы, — пусть их занесут в храм. Но Пифия еще не закончила свои ритуальные омовения, и тебе придется ждать здесь, пока я не позову.

Леонид молча поклонился и знаком показал солдатам сделать так, как велел жрец. Шестеро воинов последовали за Эврипом в храм и вскоре вернулись, оставив там сокровища.

Ожидать, пока прорицательница будет готова общаться с богами, спартанцам пришлось довольно долго. Стоя на солнцепеке в полном боевом облачении, воины обливались потом, и от нечего делать изучали надписи на фронтоне храма. Однако это было им не в тягость. Вся их жизнь была изнурительной подготовкой к войне, поэтому простая жара не могла всерьез расстроить спартиатов.[8]

Леонид тоже невольно поднял голову, смахнул с виска капли пота и прочел глубоко высеченные на сером камне изречения семи мудрецов — «Познай самого себя» и «Ничего сверх меры». Эти изречения предназначались не только для спартанцев, но больше всего подходили именно к ним. Остальные греки меры не знали. В этом спартанский царь из рода Агиадов, хранителей древних законов Лакедемона, был уверен.

Прочитав слова мудрецов, Леонид окинул взглядом обширный двор храма, примыкавшие к нему строения и земли, считавшиеся священными, невольно вспомнив о том, что согласно закону здесь могли сколь угодно долго скрываться беглые цари или другие неугодные новым властителям люди. Едва добравшись до храма, беглецы могли чувствовать себя в полной безопасности: они находились под защитой Аполлона, и здесь никто не мог их тронуть, пока они сами не пожелают покинуть храм. История греческих царств, даже самой

---

[5] Адитон — внутренняя часть храма.

[6] Мойры — богини человеческой судьбы. Слово «мойра» по-гречески означает «доля», «часть», что символизирует участь, которую при рождении получает человек. Греки изображали их в виде трех старух — Клото, Лахесис, Атропос, — прядущих нити судьбы.

[7] Государство спартанцев на полуострове Пелопоннес в древности именовалось Лакедемон, а Спартой назывались лишь несколько поселений на правом берегу реки Эврот. Впоследствии название этого политического центра в области Лакония перешло на все принадлежащие государству (как исконные, так и завоеванные) земли.

[8] Спартиаты — так называли себя полноправные спартанские граждане.

Спарты, знала тому немало примеров.

— Ты можешь войти, Леонид! — внезапно расколов тишину знойного дня, позвал голос из-за колонн.

Спартанский царь кивнул стоявшему рядом с ним воину, остававшемуся за командира, и, придерживая ножны меча, поднялся по ступеням лестницы. Жрец уже находился в глубине храма. Стоя на границе адитона, он бросил взгляд на Леонида, указав ему место, где спартанский царь должен был слушать изречения Пифии и ожидать сообщения жрецов. А затем скрылся в запретном для всех гостей помещении, уходившем в глубину скалы.

Помедлив мгновение, Леонид шагнул к вырубленной в скале арке и остановился, сняв шлем. Дальше начиналась внутренняя часть храма Аполлона, недоступная для всех простых смертных и даже для царей. Никто из них не имел права ни заходить, ни заглядывать в пещеру, где находилась золотая статуя Аполлона, священный источник, бивший из недр горы, и саркофаг с истлевшим телом Пифона. Посреди пещеры, тонувшей в полумраке, имелась площадка с расселиной в скале, из которой исходили зловонные испарения источника. Там же, прямо над трещиной, стоял золотой треножник, на котором сейчас восседала Пифия. Ничего этого Леонид не мог видеть, поскольку, выполняя указания жреца, остановился в нескольких шагах от входа в пещеру. Но как царь Спарты, он бывал в ней раньше, в дни, когда предсказания не давались, и видел своими глазами все сакральные предметы, помогавшие жрецам слушать голоса богов.

Дыхание горы доносилось и сюда, отчего стоявший в нескольких шагах от расселины Леонид, сделав несколько вдохов сладковатого пара, покачнулся. Голова царя закружилась, но он устоял на ногах, стряхнув с себя оцепенение.

— Спрашивай… — низким дребезжащим голосом произнесла Пифия, голос которой, отразившись от сводов священной пещеры, отчетливо донесся до Леонида.

— Я хочу знать, — медленно произнес Леонид, проведя рукой по своей бороде, — будет ли иметь успех то дело, которое я задумал, чтобы возвеличить Спарту…Спроси об этом Аполлона.

Наступило долгое молчание. Все время, пока оно тянулось, Леонид напряженно вслушивался и жадно ловил каждый вздох, доносившийся из пещеры. Наконец из адитона послышалось тихое завывание, оно постепенно усиливалось, а затем вдруг перешло в смех. Пифия смеялась! Затем все снова стихло и только сладкий запах, доносившийся из адитона, опять стал обволакивать Леонида, затуманивая разум.

— Грядет великая битва, — взвизгнула Пифия, — в которой ты победишь врагов, пришедших с востока…но грязь и смерть будут стоять за твоими плечами…

Леонид молча кивнул, он понял, о каких врагах идет речь, даже без объяснений жрецов. А грязь и смерть для него привычны.

— Что будет дальше? — негромко, но твердо спросил царь. — Пусть Аполлон предскажет мне.

Сквозь пар до Леонида донеслись рыдания. Теперь Пифия плакала. Но вскоре ее низкий голос зазвучал снова.

— Лакедемон содрогнется… — прошипела Пифия, — вся Греция содрогнется…

Леонид замер, даже затаил дыхание, отступив на шаг от пещеры. Аполлон читал в его сердце.

— Летающие змеи падут с небес на землю, чтобы сожрать потомков Геракла. Морские гады выйдут на сушу, и хаос бесконечной войны охватит ее, — произнесла Пифия и вновь перешла на крик. — Моря станут красными от крови, а пустыня соленой. Погибнут все, лишь Лакедемон устоит.

Голос Пифии внезапно ослаб, и, уже еле слышно, она произнесла:

— И тогда придет новый властелин мира и народы падут к его ногам…

Спартанский царь вновь сделал шаг в сторону адитона, словно боялся пропустить самое важное. Но Пифия больше ничего не сказала. Лишь тихое бормотание доносилось теперь до его слуха.

Внезапно из глубины пещеры появился Эврип.

— Аполлон сказал свое слово, — произнес жрец, глядя в глаза Леониду, — оракул с толкованием ты получишь сегодня же вечером.

Потрясенный Леонид отступил на шаг, сжимая в руках шлем. Ему и так было все ясно. Бог утвердил его в том, что следовало сделать.

Часть первая

Глава первая «Тайфун» работает

БТР на полном ходу проехал через открытые охранниками ворота «шлюза», ворвался на территорию тюрьмы, взял влево и оказался на плацу, до отказа забитом разбушевавшимися зэками. Увидев мчавшийся прямо в толпу на полной скорости БТР спецназа «Тайфун», знакомый многим из них не понаслышке, взбунтовавшиеся бросились врассыпную. В этот момент с башни БТРа в воздух прострекотала короткая пулеметная очередь, добавившая зэкам прыти. Словно тараканы, они стали забиваться во все щели, расталкивая друг друга, ломиться в двери бараков, карабкаться по обледеневшим настенным лестницам, рискуя сорваться вниз. Бунт бунтом, а жизнь была дороже.

— Полегче, Колян, — предупредил стрелка в башне командир, сидевший внизу, — не зацепи кого-нибудь.

И добавил, процедив сквозь зубы: «раньше времени».

— Да я в воздух, — отмахнулся Колян, разворачивая тяжелую машину, — больше для острастки.

За первым БТРом на территорию взбунтовавшейся в Ленинградской области тюрьмы въехали еще три, остановившись на расчищенном плацу.

— За мной, — приказал командир группы лейтенант Широкий[9] и, перехватив огромной ладонью автомат, первым выпрыгнул наружу через открывшийся люк. Вторым на плац спрыгнул рядовой Пархоменко, инструктор-подрывник штурмового отряда. Третьим Тарас Черный, крепко сжимая автомат и озираясь по сторонам, — как ни крути, а первый «боевой» выезд после армии и зачисления на службу в «Тайфун». За ним из бронированного чрева машины посыпались остальные спецназовцы.

Не прошло и десяти секунд, как на плацу оказались четыре группы, в каждой по семеро бойцов. Окинув тяжелым взглядом быстро опустевший плац, лейтенант Широкий приказал, слегка повысив голос и не трогая рацию, торчавшую из кармана бронежилета.

— Чемизов и Кардыба берут второй и третий бараки, Семенов первый, за мной четвертый. Все. Начинаем зачистку.

Командиры подразделений молча кивнули и разбежались со своими группами по указанным направлениям. Они были отлично знакомы с расположением бараков в этой зоне, где им уже приходилось бывать. Гнилая была зона. Неспокойная. Ее на бунт поднять, как два пальца испачкать. Но это было лет десять назад, как рассказывали Тарасу опытные бойцы по дроге сюда. А с тех пор, как «Тайфун» пару раз навестил этот адрес, зэки немного присмирели. Почти половина отправилась залечивать случайные раны, переломы и сотрясения мозга в медицинский изолятор, где долго потом добрым словом вспоминала бойцов, которые помогли им откосить от тяжелых работ.

Но эти предания Тарас слушал вполуха. Он, конечно, отслужил срочную в десантуре, имел черный пояс по карате и боксировал на разряд. Но все-таки зону усмирить — это не на ринге выстоять три раунда. Здесь — бои без правил. А положенный курс молодого бойца после отбора и зачисления в «Тайфун» он едва успел пройти до конца, как случилась эта заварушка.

---

[9] Все совпадения имен персонажей с реальными людьми случайны.

Вот и сейчас, топая подкованными берцами[10] по асфальтированному плацу к бараку, где зэки уже успели забаррикадироваться, Тарас подумал, что восемь человек против сотни разъяренных зэков это как-то маловато. «Держись за спиной бывалых, — приказал лейтенант Широкий, назначая его в группу, — и все будет пучком. Главное, на первом выезде не проворонь перо под ребро и не пристрели кого-нибудь сдуру. Это тебе не армия. А потом привыкнешь».

И Тарас бежал за спинами бывалых бойцов, на каждом из которых кроме шлема, бронежилета и автомата было навешано много всяких приспособлений, нужных для быстрого вскрытия закрытых дверей и «вырубания» большого количества людей в тесном помещении. Светозвуковые гранаты «Заря», например, лишавшие всех, кто оказался рядом, зрения и слуха почти на пятьдесят процентов. Газовые и дымовые шашки. А чего стоил один только нож-тесак с широким лезвием, похожий на мачете и лопату одновременно. Им можно было делать все: и зэка резать, и решетку пилить, и банку тушенки вскрыть при необходимости.

Спины бойцов штурмового отряда, маячившие перед Тарасом, были, надо сказать, широкие. Тарас и сам был не хлипкий, — метр восемьдесят пять ростом, и мышцы имелись, но эти «штурмовики» были почти под два метра. А лицом и телосложением они походили на боксера Валуева, хотя тот против них казался просто бледной немочью. Особенно против Вадика, большого специалиста по рукопашному бою и холодному оружию. Вадик своим тесаком мог так виртуозно порезать костюм на человеке — на ленты весь распадется, а сам без царапины останешься.

Поначалу Тараса из-за его роста чуть не обидели — хотели зачислить в снайперы или в подрывники, — туда брали толковых ребят пониже ростом. Но стрелок из Тараса оказался не лучший, да терпения и усидчивости не хватало, чтобы научиться минному делу. А вот подраться, кулаками помахать, «помесить» кого-нибудь от души, это он любил. Да еще чтобы противник с ножичком в руках был, так интересней. Адреналин прет, когда у тебя перед глазами сталь сверкает.

Но «бывалые» бойцы «Тайфуна», не один раз смотавшиеся в чеченскую командировку, уже успели объяснить ему, что это все ребячество. Настоящий адреналин там, на войне. Правда, если с первого раза не получилось, то второго может и не быть. Но Тараса и это не останавливало. Он был не прочь съездить на войну, подставить свою буйную голову под пули горцев. В мирное время жизнь для него казалась скучной. Потому, видно, едва вернувшись из армии, сразу принялся искать себе занятие по душе. Чтобы повоевать можно было хоть иногда. И, похоже, нашел.

Дверь в барак оказалась завалена изнутри.

— Всем отойти от двери! — рявкнул Широкий так, чтобы его и без «матюгальника» услышали зэки, и, не заботясь больше об этом, приказал: — Пархоменко, работай.

Боец привычным движением выхватил из кармана лифчика[11] кусок пластиковой взрывчатки, воткнул в нее короткий шнур, прилепил на дверь, поджег и отскочил в сторону. Все остальные тоже прижались к стене. Взрывом металлическую дверь сорвало с петель и вдавило в тамбур. Но она не упала, лишь опрокинулась. Дав очередь в воздух, бойцы посыпались внутрь, перемахивая через столы и шкаф, подпиравшие дверь с той стороны. Но зэки уже отошли дальше, спрятавшись за следующей дверью тамбура. Оттуда слышались пьяные голоса, поносившие «Тайфун» на все лады. Видно, отступать дальше было некуда. Готовились дать последний бой «ментам поганым».

Когда дым рассеялся, пробравшийся в тамбур Тарас увидел в дальнем углу мертвого

---

[10] Берцы — высокие шнурованные ботинки из кожи.

[11] Лифчик — так в просторечии называют разгрузочный жилет бойца спецназа, предназначенный для равномерного распределения веса боевого снаряжения.

охранника в камуфляже. Решив, что его случайно убило взрывом, он насторожился. Но, присмотревшись, увидел лужу крови, натекшую из рваной раны на шее. Кровь уже запеклась, хотя труп был недавний.

— Чем это они его? — спросил Тарас у Вадика, тоже смотревшего на мертвеца. — Ножом?

— Каким ножом, дурик, — просветил новобранца Вадик, — зэку заточенной ложки хватит, чтобы тебя на тот свет отправить.

— Вот суки, — сплюнул Тарас, покрепче сжимая автомат.

— Так-то, брат, — кивнул головой Вадик и добавил громко: — Тут не зевай. Мочи всех, кто подвернется.

Тарас бросил короткий взгляд на командира, стоявшего в двух шагах, но тот ничего не сказал. Видно, ситуации и в самом деле бывали разные.

Второй взрыв произошел без предупреждения. На сей раз Пархоменко удвоил заряд, и дверь вышибло так, что придавило двух зэков, слишком близко подошедших к баррикаде из тумбочек и стульев. Ворвавшиеся под стрельбу в потолок спецназовцы прошлись по ним сверху, не обращая внимания на стоны придавленных, и сразу набросились на особо буйных, которые стояли в первой шеренге. Было их десятка два, судя по рожам, все обкуренные, с ножами и железными прутьями. Остальные орали из-за их спин до тех пор, пока «Тайфун» не начал работать по-настоящему. В близком контакте, прижимая к койкам.

Тарас, хоть и передвигался во второй шеренге, тоже быстро вошел в раж рукопашной. Убивать даже тех, кто бросался на тебя с ножом, было запрещено. Только в крайнем случае. И все же наступление нескольких человек в бронежилетах на сотню пьяных и обкуренных зэков, которым было нечего терять, выглядело даже для недавнего десантника диким.

Услышав пальбу, многие зэки попадали на пол, отползая в дальний конец барака. Но зачинщики продолжали драться со спецназовцами, стремясь задавить их числом и посадить на перо. Этот номер не прошел. Вадик и трое бойцов, дав пару очередей в потолок, быстро разворотили прикладами несколько подвернувшихся челюстей, пинком ноги отправляя бунтарей в нокаут. Еще двоим, бросившимся на него с заточками, Вадик безжалостно сломал ноги, вмазав подошвой ботинка по коленям.

Тарас тоже предпочитал работать прикладом автомата, не выпуская его из рук. Так он вырубил двоих урок, прыгнувших на него с арматурой. Увернувшись от первого удара, он въехал ботинком в промежность нападавшему, — лысому и голому по пояс детине, тело которого было синим от наколок, — заставив его позабыть обо всем на свете, и свалиться с диким воем, зажав руками свое раздавленное хозяйство. Второму Тарас засадил под ребра прикладом, а когда тот задохнулся от боли, добавил еще удар в лоб. Выронив арматуру, зэк завалился на спину и пропал за потными телами своих сокамерников, сгрудившимися между коек.

Это наступление в центре быстро прорвало оборону, и вскоре «заградотряд» четвертого барака валялся на полу, стоная на все лады. Но «Тайфун» продолжал зачистку. Вадик и остальные бойцы месили зэков, больше не прибегая даже к устрашающим выстрелам до тех пор, пока в плотной толпе заключенных не появилась просека до самого конца барака. А все, кто попытался оказать хоть какое-нибудь сопротивление, были заботливо уложены мордой в пол и приласканы прикладом по голове. Глядя на них сзади, Тарас, которому лейтенант после успешного наступления приказал охранять дверь, подумал, что Вадик вел себя как настоящий цепной пес, который получил команду «фас» и теперь не остановится, пока не отметелит всех, кто встал у него на пути. И количество врагов не имело значения. Сто их там или двести. Не важно. Он молотил зэков без страха и устали, даже с каким-то особым удовольствием.

— Хорошо сработали, быстро, — заметил лейтенант Широкий, осмотрев поле битвы, оставшееся за спецназом. — Даже газ не пришлось использовать. Размялись, да и только.

Прогулявшись между койками, он приказал:

— Особо буйных спеленать и в карцер.

— Да им скорее больничка понадобится, — усмехнулся Вадик, пнув носком ботинка одного из местных паханов, — буйных мы всех уже научили жизни. Век не забудут.

Широкий прислушался к стонам, доносившимся изо всех углов захваченного барака, удовлетворенно кивнул и выхватил из кармана рацию, вызывая остальные группы.

— Второй, третий, как дела?

— Все в норме, зэки упакованы, — прохрипела рация голосом Чемизова.

— Заканчиваем, — вышел на связь Кардыба.

Из рации еще доносились вопли и редкая стрельба.

— Семенов, у тебя как?

— Тоже порядок.

— Отлично, — кивнул лейтенант, — вызываю внутренние войска. Нам здесь больше делать нечего.

И направился к выходу, приказав Тарасу и остальным покараулить до подхода ВВ зэков, которые и так уже потеряли всякое желание сопротивляться, и лишь тихо матерились, лежа мордой в пол.

Операция быстро закончилась, но Тарас был доволен, подраться удалось на славу, адреналин пер через край.

— Лежать, суки! — крикнул он, увидев, что один из зэков попытался приподняться. — Кто поднимет голову, мозги вышибу.

И даже выпустил пару патронов в потолок.

— Полегче, браток, — успокоил его Вадик, оказавшийся рядом, — боевиков насмотрелся? Патроны береги.

Вскоре снаружи раздался топот сапог, и в барак ворвались солдаты внутренних войск, охранявших периметр тюрьмы. А спецназовцы, передав им усмиренных бунтарей, медленно направились к выходу с чувством выполненного долга.

— Ну что, — хлопнул Тараса по плечу здоровяк Вадик, — сейчас к БТРам, по городу с ветерком до Ладожской прокатимся. Сдадим смену и по рюмашке. Ты проставляешься. Первый выезд, да, боец?

— Согласен, — кивнул Тарас, повесив автомат на плечо и расстегнув ремешок шлема, — можно и обмыть. Хорошо размялся. Жаль, быстро все закончилось.

— В нашем деле, — назидательно проговорил Вадик, — быстрота — признак профессионализма.

И бойцы ленивой походкой направились к БТРам, стоявшим в центре плаца, по которому разбегались в разные концы зоны отряды ВВ с «Калашами» наперевес. Бунт был подавлен.

Однако сразу покинуть усмиренную зону им не удалось. Едва взвод приблизился к своему командиру, как рация в его кармане снова хрюкнула, и прапорщик Кардыба доложил:

— Есть проблемы, командир.

— Ну что там у тебя? — нехотя откликнулся Широкий.

— Часть зэков, человек десять, забаррикадировалась на чердаке барака, — сообщил Кардыба, — ну этих мы сами выкурим. А еще пятеро отморозков захватили врача. Заперлись в санчасти.

— Так, — недовольно протянул лейтенент, — захват заложников. Чего требуют?

— Пока ничего, молчат. Засели на третьем этаже. Окна завесили одеялами, ни хрена не видать.

— Ясно, — подытожил Широкий, — ты там своих дорабатывай, а заложниками я займусь.

— Сделаю, — подтвердил прапорщик и отключился.

А Широкий, глянув в серое полуденное небо, снова включил рацию.

— Полковник Стеценко?

— Я, лейтенант, что у вас происходит? — отозвался басом полковник.

— Захват заложников.

— Какой захват? — удививился полковник. — Мне только что доложили, якобы бунт в моей зоне подавлен.

— Бунт подавлен, — не стал спорить Широкий, — но несколько зэков заперлись в санчасти, прихватив с собой вашего врача.

— Кирилла Степановича? — напрягся полковник.

— Короче, мне нужна пожарная машина из вашей части и крепкая цепь или веревка, чтобы смогла выдрать решетку. Подгоните ее тихо к первому бараку. Остальное — наша забота.

— Сделаем, — подтвердил полковник, — только вы там поосторожнее, лейтенант.

— Не впервой, — отмахнулся Широкий, но, поразмыслив, добавил: — Думаю, сейчас они начнут выдвигать требования. Будьте готовы вызвать родственников этих зэков для переговоров.

— Но я же не знаю, кто там?

— Тогда подходите сюда, — отрезал лейтенент, — вместе и узнаем.

— Добро, — согласился Стеценко.

Закончив переговоры с начальником охваченной бунтом зоны, командир группы «Тайфун» обвел взглядом своих солдат, куривших по случаю заминки у БТРа, и приказал немедленно отправляться к первому бараку, осмотреться.

Однако не успели бойцы пройти и десяти шагов, как откуда-то сверху раздались выстрелы и вопли. Подняв глаза, удивленный Тарас увидел, как по крыше третьего барака бегут сразу трое зэков, на каждом из которых было надето аж по несколько ватников. А за ними несется здоровенный боец, размахивая тесаком.

— Это кто такой? — уточнил Тарас, обернувшись к Вадику.

— Это Мишка, мой друган, — охотно пояснил Вадик.

— А зэки куда бегут? — не понял Тарас, глядя, как мужики в ватниках стремительно приближаются к самому краю покатой крыши барака, которая нависала над асфальтированным плацем на уровне третьего этажа.

— Им проще самим прыгнуть, — озвучил ситуацию Вадик, — видать, достали они Мишку. Ему лучше под горячую руку не попадаться.

Если бы Тарас не видел этого собственными глазами, то никогда не поверил бы. Добежав до самого края, зэки, не раздумывая, сиганули вниз. Туда, где виднелась размокшая от ноябрьской оттепели клумба. Двоим повезло. Они сломали только ноги, приземлившись на мерзлую землю. Третий спрыгнул прямо на асфальт и, похоже, повредил позвоночник. Орал он страшно. Но по всему чувствовалось, что Вадик не соврал, — зэки предпочитали добровольно спрыгнуть с крыши, чем попасть под раздачу разъяренных бойцов «Тайфуна». Дешевле выйдет.

— Пойдем, — подтолкнул его Вадик, скользнув безразличным взглядом по валявшимся на асфальте зэкам. — Эти уже никуда не убегут. А нам пора приказ выполнять.

Глава вторая

Собравшись без приключений до первого барака, стоявшего у дальней стены зоны, они сразу заметили по соседству здание трехэтажной тюремной больницы, где зэкам не давали раньше времени закончить свою прожженную жизнь. Окна третьего этажа с наполовину разбитыми стеклами действительно были завешены одеялами. Вернее, это был не целый этаж, а скорее его часть, похожая на широкую башню, зарешеченные окна которой выходили на широкий балкон.

Пока бойцы присматривались к обстановке, подъехала пожарная машина со стороны, невидимой бандитам. А вскоре, ни от кого не скрываясь, подкатил БТР лейтенанта Широкого. Взвизгнув тормозами, тяжелая машина остановилась. Из открывшегося люка выскочил лейтенант «Тайфуна», а вслед за ним показался дородный полковник Стеценко. Его большой живот сильно распирал форменный китель и распахнутую шинель, отчего

полковник казался Тарасу немного беременным.

Лейтенант достал из бронемашины громкоговоритель, в просторечии «матюгальник», и начал переговоры.

— Меня зовут лейтенет Широкий, спецназ «Тайфун», — рявкнул он так, что эхо разлетелось над всей зоной, — предлагаю вам отпустить заложников и сдаться, пока есть шанс остаться в живых.

— Пошел в жопу, чмо! — раздался крик с «башни», при этом край одеяла на одном из зарешеченных окон откинулся, и за ним на мгновение показался бритый наголо заключенный с широким лицом. — Клал я на твой «Тайфун» хер с прибором!

— Заметили? — обернулся Широкий к полковнику, когда край окна снова задернули одеялом.

— Да, — кивнул тот, — это Озогин, рецидивист, пробу ставить негде. Убил троих, прежде чем попасть к нам. Да еще и наркоман.

— Родственники есть?

— Мать-старушка. Она, кстати, под Питером живет, недалеко отсюда.

— Ясно, значит местный. Это хорошо. Немедленно отправьте за ней.

— Вряд ли поможет, — протянул полковник, — он отмороженный, больной на всю голову. Но все же шанс есть.

— Везите быстрее, — повторил лейтенент, — а я пока потяну время и подготовлюсь к штурму.

Полковник отошел и, жестом подозвав помощника, отправил его за матерью Озогина, за которой из зоны немедленно выехал милицейский УАЗик с мигалкой.

— Чего вы хотите? — попытался наладить контакт лейтенант «Тайфуна», одновременно дав знак своим подчиненным действовать.

Никто из них, кроме Тараса, не нуждался в дополнительных указаниях. План «Освобождение заложников» отрабатывали неоднократно. А поскольку архитектурно зоны в России не очень сильно отличались, то и варианты проникновения в здание все были похожи.

— Наркоты давай, ширева не бадяжного, — выдвинул первое требование Озогин, бывший в этой компании за пахана, — водки ящик, денег пятьдесят лимонов деревянных и вертолет, чтобы прямо здесь сел.

Витек молча указал остальным на лестницу, которая вела вдоль задней стены санчасти до самой крыши, и кивнул Тарасу, чтобы тот остался внизу прикрывать дверь. Предварительно вытащив из чрева БТРа веревки и обвязки альпинистов, спецназовцы двинулись в обход здания по дальней стене первого барака.

— Наркота у тебя в санчасти есть, — предположил Широкий.

— Нету тут ни хрена, — завопил зэк, — тащи быстрее, ломает меня уже. Сейчас доктора вашего порешу.

— Ладно, не суетись, наркоту сейчас получишь, — согласился лейтенант и, бросив взгляд на стоявшего рядом под прикрытием брони БТРа полковника Стеценко, вполголоса добавил, прикрыв рукой громкоговоритель: — Надо. Пару шприцов. Выиграем время.

— Негде взять, — ответил тот, нахмурившись, — да и нельзя. Запрещено, что бы ни случилось. Водку и деньги еще можно попытаться привезти.

— Ладно, — в свою очередь кивнул Широкий, — давайте водку хотя бы. А насчет остального пускай помечтает немного. Все время пройдет.

Полковник, подозвав второго адъютанта, приказал раздобыть в срочном порядке все, что требуется. Пробравшись сквозь оцепление из бойцов ВВ, адъютант исчез, а появился минут через пятнадцать с небольшим свертком, протянул его своему начальнику и жестом дал понять, что в нем три бутылки. Полковник передал пакет Широкому, который все пятнадцать минут «беседовал» с зэками, делая вид, будто решает вопрос.

— Вертолет я тебе найду, — вещал Широкий на всю тюрьму, краем глаза наблюдая, как спецназовцы, надев обвязки и закинув на шею веревки с крюками, осторожно

приближаются вдоль стены к лестнице, — но два лимона баксов так быстро не собрать. Мне нужно разрешение начальства и время.

— Да мне насрать, — орал Озогин, — я сейчас доктору горло вскрою и все.

— Подожди, — крикнул в мегафон лейтенант, — оттяг тебе привезли, чтобы ждать веселее было. Сам заберешь или тебе принести?

— Всем стоять на месте! — крикнул Озогин. — Сам спущусь.

Спустя пару минут железная дверь в санчасть на первом этаже приоткрылась, но на пороге возник не Озогин, а другой зэк.

— Тащи сюда ширево, — крикнул он в щель, — только медленно, а то доктора враз порешим.

Широкий глянул на полковника и подозвал одного из бойцов ВВ, передав ему пакет.

— Отнеси, только тихо, руками не дергай. Отдай и спиной назад, пока дверь не закроет. Понял? Оружие оставь здесь.

Боец кивнул. Положив автомат на передок БТРа, солдат взял пакет и осторожно подошел к дверям санчасти.

— Кидай под ноги, — приказал зэк.

Солдат осторожно положил тяжелый пакет на землю перед зэком.

— Всем стоять, не дергаться, — прикрикнул на солдат зэк и, быстро схватив пакет, скрылся за дверью.

Наблюдавший всю эту картину из-за края первого барака Тарас, которого оставили прикрывать нижнюю дверь, пожалел, что он не снайпер. Зэк раскрылся, и его можно было бы легко снять. Снайперы на крыше были. И без Тараса разобрались бы, но выстрела не последовало. У Широкого, видно, имелись другие планы.

— Второго видели? — уточнил лейтенент.

— Видел, — кивнул полковник, — но не помню, кто такой. Озогин — известная личность. А этот так, шелупонь. Я же не всех зэков поименно знаю.

После того, как дверь в санчасть закрылась, снова наступила тревожная тишина.

— Ну, получил чего хотел? — уточнил лейтенент, выждав минуту.

— Да тут только водяра, — возмутился Озогин, снова оказавшийся у окна, — А че так мало, начальник? Наркота где?

— Сейчас будет, — тянул время Широкий.

К штурму все было готово. Бойцы, неслышно пробравшиеся вдоль стены и вскарабкавшиеся на самую крышу, уже закрепились и дали знак, что можно работать по окнам. Снайперы засели на крыше соседнего барака. Тарасу предстояло перехватить зэков, если те вдруг вздумают прорываться через дверь. Оставалось подогнать пожарную машину и прикрепить веревку к решетке окна, закрытого одеялом. Водитель уже собирался подъехать задним ходом, но лейтенант, оглянувшись назад, заметил, как на территорию зоны въезжает милицейский УАЗик, и дал отбой. «Тайфуновцы» замерли в ожидании, слившись с крышей.

Адъютант Стеценко вывел из машины мать рецидивиста, сухонькую старушку лет семидесяти в сером пальто, и подвел ее к БТРу.

— Ну что там еще, прости господи, мой сынок натворил? — спросила старушка. — Ему ж еще пять годков сидеть.

Посмотрев на слезящиеся от ветра глаза матери Озогина, лейтенант быстро понял, что сына своего она и без суда осудила. Вряд ли он ее послушает. Но этот шанс тоже надо было использовать.

— Во время бунта он захватил в заложники доктора и грозится его убить, — коротко сообщил Широкий, протягивая ей мегафон. — Поговорите с ним, может, одумается. А если нет, то придется штурмовать. Вообще погибнуть может.

Старушка неловко взяла двумя руками мегафон и тихо произнесла:

— Сынок, одумайся. Сколько жизней уже загубил, все мало тебе.

— Суки, мать зачем привезли! — взвыл Озогин, подпрыгнув к окну и отодвинув край одеяла. — Уберите ее отсюда, не буду с ней говорить! Я же сказал, начальник, бабло давай и

вертолет! И еще автомат мне дайте. А не то кончу доктора.

— Сынок… — попыталась повторить свою просьбу мать.

— Пошла отсюда, — заорал на нее «сынок», — ты мне и так всю душу вымотала, стерва…Наркоты давай, начальник!

Мать от страха присела и выронила мегафон, который лейтенант успел подхватить у самой земли.

— Все, — решился Широкий, бросив взгляд на полковника, — уведите мать, это не поможет. Начинаю штурм. Дальше ждать нельзя.

Он подал сигнал снайперам, и грохнул короткий выстрел. Озогин, до сих пор изрыгавший проклятия на голову ментов, рухнул навзничь, судорожным движением сорвав одеяло с окна.

Тотчас заревел двигатель, и пожарная машина рванулась вперед, вырвав решетку сразу на двух окнах со стороны первого барака. Незадолго до этого «тайфуновцы» уже успели ее аккуратно прицепить. Тотчас раздался взрыв, которым была подорвана небольшая дверь, которая вела в помещение с балкона. А сверху по веревкам скатились двое бойцов, один из них был Вадик, как показалось Тарасу, наблюдавшему за штурмом снизу. Дав очередь поверху, они швырнули в помещение какой-то цилиндр, который громыхнул так, что повылетали все стекла. Кроме мощного звука взрыв сопровождался такой яркой вспышкой, что даже Тарас зажмурился, а что стало с теми, кто был в помещении, можно было только гадать.

«Заря» сработала, подумал Тарас, сжав автомат. Но потом опустил, — он был уверен, что снизу никто прорываться не будет. После применения этой светозвуковой гранаты в помещение можно входить спокойно: никто и не подумает сопротивляться. Не до того. Там сейчас все ослепшие и оглохшие.

Никакой стрельбы больше не было. Ворвавшись сквозь окна и вынесенную дверь, спецназовцы немного поорали на зэков, попинав и придавив их к полу. А когда суматоха улеглась, Тарас с удивлением увидел, как Вадик, взяв одной рукой за ремень довольно массивного мужика, как котенка за шкирятник, перекинул его через подоконник на балкон. Затем перелез сам, снова приподнял его, поставив на ноги и, развернув лицом к наблюдателям, крикнул:

— Этот, что ли, ваш доктор?

— Да, это он, — ответил полковник, — жив?

— Вроде жив, — неуверенно заметил Вадик, посмотрев на еле стоявшего на ногах мужика в белом халате, который тер себе глаза и уши ладонями, не понимая, что с ним происходит.

— Ладно, спускай вниз заложника, как в себя придет, — приказал Широкий и добавил: — Только сначала зэков давай.

Вадик исчез в окне, утянув с собой доктора, все еще не понимавшего, где он находится. А вскоре по металлической лестнице загрохотали ботинки спецназовцев, и в открывшуюся дверь вылетел первый зэк. Открыл он ее, похоже, лбом. Перекувырнувшись через голову, зэк затормозил тем же лбом об асфальт, да так и остался лежать. Но Вадика это ничуть не разжалобило.

— Вставай, гнида, — ласково проговорил он, приближаясь к валявшемуся у выхода телу в ватнике, — руки за голову и вперед ножками. Заждались тебя уже охранники.

Повторять не пришлось. Зэк вскочил, как ошпаренный и, несмотря на то что был слегка контужен, бодро зашагал к оцеплению из солдат внутренних войск. Вслед за первым показались остальные, каждого из которых конвоировал спецназовец. Труп Озогина оставили наверху. Пуля снайпера угодила в плечо, но ему хватило. Умер от потери крови.

Когда, передав зэков новым конвоирам, «Тайфуновцы», среди которых был и Тарас, потянулись к своим БТРам, Широкий снова обернулся к полковнику:

— Ну если еще какой шум случится, зовите. Приедем быстро.

— Теперь не скоро, думаю, — ухмыльнулся Стеценко, запахивая шинель, — надолго

присмиреют. Хорошо поработали, лейтенант.

— И то ладно, — кивнул Широкий и запрыгнул в бронемашину, — а после хорошей работы нам тоже отдых полагается.

Выехав на шоссе, водитель нажал на газ, и БТР, несший в своем чреве всех бойцов, без потерь возвращавшихся на базу, развил приличную скорость, распугивая и даже обгоняя иномарки. Тарас, сняв шлем, расслабленно покачивался на своей скамейке, слегка сожалея, что не удалось поучаствовать в захвате заложников. Все сделали за него «бывалые».

— Вадик, — позвал командир соседа Тараса, — ты чего там, не мог аккуратнее с заложником сработать? Того и гляди, начальник зоны на нас телегу напишет за превышение.

— Так никто же не пострадал, — искренне удивился Вадик. — Почти. За что телегу писать?

Лейтенант безнадежно махнул рукой и замолк, прислонившись спиной к стене.

— Эх, — раздался рядом грустный вздох Вадика, толкнувшего Тараса в плечо.

— Раньше веселее было, — сообщил боец под шум мотора, — раньше можно было зэков месить почем зря. А теперь чуть что — телегой грозятся, будто я с бабами дело имею. Да на этих урках крови столько, что к стенке можно ставить не задумываясь, а мы с ними цацкаться должны. Тьфу.

Чтобы просто попасть в спецотряд «Тайфун», приписанный к ведомству ГУИН,[12] Тарасу пришлось пройти неслабый отбор. Туда брали далеко не всех желающих, а только лучших, да и то просеивали через мелкое сито.

Во-первых, нужно было иметь хорошую физическую подготовку и разряд не меньше КМС по какой-нибудь борьбе, карате или другому боевому искусству. Во-вторых, брали только отслуживших в армии, желательно в морпехах, десанте и других боевых частях активного нападения. По этим параметрам Тарас подошел. Приветствовалась служба в горячих точках, поскольку с некоторых пор «Тайфун» начал регулярно ездить в чеченские командировки. Чечни у Тараса в активе еще не имелось. Но, к счастью, этот пункт в анкете был не обязательным.

После зачисления в молодые начались мощные, но привычные недавнему десантнику тренировки: физподготовка в зале, где Тарас должен был подтягиваться, как акробат, и жать штангу весом не меньше собственного. Бег с полным боекомплектом, стрельба из всех видов оружия, вождение автотранспорта по городу и пересеченной местности. Причем под транспортом понимались не только обычные машины, но и грузовики, амфибии, а также БТР, бульдозеры и трактора. Затем начались тренировки по рукопашному бою просто на кулаках, а также с применением ножей, лопат, топоров, арматуры и другого холодного оружия, которым могут вооружиться восставшие зэки.

Рассматривая на тренировке имевшийся в распоряжении спецназа арсенал холодного оружия, не уступавший набору ниндзя, Тарас вспоминал, как приходится выкручиваться обычным ментам в уличных драках с разъяренной толпой. Один из его друзей как раз служил в таких подразделениях и рассказывал Тарасу, что промышленность могла им предложить только серию из трех дубинок без ручки, с ручкой и стальным шариком внутри — под оригинальным названием: изделие «Аргумент один», «Аргумент два» и соответственно «Аргумент три».

У «Тайфуна» таких аргументов в борьбе с зэками было гораздо больше. Немного повеселила Тараса тогда история с наручниками, которые имели более эротическое название, чем дубинки. Обычные «браслеты», которые имелись у каждого постового, с любовью были названы разработчиками «Нежность один». Эта «Нежность» открывалась, при некоторой сноровке, обычной булавкой. Более тяжелые и узкие, имели кодовое обозначение «Нежность два», а вместо ожидаемой «Нежности три» на вооружении у оперов стояли миниатюрные наручники под названием «Краб», в которые помещались только большие пальцы рук. В

---

[12] Главное Управление Исполнения Наказаний (в данном случае по Санкт-Петербургу и Ленобласти).

отличие от первой «Нежности», выпутаться из объятий этого «Краба» было вообще невозможно. Разве что отрезать пальцы.

Прочли Тарасу и общий курс подрывного дела, а также ознакомили с самыми ходовыми ядами и газами, без которых при подавлении бунтов в зонах и колониях обходилось редко. Побегал боец и посидел в противогазе, который тоже приходилось использовать в работе. Если бы пошел в подрывники, то узнал бы гораздо больше, но его специализация внутри отряда скоро определилась — штурмовик, хоть он и не дотягивал по массе до основных бойцов. Но в снайперы и подрывники не годился.

Кое-что из увиденного на новой службе новостью для Тараса не стало, — в десантуре тоже не даром хлеб ели. Были еще собачки, но к животным Тарас относился спокойно. Без энтузиазма. Тем более что к местному собаководу Толику часто с гражданки приводили совершенно бешеных собак, вразумить которых, по мнению Тараса, не представлялось никакой возможности, только усыплять. А он их брал. И псы служили исправно. Правда, ходил Толик вечно покусанный своими же питомцами, из которых особенно любил алабаев.

Незадолго до окончания КМБ Тарасу пришлось выдержать жесткий, но простой экзамен. Он должен был отстоять на ринге несколько боев подряд против «бывалых» спецназовцев, причем независимо от весовой категории.

— Победить невозможно, — успокоил его перед началом этого избиения младенцев лейтенант Широкий, — твоя задача выстоять. Сколько сможешь. Противники будут сменяться, ты будешь один. Бить будут до тех пор, пока не ляжешь. Вот и весь экзамен. Выдержишь, — будешь служить здесь. Нет, — нам слабаки не нужны.

Выходил на ринг Тарас с куражом, показать хотел всем «бывалым», что и он не лыком шит. Первые два боя провел неплохо, прыгал и активно работал ногами. Одного противника даже пару раз запинал в угол ринга. Но, начиная с третьей схватки, стал уставать. Бойцы всякий раз выходили против него свеженькие, да и весил каждый потяжелее. Четвертым вышел тогда еще малознакомый Вадик и месил новобранца минут пять с большим удовольствием. Тарас только успевал голову прикрывать, но Вадика вполне устраивали его почки и печень, которые тот методично взбадривал отточенными ударами, казавшимися изможденному Тарасу ударами кувалды. Сам же Вадик, похоже, вообще не чувствовал боли. Даже пропущенные от терявшего на глазах силы новобранца удары отчаяния в нос, из которого потекла кровь, в ухо и по ребрам Вадик даже не заметил. Ему это было, что слону дробина.

А когда вдоволь оттянувшегося спецназовца сменил его друг Мишка, тоже большой любитель холодного оружия, для новобранца наступил переломный момент. Его ребра трещали, проходя проверку на прочность, голова гудела, превратившись в наковальню, а сам он как тяжелый боксерский мешок летал из конца в конец ринга, пока не рухнул навзничь, потеряв ненадолго сознание. А когда очнулся, облитый из ведра холодной водой, и выплюнул два зуба вместе со стаканом крови, к нему приблизился лейтенант Широкий и сказал.

— Ну что же, для новобранца неплохо. Потянет.

И ушел. А Тарас опять отъехал ненадолго в мир Морфея, не в силах бороться с болью. Лечился он потом целую неделю, но на ходу. Никаких поблажек в виде отдыха или бюллетеня по временной нетрудоспособности ему не предложили. Зато едва оклемался после экзамена, как его стали лечить от страха смерти. Доходчиво вдалбливать в его тупую башку почти что кодекс самураев.

Еще когда до армии занимался карате, Тарас почитывал из интереса всю эту лабуду про самураев, но не очень увлекался, поскольку местные сенсеи, в отличие от японских, упирали больше на практику, а теорию давали в сжатом виде. Мол, кто захочет стать самураем, тот сам прочитает в книжке, как этого добиться. И Тараса, как и многих, это устраивало. Он больше предпочитал тянуться, качаться и биться в спаррингах, нарабатывая рефлексы, чем вникать в то, как должен вести себя настоящий самурай перед лицом смерти и на кой хрен вообще существуют все эти мудреные упражнения и растяжки.

За время службы в десанте Тарас кое-чего понахватался из практики и теории единоборств и работы с холодным оружием. Парень он был смышленый, хотя и буйный. Еще в школе учителя нахваливали, особенно за врожденную склонность к изучению иностранных языков. Они ему давались легко, на слух Тарас запоминал текст целыми страницами. Но это было по молодости, а потом, к восьмому классу, улица взяла свое. Забил Тарас на учебу, вместо которой все чаще стал принимать участие в дворовых столкновениях и даже угодил в милицию разок. Если бы не армия, то неизвестно, где бы сейчас находился. Может, среди тех, кого собирался теперь усмирять.

В армии, однако, когда выпадали редкие свободные минутки, Тарас больше старался теорию подтянуть, руками махать он научился уже сносно. Однажды даже зашел в библиотеку и от нечего делать прочел почти весь учебник по истории Древней Греции, — про самураев ничего не нашлось. Но книга была красивая, с картинками, на которых мужики в доспехах не хуже самураев рубили друг друга на куски здоровенными мечами и пронзали острыми копьями. В общем, как уяснил себе Тарас, греки владели холодным оружием не хуже японцев, а лучшими среди них считались спартанцы. Эти ребята Тарасу сразу понравились. Дрались они часто, смолоду и до самой смерти, отправляя к праотцам многих врагов и даже собратьев, не успевших еще задуматься о смысле жизни.

Разглядывая картинки с одетыми в красные плащи спартанцами, отражавшими нападение афинян, Тарас вдруг поймал себя на мысли, что и сам еще особенно не задумывался о смысле жизни. Но здесь, в «Тайфуне», ему быстро объяснили, зачем он живет. В два счета. На первой же тренировке по излечению от страха смерти, случившейся под конец КМБ. Оказалось, — он живет, чтобы умереть. Все просто.

Тренировка тоже была донельзя простой. Два бойца накинули Тарасу на шею удавку и стянули, абсолютно не переживая о том, что новобранец мог и коньки отбросить. Но спецназовцы свое дело знали. Руки ему никто не связывал, мол — сам себя контролируй. Захочешь жить, дерни и отпустим, но тогда зачет не сдал. Когда перед глазами Тараса уже поплыл туман и он решил, что его просто задушат, из тумана вдруг возник командир. Встав напротив новобранца, он стал чеканить слова, мгновенно проникавшие в самую глубину уплывающего сознания.

— Смерть — это ничто, — сообщил он Тарасу, — ты рожден для того, чтобы умереть.

Офицер замолчал на мгновение, а Тарас решил, что вдруг оглох, — такой неестественной показалась ему эта тишина. Обвившая его шею удавка чуть ослабла, пропуская глоток воздуха, а затем с новой силой затянулась.

— Ты можешь умереть в любой день, — командир вбивал слова в его мозг, словно гвозди, — и должен быть готов к этому. Ты не чувствуешь боли. Не боишься крови. Твоя задача — уничтожить врага.

Белая пелена перед глазами Тараса стала сгущаться, а ноги подкосились.

— Но, даже умирая, ты должен уничтожить своего врага, — закончил командир, приблизив свое лицо к нему.

Падая на пол, Тарас уже верил в это.

После нескольких таких тренировок он смог спокойно ходить по краю крыши высотного дома и не писал в штаны, когда изображал живую мишень для метания ножей при звуке вонзавшегося в дерево лезвия в сантиметре от головы. Нет, зомби он не стал, но эмоций в его жизни поубавилось. Точнее, они все сразу разделились на главные и второстепенные.

Свой первый день, когда Тарас явился на базу «Тайфуна», которая располагалась недалеко от Ладожского вокзала, он запомнил хорошо благодаря одному случаю. Еще не добравшись до КПП, он стал свидетелем разборки милиции и бандитов. Точнее, свидетелем того, как братки послали милиционера на три буквы за то, что тот попросил их переставить свои машины на двадцать метров в сторону. Оказалось, бандюганы не обратили внимания на то, что припарковались у самой стены колонии, где вообще была запрещена стоянка любого транспорта. Надо было им что-то срочно перетереть, и на такую ерунду они не обратили

внимания. Главное, место было тихое. Мент из охраны колонии, оказавшийся рядом, культурно напомнил им об этом, но… взаимопонимания не встретил. Резонно рассудив, что с одной дубинкой, даже без пистолета, он много против восьми мордоворотов не наработает, мент, почти догнав проходившего мимо Тараса, следом за ним вошел в КПП «Тайфуна», находившийся по соседству с колонией.

Едва войдя в помещение, сам Тарас остановился. Напротив двери сидел накаченный боец с голым торсом, в камуфляжных штанах и с ножом-лопатой на боку. Парень был просто огромных размеров. Тарасу показалось, будто вся его грудь по ширине не превосходила одной сиськи этого громилы, выражение лица которого не выражало ничего, но внушало уважение. С первого взгляда было ясно, что с таким лучше не спорить.

— Чего надо, пацан? — изрек боец, вперив в него маслянистый взгляд.

Тарас уже собирался ответить, но не успел. Его опередил появившийся на КПП обиженный милиционер.

— Здорово, Мишаня, — поприветствовал он громилу, — слушай, твоя помощь требуется. Там, в запретной зоне какие-то козлы припарковались. Совсем страх потеряли. Надо бы шугануть.

— Это можно, — ухмыльнулся Мишаня и нажал кнопку на пульте. — Але, Колян? Заводи БТР, дело есть.

На Тараса никто не обращал внимания, хотя он и успел ввернуть, что пришел поговорить насчет службы. «Обожди пока», — изрек Мишаня, оставив пост на другого бойца, а сам исчезая в проеме дверей, едва мимо КПП с грохотом проехал бронетранспортер. Заинтригованный Тарас тоже вышел на крыльцо, но успел услышать лишь скрежет сминаемого железа. А когда присмотрелся, то увидел что БТР заехал двумя колесами на капот ближнего «мерса», превратив его в смятую консервную банку.

Опешившие бандиты еще не пришли в себя, а водитель бронемашины уже вылез наружу из люка и стал весело оправдываться.

— Ну извини, братан, — развел он руки в стороны, — не успел затормозить.

— Ты че, охренел, вояка? — наехал на него один из пацанов.

— Это он зря сказал, — поделился соображениями довольный охранник колонии, стоявший рядом с Тарасом на крыльце.

Спустя пять минут два спецназовца уложили мордой в грязь всех восьмерых, одетых в шикарные костюмы, отобрали оружие и попинали немного для острастки, попросив больше не парковать машины в неположенном месте. Как бы невзначай, разворачиваясь, БТР задом слегка помял и второй «мерс».

На следующий день, когда Тарас снова пришел в расположение отряда окончательно решить вопрос, на его глазах с лестницы спустили какого-то невысокого восточного дедушку, пальцы которого были усыпаны золотыми перстнями, а грудь цепями.

— Это кто? — поинтересовался Тарас, удивленный такой бурной жизнью на КПП второй день подряд.

— Здорово, новобранец, — признал его Мишаня, снова отиравшийся недалеко от поста. — Да так, пахан вчерашних братков. Авторитет местный. Приходил нам тут предъявлять, что, мол, мы зря ребят обидели. Не по понятиям живем. Утомил меня быстро.

— Понятно, — кивнул Тарас, обернувшись на дверь, — теперь он вряд ли еще раз придет договариваться. Ну показывай, где тут у вас раздевалка.

Глава третья

Закончив КМБ, Тарас получил ксиву и приступил к основной службе, постепенно втягиваясь в новый режим. Служили здесь сутки через двое, а еще сутки несли боевое дежурство в составе группы быстрого реагирования, которая первой должна была выехать на объект, случись что.

На долю Тараса с самого начала выпало так много событий и приключений, что

бывалые ему даже завидовали. Не успел попасть на службу, — уже в зоне бунт. Везуха. Только оформился — новое восстание заключенных. Рутины даже не нюхал. По словам Вадика, осень выдалась на редкость урожайной.

— В прошлом году ни одного бунта не произошло, — рассказывал он Тарасу по дороге от стоянки в раздевалку, припарковав свой «мерс» рядом с видавшей виды «девяткой» новобранца, — только и знали, что службу тащить. Ну пару раз помогли «соседям» накрыть группировки «особо опасных». Да еще с судебными приставами на раздел государственного имущества в область выезжали. В общем, хоть какая-то развлекуха. А тебе, смотрю, прет по жизни. Чуть больше месяца оттянул, а уже второй бунт.

Тарас не стал спорить, но, оглянувшись на «Мерседес» Вадика, слегка усомнился в том, что ему «прет по жизни». Впрочем, он ведь тоже теперь боец элитного подразделения «Тайфун», значит, со временем поднимется. Получали здесь прилично, — даже рядовые ездили на «мерсах». А ксива давала еще много значительных преимуществ по жизни. Так что, возможно, Вадик был прав. И через некоторое время Тарас сможет наскрести деньжат и на новую машину, и, если даст бог и министр юстиции, на новую квартиру.

Сейчас Тарас жил с матерью в небольшой квартирке на Выборгской стороне. Отец их бросил, когда парню было всего года два от роду, и больше не появлялся на горизонте. С тех пор мать растила пацана одна, перебиваясь с хлеба на квас на бюджетную зарплату. Сказок о том, что папа летчик полярной авиации, не рассказывала. А когда пришло время и сын стал задавать вопросы, объяснила просто: «Бросил нас твой отец, сынок. Вдвоем мы теперь. Надо жить».

Мать второй раз замуж так и не вышла, хотя парень вырос и пошел в армию. А Тарас, несмотря на женское воспитание, вырос каким-то жестким. С детства в чудеса не верил. Рано понял, что все ему придется добывать самому. Но это его не пугало. Упорства было не занимать. А в том, что армия и вообще служба — это его призвание, Тарас после десантуры уже не сомневался. Иногда ему казалось, будто он с этой мыслью появился на свет. Ведь никакая работа в офисе его не прельщала и в сравнение со службой не шла, хотя он успел до армии поработать несколько месяцев.

В офисе ведь не постреляешь и морду никому не набьешь, если только ты не охранник. А охранять Тарас не любил. Больше любил нападать. Агрессия в нем бродила, иногда вырываясь наружу через драки, которые случались с ним часто. В общем, при такой работе опасности никакой, только геморрой наживешь за усердие. А здесь адреналина сколько угодно. Вот за это Тарас и любил службу. Хотя многие его одногодки, вернувшись из армии, с радостью повесили китель в дальний угол шкафа, сменив его на модный пиджак. Гражданка им была по душе — бизнес, девочки, водка. Отдал родине свое — и свободен. Какая к черту служба?

А у Тараса все вышло наоборот. На гражданке он ощутил себя потерянным, словно его настоящая семья находилась там, среди людей в погонах, а не среди тех, кто предпочитал обходиться без них. Вот и завербовался на новую службу, едва успев скинуть десантный берет и китель с тельняшкой. Сам так решил. Но мать, как ни странно, была не против. Обняв сына, даже благословила, решив, что тот уже повзрослел и сам может выбрать себе дорогу в жизни. Платили в «Тайфуне» действительно хорошо, да и на работу ездить было недалеко, служил в родном городе. А про командировки в Чечню мать старалась не вспоминать.

На тот день, когда произошел новый бунт, как раз выпало его дежурство. Взбунтовались сразу две колонии. В одной заключенные подожгли хозблок, но особенно не буйствовали. А в другой колонии, которая находилась неподалеку от Колпино, малолетки, вырвавшись из бараков, крушили все, что попадалось у них на пути. Оказалось, часть парней решила так отпраздновать свое совершеннолетие и скорый перевод в зону для «настоящих» зэков. Там охрана уже не справлялась.

Вызов пришел сразу на две точки, и сначала «Тайфун» выехал на «взрослую», но в дороге все изменилось. В первой зоне уже начали брать ситуацию под контроль своими

силами, а вот малолетки захватили заложников, и «Тайфун» помчался туда.

— Едем усмирять бунт в колонии малолеток,[13] — сообщил Широкий. — В заложниках трое контролеров.

Озвучив новости, лейтенант Широкий не предполагал, что придется сильно прессовать малолеток, но случиться могло всякое. Многие из них еще на воле зарезали не по одному человеку, а тюремные привычки быстро проникали в кровь, делая из них закоренелых преступников. Знал об этом и Тарас, уже успевший поучаствовать в подавлении бунта и изучавший спецкурс по психологии заключенных.

БТР катил по трассе, мягко покачиваясь на ровной дороге. Утробное урчание мотора действовало успокаивающе. Тарас еще в армии привык к этому звуку, а также к гудению моторов самолета, которое преследует десантника до самой выброски.

Облачившись в бронежилет, прихватив автомат и упаковавшись спецсредствами из арсенала, он сидел сейчас на скамье рядом с Вадиком, внутренне настаиваясь на работу и стараясь выбросить из головы все посторонние мысли. Как оказалось, тренировки с удушением не прошли даром. «Смерть, — ничто, — вдруг само собой всплыло из подсознания Тараса, едва он приказал себе забыть обо всем, кроме предстоящего штурма. — Ты можешь умереть и должен быть готов к этому».

Против воли Тарас вдруг ощутил, как напрягаются его мышцы, как крепче сжимает рука дуло автомата. Но в целом тело быстро наполнялось спокойствием, а дух становится твердым, монолитным, вытесняя прочь все сомнения. «Ты не чувствуешь боли, — продолжал нашептывать голос, — не боишься крови».

— Прибываем, — прервал его психологическую тренировку лейтенент Широкий, громко объявив на весь БТР, — все бараки и санчасть под контролем заключенных из числа малолеток. На бунт их подбивали старшие, которых должны были отправить сегодня по этапу, но не успели. Находим и гасим их осторожно, если сами раньше не уймутся. Заложники у старших в камере.

Он умолк на мгновение, а потом добавил, обращаясь к соседу Тараса:

— Смотри, Вадик, осторожнее. Эти пацаны не ангелы, но не перепутай их с прожженными урками.

— Все будет в норме, командир, — обиделся Вадик, — я аккуратно работаю. — И, ткнув в бок Тараса, в полголоса добавил: — Будь моя воля, я бы их из крупнокалиберного проредил. Жаль, нельзя. Типа дети.

Тарас против воли усмехнулся, спрятав улыбку под забралом шлема. Эти дети действительно могли при желании прирезать, не моргнув глазом. Не все, правда. Но и таких хватало. Наверняка среди зачинщиков самые прожженные собрались.

— Что-то ломает меня сегодня, — неожиданно пожаловался Вадик, обычно излучавший здоровье, — простыл, наверное. Бок болит.

— Вернемся, таблеток закинь в рот, — предложил Тарас, — анальгина сожри или другое обезболивающее. Их сейчас до дури, сам знаешь.

— Не, таблетки не ем, — отмахнулся Вадик, хитро прищурившись, — есть у меня на примете одно обезболивающее: белое такое, прозрачное, с резким запахом. Как работу закончим, предлагаю сообразить по рюмашке. Обезболиться.

— Можно, — согласился Тарас, — меня тоже что-то ломает.

Въехав на территорию колонии через «шлюз», БТР остановился. Вслед за ним притормозили рядом еще две бронемашины. Выбравшись наружу вслед за Вадиком, Тарас осмотрелся. Между бараками колыхалось море ватников и бритых голов. Вскидывая вверх руки, малолетние преступники орали и матерились. Где-то неподалеку били стекла — звон доносился даже сюда.

---

[13] Обычно «Тайфун» не выезжает в колонии для несовершеннолетних. Данная ситуация целиком вымышлена.

Рядом с хозблоком, примыкавшим к плацу, перегороженному сейчас цепью из бойцов ВВ, стояли несколько офицеров, наверняка начальство взбунтовавшейся колонии. Широкий направился сразу к ним.

— Где зачинщики? — спросил он, представившись, у полковника, с прищуром наблюдавшего за выгрузкой «тайфуновцев».

— Вон в том бараке, — указал полковник, поправив фуражку, — на втором этаже. Их там человек пятнадцать. На улицу не выходят. Смотрят из окна, как по телевизору.

— Чего хотят? — поинтересовался Широкий для порядка.

Никаких требований он, ясное дело, выполнять без крайней необходимости не собирался. Но в курсе быть следовало.

— Как обычно, — пожал плечами начальник колонии, — чтобы жрать давали как в ресторане, водки, наркоты и выпустили из карцера пятерых дружков, которых мы вчера туда закатали.

— А где карцер? — уточнил лейтенант.

— Вон там, — обернулся в другую сторону полковник, — он под контролем. Все пятеро на месте. Но, если надо, выпустим. Ребят моих, которых взяли в заложники, освободить надо.

Полковник снял фуражку, вытер лоб тыльной стороной ладони и добавил:

— Не ожидал я, что из-за этих ублюдков колония на бунт поднимется. Только осторожнее, заложники вместе с зачинщиками на втором этаже. Враз могут на перо посадить. Там одни отмороженные собрались. Им скоро на взрослую зону отправляться, вот и решили «отметить». Себя показать, уроды.

— Понятно, — квинул лейтенант, опуская прозрачный щиток на глаза. — Пока никого выпускать не надо. Мы начинаем.

Увидев приехавшие БТРы, малолетние бунтари слегка успокоились, но расходиться явно не собирались, понимая, что расстреливать их в упор никто не будет. Зачинщики подбадривали их, покрикивая со второго этажа сквозь разбитые окна, и толпа бурлила, явно хорохорясь перед спецназовцами.

По приказу лейтенанта один из БТРов вдруг дал несколько хлестких очередей из башенного пулемета в небо, заставив толпу вздрогнуть. А потом и побежать, после того как, взревев мотором, БТР прыгнул на толпу. Малолетние зэки наконец-то поняли, что шутки закончились, и бросились врассыпную.

Привычно распределив между подразделениями бараки, «Тайфун» двинулся в сторону ближнего. За ними медленно, цепью, стали продвигаться солдаты ВВ.

На долю взвода, которым командовал сам Широкий, выпало усмирять зачинщиков. Работа пошла споро, без сучка и задоринки. Дверь, за которой забаррикадировались малолетки, защищая своих авторитетных товарищей, вышибли мгновенно. Инструктор-подрывник штурмового отряда Костя Пархоменко потратил на нее буквально пару минут и немного пластиковой взрывчатки.

За первой последовала вторая баррикада, а затем пришлось намного поработать прикладами и ногами, — обкурившиеся малолетние зэки (и где только наркоту берут) оказали ожесточенное сопротивление. Методично отправляя в нокаут одного оборзевшего подростка за другим ударом ноги или автомата, Тарас краем глаза поглядывал за Вадиком. Тому было очень трудно сдержать себя и не проломить грудину кому-нибудь из пацанов, махавших перед его носом заточкой.

Вскоре тамбур и проходы к общим камерам на первом этаже были свободны. Часть молодых зэков отступила внутрь, а другая по узкой лестнице на второй этаж.

— А ну на пол, ублюдки малолетние! — заорал Вадик, ворвавшись в спальное помещение на первом этаже и дав очередь в потолок. — На пол, я сказал!

Тарас вбежал следом и тоже навел шороху со стрельбой, отправив пинком под кровать низкорослого крепыша. Мгновенно протрезвевшие зэки повалились ничком, накрывая голову руками.

— Здесь в норме, — доложил Вадик командиру, когда спустя двадцать секунд Широкий вошел в захваченное помещение.

— Игорь, посторожи тут детей, — приказал лейтенант возникшему из-за спины бойцу. — Гена и Дима, вы тоже здесь. Остальные наверх. Там эти малолетние упыри забаррикадировались с зачинщиками. Можно прессануть, но не сильно. Так, чтобы никто из окон не выбросился.

— Это мы с удовольствием, — ухмыльнулся Вадик, перехватывая автомат, — за мной, Тарас.

Преодолев очередную баррикаду стандартным образом, «Тайфун» ворвался на второй этаж. Здесь возникли неожиданные осложнения. На верху планировка помещения немного отличалась от первого этажа. От длинного и узкого коридора отходило несколько рукавов, каждый из которых заканчивался небольшой камерой человек на двадцать. Не зря зачинщики избрали себе для «штаба восстания» камеры на столь комфортном этаже. Но оттягиваться им осталось не долго. Вытеснив зэков из коридора, бойцы смогли с ходу захватить только две камеры, остальные малолетки успели завалить входы изнутри.

— Забаррикадировались по камерам, — доложил лейтенанту Вадик, — как крысы по норам.

— Взрывать больше ничего не надо, — словно напомнил сам себе Широкий, — Отожмите дверь и выкуривайте их газом оттуда, как тараканов. Живо полезут.

Надев прихваченные противогазы, «тайфуновцы» успешно применили тактику выкуривания. Слегка отжав дверь, они бросали в помещение дымовую шашку и ждали положенное время. Ждать долго не пришлось. Вскоре задыхавшиеся малолетки, мгновенно разобрав баррикаду своими руками, стали выползать в коридор. Проникнув внутрь таким образом и быстро зачистив три следующие камеры, спецназовцы остановились у последней.

Но внутрь никак не удавалось пробиться. Дверь была прижата плотно. Именно здесь и засели зачинщики бунта. Когда наконец выбили дверь, разъяренный Вадик даже не стал бросать дымовую шашку, а просто вломился в узкое помещение. Когда вслед за ним еще несколько бойцов проникли внутрь, обитатели камеры, вырубив свет, набросились со всех сторон на бойцов с ножами и заточками. В последнее мгновение перед тем, как мрак окутал камеру, Тарас успел заметить, что один из зэков воткнул шило в бок Вадику, на котором уже висели трое малолеток.

— А ну, молитесь, ублюдки! — заорал Тарас сквозь противогаз, выхватывая светозвуковую гранату.

— Не надо! — успел он услышать сдавленный вопль Вадика, прежде чем в узкой камере громыхнуло и вспыхнул огненный шар, поглотивший его сознание.

Глава четвертая Странный мертвец

Перед глазами плавала какая-то муть, в ушах звенело. Долгое время Тарас лежал на спине, приходя в себя, но никак не мог сфокусировать зрение. Все расплывалось в огромные пятна, а до слуха обрывками долетали странные звуки, напоминавшие журчание воды и шум ветра.

«Что-то я перестарался с этой гранатой, — подумал Тарас, срывая с себя противогаз и тихо радуясь, что хотя бы сознание постепенно возвращается в его контуженую голову, — понять бы теперь, что случилось».

Последние воспоминания никуда не стерлись, и он отчетливо помнил, как взорвал гранату в камере с малолетними зэками, о чем сейчас сильно жалел. Однако звуки, которые он уже мог улавливать медленно возвращавшимся слухом, никак не вязались с тем, что обычно слышно в тюрьме. Там журчать могло только на очке. Но на очке и запахи были бы соответствующие, а нос спецназовца ощущал только свежий воздух, более того, наполненный ароматами трав и деревьев. Да и лежал он, похоже, не на ровном полу, где должен был упасть. Спину, даже через бронежилет, подпирали острые и твердые углы, так,

словно Тарас развалился на камнях. А лицо — ну этого вообще никак не могло случиться в питерском ноябре — нежно пригревало что-то очень похожее на солнце.

Зрение пока не вернулось полностью, но ощущений хватало и без того. «Хорошо же меня приложило, — в панике размышлял Тарас, глядя, как колышутся перед ним высокие размытые тени, — неужели эта граната на глюки пробивает. Не хватало еще в психушку угодить. Ну откуда на зоне речка и камни? Да еще в камере с малолетними преступниками. Даже если меня на улицу вынесли, и то не сходится».

Тарас осторожно пошевелил правой рукой, не меняя положения тела. Прочертив в воздухе линию сантиметров двадцать, его ладонь опустилась и сжала прохладный камень с острыми краями. Снизу камень был мокрый.

— Черт побери, — произнес Тарас уже вслух, — ни хрена не понимаю.

Боец «Тайфуна» полежал еще некоторое время, прислушиваясь, но никто не ответил на его восклицание. Людей, судя по всему, рядом не было. «Не могли же меня мои ребята бросить в камере, — в недоумении размышлял Тарас, — может, их поубивали всех?»

— Вадик, лейтенант? — позвал Тарас, но ответа опять не получил.

Слух понемногу «оттаивал», и ему показалось, что ветер усилился. Во всяком случае, тот звук, показавшийся ему шумом ветра, стал сильнее. Зрение возвращалось медленнее, но он уже был готов поручиться, что те размытые тени, которые раскачивались перед ним, это деревья. Тогда Тарас решил действовать. Для начала надо было выяснить, где он.

Ощупав себя и сжав пару раз кулаки, Тарас решил, что ранений нет. Все двигалось, сгибалось и разгибалось вполне сносно. Спина только побаливала от лежания на камнях, да еще тошнота подступала к горлу. «Сотрясения мозга мне только не хватало, — раздосадованно подумал Тарас, — кроме слепоты с глухотой. В следующий раз надо осторожнее обращаться с гранатами в тесном помещении».

Сделав усилие, боец повернулся на бок и попытался приподняться, встать на ноги. Но голова внезапно закружилась, и Тарас снова упал лицом на камни, едва не провалившись в небытие. Минут через пятнадцать, как ему показалось, тошнота отступила, и Тарас, медленно отжавшись на руках, приподнялся, встав на колени. Осмотрелся, — на этот раз он уже смог различить поросшую лесом скалу, которая возвышалась метрах в двадцати. Правда, деревья и камни все равно выглядели какими-то размытыми, словно нарисованными, но «тайфуновец» догадался, что все это выкрутасы зрения, которое никак не хотело быстро приходить в норму.

— Хреново быть слепым, — изрек Тарас, осторожно поднимаясь с колен в полный рост.

Голова закружилась, но сильной тошноты на этот раз не было. Он устоял. А утвердившись на ногах, решил осмотреться, повернув голову в сторону ручья, шумевшего в каком-то десятке метров. Теперь он уже не сомневался, что это журчит горный ручей. Но, едва повернув голову, увидел нечто такое, что заставило его вздрогнуть, хотя он и был приучен к подобным картинам.

Рядом, буквально в трех метрах от Тараса, лежал мертвый парень с зажатым в руке огромным ножом, похожим скорее на короткий меч.

— Вот те раз, — сплюнул спецназовец, присматриваясь к мертвецу, — это еще что за малолетний преступник.

Но парень совсем не походил на бритого уголовника, — он был длинноволосым, что сразу смутило Тараса. Та одежда, которая на нем имелась, хоть и была потрепана, но больше напоминала короткий плащ или накидку из грубого сукна, перетянутую в поясе кожаным ремешком, а не привычную для глаз тюремную робу. Несмотря на имевшийся ремень, накидка парня была натянута вверх, едва ли не на голову, словно он хотел искупаться и был убит внезапно, когда раздевался. Кровь на ткань не попала, хотя еще недавно обильно лилась из распоротого живота. Гениталии мертвеца прикрывала набедренная повязка, а на ногах не было никакой обуви.

Рядом на камнях запеклась лужа крови. Но умер парень совсем недавно, это бросалось

в глаза. Тарас в недоумении обвел взглядом место убийства и невольно посмотрел на свои руки. Крови на них не было.

Машинально сняв шлем, Тарас провел рукой по волосам, продолжая размышлять вслух.

— Неужели это я его? Ни хрена не помню. Ну мне теперь вставят по первое число за убийство малолетнего зэка. Пойдет служба.

Тарас похлопал себя по бронежилету и с удивлением понял, что никакого оружия при нем нет. Ни автомата, ни гранат, ни дымовых шашек, ни даже ножа. Потом снова посмотрел на труп, как ему показалось с первого взгляда, совсем не походивший на зэка, и сомнения вновь охватили спецназовца.

— Кто же его тогда замочил? — вновь спросил сам себя Тарас, разглядывая страшную рану уже почти восстановившимся зрением. — Это не нож. Похоже, на кабана нарвался пацан. Клыками его порвали.

Так он простоял минут пять, размышляя, что же теперь делать. За это время несколько раз Тарас скользнул взглядом по лицу мертвеца и вдруг понял, что его так смутило с самого начала, — они были похожи, как две капли воды. Оба примерно одного возраста и телосложения. Цвет волос совпадал, — почти черные. Только мертвец выглядел более поджарым. Кожа, кости и мышцы. По сравнению с ним крепкий и накаченный Тарас казался жирным, отрастившим брюшко лентяем. Нет, различия, конечно, имелись. Но если Тарасу отпустить волосы, которые сейчас едва закрывали затылок, и надеть на него это странное рубище, то и родная мать не отличит.

— Вот те раз, — вымолвил боец, у которого все, что с ним происходило в последние полчаса, еще никак не укладывалось в голове, — надо отсюда двигать подальше. Где бы я ни очутился, пора выбираться к людям. Живым. Там помогут.

И подумал, оглядевшись по сторонам: «Только сначала надо спрятать тело. От греха подальше. И переодеться. А то кто его знает, как здесь относятся к людям в форме. Придется прикинуться местным».

Небольшое ущелье, в котором он очутился и по дну которого тек горный ручей, с трех сторон заросло лесом по кромке скал. И лишь с одной виднелось расширение, словно за ним находился не то обрыв, не то вниз шла дорога. Осмотрев все прояснившимся взором, Тарас решил двигаться в том направлении, когда спрячет тело. Тем более, время поджимало — солнце уже начало клониться к закату, а ночевать в горах с мертвецами Тарасу не очень хотелось. Хорошо еще, что здесь, где бы он ни был, стояло лето.

Нетвердым шагом Тарас прошелся по берегу ручья, кое-где обрывистому, и обнаружил неподалеку яму, в которой вполне могло поместиться тело одного человека. Вернувшись, он скинул с себя бронежилет. Сняв с мертвеца его рубище и набедренную повязку, чтобы никаких следов не осталось, Тарас перекатил остывшее тело на бронежилет, чтобы дотащить до ямы. Тут он заметил на посиневшей спине мертвеца глубокие следы от розг или другого орудия порки. По всему было видно, что при жизни парню приходилось несладко.

Дотащив бездыханное тело до ямы у ручья, Тарас скинул его вниз. Туда же он положил свою одежду, бронежилет и шлем, оставшись только в трусах и берцах. Все это Тарас старательно заложил камнями, сделав так, чтобы ничего не было видно ни с дальней стороны ручья, ни с этого берега.

На все ушел почти час. Камней вокруг было много, но они были мелкие, а Тарас все делал основательно. Несмотря на то что трупы ему еще никогда прятать не приходилось, в глубине души он почему-то был уверен, что вдвоем им на этом свете лучше не находиться. И мертвеца этого просто так бросать не следовало. Конечно, лес вокруг, горы. Живности полно, наверняка есть и звери, желающие поживиться падалью. К утру от трупа могли остаться только обглоданные кости. И все же мало ли что. Береженого, как говорится…

«Может, и к лучшему, что помер, — подумал Тарас, глянув на груду камней и вспоминая шрамы на спине мертвеца, — зато теперь ему не о чем беспокоиться. А мне пора».

Преодолевая брезгливость, боец натянул на себя набедренную повязку и непривычную одежду, полностью перевоплотившись в «мертвеца» и оставив себе только берцы. При ближайшем рассмотрении одежда оказалась просто куском ткани, даже не закрывавшим колени. Он обернул эту ткань вокруг себя, перебросив через одно плечо и подпоясавшись ремешком, как это делал мертвец. А через шею перекинул ремень от ножен кинжала, также одолженного у своего двойника. Кинжал был длинный и острый, но как-то небрежно сделан. Не было на нем никаких хромированных деталей, за которые так любил это оружие Тарас. Ни пилы, ни шила, ни открывалки. В общем, ничего лишнего. Просто лезвие с медным отливом и ручка из кости, испещренная непонятными, но странно знакомыми буквами. Словно видел их где-то раньше. И не раз.

— Ну чистый грек, — решил Тарас, осмотрев себя с ног до головы, — ребята увидят, засмеют.

Черные шнурованные берцы на ногах под этим древним рубищем смотрелись явно инородным телом. Ну не босиком же идти, камни кругом. Поежившись на свежем ветру, — новая одежда почти не согревала, а повязка еще и терла с непривычки причинные места, — Тарас направился к дальнему краю ущелья, где виднелся свободный от леса участок скалы. Добравшись до этого места, он остановился, чтобы осмотреться в очередной раз, поскольку увиденное ничуть не успокоило его, а только добавило пищи для размышлений.

Спецназовец стоял на краю, почти на вершине горного хребта, который, петляя, уходил на восток и терялся за горизонтом. С другой стороны тянулись километров на двадцать горы, постепенно переходя в холмы, а затем в равнину. Большинство склонов этих неизвестных гор обильно поросли лесом, а высоченных вершин с вековым льдом и снежными шапками по близости не было. Значит, горы не высокие. Тарас припомнил, что лес выше двух тысяч метров не растет, то есть это не Памир и не Тянь-Шань.

— Может, Кавказ? — подумал вслух боец «Тайфуна», глядя, как быстро темнеет. На долю секунды ему показалось, что на самом горизонте блеснула в лучах заката полоска воды. Примерно в двадцати километрах впереди, там, где начиналась равнина, ему удалось разглядеть и какие-то селения в несколько домов.

— Только бы не Чечня, — подумал Тарас и осторожно двинулся вниз по каменистой тропе, сжав ладонью рукоять ножа.

Тот факт, что он, потеряв сознание в тюрьме под Питером, вдруг «выплыл» пусть даже и на Кавказе, его уже не сильно занимал. Тарас быстро смирился со своей судьбой. Ну оказался и ладно. Доктора потом все объяснят, главное до них добраться. А изводить себя такими вопросами — только торопиться в психушку.

Фантазировать Тарас не любил, да еще тренировки по излечению от многочисленных страхов не прошли даром. Едва сообразив, что он очнулся совсем не там, где должен был очнуться по всем возможным вариантам, Тарас быстро справился с шоком. Попал — выбирайся, а там посмотрим, чей ты пациент.

Через полчаса, прыгая по камням, он добрался до очередного ручья, берег которого был завален большими валунами. Ручей оказался небольшой горной речкой, так громко шумевшей, что Тарас невольно проникся уважением к ее силе и в наступившей темноте не решился форсировать. Можно было легко сыграть в ящик, ударившись головой о камни. Идти же вдоль течения он тоже не захотел, тем более, даже небольшой спуск с вершины хребта показал, что он еще не полностью пришел в себя после контузии. Его опять затошнило, голова стала кружиться.

— Придется переночевать здесь, — решил Тарас, — на службу я уже все равно опоздал. Утро вечера мудренее.

И нарвав высокой травы на пустынном берегу реки, он отошел от русла метров на сто, устроив себе лежбище между камнями. Организм требовал отдыха. Конечно, жестковато было спать прямо на земле и холодновато — горы все-таки, но на службе в российской армии и не такое приходилось выносить. И все же долгое время Тарас никак не мог заснуть, сжимая в руках кинжал, — не выходили из головы воспоминания о мертвеце, похожем на

него, как родной брат. Того ведь задрал кабан. Значит, зверья в здешних местах хватает, и надо быть настороже. Но не только это беспокоило Тараса. Гораздо больше он хотел знать, почему тот парень так вырядился и бродил по горам один с таким странным оружием, когда уже давно придуманы шикарные ножи, не говоря уже о карабинах или автоматах. Судя по всему, он был охотником, только, похоже, молодым и неопытным. Другого объяснения Тарас пока не находил. Но даже если ты молодой охотник, зачем бродить по горам без обуви и нормального снаряжения? «Видно, я действительно угодил в дикие места, — решил Тарас, засыпая, — завтра надо быть осторожнее».

На следующее утро он нашел брод и переправился на другую сторону реки. А обсохнув, направился прямиком сквозь лес и вскоре, петляя среди деревьев, вышел к какой-то деревне. Точнее хутору, стоявшему на небольшом клочке земли у самого леса. Иначе эти несколько полуразвалившихся хибар из прутьев и соломы было и не назвать. Едва Тарас заметил жилище, как у него сработал инстинкт десантника, и он залег за стволом поваленного дерева, решив рассмотреть местных жителей, не выходя из леса и до поры не обнаруживая себя.

Так он пролежал минут двадцать. За это время Тарас разглядел четверых бородатых мужиков почти в таких же рубищах, какое он носил на себе, которые вскапывали не то палками, не то мотыгами каменистую землю. Другого «оружия» при них не имелось. А также трех женщин, которые доили пасшихся по соседству с деревней коз, наполняя теплым молоком глиняные кувшины с гнутыми ручками. Между домами бродили голые дети. Выглядели все местные так, словно прогресс обошел стороной эту богом забытую деревню. Ведь никаких антенн или столбов линий электропередач боец не заметил. Значит, не было здесь ни света, ни телевизоров, ни даже телефона, чтобы сообщить в часть о себе.

Однако другого выхода Тарас не видел и решил пойти на контакт. В крайнем случае подскажут, сколько до ближайшего райцентра топать. «Главное, чтобы по-русски понимали, — озадаченно подумал Тарас, разглядывая бородатых и смуглолицых мужиков, — ну а если что, с этими орлами я и один голыми руками справлюсь. Лишь бы у них по „калашу“ в домах не было припрятано.»

Давно поднявшееся на небосвод светило начало припекать, и скоро Тарасу стало жарко лежать даже здесь, на границе солнца и тени. Он поймал на своей щеке жучка и резко сжал его пальцами. Тонкий панцирь с хрустом треснул, разбрызгав бурое тельце. «Ладно, — решил Тарас, поднимаясь и поправляя ножны кинжала, — где наша не пропадала».

Выйдя из леса, он направился прямиком к мужикам, решив разузнать у них обо всем, а заодно попросить, чтобы дали кусок хлеба и стакан молока, если не найдется чего поинтереснее в закромах.

— Здорово, крестьяне! — громко приветствовал боец всех сразу, незаметно приблизившись к ним со стороны леса на расстояние двадцати шагов. — Не дадите воды напиться?

Однако реакция местных оказалась неожиданной. Трое мужиков, едва завидев его, кинули свои палки на землю и бросились бежать в сторону деревни, оглашая окрестности странными криками, смысл которых до Тараса никак не доходил. Не знал он этого языка и подумал с разочарованием: «Не русские». А четвертый, тот, который остался на месте, перехватил палку с металлическим наконечником покрепче, приготовившись к обороне и зло поглядывая на приближавшегося Тараса.

— А ты, значит, самый смелый? — продолжал налаживать контакт спецназовец, останавливаясь в пяти шагах от мужика.

Мужик молчал, но лютая ненависть в его глазах озадачила Тараса.

— Чего испугались-то? — попытался выяснить причину переполоха Тарас, глядя, как убежавшие крестьяне похватали своих баб и детей и скрылись в лесу с другой стороны горной поляны. — Я же не бандит с большой дороги. Скорее наоборот.

Мужик перехватил палку в другую руку и сделал шаг в сторону, приняв новую

позицию для обороны. Вступать в словесный контакт он явно отказывался.

— Мне до телефона добраться надо, — высказал Тарас последний аргумент, — связаться со своими.

И чуть не ляпнул: «Я военный, российская армия». Но вовремя осекся. Странная была деревня, и русских здесь могли не очень уважать, мягко говоря. Впрочем, на лице мужика не отразилось ровным счетом ничего. Он явно не понимал, о чем говорит Тарас. Однако поигрывал мотыгой, словно ожидая нападения, хотя боец специально держал руки на виду, не прикасаясь к кинжалу. Успеется. Сначала информация.

Но, вглядываясь в нервного мужика, в одиночку решившего во что бы то ни стало защитить родную деревню от пришельца из леса, в голову Тараса полезли странные мысли. Ему вдруг показалось, что его «узнали в лицо». Слишком уж быстро убежали от него деревенские мужики, едва увидев. Хотя своей рожей и одеждой он не так уж сильно от них отличался. Не негр и не арабский террорист. А все-таки шороху навел одним своим видом.

— Ты ко мне не лезь, — предупредил Тарас, кожей чувствуя лютую ненависть, исходившую от этого мужика, — я мирный человек, пока меня не трогать. А тронешь, глаз на окорок натяну, сечешь?

Ответа не последовало.

«Может, тот парень здесь набедокурил? — в сомнении размышлял Тарас, поглядывая на ходившего кругами крестьянина, а сам вспоминал мертвеца. — Кто же он был такой? Может, бандит, а не охотник. А может, и то, и другое. В общем, нравы тут дикие, как я погляжу. А может, и не Россия это вовсе. Везет, блин, как утопленнику».

От философских размышлений его излечил резкий удар мотыги, направленный прямо в голову. Снизу вверх. От молчаливых угроз крестьянин перешел к действию.

— Да ты что, охренел, что ли, придурок сельский? — отпрыгнул боец в сторону. — Руки чешутся, подраться не с кем? Прямиком на зону хочешь из своего сельпо отправиться?

Мотыга еще рез просвистела над головой отступавшего к лесу Тараса, который не хотел пускать в ход кинжал. А мужик все наступал, размахивая мотыгой сплеча, явно вознамерившись убить его, хотя и делал это крайне неумело. Как крестьянин, не обученный премудростям восточных единоборств. Впрочем, если бы не реакция Тараса, то никаких премудростей и не понадобилось бы. Мужик был не из слабых, и один точный удар его мотыги мог расколоть череп спецназовца, как арбуз.

Наконец Тарас ухитрился пригнуться и проскочить под мотыгой, в очередной раз разрезавшей воздух над ним. Он перехватил ее и нанес короткий, но очень болезненный удар в пах мужику носком кожаного сапога. Удар достиг цели, и нападавший повалился на камни, завыв от боли. Для пущей убедительности Тарас съездил еще пару раз мужику по ребрам своими берцами и, немного выпустив пар, успокоился. Он умел быстро приходить в себя. В драке нужен холодный разум, а на его службе тем более. И все же он решил попугать мужика, уж больно тот оказался тупорылым.

— Я же тебя предупреждал, чмо, — назидательно проговорил боец, отбрасывая мотыгу в сторону и выхватывая кинжал, — если не с кем подраться, бейте друг друга. Стенка на стенку. Вот сейчас отрежу тебе уши, чтобы помнил, как на спецназ наезжать.

Он сделал шаг в сторону поверженного противника и вдруг увидел ужас в его глазах. Тот явно прощался с жизнью, решив, что Тарас заколет его сейчас, как свинью. Насладившись моментом, боец убрал кинжал в ножны и уже хотел пойти дальше своей дорогой, как произошло нечто такое, чего он никак не ожидал.

Крестьянин вдруг метнулся к его ногам, обнял их и стал целовать покрытые грязью и пылью берцы, бормоча что-то нечленораздельное. По всему было видно, он ожидал смерти за свое сопротивление, но, неожиданно избежав ее, теперь благодарил Тараса и, возможно, клялся ему в чем угодно. Ошеломленный боец несколько секунд стоял в оцепенении, а затем с отвращением оттолкнул от себя валявшегося в ногах мужика.

— Пошел вон, животное, — сплюнул он, — совсем оскотинился, а теперь благодарит. Пить надо меньше и кулаками попусту махать. Проживешь дольше.

Еще раз сплюнув с досады, Тарас быстрым шагом пересек деревню и углубился в лес на другой стороне, не слишком беспокоясь, что остальные жители будут его преследовать. Если вспомнить скорость, с которой они убежали, то наверняка уже были давно за соседней горой.

Так он шагал часа три по тропе сквозь лес, росший на склоне, сначала вверх, а потом вниз и вскоре оказался в широкой долине, по дну которой шумела очередная река. Никаких селений больше не попадалось. Здесь он остановился у огромного валуна, решив дать отдых уставшим ногам. Попил чистой воды и присел на камень в тени незнакомого раскидистого дерева, больше похожего на куст. Хотелось обдумать происшедшее в деревне, поскольку Тарасу не давало покоя странное чувство, — что-то здесь было не так. Странные ему попались селяне. То, что они ковырялись в земле доисторическими орудиями и света в деревне нет, это еще ерунда. На просторах России такие уголки сохранились во множестве. И там, даже в двадцать первом веке не то что про Интернет, про лампочки слыхом не слышали и с чем их едят, не догадывались. Это все спецназовец понять мог. Сам отсюда родом. Но их поведение показалось Тарасу странным. Ведь вели они себя не просто, как бухие селяне, которые наехали на приезжего, решив ради развлечения выпустить ему кишки. Появление Тараса вызвало у них настоящий ужас, словно он был каким-то чудовищем. Но чудовищем знакомым, которое раз в году выходило из леса и съедало лучшего из них. И этот лучший крестьянин даже рискнул ему противостоять, но проиграл и ждал законной смерти. В общем, вели они себя, как настоящие рабы. Вот что показалось Тарасу, и от этой мысли он никак не мог отделаться.

— Это куда же меня занесло? — в очередной раз спросил он сам себя.

Нет, он был наслышан, как относятся к гастарбайтерам некоторые барыги, морят их голодом и травят собаками, заставляя работать. Может, он набрел на одну из таких запрятанных деревень, где новые русские (или не русские) восстановили рабство в полном объеме, лишив этих бедолаг документов и права на свободу. Но эта идея показалась Тарасу странной. Зачем селить несколько семей в горах и боронить землю, не коноплю же они здесь выращивают? Хотя кто знает. Он ведь не присматривался. Вполне может быть. В Афганистане климат схожий. Солнце, горы и рабы, а что еще надо для такого производства.

«Ладно, — решил Тарас, вставая, — пойду дальше вниз. Найду еще кого-нибудь, может на этот раз повезет».

Он спускался по долине вдоль реки по самому солнцепеку до тех пор, пока не стало темнеть. Уставшее за день тело требовало отдыха, да и есть хотелось ужасно. Пора было подумать о ночлеге. Тарас, конечно, мог передвигаться ночью, но не захотел. Местность вокруг деревни была небогатая. За все время пути Тарас видел чуть в стороне лишь одну небольшую деревушку наподобие той, на которую набрел утром. Но заходить не стал. Если здесь на просьбу напиться сразу дают мотыгой по голове, то он предпочитал еще немного пострадать от жажды и голода, пока не найдет селение побольше, с явными признаками цивилизации. Служба приучила терпеть тяготы и лишения, и теперь это пригодилось.

До равнины, по всей видимости, осталось идти не так долго. День, может два пути. Не больше. А здесь лучше было не светиться. Первый контакт вышел не очень обнадеживающим, и Тарас стремился поскорее покинуть эти дикие места.

Перед тем, как на горы опустилась непроглядная тьма, он успел облюбовать себе ложбинку в стороне от реки на склоне горы, поросшей редкими деревцами. Нарвал и набросал высокой травы на каменистую землю, нагретую за день солнечными лучами. Затем медленно, с наслаждением скинул берцы, которые натерли ноги за время долгой ходьбы, и быстро заснул, не обращая внимания на стрекотание цикад.

Глава пятая

Но хорошенько выспаться ему не удалось. Посреди ночи чуткий слух спецназовца даже

во сне уловил, как хрустнула ветка во мраке. Тарас открыл глаза и осмотрелся, схватившись за кинжал. И скоро увидел их. В лунном свете от реки к нему осторожно приближались, прячась за деревьями, несколько фигур. Каждая из них тоже сжимала в руке кинжал. Несмотря на полный мрак, царивший в горах, Тарас рассмотрел их довольно хорошо, — зрение уже полностью вернулось к нему, а он и раньше удивлял командиров своей способностью видеть в темноте, как кошка.

Прильнув к камню, Тарас насчитал восемь теней, которые стремились взять его в кольцо. Именно его, он в этом не сомневался. Эти люди передвигались так, словно знали, где находится его логово. «Это еще что за ночные охотники», — подумал Тарас, соображая, кто его выследил и что лучше сделать: убить парочку или сразу дать деру, благо путь к вершине хребта за спиной был еще свободен. Решил в бой не ввязываться, уж больно лихо передвигались эти люди с кинжалами в темноте. Они явно знали горы лучше его.

Но едва он принял это решение, как еще одна ветка хрустнула совсем рядом, и тот, кто на нее наступил, громко произнес несколько слов, обращаясь к его спине. Голос был насмешливый, как у уверенного в себе киллера, который понял, что жертва в капкане и осталось только всадить в нее нож. А потому, не таясь, показался обреченному, чтобы видеть ужас в его глазах.

Тарас ничего не разобрал из его слов, — язык был все тот же, незнакомый. Он обернулся и, перехватив кинжал покрепче, приготовился отразить нападение. «Не на того напали, — промелькнуло в мозгу бывшего десантника, — чтобы сразу лапки кверху. Попробуй, возьми сначала».

В этот момент луна зашла за облака, и стало еще темнее. Он лишь смог разглядеть, что среди камней стоял человек почти в такой же одежде, как и он сам, держа в руках кинжал. А из-за камней вышли еще двое. «Так, — понял Тарас, — обложили, суки. Я в ловушке. Ну сейчас вы у меня узнаете, как на людей охотиться, аборигены хреновы».

Но кричать ничего не стал. Лишь процедил сквозь зубы:

— Подходи по одному, уроды. — И, оглянувшись на остальных, которые быстро и бесшумно приближались снизу, сам сделал несколько шагов вперед.

Казалось, главный, тот, что заговорил с ним, был удивлен. Он явно не ожидал сопротивления, но и не испугался. Он был готов ко всему. Переложив свой кинжал в левую руку, мужик бросился на него. Тарас скорее почувствовал, чем увидел резко выброшенную вперед руку и лезвие, которое прошло над ухом. Он едва успел уклониться в последний момент. Сам же, имея возможность всадить кинжал в раскрывшегося врага, не стал убивать. Лишь саданул его коленом в грудь, заставив согнуться, а потом локтем отправил в нокаут. Мужик откатился в сторону, ударившись спиной о камень, и по идее должен был остаться там лежать, но тут же вскочил, распрямившись, словно на пружинах, и бросился на Тараса с новой силой.

Остальные двое не вмешивались, предоставив нападавшему расправиться со своей непокорной добычей один на один. «И то ладно, — подумал Тарас, методично отбивая удары и уклоняясь от лезвия, уже пару раз царапнувшего его по боку, — но, если он не отстанет, придется взять грех на душу. Слишком наглый попался».

Нападавший очередным выпадом заставил Тараса отпрыгнуть и прижаться спиной к камню, но боец «Тайфуна», не мешкая, въехал ему босой ногой в пах, — берцы-то в суматохе надеть не успел, — заставив противника согнуться от боли. А затем, быстро поняв, что противник жилистый, привык переносить и не такую боль, с размаху добавил ногой по роже. Мужик отлетел на несколько метров и затих, выронив кинжал.

— Вот так, гнида, — назидательно проговорил Тарас и, не теряя времени, метнулся в проем между камнями, который оказался свободным. Сделав три прыжка вверх по острым камням босыми ногами, он быстро понял, как это больно, однако тут же заставил себя забыть про боль. Время терять было нельзя: восемь человек уже почти добрались до его лежбища. И один из них — невысокий парень, как показалось в темноте Тарасу — преградил ему дорогу. Вырос, словно из-под земли.

— Пошел вон, — рявкнул Тарас, отбивая взмах ножа, направленного под ребро, и отвечая коротким ударом ноги в грудь. Парень потерял равновесие и слетел с камня, на котором стоял, рухнув вниз по склону. Оттуда раздался сдавленный крик и даже хруст. Но судьба нападавшего сейчас не интересовала Тараса, который продолжал прыгать с камня на камень вверх по склону, уходя от погони.

Остальные члены стаи, как их окрестил Тарас, бросились за ним. И прежде всего те двое, которые наблюдали за схваткой. Они, похоже, были здесь вожаками и даже что-то кричали ему вслед, явно издеваясь. Но боец, к счастью, не понимал ничего.

Проскакав метров двадцать вверх по склону, Тарас обернулся и, схватив небольшой камень, бросил его в ближайшего преследователя. Тот заметил это и увернулся. Камень просвистел мимо, но дело свое сделал. Погоня отстала еще на несколько метров.

«Что же это за банда малолеток, которые в открытую охотятся на людей по ночам?» — лихорадочно размышлял боец, пробираясь между валунами к вершине горы, вновь хорошо освещенной луной. До нее оставалось уже не больше полсотни метров. Дальше путь шел вниз, там росло много деревьев, и царила тьма, где Тарас надеялся затеряться.

За время драки он успел разглядеть несколько лиц — никакие это были не мужики. Конечно, в темноте было видно не так хорошо, но Тарасу показалось, что самый старший из нападавших был примерно его ровесником. А тот, который упал, да и остальные — еще моложе. Никаких пистолетов или винтовок у них, слава богу, не имелось. Однако все они были с кинжалами и отлично умели ими управляться, что делало шансы на выживание спецназовца несколько меньше. «Не убивать же этих детей, — думал он, карабкаясь все выше, — с меня и одного хватит».

Впрочем, «дети» могли не оставить ему выбора. Уже попытались разок лишить его жизни. И еще попытаются, если догонят. Поэтому Тарас внял голосу разума и решил сначала оторваться от погони, а потом уже разбираться в своих ощущениях. Но когда он добрался-таки до голой каменной вершины отрога, оторвавшись метров на десять от дышавшей в затылок погони, и уже увидел спасительный лес, у него на пути выросли еще трое. Хорошо различимые в лунном свете, они, не таясь, вышли из леса. Все высокие, длинноволосые, завернутые в какую-то холстину, скрепленную брошью на левом плече, и босые. Двое с кинжалами, а третий держал в руках средних размеров увесистую палку, напомнившую Тарасу бейсбольную биту.

«Это еще что за индейцы», — промелькнуло в мозгу спецназовца, когда он уклонился от брошенного в него ножа. Клинок был запущен прямо в сердце и попал бы в цель, не среагируй тренированное тело быстрее. Нож звякнул о камень за спиной, а боец, перекувырнувшись через голову, уже бросился по вершине хребта вправо, увидев, что лес для него пока отрезан. Это было ошибкой. Ночной воздух разрезал свист летящей палки, и мощный удар по затылку срубил его, как топор дерево, погасив свет в глазах.

Очнулся Тарас довольно быстро от какого-то холодка на шее. Башка раскалывалась. Вокруг по-прежнему было темно. «Твою мать, второй раз подряд, — раздосадованно подумал Тарас, — так и в ящик сыграть недолго». И только тут он вспомнил о лезвии ножа, которое надрезало кожу на его шее сбоку. Тарас дернулся и понял, что лежит лицом вниз, а руки его связаны за спиной крепкой веревкой, как и ноги. Рядом сидит на корточках какой-то ублюдок, держит его за волосы на затылке, поигрывая пером у самого кадыка.

«Все-таки поймали, суки, — со злостью подумал Тарас, решив, что сейчас погибнет от рук малолетних бандитов, бог знает где, в каких-то горах, где даже русского не знают, — надо было вас мочить одного за другим, пока была возможность. Пожалел, дурак».

Тот, кто сидел рядом, что-то сказал, точнее приказал. Еще двое подхватили Тараса за руки и перевернули так, чтобы он мог видеть своего палача. Это был длинноволосый парень, действительно не старше его самого. А может, и младше. Лет восемнадцати на вид. Но в том, что у него не дрогнет рука выпустить кишки, Тарас ни секунды не сомневался. Слишком привычно вели себя эти ребята, словно такая охота была для них не в новинку.

Однако, едва взглянув в глаза своему пленнику, парень опустил нож и даже

отшатнулся, воскликнув:

— Гисандр!

Тарас хоть и был контужен второй раз подряд, но сразу понял, что это имя. Причем ЕГО имя. Так его здесь называли, черт бы побрал это место, где бы оно ни находилось. Вернее, не его, а того парня, которого он закопал вчера у горного ручья. И ребята эти отлично знали мертвеца в лицо.

Тарас молчал, отдыхая на спине, набираясь сил. Изучал хорошо различимые в лунном свете лица четырех парней, которые сгрудились над ним с ножами в руках. Он еще не сдался и при первой же возможности хотел попытаться сбежать. Зла в нем теперь хватало. Уроет всех этих недоносков, а если надо, и зарежет всех, кто встанет на пути. Вот только руки бы освободить для начала.

И вдруг палач повернул его на бок и отточенным движением распорол веревки, стянувшие руки. А потом освободил ноги из пут. «Вот те раз», — удивился боец, сбрасывая обрезки веревок на камни и осторожно поворачиваясь на спину, а затем поднимаясь на ноги.

На лицах всех четверых парней, которые стояли перед ним, читалось недоумение. Тот, кого он окрестил «палачом», вдруг протянул руку и дотронулся до затылка Тараса, сказав фразу на своем языке, последним словом в которой снова было «Гисандр». Тарас сначала дернулся, но потом сдержал свой порыв. Парень больше не хотел его убивать, а интонация была явно вопросительная. И боец, пристальнее взглянув на своих преследователей, похоже, догадался о сути вопроса. Палач спрашивал про волосы. Тарас был коротко подстрижен, и его бритый затылок совсем недавно оброс щетиной. А все эти парни носили длинные волосы, видимо по местной моде. А кое у кого даже проклюнулась первая борода.

Изучая эти худые лица голодных волков, Тарас молчал, ошеломленный. В одно мгновение все переменилось. Его явно приняли за другого, а того другого не узнали в ночи. И, судя по лицам, были сильно удивлены, что смогли догнать и взять в плен. Значит, этот Гисандр был тут не из последних. Авторитетом, можно сказать. Хотя и не самым главным. Тарас мог бы бежать, руки и ноги были свободны. Но все же полученный удар по затылку давал о себе знать. Надо бы отлежаться где-то хотя бы пару дней. Да и чутье подсказывало ему: побыв немного в этой стае, он может узнать что-то важное. Во всяком случае, где он и как отсюда выбраться к своим. Раз эти малолетние бандиты так хорошо ориентировались ночью в горах, они наверняка знали здесь все тропы. Дело оставалось за малым — поговорить с ними, расспросить обо всем. Но Тарас не знал языка, и единственным известным ему словом было пока только имя.

Тарас сделал шаг назад, покачнувшись и ощутив босыми ступнями камень. Хладнокровие к нему почти вернулось. Гисандр, вот значит, как звали того парня. Странное имя, не русское. Но и не кавказское вроде. Бог знает, как Тараса занесло в такую даль от своих, но боец «Тайфуна» решил сыграть в эту игру. Сойти за Гисандра.

Самое умное, что сейчас пришло в голову Тарасу, — прикинуться молчуном. Тем более что все остальные тоже не страдали излишней болтливостью. Говорил только один — похоже, старший из них. И потому, когда он, снова назвав Тараса по имени, кивнул в сторону леса, явно спрашивая, сможет ли тот идти, новоявленный «Гисандр» осторожно кивнул.

Голова гудела, кружилась, но он пошел, покачиваясь на разбитых в кровь ногах. Двинулся следом за остальными в лес. Среди них он разглядел тех троих, которые первыми напали на него. Старшим в группе, Тарас не ошибся, был «палач». Тот самый парень, которого он успел хорошенько отделать, едва не сломав нос ударом ноги.

Один раз Тарас услышал, как кто-то из парней обратился к нему по имени: Деметрий,[14] — и запомнил это. Имена здесь были в ходу странные, не чеченские, а скорее

---

[14] Все возможные совпадения имен героев с реальными историческими персонажами случайны. За исключением имен некоторых царей, действительно живших в этот период.

какие-то греческие, как ему подсказала память. Тарас в детстве увлекался мифами про крутого бойца Геракла, который открутил башку Медузе и содрал шкуру со льва. Мать часто читала и перечитывала ему эти сказки в детстве. Очень Тарасу нравилось, как Геракл «разбирался» со всеми проблемами. А в армии, в полковой библиотеке, никаких боевиков, кроме «Одиссеи», не нашлось, и Тарас от нечего делать в перерывах между занятиями и марш-бросками, осилил почти треть, но дальше не смог. Устал от всех этих богов, без которых греческие моряки даже за весла боялись взяться. Однако вошел во вкус и учебник по истории потом осилил быстро.

Между тем группа, вытянувшись по одному, стала спускаться по лесной тропе вниз, в тот самый мрак, куда еще недавно так стремился Тарас. Ни фонариков, ни даже факелов, никто не зажигал, однако передвигались все довольно быстро. Тарас с непривычки пару раз споткнулся и чуть не упал, — голова кружилась после удара, опять тошнило. Но его тут же подхватили под руки двое парней и поддерживали до тех пор, пока он сам не отказался от их помощи.

Остальных, тех, кто шел в хвосте небольшого отряда, Тарас не разглядел из-за темноты. Но ему показалось, что все, едва признав в нем своего, позабыли об охоте и даже стыдились того, что не узнали сразу одного из своих.

Вскоре, когда стало светать, слева послышался шум ручья, и группа, ведомая Деметрием, свернула к нему. А еще через пятьдесят метров обнаружилась небольшая поляна среди густо росших деревьев, на которой Тарас смог разглядеть несколько лежанок, устроенных прямо на камнях из речного тростника или веток деревьев. Никаких домов, ни даже палаток Тарас не увидел, но, судя по всему, они пришли. Здесь ночевала вся стая.

Деметрий указал ему на одно из тростниковых лож, а сам, отдав пару приказаний молодым, завалился на соседнее и быстро заснул, не обращая больше внимания на все происходившее. Впрочем, ничего больше не случилось, если не считать, что к Тарасу осторожно подошли несколько парней, включая молодых, и что-то коротко пробормотали, похожее на извинения. А Тарас хоть и не понимал ничего, но слушал незнакомые слова и молча кивал, пытаясь их запоминать. Подошел, ковыляя, даже тот парень, которого он спихнул со скалы. Нога его распухла, похоже, причиняя парню, которому было на вид лет пятнадцать, сильную боль, но он молчал, морщась и опираясь на палку.

«А этот за что извиняется? — не понял Тарас. — Я его калекой сделал. Видать, этот Гисандр и правда был в авторитете среди здешних пацанов. Как бы не облажаться».

Но думать Тарас больше не мог. Слишком многое случилось за прошедший день, а тем более за ночь. Жесткое и колючее тростниковое ложе показалось ему мягче любой перины, а возможность поспать, не боясь получить перо в бок, выглядела и просто подарком судьбы. Впрочем, проваливаясь в небытие, Тарас решил, даже если его зарежут во сне, он ничего не почувствует. Сейчас он был не против даже умереть во сне, лишь бы не будили. А на остальное ему было наплевать. И на рассвет, и на шум ручья.

Сколько он проспал — неясно, но точно не мало. Солнце светило ярко, уже миновав полуденную черту, когда боец с трудом раскрыл глаза. Деревья давали небольшую тень и прохладу, но всепроникающие лучи солнца уже так разогрели воздух, что спать было жарко. Тарас приподнялся на локте, хрустнув тростником, осмотрелся.

Лагерь был пуст. На ложах из тростника уже никто не спал, кроме него. Лишь у дальнего края каменистой поляны постанывал тот парень, которому он вчера повредил ногу. Другой, чуть постарше, ощупывал его колено с видом знатока-медика. Больше никого не было, если не считать двух мальчишек лет по двенадцати, колдовавших над огнем у самого берега ручья.

Проснувшийся организм мгновенно напомнил Тарасу обо всех перенесенных страданиях и потребовал пищи. Боец обвел взглядом поляну, небольшой костер, но не заметил никаких признаков кухни или запасов еды. Ни стола, ни термосов, ни кружек.

«Они тут вообще не едят, что ли? — расстроился Тарас. — Да еще лечат друг друга сами. Прямо концлагерь какой-то». Он до того расстроился, что, позабыв о своей роли,

вскинул руку и крикнул молодым по-русски:

— Эй, парень, иди сюда!

Один из пацанов прекратил подкладывать сухие сучья в огонь и подошел, остановившись с вопросительным видом. «Сработало», — обрадовался Тарас. И тут же выпалил:

— Пожрать принеси чего-нибудь.

Чернявый парень, одетый, как и все тут, в кусок ткани, обернутый вокруг тела и прихваченный на плече грубой булавкой, при звуках голоса Тараса округлил глаза, словно тот был с другой планеты. Тарас понял свою ошибку и попытался изобразить свою просьбу жестами, открывая и закрывая рот, одновременно показывая туда пальцем, мол, хочет есть. Наконец парень сообразил и скрылся среди деревьев, а скоро вернулся и положил перед Тарасом на камни теплый длинный огурец.

— А мяса нет? — снова не выдержал Тарас, заговорив по-русски, но осекся, ответив сам себе мысленно: «Какое мясо, они тут только на людей охотятся, и если каннибализмом не занимаются, то сидят, видать, на подножном корму. Маньяки».

Тарас, желудок которого требовал как минимум банку говяжьей тушенки, разочарованно вздохнул и отправил жестом парня обратно к костру. А сам впился зубами в принесенный огурец. Расправившись с огурцом, который был на вкус сладковатым и противным, он перевернулся на другой бок и снова засопел.

Ушибленная голова дала о себе знать пульсирующей болью. «Пошли они все к черту, — вдруг разозлился Тарас, который после теплого огурца захотел есть еще сильнее, — аборигены хреновы. Чуть на тот свет не отправили. Есть нечего. Что за страна такая, где все ходят одетые, как батраки в прошлом веке? На наш Кавказ не похоже. Хорватия, что ли, или Албания? Может, правда, Греция? А, плевать, буду валяться, пока не оклемаюсь».

И он снова задремал под шум горного ручья. Очнулся он уже ближе к вечеру. В первую секунду ему показалось, будто он спит дома в родной квартире после возвращения со службы, но, открыв глаза и вспомнив, где он, Тарас прислушался. Ему показалось, что недавно рядом кто-то громко кричал. Точнее, орал так, словно его резали на ленты по живому. Именно этот крик и разбудил слегка пришедшего в себя бойца, которому удалось отдохнуть. Теперь он чувствовал себя немного лучше, хотя «контузия» еще не прошла.

Тарас с неудовольствием повернулся на бок, хрустнув тростниковой подстилкой. Решил рассмотреть возмутителя спокойствия и обомлел. На сей раз лагерь у ручья был вновь полон народа.

В десятке метров, у дальнего края каменистой поляны, пятеро парней во главе с Деметрием точно собирались зарезать какого-то мужчину. Четверо держали его за руки и ноги, а Деметрий хладнокровно присматривал участок живота пленника, в который было удобнее воткнуть длинный нож. Несчастному было лет сорок. Он был совершенно голым, только в набедренной повязке, и извивался, как уж, но четверо парней держали его крепко. Даже смеялись, словно уговаривая не брыкаться, а расслабиться и получить удовольствие.

Прикидываться шлангом, изображая из себя авторитета среди молодежи, Тарас еще мог, но только до тех пор, пока при нем никого не убивали. Сработал рефлекс.

— Эй, — крикнул Тарас, поднимаясь на теплые камни, — отпустите мужика. Отпустите, я сказал.

Но Деметрий на этот раз то ли не расслышал его из-за смеха своих помощников и криков жертвы, то ли не захотел слушать. А потому, не успел Тарас сделать и двух шагов к своему вчерашнему «палачу», как тот точным движением вонзил нож повыше пупка в оголенный живот жертвы и, как заправский хирург, сделал быстрый и длинный надрез вдоль. А затем еще один и еще, по кругу.

Не обращая внимания на дикий вопль жертвы, Деметрий вспорол мышцы на животе пленника. Затем, запустив туда руку, выхватил и с торжествующим видом поднял вверх внутренности жертвы. Смотревшие за этим парни из отряда радостно заголосили, трижды

издав победный клич, словно Деметрий, по рукам которого текла кровь, совершил какое-то жертвоприношение и одновременно развлек их.

Но Тарас уже не обращал на это внимания. Вопль истязаемого так резал его барабанные перепонки, что он бросился вперед, словно получил команду «фас» от своего взводного. Перед ним снова был зэк, хоть и малолетний, которого следовало привести в разум, чего бы это ни стоило. И тот факт, что в руках у Тараса не было автомата, а на нем защитных доспехов, ничуть его не остановил.

Оказавшись рядом в два прыжка, он пнул ногой одного из парней, который держал умирающего пленника на земле, отбросив его в сторону. А затем нанес с разворота удар ногой в лицо Деметрию, который стоял на коленях и все еще держал в руках кишки умирающего, наслаждаясь его воплями. От этого неожиданного удара Деметрий развернулся и упал спиной на камни, отшвырнув в сторону кишки, кровь с которых забрызгала и самого Тараса. Тот подпрыгнул ближе и, не дав подняться, снова ударил Деметрия ногой в бок, а затем схватил его за длинные волосы и приложил мордой об острый камень.

Все остальные парни стояли, как и вчера, ошеломленные, но бездействующие. Никто не вмешался. Даже тот, кого Тарас ударил ногой. И он в исступлении избивал, месил ногами и руками Деметрия на виду у всех до тех пор, пока тот не решил схватку кардинальным образом. Едва придя в себя от первых ударов по голове, Деметрий приподнялся, отскочил в сторону и с разворота всадил нож под ребро Тарасу, который в ярости не обратил никакого внимания на то, что его противник все еще сжимает лезвие в руке. Клинок вспорол бок, скользнув по ребрам, и накидка Тараса мгновенно намокла от крови.

Он покачнулся, зажав бок рукой, отступил назад. Боль звездой заструилась от раны. Силы быстро покидали его. А Деметрий, напротив, шагнул к нему и, глядя в глаза, с ненавистью крикнул что-то, брызгая слюной. Тарас покачнулся еще раз. Затем в ушах стал нарастать вой, словно проносящийся мимо платформы поезд. Ноги его подкосились, и белый свет потух, сжавшись в черную точку.

Глава шестая Прозрение

Долгое время он пребывал в странных мирах, не понимая, жив он или мертв. Его душа носилась между ними в смятении. Кромешная темнота сменялась пронзительно яркими картинами гор и рек, по берегам которых сидели страшного вида звери, похожие на помесь огромных собак и орлов, жаждавшие его крови. Они посматривали на него злыми глазами, то и дело приоткрывая хищные клювы и ощеривая пасти с острыми клыками. Тарас понимал, что звери эти ждут его. Именно его. Едва приблизившись к берегу, он тотчас в ужасе бросался прочь. Но далеко убежать не мог и снова возвращался, влекомый неведомой силой.

А в последний раз, остановившись у реки, он заметил на другом берегу себя. Вернее, того парня, которого он закопал в горах. Он стоял среди зверей в набедренной повязке, как ни в чем не бывало, хотя из его рваной раны на животе струилась кровь, и призывно махал рукой. Тарас вновь ощутил непреодолимый зов реки, качнулся вперед, но в последний миг пересилил себя и бросился прочь от этих чудовищ, вновь растворившись во тьме.

— Теперь выживет, — раздался над ним незнакомый голос, и Тарас с запозданием ощутил, что ему только что вылили на голову ведро холодной воды.

Со страхом увидеть над собой одно из этих чудищ с распахнутой пастью, он открыл глаза и вздрогнул, отшатнувшись. Но потом успокоился: над ним склонились двое волосатых парней, лица которых он смутно припоминал. Значит, он еще не умер и был все там же, среди банды малолетних убийц, растерзавших на его глазах ради удовольствия ни в чем не повинного крестьянина. Впрочем, с первыми признаками сознания в тело вернулась и боль. Сильная боль. Весь левый бок словно горел, объятый пламенем. Дернувшись, он застонал, схватившись за бок, и едва снова не потерял сознание.

— На вот, — сказал один из парней, засовывая ему в рот какую-то горькую траву. Тарас попытался ее выплюнуть, вкус был отвратительным, но цепкие пальцы лекаря не дали

ему этого сделать. Левой рукой парень разжал ему зубы, а правой запихал траву в рот. Волей-неволей пришлось прожевать. Сначала он решил, что его хотят отравить, но потом, спустя пять минут, проглотив сок травы, он вдруг ощутил сладкий дурман в голове и во всем теле. Это было что-то похожее на обезболивающе и наркотики одновременно.

Невольно расслабившись, Тарас отключился. А когда снова пришел в себя на рассвете очередного дня, мог уже соображать вполне сносно, хоть слабость была сильная и бок болел по-прежнему. Осмотревшись и ощупав себя, боец «Тайфуна» пришел к выводу, что пролежал на своей тростниковой подстилке не меньше двух недель, — за это время борода его отросла довольно прилично. Рана на левом боку, зашитая кем-то толстой ниткой из жил неизвестного животного, выглядела ужасно, но уже начала затягиваться. Слава богу, что клинок лишь скользнул по ребрам. Поэтому Тарас даже решил чуть позже встать и походить, привыкая к вертикальному положению. Распоротая на месте раны накидка тоже была кем-то выстирана и грубо зашита. Ему не только не дали спокойно умереть после драки с Деметрием, но явно выхаживали по неизвестной пока причине.

Тарас не мог понять — почему. Он осторожно присел и обвел настороженным взглядом лагерь у реки. Неожиданно он встретился взглядом с одним из парней, с тем, который «кормил» его травой. Заметив, что раненый снова очнулся, тот подозвал парня помоложе и что-то сказал ему, махнув рукой в сторону Тараса. Молодой кивнул, скрылся в тени деревьев и вскоре принес к его лежанке пару огурцов и кусок хлеба из муки такого грубого помола, который только приходилось видеть спецназовцу. Но он был рад и этому, ибо, едва увидев пищу, сразу же ощутил, как страшно проголодался. Он не ел ведь уже почти две недели. Пожирая сладковатый огурец с пресным хлебом, краем сознания Тарас отметил, что больным солдатам в таких случаях полагался куриный бульон или целебный отвар, но был рад и хлебу с огурцами. Выбирать не приходилось. Слава богу, что его вообще не убили, ведь нарвался по полной программе. Вмешавшись в разборки, он, наверное, нарушил дикие законы этого горного братства, за которые вполне могла полагаться смерть даже тому парню, которого он замещал в этой стае. И все-таки его не убили, а даже вытянули с того света, заштопав дырку в боку. Что бы это значило?

Хрустя огурцом, Тарас озирался по сторонам, приглядываясь. «Медбрат», один из двух, которые лечили его травой, заметив, как он набросился на еду, удовлетворенно кивнул, но не стал приближаться и заводить разговор. Деметрия в лагере не было, как и основного состава самых взрослых парней. «Наверное, разбрелись по окрестностям, чтобы пограбить прохожих, — невесело подумал Тарас, с трудом проглатывая сладковато-горькую пищу, которая не лезла в глотку с сухим хлебом: воды ведь ему не предложили. — Вот угодил в историю, теперь пойду по криминалу. Хорошо, если сочтут свидетелем, а то ведь могут и соучастником убийства сделать вместе с Деметрием, когда возьмут всю эту банду. Доказывай потом, что не ты резал этого мужика».

За время его первого завтрака в этой походной жизни мимо прошли четверо босых мальчишек лет по двенадцати, направляясь в сторону тропы. Бросив на Тараса ничего не выражающий взгляд, они прошагали по камням, придерживая ножны для кинжалов, и скрылись в лесу, разговаривая о каком-то предстоящем деле. Но Тараса ошеломил не столько вид этих мальчишек, запросто босиком прыгавших по камням, сколько их разговор. До него вдруг дошло, что он понял несколько фраз из незнакомого языка, хотя и с пробелами.

«До деревни илотов недалеко, — сказал один, — к вечеру дойдем». А другой ответил: «Деметрий приказал никого… только украсть еды… сколько унесем».

Тарас едва не подавился огурцом, который тоже оказался ворованным, как, похоже, и все в этом лагере. Впрочем, это его уже не удивляло. Судя по повадкам этих ребят, здесь пахло настоящим криминалом, в который ему, менту, повезло вляпаться со всей дури. Попробуй теперь отмазаться. Но это все уже было давно ясно. Его поразило другое: словечко — илоты, — показавшееся странно знакомым. Где-то он его уже слышал. А может, читал.

Доедая хлеб, Тарас некоторое время напрягал память, но ослабленное сознание ничего не подсказывало, кроме смутного подтверждения того, что слово это он знает и оно как-то

относится к древней истории, которую он частично освоил в армии, от отсутствия выбора читая учебник вместо детектива. «А, ладно, какая разница, — отогнал суетные мысли Тарас, — чего голову ломать, ее сначала вылечить надо».

И вдруг остолбенел: «А как же я их понимать научился? Неужели во сне, пока валялся тут, а они вокруг шастали и не таясь говорили о своем». Тарас даже перестал есть от удивления, выдвинув такую гипотезу.

«А что, — прищурился боец, закончив скудную трапезу и вытирая руки о недавно выстиранную накидку, — бывают же разные методы обучения во сне под магнитофон. Лежишь себе, ничего не делаешь и умнеешь. А потом раз — открыл глаза, а ты уже англичан понимаешь, как будто здесь и родился».

Снова откидываясь на подстилку из тростника и держась за саднивший тупой болью левый бок, Тарас продолжал размышлять. Ведь о таких методах он только слышал, но ни разу в жизни людей, обученных во сне, не встречал. Хотя в подобные технологии верил. Новая служба раскрыла ему глаза на некоторые возможности человека, которые он раньше считал невероятными. Может, и тут полученные навыки неожиданно помогли. И все же…

«Но если так, тогда я должен уметь и говорить на их языке, — прикидывал Тарас, глядя, как в его сторону направляются те двое „лекарей“, которых он увидел первыми в этой новой жизни после ранения, — вот сейчас и проверим».

Парни были примерно его возраста, из «старшей группы», — лет по девятнадцать-двадцать. Загорелые. В таких же накидках, переброшенных через плечо и доходивших до колен, только изрядно потрепанных по сравнению с плащом Тараса. Видно, прыгали по горам гораздо больше.

Один был повыше ростом, примерно с Тараса, но гораздо худощавее, хотя и жилистый, по всему видно. А второй на полголовы пониже и тоже крепкий. Физподготовка здесь была на уровне у всех, это бросалось в глаза. Оба были длинноволосые. У того, что ниже ростом, вдоль левой руки от локтя к запястью струился тонкий шрам. А у высокого левый глаз был прищурен чуть больше, чем надо. Похоже, ему хорошо приложили в давней драке чем-то тяжелым в бровь, но глаз остался зрячим.

Приблизившись, оба парня остановились в трех шагах от лежащего Тараса.

— Очнулся? — спросил высокий.

Тарас осторожно кивнул, не решаясь пока раскрыть рта. И вдруг сам собой произнес:

— Да.

— Это хорошо, — продолжал высокий, кивнув, и добавил длинную фразу, которой Тарас совсем не понял.

«Система-то с пробелами, — огорчился он, поглядывая на парня, который явно ждал от него ответа, — придется доучиваться на ходу». И, положившись на интуицию, отрицательно замотал головой. Похоже, и такой ответ удовлетворил вопрошавшего. «Может, здоровьем интересовался, — промелькнуло в голове у Тараса, — он ведь тут вроде медбрата».

Боец оказался недалек от истины.

— Ты… долго лежишь, Гисандр, — заметил второй, — надо… Тело… оно… двигаться.

«Надо же, — не переставал удивляться Тарас, — почти все понимаю».

И тут же попытался встать.

От резкого напряжения мышц он покачнулся, голова закружилась, но он устоял, уняв дрожь в ногах. Оба эскулапа удовлетворенно переглянулись, усмехнувшись.

— Хорошо, Гисандр, — кивнул высокий, — теперь…

Тарас опять не понял смысла, но решил, что от него требуют сделать несколько шагов. Сделал. Боль пронзила бок и живот, отдала в ноги, слабость снова накатилась, и он присел на ближайший камень. На лицах наблюдателей отразилось разочарование.

— Больно, — откровенно пожаловался Тарас на незнакомом языке.

— Ты… терпеть, — безразлично напомнил низкорослый парень, даже поморщившись оттого, что услышал жалобу от такого крепкого бойца, как Гисандр, словно тот вообще не мог испытывать боль после ранения, — иначе педоном тебя накажет, когда вернемся в

Лаконию.

— Куда вернемся? — пробормотал Тарас, ничего не поняв.

— Встань, — снова скорее попросил, чем приказал долговязый.

Тарас нехотя подчинился. Тот резким движением сдвинул на бок одеяние бойца, оголив живот. Протянул жилистую руку и резко сжал стальными пальцами рану на боку. Тарас взвыл от боли, взмахнув руками и едва не заматерившись по-русски: «Отвали, коновал хренов». Но сдержался из последних сил.

А «коновал» остался доволен увиденным, даже снова потрогал шов, проведя по рубцу пальцем. Видимо, это он и заштопал рваный бок Тараса, пока тот блуждал между мирами в бессознательном состоянии. Так что, можно сказать, этому бандиту Тарас был обязан своим возвращением.

— Пойдем, Архелон, — обратился долговязый к своему спутнику, заканчивая первый «осмотр», — он еще…

— Идем, Эгор, — кивнул тот, — нас ждет…

Но кто их ждет, Тарас опять не понял. У него создалось ощущение, что слух его постоянно дает сбои, доводя до сознания только половину смысла. А оба парня, словно позабыв о стоявшем перед ними «пациенте», развернулись, чтобы уйти.

— Эй, — не выдержал Тарас, — а мне что делать?

— Сегодня… завтра… ходить, — наказал, обернувшись долговязый Эгор, неожиданно протягивая бойцу горсть знакомой сушеной травы, — тело работать. А потом…

Тарас напрягся; похоже, лежать ему больше не дадут.

— Деметрий… нападение на… илотов, — добавил второй «медбрат», которого звали Архелон, — он… ты должен пойти… вместе… если выживешь.

И ушли, не дожидаясь ответа, в сторону лесной тропы. В лагере снова остались лишь малолетки. А смертельно уставший от этого осмотра Тарас, не раздумывая запихал в рот «обезболивающее» и рухнул на тростниковую лежанку, с наслаждением вытянувшись. Он был еще слабоват для походов, но это, похоже, местного «пахана» Деметрия, едва не отправившего его на тот свет, совсем не волновало.

«Значит, день или два у меня еще есть отлежаться, — размышлял он, прикрыв глаза от солнечного света и ощущая, как по жилам разливается горьковатое снадобье, затуманивая перегруженный новыми впечатлениями мозг, — а потом меня поведут на дело, чтобы замазать окончательно. Непонятно вообще, почему не добили. Нет, надо что-то придумать. Сбежать отсюда, что ли, пока не раскололи и не связали по новой? Скоро они стоянку меняют, это ясно. Куда они там собирались возвращаться с добычей, в Лаконию? А это еще что за деревня…»

Не додумав мысль, Тарас сам не заметил, как опять провалился в глубокий сон. А проснувшись, понял, что уже вечер. Неподалеку от раненого сновали молодые пацаны, колдуя над костром, на котором на этот раз жарилось что-то мясное. Присмотревшись, Тарас разглядел в отсветах костра тушу какого-то животного, не то молодого и не слишком крупного кабана, не то барашка. Рядом с огнем стояли пятеро старших парней, у ног которых валялась еще одна туша, больше походившая на крупного козла, судя по рогам. И этот козел был еще жив, но связан. Он то и дело брыкался, пытаясь подняться, но безрезультатно. Путы держали его надежно.

«Интересно, — подумал Тарас, чутким носом втягивая запахи жареного мяса, — добычу они на охоте убили или тоже украли у крестьян? С них станется».

Народ у костра балагурил больше обычного, по всему было видно, что отряд или несколько групп вернулись из своих налетов с большой добычей. Тарас после глубокого сна почувствовал себя лучше и решил было встать, чтобы размяться. Но потом передумал и продолжал лежать, втихую проверяя свои лингвистические способности. Он слушал и подсматривал за говорившими, стараясь в точности понять смысл сказанных слов. Благо за много дней его вынужденного нахождения на этой поляне у ручья вся братия привыкла к нему и уже давно воспринимала его как часть горного пейзажа.

— …он визжал, как свинья, когда Деметрий отрезал ему руку, державшую мешок с зерном, — хохотнул один из старших, рассказывая, видимо, недавно случившуюся историю.

— Свинью у него мы тоже забрали, — поддержал шутку другой парень, невысокий здоровяк со сломанным носом, указав рукой в сторону жарившейся на костре туши. — Нельзя быть жадным, когда тебя просят по-хорошему.

Его шутке рассмеялись и все остальные, находившие поступки Деметрия забавными. Самого предводителя этой стаи у костра не было. Впрочем, как и еще человек десяти из старших. Видно, опять отправился на новое дело. «Неугомонный этот Деметрий, — решил Тарас, радуясь и одновременно пугаясь тому, что понимает практически весь разговор, — просто преступный мозг этой банды. Его надо будет взять первым, остальных будет скрутить легче».

— Сегодня будет настоящий пир, Плидистрат, — добавил здоровяк, вновь указав на подрумянившегося поросенка, — давно такого не бывало.

— Да, — кивнул тот, — ты прав, Книд. Хотя педоном нам и запрещает есть вдоволь, но пока мы здесь одни, надо хоть раз порадовать себя горячей и сытной едой. Деметрий разрешил. В долине Эврота мы долго такого не увидим.

— Это верно, — кивнул Книд, сломанный нос которого был хорошо заметен на фоне пламени, — еще чуть больше месяца и нам придется возвратиться к алтарю Артемиды, где нас ждет отличная порка.

— И многие из нас умрут, отдав души богам, — ухмыльнулся тот, кого называли Плидистрат, — как это случилось со многими тогда, когда нас пороли впервые.[15]

На этот раз всеобщий взрыв хохота заставил Тараса вздрогнуть. Смеялись даже молодые. Боец спецназа смотрел на них тайком, вытаращив глаза, как на полоумных мазохистов или клуб малолетних самоубийц.

— А молодые станут настоящими спартиатами, — продолжил Плидистрат свою мысль, — и получат оружие. Но тебе, Эномай, — заявил он, внезапно пнув ногой под зад наклонившегося за поленом пацана лет десяти, — это пока еще не грозит.

Под очередной взрыв хохота парень упал, ударившись лицом о камень и разбив нос, из которого потекла кровь. Тарас ожидал, что пацан разревется. Но Эномай только стиснул зубы, остановив рвавшиеся наружу слезы, и размазал рукой кровь по лицу, молча глядя на того, кто его так унизил, взглядом обиженного волчонка.

— Молодец, — похвалил его обидчик. — Иди, умойся. Из тебя со временем выйдет толк.

А когда пацан, отбросив все еще зажатое в руке полено, пошел к ручью, исчезнув в темноте, добавил, обернувшись к своему собеседнику:

— Крепкий у тебя брат, прямо как ты.

— Да, в нашем роду все хорошие бойцы, — ответил Книд, погладив свой сломанный нос.

— Помнишь, как год назад мы с тобой схватились у моста через Эврот из-за того, кто пройдет по нему первым? — поинтересовался все таким же веселым тоном Плидистрат, упершись кулаками в бока.

— Отлично помню. Хорошая была драка, — кивнул Книд, словно вспоминая лучшие моменты жизни, — ведь я запустил в тебя камнем.

— Я тогда сломал тебе нос, — похвалился Плидистрат.

— А я тебе едва не сломал ребро, — напомнил Книд, не оставшись в долгу, — а нос — ерунда. Он после этого стал только красивее.

И оба расхохотались, хлопнув друг друга по плечу.

Слушая эти разговоры, а в особенности имена и названия, которыми сыпали сегодня на

---

[15] Начиная с пятнадцатилетнего возраста спартанские подростки получали право ношения оружия, которым их награждали по окончании праздника в честь Артемиды Орифии. Во время этого праздника их нещадно секли на алтаре ивовыми прутьями и часто забивали до смерти.

редкость разговорчивые парни, Тарас вдруг начал осознавать, что находится не в России. Приходившая в порядок память услужливо подсказала ему, что такие боги, как Артемида, почитались в Греции. В Древней Греции. А промелькнувший «спартиат» наводил на мысли только о Спарте и больше ни о чем.

Тарас остолбенел от такого предположения. «Я в Спарте? Посреди Древней Греции? Как такое, черт побери, могло произойти? Ведь я живу в двадцать первом веке, а здесь не пойми какой». Однако все, что он успел повидать, пережить и услышать за эти дни, служило тому подтверждением, выстроившись во вполне логичную цепь: и мертвый парень в странной одежде, и крестьяне с мотыгами вместо тракторов, и эти бандитского вида спартиаты, охотившиеся на людей. Все это, вместе взятое, могло быть неправдой только в одном случае: он окончательно свихнулся от контузии и потерял связь с реальностью. Но день здесь так же сменял ночь. Рана на боку болела вполне реально, а запах жареного мяса, доносившийся от костра, тоже был реальным. Как и те, кто продолжал разговаривать у огня, где вдруг вспомнили про него самого, заставив внутренне напрячься и замереть.

— Что-то Гисандр не ко времени свалился, — вновь заговорил Плидистрат, переступив с ноги на ногу и втянув носом запах уже почти готового мяса. — Они ведь с Деметрием придумали отличный урок для устрашения илотов, как нам и приказывали. Нападение на деревню ночью.

Он помолчал, сглотнув слюну.

— Подберемся незаметно, ворвемся в пару домов, как и хотел Гисандр, да захватим самых смелых илотов. Дома уже разведаны, мелкота несколько дней по деревне бродила, подслушивая, кто против эфоров да царей разговоры заводит. Осталось только напасть на спящих, увести в горы, а уж здесь мы им кишки выпустим.

Теперь Плидистрат замолчал от предвкушения события, которое ему доставляло гораздо больше удовольствия, чем поедание зажаренного свиного мяса после длительного воздержания.

— Ничего, он крепкий боец, — отмахнулся Книд. — Несмотря на большую рану, вставал уже несколько раз, я видел. А мы уж все думали, что он отправился в царство Аида. Но Архелон с Эгором над ним хорошо поработали. Теперь скоро будет снова с нами.

— Конечно, ведь он и придумал, как навести ужас на илотов Мессении[16] так, чтобы нашу агелу[17] прославить больше других. Мы должны не просто убить ночного прохожего, а запугать большую деревню. И потому нас должно быть как можно больше. Не пойдем же мы без него, ведь здесь важен каждый. Вот Деметрий и приказал ждать, пока он придет в себя.

— И чего они подрались из-за этого пьяного илота?[18] — удивленно покосился на Тараса горбоносый Книд, вспоминая недавние события. Но Тарас сделал вид, будто спит глубоким сном. — По нашим законам тот должен был умереть на глазах молодежи, чтобы они навсегда запомнили, что пьянство — это страшный порок.

— Одни боги знают, что пришло Гисандру на ум, — пустился в размышления больше других любивший почесать языком Плидистрат, также поглядывая в сторону «спящего». —

---

[16] Мессения — некогда суверенное государство, граничившее со Спартой на западе полуострова Пелопоннес до тех пор, пока спартанцы не напали на своих соседей и не захватили их страну, обратив ее жителей в илотов — государственных рабов. Позднее для устрашения илотов и воспитания в воинственном духе подрастающего поколения спартиатов были введены так называемые криптии. Этот обычай предполагал ежегодное «объявление войны» уже завоеванному государству, после которого десятки отрядов (агел) из молодых спартанцев отправлялись бродить по Мессении с официальным приказом нападать и убивать всех наиболее сильных и способных на протест илотов.

[17] Агела — дословно стая (*греч.*).

[18] В воспитательных целях спартанцы силой заставляли илотов напиваться и распевать песни, а потом насмехались над ними, стремясь показать молодому поколению, что пьянство — это зло.

Ведь его незадолго до этого хорошенько побили, а потом ударили палкой по голове. А еще раньше он один бродил много дней вокруг вершин Тайгета[19] в поисках кабана, которого хотел посвятить Аполлону.

И, чуть отвернувшись в сторону, добавил, понизив голос, но Тарас все же услышал.

— Наш Гисандр хоть и крепок телом, мог слегка помутиться умом. Вот и бросился на Деметрия, а тот решил, будто Гисандр захотел занять его место вожака агелы, и ударил ножом. Деметрий не любит соперников.

— Это уж точно, — согласился Книд, поглаживая свой нос, которым снова втянул напоенный ароматом сочного мяса вечерний воздух, — но хватит о драках. Наш ужин готов. Пора приниматься за еду, пока он не остыл.

— Да простят нас боги за это чревоугодие в столь поздний час, — воздел руки к небесам Плидистрат и, окликнув Эномая и одного из его ровесников, приказал: — Снимайте тушу, и тащите ее вон на тот камень, укрытый листьями. Я буду разделывать ее сам.

И в подтверждение своих намерений достал из ножен свое оружие. Вдвоем Эномай с другом не справился, и пришлось подключать еще одного. Когда они втроем наконец притащили пышущего жаром поросенка на разделочный камень, находившийся метрах в пяти от Тараса, тому в нос ударили такие запахи, что зверски голодный боец решил немедленно проснуться. И начал было уже разворачиваться к месту предстоящего пиршества, но тут невдалеке послышался шорох, и на поляну выступили из темноты окружавших ее деревьев человек десять во главе с Деметрием.

— Я, кажется, вовремя, — сказал хриплым голосом Деметрий, сваливая с плеча на камни связку недавно убитых птиц.

— Хвала богам, ты явился как раз к ужину, — подтвердил Плидистрат, вонзая свой нож под лопатку свинье и привычным движением отделяя мясо от хребта, а затем переключаясь на филейные части, — вернее, для нас это будет настоящий пир.

— Что же, — согласился Деметрий, присаживаясь на камень с видом вожака и поглядывая, как остальные его спутники сваливают свою добычу рядом с брошенной на камни птицей, — совсем скоро мы забудем, что такое есть досыта.

— Уже забыли, — хохотнул Книд.

Но Деметрий смерил его таким взглядом, что следующие слова застряли в глотке у Книда.

— Пир в нашей жизни и еда досыта скоро станут редкими, — повторил Деметрий тоном умудренного опытом бойца, словно ему было не девятнадцать с небольшим, а все сорок, — а потому отпразднуем сегодня. Ведь, если захотят боги, завтра может и не наступить.

Все собравшиеся ответили на слова Деметрия одобрительным гулом. А Тарас вдруг раздумал «просыпаться», чувствуя, как сжались от гнева его кулаки. Он боялся, что если встанет, то немедленно испортит всю обедню этим кровожадным маньякам, кем бы они ни были на самом деле и где бы они сейчас ни находились: в Греции или в России.

— Оставьте хороший кусок мяса Гисандру, — вдруг услышал он слова Деметрия, — как очнется, тоже захочет есть.

«Заботливый, сволочь», — подумал Тарас, все еще пребывая в молчаливом гневе. Но постепенно ему на смену приходили странные ощущения, что для этих парней драка друг с другом, в том числе и насмерть, не была поводом для прекращения дружбы. Словно переломав друг другу ребра, носы и порезав ножами, можно было оставаться закадычными друзьями. Но все, что он услышал, наводило именно на такие размышления. «Высокие, — вспомнил он фразу из любимого фильма, — высокие отношения».

---

[19] Тайгет — горный хребет, отделявший территорию Лаконии (Спарты) от Мессении. В древности государство спартанцев именовалось Лакония (Лакедемон), а Спартой изначально называлась только группа из четырех-пяти поселений на правом берегу реки Эврот в центре Лаконии. Позднее вся территория расширившегося государства стала именоваться Спартой.

Глава седьмая Последний пир

Пролежав еще минут десять, Тарас не выдержал и осторожно сел на своей лежанке из тростника. Надо было как-то заново налаживать отношения, тем более если все, что он услышал, было правдой, хотя он сам еще не верил до конца в то, что находится в древней Спарте. Слишком уж невероятным выглядело такое предположение.

Несмотря на царившее по соседству веселье и приготовления к ужину, хруст тростника услышали. На звук обернулись несколько человек, включая Деметрия.

— Наш Гисандр очнулся! — издевательски воскликнул тот, приняв, однако, такой вид, словно ничего не случилось. А указав на почти разделанную свинью, добавил: — Присоединяйся, Гисандр, сегодня мы пируем.

— Я не голоден, — выдавил из себя Тарас, кулаки которого невольно сжались при виде обидчика. Однако он слегка успокоился, увидев несколько свежих шрамов на лице Деметрия, с удовольствием вспомнив, как возил его лицом о камни.

«Хоть какое-то утешение», — промелькнуло в мозгу спецназовца, размышлявшего, как ему получше войти в роль. Язык языком, но местных реалий он еще не знал, чтобы вести себя уверенно. Однако что-то надо было сказать еще. На него, словно на ожившую мумию, смотрели сразу несколько человек, а прямой отказ мог снова спровоцировать драку с Деметрием. Хоть Тарас и был не прочь поквитаться за рану, но слабость еще давала о себе знать. Все шансы были у Деметрия. Так что лучше было обождать, никуда этот главарь не денется от него. Ведь, судя по тому, что он услышал, прикидываясь спящим, Гисандр, то есть он сам, был вторым человеком в этой стае.

— Хотя ты прав, — сделал над собой усилие Тарас, вставая, и шагнув поближе к огню, — следующий пир будет не скоро. Так что дайте-ка мне кусок пожирнее.

Смотревшие на него парни в накидках и с кинжалами у пояса, заулыбались. Им пришлось по сердцу, что между двумя самыми сильными бойцами агелы снова наступил мир. Пусть даже временный. Деметрий, привыкший быть лидером, быстро уловил общее настроение, натянуто усмехнулся и нарочито громко заявил:

— Рад, что ты не ушел от нас в царство Аида. Мне было бы жаль отправлять туда столь хорошего бойца из-за жизни презренного илота.

Тарас предпочел промолчать, усаживаясь на камень у огня. А Деметрий между тем разорвал сильными руками свой кусок жареной свинины надвое и протянул одну часть Тарасу в знак примирения. Меньше всего спецназовцу хотелось есть из рук этого кровожадного ублюдка, каким он считал Деметрия до сих пор, но кто знает, как повернется жизнь дальше. И каковы местные обычаи, если его действительно занесло в древнюю Спарту. Услужливая память подсказывала, что с людьми здесь обращались не лучше, чем с животными. Тем более с рабами, жизнь которых ценилась еще меньше. Поэтому Тарас мясо взял и впился в него зубами, откусывая сочный кусок. Но с выводами решил повременить. Приглядеться надо, разведать, что к чему.

Остальные члены агелы снова загомонили, разбирая куски мяса, нарезанные щедрой рукой Плидистрата. Со всех сторон послышались шутки и смех. Допущены к еде были все, включая молодежь. Пир на взгляд Тараса выходил скудный: мясо, овощи и несколько кувшинов с речной водой в глиняных кувшинах. Не пир, а так, плотный перекус для оголодавших бойцов, да и только. Никакого вина или папирос Тарас не увидел, как-то машинально отметив, что подрастающие бандиты так не гуляют: без водки и курева. Новое наблюдение еще больше огорчило его, укрепляя внезапно возникшую депрессию.

«Может быть, — втайне надеялся Тарас, проглатывая первый кусок и смахивая каплю жира с подбородка, — все это игра больного воображения и в один прекрасный момент я очнусь в больничной палате, вспоминая все это как страшный сон».

Пока, однако, вокруг бурлила настоящая жизнь. И она, едва Тарас оторвался от спасительного тростникового ложа, сразу начала затягивать его в свой водоворот. Хотя

теперь Тарасу следовало привыкать к имени Гисандра, под личиной которого он до сих пор скрывался среди членов этой стаи, имевшей, похоже, какой-то приказ от неизвестного ему пока командного центра. И отделаться от участия в общей жизни стаи молодых спартиатов, как они себя называли, теперь было уже очень трудно. Если он действительно волею судьбы оказался в Спарте, то бежать куда-то одному и скитаться без провожатых бессмысленно, — прямая перспектива угодить в рабство. Лучше уж попытаться втереться в доверие к этим спартиатам, раз уж повезло оказаться среди граждан. Осмотреться, понять, что к чему. А там посмотрим. Единственное, что волновало Тараса в этом случае, — необходимость принять местные законы и обычаи. А они, как Тарас успел догадаться, были не из самых демократических. Но другого выхода он пока не видел.

— Завтра мы собирались напасть на деревню илотов, которая находится в дне пути вниз по течению ручья, — напомнил Деметрий и уточнил слегка издевательским тоном, свойственным, впрочем, тому же Плидистрату и остальным, — ты уже крепко стоишь на ногах, Гисандр?

— Крепко, — отмахнулся Тарас, доедая свой кусок мяса, который заметно прибавил ему сил и хорошего настроения, — и нож я тоже держу неплохо.

— Значит, завтра к вечеру выступаем, — кивнул довольный Деметрий, ухмыльнувшись и вытирая жирные руки о край своей накидки, — я поведу основную часть агелы, а ты с остальными перекроешь дорогу на юг.

— Ты угостил меня хорошим ударом, — решил схитрить и потрафить командиру Тарас, на самом деле желая получить от него больше сведений относительно ночного налета, — и пока я лежал в бреду, кое-что позабыл. Расскажи. Что мы собирались сделать с илотами?

Деметрий усмехнулся, откусил часть луковицы и съел ее, запив водой из кувшина, пробормотав при этом что-то нечленораздельное типа: «Бывает». Льстивое обращение ему явно понравилось, и он снизошел до повторения.

— Мы разделимся на две неравные группы. В каждой из них будет пополам молодых и взрослых бойцов, — начал издалека Деметрий, поглядывая, как быстро с камня исчезли остатки жареной туши, — с большей я нападу на крупную деревню илотов, в которой стоит сорок домов. А ты перекроешь дорогу, как я и говорил. У тебя будет четверо опытных бойцов и семеро молодых.

— Не густо, — заметил Тарас.

— Илоты трусливы, — отмахнулся Деметрий, — и боятся нас, как божественного огня. Думаю, тебе даже не придется вступать в драку.

— Значит, вся слава опять достанется тебе? — вдруг неожиданно для себя выпалил Тарас, хватаясь за ножны и наклоняясь вперед. По выражению лица Деметрия, который едва не вскочил от мгновенно охватившей его ярости, и еще нескольких бойцов он понял, что попал в точку. Именно таким здесь и привыкли видеть Гисандра. Постоянно оспаривающим власть командира агелы. Видимо, как стал догадываться Тарас, назначенного кем-то из взрослых. Поощрялось это или порицалось местными порядками, было не ясно, но настоящий Гисандр вел себя именно так. В памяти промелькнули следы жестокой порки на спине у заваленного теперь камнями трупа. «Видать, мой двойник был остер на язык, — решил Тарас, — за что и попадал под горячую руку своих воспитателей».

Но Деметрий сдержал себя, снова напустив безразличный вид.

— В этой деревне много илотов, — продолжил он, выдержав паузу и проследив за рукой Тараса, которую тот медленно убрал с ножен кинжала, — На всех хватит. А самые опасные среди них четверо. Это мне донес Эномай. Он дольше всех под видом пастуха из дальних деревень бродил по деревне, слушая разговоры илотов и выпрашивая еду.

Деметрий усмехнулся и добавил, оглянувшись на сидевшего неподалеку пацана.

— И ему даже подавали, поверив, что он пастух. Правда, большую часть еды он все же украл, как и следовало.

Тарас не понял, зачем красть еду, если ее и так дают, но промолчал.

— Так вот, Эномай рассказал, что больше всего возбуждают народ разговорами против «ненавистных» царей[20] и эфоров четверо илотов, которые живут на северной оконечности деревни со своими семьями. Это сильные, но старые мужчины, однако они могут оказать яростное сопротивление. Есть и еще несколько, но те живут на другом конце деревни. Поэтому, если они вступятся за своих, то и на твою долю хватит славы.

Тарас сделал вид, будто удовлетворен объяснением, и кивнул.

— Подберемся незаметно, когда все будут спать, — закончил мысль довольный собой Деметрий, — захватим бунтарей. Часть казним на месте, для острастки. А парочку уведем с собой. Молодым надо набивать руку.

Глядя на Деметрия, в глазах которого во время рассказа о планируемых убийствах играл нездоровый блеск, Тарас лишний раз убедился, что все происходящее с ним, — реальность. Жестокая, но реальность. И раздумывать некогда. Ему придется выбирать прямо сейчас. Ведь если он пойдет вместе с агелой, то, возможно, ему тоже придется убивать ни в чем не повинных крестьян. И не из автомата, а собственноручно. Такой уж здесь обычай.

«Черт побери, — мысленно выругался Тарас, отворачиваясь в сторону, — иначе, похоже, никак. Ладно, постерегу со своим взводом дорогу; может, обойдется без кровопролития. А там посмотрим».

— Эй, Плидистрат! — окликнул Деметрий долговязого парня, травившего своим друзьям очередную байку: — Я смотрю, мясо у нас закончилось, а пир в самом разгаре.

— Прикажешь зажарить козленка? — уточнил Плидистрат, возвращаясь к своим обязанностям повара.

— Да, тащи его сюда, — приказал командир агелы, — я лично приготовлю его.

Тарас, давно расправившийся со своим куском мяса, на что его слипшийся от долгой пустоты желудок ответил радостным урчанием, с удивлением следил за происходящим. Его терзало смутное предчувствие, что сейчас состоится какое-то жертвоприношение. Плидистрат и Книд, схватив связанного, но упирающегося козленка за рога, приволокли его поближе к огню. Козленок блеял от страха, но его голос быстро потонул во всеобщем веселье по случаю продолжения пира.

Жертвоприношения не состоялось. А вся «подготовка» туши для ужина свелась к тому, что Деметрий просто схватил животное за рога, вынул кинжал, перерезал козленку горло, распорол ему живот до самого низа и долго держал голову на весу, сливая кровь на камни.

Тарас хоть и был не из самых чувствительных, но смотреть на агонию животных не любил. А потому опустил взгляд и уставился на лужу крови, которая образовалась у ног Деметрия рядом с костром. Но командир агелы истолковал этот взгляд по-своему.

— Завтра мы все равно уйдем отсюда, так что мухи нам не страшны, — сказал он Тарасу, отбрасывая от себя тушу козленка, быстро подхваченную ловким Плидистратом, — снимите с него шкуру да зажарьте поскорее.

А когда спустя всего десять минут Плидистрат вернулся со шкурой козла и положил ее под ноги Деметрию, тот вдруг спросил, обращаясь сразу ко всем членам агелы:

— А где наш лучший кифаред? Я хочу петь.

— Верно, — раздались голоса. — Какой же пир без песен.

— Эй, Орест, неси сюда свой инструмент! — крикнул оказавшийся рядом Книд. — Мы будем петь веселые песни.

«Ну сейчас начнем гулять на всю ивановскую», — впервые от души усмехнулся Тарас, заметив, как на зов к костру протолкался сквозь более рослых соплеменников невысокий Орест. Длинноволосому парню было лет пятнадцать, одет он был, как и все, а когда сел, то на его коленях Тарас заметил какие-то деревянные гусли с натянутыми вдоль них струнами

---

[20] В отличие от остальной Греции, где монархии были уничтожены еще в архаический период, в Спарте существовала не просто монархия, а диархия — власть сразу двух равноправных царей, происходивших из династий Агиадов и Эврипонтидов. Власть была наследственной и пожизненной. Если не случалось иначе, после смерти царя власть переходила к старшему сыну.

из неизвестного материала. Спецназовец был заинтригован. Такого он еще не видел.

Но местного кифареда это мало интересовало. Он передернул струны и, заиграв нехитрую мелодию, сам же запел высоким голосом:

— Наши славные предки жизнь проводили в походах…

Остальные, дав кифареду пропеть несколько строк, подхватили припев:

— Убей врага во славу Аполлона и в Дельфы принеси ему дары!

Поглядывая, с каким единодушием все собравшиеся у костра затянули этот военный марш, Тарас окончательно убедился, что его окружают не малолетние преступники, а молодые спартанцы. Если бы это было иначе, то сейчас тут звучала бы «Мурка» или еще какой-нибудь шансон из блатного репертуара, а не патриотические песни, прославлявшие древних героев. Тарас слушал кифареда во все уши, понимая почти все слова, но хоть и не был большим знатоком музыки, решил, что песня не слишком заумная. Орест перечислял один за другим все подвиги каких-то древних героев, достойных славы самого Геракла, и нахваливал при этом их мужество. Просто и понятно. Да и музыка тоже раскладывалась, насколько мог судить спецназовец, всего на несколько аккордов. Но слушателям нравилось. Они даже пришли в восторг, когда в очередной раз затянули «Убей врага во славу Аполлона!». Чтобы не слишком отделяться от своего нового коллектива, Тарас тоже подпевал вполголоса и постепенно ощутил общий кураж. Песня был простая, но бодрая, и хорошо заряжала.

Спев еще пару подобных гимнов героям и достойным бойцам, разгулявшиеся спартанцы дождались того момента, когда козленок будет хорошенько зажарен, и быстро съели его небольшую тушку, запивая водой. Отовсюду раздавались крики, восхвалявшие разных богов, но чаще всего спартанцы хвалили Зевса и Аполлона.

— Все, — внезапно прекратил всеобщее веселье Деметрий, когда последние крохи еды исчезли в желудках. — Пир окончен. Всем спать. Завтра мы отправляемся в ночной поход и меняем стоянку. Надо хорошенько отдохнуть.

Шум мгновенно стих. Все разбрелись по своим лежанкам из тростника, не считая нескольких дозорных, в обязанности которых входило всю ночь бродить вокруг лагеря и поддерживать огонь.

Удивленный такой дисциплиной, — никто даже не пикнул, чтобы спеть еще одну песню или нажарить еще птицы, запасы которой имелись, — Тарас бросил взгляд на Деметрия и поднялся, направляясь к своей лежанке.

— Отличный был пир, — похвалил он командира на прощание.

— Будет, что вспомнить, когда встретимся в царстве Аида, — весело кивнул Деметрий, направляясь к своему лежбищу. А у Тараса, еще не привыкшего к местному юмору, по коже пробежали мурашки. В этом лагере к смерти все относились как к чему-то очень близкому, что может наступить в любое мгновение. И, судя по всему, этого никто не боялся. Или делал вид, что не боялся. «Может, это у них по молодости? — подумал Тарас, с наслаждением устраиваясь на тростниковом ложе. Уставшее с непривычки тело требовало отдыха. — Впрочем, наверное, тоже выучка».

Тарас уже заметил, что все парни, несмотря на разницу в возрасте, вели себя примерно одинаково. Старались не обращать внимания на жару днем, холод ночью, и голод, царивший до сегодняшнего дня в лагере. Терпеть боль и никогда не жаловаться, что бы ни случалось. Молодежь беспрекословно подчинялась старшим. А старшие своему командиру. Хотя иногда и возникали стычки и даже настоящие драки. Но и они, похоже, считались нормой жизни. Во всем этом чувствовалась какая-то система, явно навязанная взрослыми спартанцами своему подрастающему поколению. И, засыпая, Тарас, что-то читавший об этом урывками в пошлой жизни, пытался припомнить ее название. Довольно долго это не получалось. В голову лезли всякие ниндзи, джиуджитсу, самураи, камикадзе и шахиды. «Агогэ»,[21] — все-таки вспомнил Тарас и заснул, успокоившись.

---

[21] Агогэ — система военного воспитания в Спарте. Всякий мальчик, родившийся в этом государстве, был

На следующее утро Деметрий, перекусив овощами, снова ушел с группой из десяти человек на разведку. А Тарас, хорошо выспавшийся и отдохнувший, решил немного поразмять мышцы, онемевшие от вынужденного безделья.

Умывшись холодной водой из ручья, он побродил по берегу, прислушиваясь к своим ощущениям. Присмотрел средней величины камень и несколько раз осторожно поднял его до груди. Мышцы на боку напряглись, но выдержали. Тогда он присел и проделал то же самое, но уже над головой. Спина загудела, однако Тарас ощутил, как оживают благодарные мышцы, которым постоянно нужно давать работу. И он решил продолжить.

Осмелев, Тарас немного поразмялся, сделав десяток приседаний и потянув мышцы ног, осторожно перекидывая вес тела с одной ноги на другую. Затем потянул руки, мышцы груди и спины, вспомнив кое-что из курса подготовки десантника и дополнив его упражнениями, освоенными уже на службе в «Тайфуне». Тело постанывало, но быстро приходило в норму. Тогда он стал вспоминать «ката» и передвигаться как завзятый каратист по каменистому берегу, то и дело обозначая удары и шумно выдыхая. Разве что доски не начал ломать.

За разошедшимся бойцом во все глаза наблюдала молодежь, выполнявшая повинность по расчистке лагеря от остатков вчерашнего пиршества, и несколько «бывалых» парней, среди которых были и его лекари: долговязый Эгор и крепкосбитый Архелон.

— Где ты этому научился? — поинтересовался Архелон, приблизившись. — Мы вместе проходили битву на ножах и борьбу, но ничего подобного я не видел. Ни одного из бойцов нашей агелы этому не учили.

Тарас сообразил, что забылся, войдя в раж. «Надо осторожнее с моими навыками из двадцать первого века, — сообразил Тарас, опуская руки и выпрямляясь. — Так не долго и спалиться. Вряд ли этот Гисандр знал карате».

— У меня в детстве был инструктор… — стал придумывать на ходу Тарас. — Из приезжих иностранцев. Он и научил кое-каким премудростям восточной борьбы.

— Иностранец? — переспросил на этот раз Эгор, тоже подходя поближе к остановившемуся на месте Тарасу. — О чем ты, Гисандр? Я хорошо знаю твоего отца, он никогда не имел дела с иностранцами. Тем более с… персами. Он достойный спартиат, его все уважают.

«Вот попал, — решил Тарас, которому вдруг припомнилось, что иностранцев здесь действительно не уважали. А персов вообще ненавидели,[22] — он еще и моего отца знает. Мне бы узнать, как хоть его зовут. А то еще встретимся, а я не узнаю. Вот будет компот».

— Да нет, это не перс был, — брякнул он первое, что пришло на ум, — грек, но знаток одной борьбы, секрет которой он передал только мне.

Архелон с Эгором переглянулись, но, похоже, поверили. Они разом шагнули вперед и попросили:

обязан пройти через нее. Новорожденного относили на край пропасти, где его внимательно рассматривали. Если он был больной или увечный — сбрасывали вниз. Оставшихся подвергли с младенчества суровым испытаниям. В возрасте семи лет мальчиков забирали у матерей и воспитывали в специальных военных лагерях под руководством старших инструкторов до 17–20 лет. Те, кто не справлялся, погибали. В конце обучения они должны были пройти последнее испытание в храме Артемиды, где их секли розгами до потери сознания. Если юноша начинал стонать — пороли еще сильнее. Иногда запарывали до смерти. Только тот, кто проходил испытание, становился полноправным гражданином Спарты, получал оружие и привилегию служить в армии.

Девочки не проходили систему Агогэ, но также занимались спортом и часто учились владеть оружием.

[22] С тех пор как Спарта, восприняв новые законы Ликурга, превратилась в военный лагерь, вокруг нее возник «железный занавес». Власти Спарты культивировали в своем народе ксенофобию (ксены — иностранцы (*греч.*)). Уничтожив почти все ремесла, кроме самых необходимых, и торговлю, они изгоняли из страны всех пришлых иностранцев, не желая, чтоб те своими речами смущали спартиатов. На протяжении нескольких сотен лет спартанцы практически никого к себе не впускали, сами, однако, регулярно вмешиваясь во внутренние дела соседних греческих полисов. Редкий грек мог сказать, что побывал в Спарте и вернулся оттуда домой. Гражданам страны также запрещалось покидать ее пределы. Это право имели только цари и эфоры. А простые граждане могли выйти за пределы Спарты только в составе армии, отправлявшейся в поход.

— Покажи!

— Ну если хотите, — неуверенно согласился Тарас, — покажу пару движений.

— Как твоя рана, не помешает? — уточнил Эгор, вспомнив на мгновение, что он еще и местный лекарь по совместительству.

— В порядке, — отмахнулся Тарас, понемногу привыкая к местным привычкам вообще не обращать внимания на боль. Впрочем, и его предыдущая школа тоже здесь неплохо помогала, — возьми нож и нападай на меня. Можете сразу оба.

Эгор и Архелон не заставили себя долго ждать. Их клинки сверкнули на солнце, и, слегка присев, они стал подступать к Тарасу с двух сторон, осторожно ощупывая камни босыми ногами. Он же, приняв стойку, стоял недвижимо, выжидая. Тело Тараса уже немного разогрелось, и он рассчитывал справиться со своими противниками за счет неожиданности, как бы хорошо они ни были подготовлены. Так и произошло.

Эгор напал первым. Его клинок был направлен Тарасу в грудь, и не среагируй он вовремя, эскулап, заштопавший его рану, мог нанести другую, не хуже. Но Тарас успел. Он поставил блок, перехватил руку с клинком и нанес короткий, но мощный удар ногой, отправив первого противника в полет, сам же не двинулся с места.

Пока Эгор, распластавшийся на камнях, поднимался, в дело вступил Архелон. Он прыгнул вперед, потом вбок и нанес удар снизу. Тарасу пришлось-таки изменить положение тела. Но это было не сложно. Разум его молчал. Тело повиновалось заученным рефлексам. Пол-оборота и шаг в сторону, блок, удар рукой в грудь. В солнечное сплетение. Но вполсилы. Хотя его противники дрались совсем по-настоящему.

Кулак спецназовца на секунду ощутил толстую ткань гиматия[23] и сразу отработал назад. Архелон задохнулся на мгновение, но справился и продолжил атаку. «Крепкие ребята», — подумал Тарас, краем глаза заметив, что Эгор снова приближается, перехватив нож в другую руку.

Между тем Архелон пригнулся, сделал обманное движение, выпрямился, резко рванулся вперед и нанес очередной удар в живот. Удар был мощным, проникающим, рассчитанным на полное уничтожение врага. Тарас любил такие удары. Он плавно перехватил его руку и ушел в сторону, позволив Архелону пролететь мимо. Да еще наподдал тому по заду, заставив перекувырнуться через камень, выронить нож и улететь в близкий ручей.

Затем, не разворачиваясь, он одним движением выбил нож из рук Эгора, беззастенчиво напавшего со спины. А когда тот на секунду скорчился от боли в руке, — точка была выбрана не случайно, — провел хорошую подсечку. После нее Эгор должен был рухнуть с размаху на камни, но этого не произошло. С ловкостью кошки тот успел убрать ногу и второй рукой ухватить Тараса за гиматий, притянув бойца к себе и пытаясь провести бросок через бедро. Но в планы спецназовца не входил близкий контакт и долгая борьба в партере. Ломать противника он не собирался, а потому предпочел быстро избавиться от захвата, проведя очень болезненный удар коленом в бедро, — Эгор едва не взвыл, — а затем все-таки провел подсечку. Да еще добавил ногой по ребрам, когда неугомонный спартанец попытался ухватить его за лодыжку и повалить на камни. Только после этого Эгор признал себя побежденным.

— Как звали того грека, — спросил с восхищением Архелон, выбираясь из ручья и отряхиваясь, — твоего учителя?

Тарас чуть не ляпнул: «Масутацу Ояма», но вовремя сдержался.

---

[23] Гиматий — драпированный плащ — основная верхняя одежда греков. Представлял собой прямоугольный кусок ткани размером 1,7 х 4 метра. Его нередко носили без нижней одежды (хитона). Особенной простотой отличалась одежда спартанцев, которые чаще всего вообще не носили хитона, а довольствовались только гиматием из шерсти натурального цвета. Длина гиматия могла варьироваться — до коленей, до щиколотки или спадать до пола. Часто гиматий носили переброшенным через одно плечо, а чтобы ткань не соскальзывала, сзади зашивали груз (кусочки свинца).

— Мне запрещено называть его имя, — соврал Тарас и добавил для пущей убедительности: — Я дал клятву никогда не произносить его.

— Да, — повторил Эгор, быстро поднимаясь и потирая ушибленные места, — ничего подобного я не видел.

— Клятву надо держать, — согласился Архелон, но все же попросил: — Научишь нас потом с Эгором твоим ударам? Они хороши, если ты, даже раненый, стоишь нас двоих.

— Не знаю, — снисходительно проговорил Тарас, поправляя свою накидку, — может быть, потом. Когда здоровье вернется.

— Мы подождем, — кивнул Эгор, поднимая свой клинок и засовывая его в ножны.

А Тарас, посмотрев на лица своих противников, раскрасневшиеся после схватки, решил, что эти двое ребята неплохие. Не такие наглые и агрессивные, как остальные. Иногда даже думают. Эскулапы оба, что тоже немаловажно в этой новой жизни. «С ними можно будет завести дружбу, если срастется, — решил Тарас, — разузнать о местных обычаях, пока по горам шатаемся. В городе-то труднее будет».

Глава восьмая Акция устрашения

После полудня вернулся Деметрий. Он немедленно собрал всех возле себя и приказал собираться. Впрочем, спартанцу собраться… Затянул поясок и вперед. Никаких палаток в лагере не было. Да и лишних вещей тоже, если не считать небольшого запаса еды, — овощей и жареной птицы, которую хранили у реки под камнями. На день, не больше. А дальше, судя по всему, ее следовало добывать снова. Любыми средствами.

— К вечеру мы должны быть уже у самой деревни илотов, — предупредил командир агелы и добавил, подозвав Эномая: — Ты будешь проводником.

Парень кивнул.

— Ты готов? — на всякий случай спросил Деметрий, оглядывая с ног до головы стоявшего напротив Тараса, словно за полдня тот мог сильно измениться.

Тарас хотел было его успокоить, но не успел. За него командиру агелы ответил Эгор.

— Пока ты осматривал дорогу, Деметрий, он преподал нам хороший урок борьбы, — заметил долговязый эскулап, — разбросал нас с Архелоном, как щенков. Едва не покалечил.

Деметрий, поправив пояс на гиматии, вновь с удивлением взглянул на Тараса, а тот лишь молча сверлил взглядом деревья над его головой.

— Значит, Гисандр, ты уже можешь убивать илотов, — удовлетворенно заметил он, — отлично. Рад, что ты залечил рану.

«Ну как же, — еле заметно усмехнулся Тарас, — рад ты. Так я тебе и поверил». Но вслух произнес только:

— Я в полном порядке, Деметрий. Боги вернули мне силы. Можем выступать.

И сам удивился, как быстро он перенял манеру спартанцев разговаривать. Услышав такой ответ, Деметрий кивнул и перешел к делу.

— С тобой пойдут четверо старших: «твои друзья» Эгор и Архелон, а также Книд и Плидистрат. И семеро молодых под командой Ореста.

Тарас кивнул, хотя молодым Орест, этот бойкий кифаред, ему не казался. По возрасту парень больше подходил к «старшей группе», но, может быть, поэтому Деметрий и поставил его командовать мелкотой из семерых двенадцатилетних волчат. Орест стоял тут же, придерживая левой рукой свой походный инструмент, а правой кинжал. Названные «воины» сгрудились за спиной «Гисандра».

— Вы замыкаете отряд, — закончил свои напутствия Деметрий, — а со мной в первой группе пойдут Эвридамид, Тимофей, Халкидид, Эгис и остальные. Все. Сейчас перекусить и набрать воды. Сразу после этого выходим.

Получив приказание, спартанцы, а именно Плидистрат, исполнявший обязанности местного повара, немедленно снарядил молодых во главе с Эномаем за жареной птицей. Разделив ее на части, все уселись на камни и быстро съели, даже не разогревая, хотя костер

еще тлел. Тарас не очень был рад такой еде, по сравнению с которой вчерашний ужин действительно уже казался ему настоящим пиршеством. Но возмущаться не стал. Если тут даже молодежь не жаловалась ни на что, то «стрикам» вообще полагалось терпеть все. Хотя с непривычки это было трудновато. Доедая доставшуюся ему худую и жилистую ножку какой-то местной тетерки, Тарас с трудом проглотил жесткое холодное мясо и заел его теплым огурцом, невольно поморщившись. Его желудок еще не до конца привык к подобным изыскам и требовал чего-нибудь горячего: супа, картошки, яичницы, наконец. Но Тарас силой воли заставил его замолчать, отгоняя неуместные сейчас мысли. Деликатесы, похоже, в прошлом. А такие пиры, как вчера, вообще редкость. Раз в год и то по праздникам.

«Надо привыкать жить на подножном корму, впроголодь, — успокоил себя Тарас, поглядывая на поджарых спартанцев, которые методично обгрызали и обсасывали крылья и ребра худосочной птицы, не проявляя при этом неудовольствия, словно и не знали пищи вкуснее. — Ты снова в армии, парень».

Через полчаса он уже шагал во главе своего небольшого отряда вверх по склону, придерживая бившие по бедру ножны кинжала и радуясь тому, что это не длинный меч. Стояла жара, от которой пока спасали деревья, росшие вдоль тропы.

Босые ноги спецназовца за время долгой ходьбы по скалам и пребывания в лагере почти затвердели. Мозоли, поначалу сбившиеся в кровь, теперь превратились в жесткую подушку на ноге, и Тарас, давно лишившийся своих любимых берцев, переносил уже вполне сносно ходьбу по острым камням. Но все же еще старался выбирать место, куда поставить ногу. Остальные, похоже, шагали, переставляя ноги машинально. Глядя на это, Тарас начал сомневаться, что здесь вообще знают, что такое обувь. Хотя ему припомнилось, что крестьяне, которых он увидел первыми, имели на ногах какое-то подобие сандалий. Точнее — кусок кожи с дырками, который они обмотали вокруг стопы, привязав его к ней тонкими шнурками из жил. Не бог весть что, но лучше, чем ничего. Члены агелы Деметрия, однако, предпочитали обходиться вообще без обуви.

«Тренируются, — догадался Тарас, снова вспомнив о системе Агогэ, призванной сделать из простых парней настоящих бойцов, способных выносить холод, голод и боль, — понятно».

Группа Деметрия немного оторвалась вперед и уже почти достигла вершины хребта, где остановилась, поджидая отряд Гисандра. Командир агелы подозвал его жестом, когда Тарас первым вынырнул из леса, оказавшись на небольшом каменистом плато, где его некогда спеленали, приголубив дубиной по затылку.

— Смотри, Гисандр, — указал Деметрий на какую-то цель слева по курсу, — вон там, в той долине, которая уходит за отрог, находится деревня илотов. Мы пройдем по хребту до самого конца, потом спустимся и, когда стемнеет, окажемся на дороге. Оттуда до деревни уже недалеко. На большой развилке оставим твой отряд. А я со своим обойду деревню и нападу на дома приговоренных илотов.

— Может, здесь спустимся, — неуверенно посоветовал Тарас, разглядывая сверху ложбинку среди камней, где он когда-то устроил свое лежбище, — здесь тропа шире.

— Зачем раньше времени показываться на глаза илотам, — резонно заявил Деметрий, вытирая каплю пота, готовую сорваться с его кустистых бровей, — они и так знают, что мы неподалеку. Моли богов, чтобы они уже не сбежали всей деревней на юг.

— Да куда они денутся? — наигранно усмехнулся Тарас, удивленный, но и немного обрадованный возможности такого поворота событий.

— В прошлом году илоты из западной Мессении скрылись в храме Посейдона, на берегу моря. А святилищ Посейдона немало и здесь, на востоке. Одно из них на мысе Тенар,[24] в трех днях пути. Они всегда так делают, когда хотят сохранить свои жалкие

[24] Мыс Тенар — крайняя южная точка Пелопоннеса. Здесь был расположен храм Посейдона, где часто находили убежище илоты. Считалось, что любого человека, вошедшего в храм, нельзя убить, пока не покинет его по собственной воле. А до тех пор он находился под охраной божества. То же касалось и храмов, посвященных всем другим греческим богам.

жизни, — пояснил Деметрий, зло усмехнувшись, — эти глупцы надеются, будто нужны богам и те их спасут. Разве ты и это забыл?

— Да нет, помню, — соврал Тарас и быстро проговорил, чтобы избежать новых расспросов: — Ладно, давай сделаем, как ты сказал. Так вернее. Пойдем по хребту.

Но с места не двинулся, рассматривая горный пейзаж. Время было уже послеобеденное, солнце давно прошло зенит и клонилось к закату. «Часа четыре, — прикинул Тарас, умевший определять время по солнцу и теням, которые отбрасывали вершины холмов, — пока дойдем до конца этого хребта, уже действительно стемнеет. Но Деметрий дорогу найдет в любой темноте. Он ведь и планировал ночное нападение, рейнджер хренов».

Бросив очередной взгляд вниз, спецназовец заметил небольшую реку, вдоль которой, повторяя изгибы узкого русла, струилась еле заметная тропа, пустынная в этот час. Наконец, скользнув взглядом по песчано-желтым холмам с вкраплениями зеленой краски, плавно терявшими высоту как раз по ходу их движения, Тарас махнул рукой.

— Идем. А то время упустим, и все илоты разбегутся.

Деметрий снова занял место во главе колонны. Сам он был вооружен своим кинжалом, как и большинство облаченных в короткие гиматии спартанцев. Но у некоторых, кроме того, Тарас заметил массивные обструганные палки, наподобие той, которой его «подрезали» на взлете. Серьезного оружия «детям», как ему показалось, пока не давали, поэтому в ход шли любые подручные средства. Но в том, что молодые спартиаты и с этим оружием могли обращаться вполне ловко, Тарас убедился на собственной шкуре. Новых доказательств не требовалось.

Еле видная тропа шла по самой кромке хребта, петляя между камнями и редкими деревьями. Дневная жара раскалила валуны, от которых в небо поднималось марево, делавшее воздух густым и непрозрачным. В траве стрекотали цикады. С этой стороны склон порос лесом не так густо, как на другой стороне хребта, где до сих пор укрывалась агела Деметрия. Но все же рассмотреть передвигавшихся по самому гребню молодых спартанцев снизу было практически невозможно. В этом Тарас вынужден был согласиться с Деметрием.

Передвигались спартанцы быстро и молча, лишь изредка перекидываясь вполголоса замечаниями, а в основном общаясь жестами. Тарас сам несколько раз останавливался и пересчитывал своих новых подчиненных. Но те шли за ним след в след, молодежь не отставала, и во время этой процедуры посматривала на него молча, но с некоторым удивлением. Заметив это, Тарас успокоился и продолжал весь оставшийся до спуска в долину путь, уже не пересчитывая личный состав, лишь изредка окидывая бойцов взглядом на поворотах тропы, которая уже свернула вправо и резко пошла вниз. Вскоре хребет закончился.

Прыгая по камням в быстро наступавших сумерках, спецназовец вдруг оказался на небольшом оголенном выступе скалы, откуда открывался вид на обширную страну, лежавшую внизу и простиравшуюся до самого горизонта. К своему удивлению, он заметил на небольшом отдалении первые признаки жизни. Слева по курсу, километрах в десяти посреди холмов, виднелась группа деревушек в несколько домов каждая. Но путь агелы, судя по всему, лежал мимо них, прямо. Там Тарас рассмотрел, задержавшись ненадолго, довольно большую по местным меркам деревню, которая была выстроена на холме у ручья. Впрочем, «выстроена» — было сильно сказано. Хотя он смотрел на нее с высоты и издалека, Тарасу показалось, что дома в ней не лучше тех развалюх, которые он видел пару недель назад в высокогорной деревне. Только числом больше. Ни мельниц, ни огромных амбаров. Никакой механизации. Только поля и огороды вокруг.

Солнце медленно падало за горизонт, погружая склоны Тайгета во тьму. Рядом с деревней паслось стадо свиней, охраняемое ничего не подозревавшим пастухом, который уже собирался гнать их обратно в деревню. Горный воздух благоухал ароматами трав и

цветов. «Мирная картина, — поймал себя на странном ощущении Тарас, инстинктивно поправив ножны. — Идиллия просто. А илоты спят и не подозревают, что скоро начнется резня». И поскакал вниз по тропе, быстро привыкая видеть в наступающих сумерках.

Оказавшись у подножия горного хребта, который здесь заканчивался, расходясь на несколько мелких отрогов, вся агела вскоре собралась у бурлившей реки. Головной отряд находился здесь уже давно.

— Переходим на ту сторону прямо здесь, — сообщил Деметрий, поджидавший всех у места сбора, — тут брод. А чуть дальше, не больше тех стадий, будет развилка дорог на север и юг. Там есть овраг, где можно укрыться на случай бегства илотов. Там ты и будешь меня ждать, Гисандр.

— Хорошо, — кивнул Тарас, уже почти привыкший к своему новому имени.

Один за другим, сначала старшие, а потом молодые спартиаты переправились через реку. Никто из них не стал снимать гиматий, чтобы вылезти на той стороне и одеться в сухое, хотя вода доходила им почти до пояса. Горная река здесь распадалась на несколько мелких рукавов. Тарас, заметив это, тоже остался в одежде. Командир не должен отрываться от коллектива.

Поднявшись на высокий берег уже в полной темноте вслед за бойцами Деметрия, Тарас некоторое время брел по траве и вскоре едва различал дорогу, слабо освещенную едва показавшейся луной. Вдоль нее росли редкие деревца, а справа от развилки пятном темнел овраг. Дальше дорога терялась меж небольших холмов, в нескольких километрах за которыми находилась деревня обреченных илотов.

— Жди меня здесь, — приказал Деметрий, вынимая кинжал, — если кто-нибудь из этих животных бросится в бега по дороге, заколи их как можно больше. Никого не щадить. Деревня смутьянов заражена и не может быть чистой.

— Хорошо, — снова кивнул Тарас, поймав себя на мысли, что Деметрий явно учился мастерству говорить, поскольку частенько выражался слишком высокопарно для такого молодого парня.

А, кроме того, Тарасу не очень улыбалась перспектива быть командиром заградотряда. Бежать ведь могли не только мужики. Хотя в глубине души он не мог поверить в то, что деревня в сорок домов, населенных здоровыми мужиками и их взрослыми сыновьями, не окажет никакого сопротивления двум десяткам молодых парней, — молодежь он не считал, — разбитым на два отряда. Впрочем, до сих пор он никогда и не видел рабов живьем. Кто поймет их душу? Говорят, если сломать человека, пусть даже вдвое сильнее тебя, он будет тебе ноги лизать. Не зря же большинство «хозяев жизни» обладают сильной волей, но маленьким ростом. Так что размер не всегда имеет значение.

— Сколько человек ты собираешься казнить? — уточнил зачем-то Тарас.

— Если илоты будут благоразумны, — обернулся из темноты Деметрий, — не больше четверых. Ну а если нет… как выйдет. Чем меньше будет в Мессении илотов, способных на восстание, тем спокойнее жизнь.

И передовой отряд агелы исчез в темноте холмов. На эту «акцию» Деметрий взял с собой человек десять из молодых, чтобы приучать к тому, что делает сам. Подумав об том, Тарас нахмурился, но тотчас отогнал от себя эти мысли. В той жизни, куда его угораздило попасть, места для сантиментов было мало. Если верить учебникам, из которых он успел понахвататься отрывочных знаний о Древней Греции, здесь убивали направо и налево, а жизнь стоила гроши. Если ты не умеешь обращаться хотя бы с ножом, то дело плохо. А потому, как ни протестовало его сознание против того, что должно было свершиться, он остался на месте, приказав своим бойцам рассредоточиться.

Решившись принять участие в этом налете, он был уже не совсем Тарас, а наполовину Гисандр, — молодой спартанец, которому вскоре предстоял какой-то особо жестокий экзамен на право именоваться гражданином Спарты. А выбор был, похоже, невелик: либо рабом, либо гражданином. И боец не был уверен, что при этом ему не придется кого-нибудь зарезать.

— Орест, возьми молодых и спрячьтесь среди деревьев на той стороне, — приказал Тарас собравшимся вокруг него бойцам, — в драку вступать, только если илоты побегут прямо на вас. Да и то в крайнем случае. А вы четверо будете ждать здесь в овраге, вместе со мной.

Молодежь под командой бойкого кифареда быстро перебралась через дорогу и пропала среди деревьев. Тарас проверил, но даже при свете полной луны, которая уже давала немало света, никого из них увидеть было невозможно. Эгор, Архелон, Книд и Плидистрат молча последовали за ним.

Опустившись на большой камень у края оврага и закутавшись в мокрый гиматий, Тарас приготовился ждать. До деревни отсюда надо было добираться еще примерно пару километров, но ждать пришлось не долго. Не прошло и десяти минут, которые спартанцы провели в гробовой тишине, как со стороны деревни раздался первый вопль. Крик был душераздирающий, так может кричать только человек, которого убивают. Причем жестоко и медленно.

Тарас невольно оглянулся на своих бойцов, сидевших в темноте на дне оврага, и Плидистрат, будто почувствовав взгляд командира, позволил себе нарушить тишину.

— Кто-то на дороге попался, — заметил он будничным тоном, — теперь илоты могут насторожиться.

Тарас взглянул на пустынную дорогу и приказал:

— Будем ждать.

После первого крика над деревней ненадолго повисла тишина, но по прошествии еще десяти минут раздался второй. Кричала женщина. А вскоре вдали показались языки пламени. Похоже, тихой операции устрашения не получилось, и Деметрий решил наказать непокорных илотов, спалив их дома.

Тарас ждал, не двигаясь с места, пока со стороны деревни, где полыхало уже несколько хибар, освещая часть ночного неба, на дороге не послышался шум. Приближалась толпа. Илоты шли прямо в руки спартанцам. Деметрий все рассчитал правильно.

Пока они приближались, Тарас еще колебался. Но когда в отсветах луны на развилке показались первые фигуры в лохмотьях, у него сработал инстинкт командира, получившего приказ задержать врага.

— Приготовиться, — бросил он своим бойцам, выхватывая кинжал.

И первым выпрыгнул на дорогу, преградив путь. За его спиной тотчас выстроились в линию четверо спартанцев с кинжалами. Предстоял неравный бой, который их не пугал. Все спартанцы были готовы к нему и лишь ждали команды броситься вперед.

Однако, когда илоты приблизились, Тарас немного растерялся. Мессенцев было человек двадцать — двадцать пять, из которых мужчин насчитывалось не больше десятка. Остальные были женщины и дети. Боец мгновенно ощутил себя главой картельного отряда «СС», которому предстояло истребить безоружных партизан и решительности у него поубавилось.

Но все произошло само собой. Едва завидев молодых парней с кинжалами в руках посреди дороги, илоты-мужчины, а среди них были здоровые мужики лет по тридцать и старше, остановились, заслонив собой женщин. В руках они держали палки и мотыги, а в их глазах, сверкавших не хуже углей в ночи, Тарас прочел ненависть и решение идти до конца. Если раб восстал, ему терять нечего.

За спиной у илотов Тарас уловил движение, — женщины и дети бросились в лес, стараясь убежать подальше, пока мужчины намеревались задержать спартанцев, которых перед ними было всего пятеро. Но тут же раздались крики: это отряд молодых во главе с бойким кифаредом напал на них. Тарас с удивлением увидел, как один из его парней, ни секунды не сомневаясь, всадил кинжал в живот оказавшейся перед ним беглянке. Та закричала, упав в траву. И тогда илот, стоявший крайним в ряду рабов на дороге, бросился к нему, мгновенно оказавшись рядом, и в ярости саданул мотыгой по голове. Тарасу показалось, будто он услышал, как треснул череп. Молодой спартанец исчез в траве и

больше не поднимался.

А остальные мужики с палками и мотыгами, словно по команде бросились на медливших спартиатов, охватив их полукругом. На стоявшего впереди всех Тараса налетел бородатый илот в рваном хитоне, сквозь который даже при свете луны можно было заметить мышцы, бугрившиеся на руках и плечах. Здоровяк с ходу, сплеча рубанул мотыгой воздух в районе головы, но боец ушел вниз и в сторону, молниеносно дав ему подсечку и достав в падении ногой по голове. Нападавший распластался на земле, даже выронил мотыгу. Казалось, Тарас оглушил его основательно.

В этот момент другой илот, помоложе, налетел откуда-то сбоку и, размахнувшись, ударил Тараса дубиной по ноге. В последний момент Тарас убрал ногу, но дубина все же задела его по голени, вызвав дикую боль. Застонав, он тоже рухнул на землю. Новый удар пришелся рядом с его плечом, к счастью по камню, а третьего не последовало. Из темноты неожиданно возник Эгор и, подскочив к илоту, пырнул его ножом, а потом сразу же схватился со следующим.

Получив короткую передышку, Тарас быстро окинул поле боя, увидев, как дерутся остальные спартанцы.

Эгор, избежав удара мотыги, подрезал руку нападавшему. Архелон прыгал, уклоняясь сразу от трех илотов, отогнавших его к оврагу. А Книд уже успел поразить своего противника, — бородатого мужика примерно сорока лет, — вогнав ему кинжал под самое сердце. Плидистрат, лишенный оружия ударом палки, боролся на земле со своим противником, тоже не из самых слабых. В общем, засада спартанцев была почти смята, а если учесть, что илоты ненавидели своих хозяев лютой ненавистью, то бой шел не на жизнь, а на смерть.

Жители этой деревни ничем не походили на тех, кого Тарас успел повидать в горах. Поняв, что их просто вырежут, как свиней, местные илоты взбунтовались, в ярости решив уничтожить всех, кто встанет у них на пути. В этом Тарас тотчас убедился. Попытавшись встать, он внезапно ощутил на своей шее железные пальцы крестьянина, поверженного им на землю мгновением раньше. Тот был вдвое сильнее спецназовца и массивней. Он стал душить спартанца, и боец, уже жадно хвативший ртом воздух, мгновенно ощутил себя на тренировке по излечению от страха смерти. Только на этот раз удушение могло закончиться настоящей смертью. А умирать ему, не успев разобраться в этом мире, совсем не хотелось.

По счастью, Тарас, даже упав на землю, не выронил свой кинжал. И теперь резким движением всадил его под ребро илоту, потом еще и еще раз, пока хватка мужика не ослабла и тот не остался лежать на нем мертвой тушей, от которой несло козлятиной.

Со всех сторон из темноты слышались крики и вопли ярости. Оттолкнув в сторону окровавленное тело раба, измазавшего его гиматий, Тарас вскочил и бросился на помощь своим, пытаясь рассмотреть их среди общей смертельной круговерти. Ближе всех был Архелон, расправившийся с одним илотом, и бившийся с двумя оставшимися. Не раздумывая, — работали уже только рефлексы, — Тарас подскочил к месту схватки и всадил кинжал в грудь илоту. Это оказался молодой парень. Тот охнул и, согнувшись, упал под ноги Тарасу.

— Спасибо, Гисандр, — крикнул Архелон, уклоняясь от очередного удара илота с безумными глазами, вращавшего над головой своей мотыгой, и, прыгнув вперед, воткнул ему под сердце нож. Бородатый илот выронил свое оружие и, опустив руки, сделал шаг назад.

Архелон выдернул окровавленный кинжал из груди противника, тоже отпрыгнув от него на метр. Илот постоял так несколько мгновений, а потом рухнул навзничь, скатившись в овраг. Рядом на глазах Тараса, Плидистрат с Эгором закололи своих противников. И теперь перевес был уже на стороне молодых спартанцев, которым удалось умертвить большую часть атаковавших илотов. Оставшиеся трое, поняв свое поражение, бросились в лес, куда уже сбежали женщины и дети, давно прорвав заслон из молодых спартанцев.

Тарас обвел взглядом поле боя, усеянное трупами многих людей, и жестом остановил

желавших бросится в погоню.

— Не преследовать! — крикнул он твердо и добавил, уловив их едва сдерживаемую ярость: — Они далеко не уйдут. Надо разыскать Деметрия.

Спартанцы подчинились.

Глава девятая

Первым делом, когда развилка дорог опустела, Тарас приказал всем собраться вместе и пересчитать потери. Больше всего их оказалось среди молодых. Прорываясь, обезумевшие женщины забросали камнями одного молодого спартиата, а подоспевшие мужчины добили его мотыгами. Не считая того, которому раскроили череп прямо на глазах Тараса. Среди «взрослых» спартанцев убитых не было. У Тараса болела нога и першило в горле, Архелон повредил плечо. Остальные тоже не обошлись без ушибов, но все были живы.

Остановившись рядом с зеленым пацаном, которому раскололи череп мотыгой, Тарас спросил, подозвав Ореста:

— Как его звали?

— Пролит, — проговорил пацан, которому илоты в драке повредили плечо.

Орест стоял, потрясенный такой жестокой схваткой, в которой погибли сразу двое его товарищей. Видно, такое случилось с ним впервые. Да и другие спартиаты, судя по тому, что читалось у них на лицах, были удивлены столь серьезным сопротивлением илотов. Впрочем, как показалось Тарасу, это было лишь редкое отклонение от нормы. И они были полны решимости восстановить «справедливость». Вернуть баранов в стойло.

— А этого как? — продолжал допрашивать Ореста командир отряда, вложив кинжал в ножны и разглядывая второго мертвеца, так изрубленного мотыгами, что тело его больше напоминало окровавленный мешок с костями, даже в темноте.

— Это Никий, — ответил погрустневший кифаред, едва не шмыгая носом, — мой друг и родня.

— Ясно, двоих недосчитались, — вздохнул Тарас и, подняв взгляд на полыхавшие вдалеке дома, громко приказал: — Плидистрат и Орест, остаетесь здесь с молодыми до нашего возвращения. Охраняйте тела. А мы идем в деревню.

Переступая через множество трупов, в том числе женских, усеявших развилку дорог, Тарас в сопровождении Эгора, Арея и Книда направился в деревню быстрым шагом. Он шел теперь прямо по дороге, не таясь. Если кто и остался здесь, то теперь он должен был бояться встречи со спартанцами. Обогнув несколько холмов, они наткнулись на труп молодой женщины, лежавший посреди дороги. Уже не обращая на такие «мелочи» внимания, Тарас со спутниками проследовал дальше и вскоре вышел к пожарищу. Огнем были охвачены уже целых пять домов.

У одного из них он заметил спокойно стоявшие фигуры. Это был Деметрий с товарищами, которые избивали привязанного к дереву илота. Рядом, к соседнему дереву, был привязан второй. Молодежь развлекалась, поджигая оставшиеся дома.

— Говори, кто из вас призывал не подчиняться царям Спарты? — донеслось до Тараса, когда он приблизился достаточно, чтобы слышать разговор. — Ты или твой сын?

Илот молчал. Это был старик, во взгляде которого читалась обреченность и упорство идти до конца.

— Ну? — напомнил Деметрий о своем присутствии, ударив его кулаком в живот.

Стрик застонал.

— Сейчас ты мне все расскажешь, — прошипел Деметрий и подхватил головню из огня. Затем осторожно, чтобы старик ощутил жар углей, приблизил ее к лицу пленника так, что начала тлеть его борода. Старик задергался, пытаясь отстранить лицо, но Деметрий, усмехаясь, медленно приближал головню к его глазам.

В этот момент Тарас выступил из темноты на освещенное пожаром место, и командир агелы был вынужден отложить удовольствие.

— А, это ты, — буркнул он, нехотя опуская головню, — ну что, повстречали сбежавших илотов?

— Повстречали, — кивнул Тарас, останавливаясь напротив пленников. Остальные спартиаты сгрудились за его спиной.

— Много убили? — деловито осведомился Деметрий, по-прежнему глядя не на Тараса, а на старика и не выпуская из рук дымящейся головни.

— Много, почти всех мужчин, — ответил Тарас, тоже посмотрев на старика, который держался из последних сил, — но и у нас есть потери. Пока мы расправлялись с десятком крепких илотов, женщины убежали в лес, а по дороге успели забить камнями пару молодых. А потом еще мужчины добавили им своими мотыгами.

Тарас вздохнул и закончил доклад:

— В общем, у меня двое убитых.

— Женщины? — переспросил Деметрий и даже отвел взгляд от пленника. — Ты сказал женщины?

— Да, одного ранили обезумевшие женщины, — подтвердил Тарас.

— Вы здесь явно нуждались в кровопускании, — вернулся к разговору со стариком Деметрий, — видишь, до чего ты распустил свою деревню, старейшина. Даже женщины уже убивают спартиатов. А ведь я тебя предупреждал еще год назад, животное. Предупреждал?

Лицо старика внезапно исказила гримаса ненависти, и он неожиданно заговорил.

— Ненавижу вас, змееныши! — крикнул старик и вдруг смачно плюнул в лицо Деметрию. — Ненавижу! Это я призывал поднять восстание против царей Спарты. Я! Моя Мессения должна быть свободной. Должна…

Командир агелы удивленно стер плевок с лица и вдруг резким движением всадил раскаленную головню прямо в глаз старику, выколов его. Раздался дикий вопль, от которого у Тараса пробежали мурашки по коже. Но Деметрий тут же нанес еще удар и выколол второй глаз, выжигая кожу на лице истошно вопившего старика.

— Нет, я тебя не убью, собака, — прохрипел он, отступая на шаг от бившегося в судорогах тела, — теперь я оставлю тебя жить и мучиться, чтобы ты рассказал другим илотам Мессении обо всем, что здесь произошло сегодня.

Отойдя от дерева, Деметрий отбросил окровавленную головню в сторону и добавил, сплюнув себе под ноги:

— Никогда твоей Мессении не быть свободной. С тех пор, как мы стали вашими хозяевами, ваша участь — рабство. Так будет всегда. Так и передай тем, кто еще захочет поднять голову.

И отвернулся от изувеченного старика, мгновенно позабыв о нем.

— Что ты так побледнел, Гисандр? — рассмеялся Деметрий, поправив слегка разошедшийся гиматий на плече. — Ты не ранен?

— Нет, я в порядке, — проговорил потрясенный увиденным Тарас и сказал, словно только сейчас вспомнил, зачем явился сюда: — Мы убили всех, кто нам воспротивился, но не преследовали остальных илотов. Они скрылись в лесу.

— И хорошо, — неожиданно заявил Деметрий.

Он повернулся в сторону пожарища и, уперев руки в бока, с удовольствием разглядывая картину разгрома и опустошения, царившую в деревне илотов. Деметрий никуда не торопился и выглядел сейчас как бог войны, который наслаждался великолепным зрелищем.

— Это хорошо, — вновь повторил командир агелы, — так даже веселее.

Он вновь обернулся к Тарасу и положил ему руку на плечо, как старому другу.

— Мы дадим беглецам полдня, Гисандр, — объяснил он свое решение, — до ближайшего храма Посейдона на мысе Тенар три дня пути. Все равно эти дети и женщины никуда не денутся от нас, если только их не перебьют другие агелы, которые рыщут на юг от Тайгета.

Тарас молчал, давая Деметрию выговориться.

— Сегодня мы славно послужили Спарте, — продолжал он, — и потому отдохнем прямо здесь. А завтра с утра устроим настоящую охоту. Прямо днем. Ты недоволен?

Последние слова он произнес потому, что Гисандр нахмурился.

— А если илоты разбегутся по другим деревням? — уточнил Тарас. — Не пойдут в храм Посейдона?

Деметрий посмотрел на него, как на умалишенного.

— Видно, крепко тебя приложил палкой храбрый Халкидид, — пробормотал он вполголоса, но Тарас не расслышал имя своего обидчика. — Никто не даст им приюта, Гисандр. Во всей Мессении это запрещено. Раб должен находиться только на той земле, к которой прикреплен. Поэтому единственное, на что могут надеяться беглые илоты, это найти убежище в храме Посейдона.

— Сколько мужчин прорвалось отсюда, кроме тех, что столкнулись с нами? — спросил вдруг Тарас, прикидывая что-то.

— Не знаю, — отмахнулся Деметрий, — почти всех, кто был в этих домах, мы убили спящими. Эй, кто-нибудь видел беглецов и успел их посчитать?

— Я видел, — выступил вперед спартанец из отряда Деметрия, — после нашего нападения человек восемь илотов бросились в лес на южной стороне. И еще пятеро на север. Основная толпа бежала по дороге.

— Благодарю, Эгис, — кивнул Деметрий и вновь посмотрел на Тараса. — И что, ты это хотел знать?

— Да, — огрызнулся Тарас, которого вдруг опять потянуло на спор с Деметрием, — они наверняка присоединятся к своим, и тогда против нас будет не меньше двух десятков крепких рабов. А нас сколько? Посчитай!

— Илоты трусливы, Гисандр, — отмахнулся Деметрий, но на этот раз его тон был не столь уверенным.

— Трусливы? — передразнил его Тарас. — Сколько человек у тебя погибло сегодня?

— Один, из молодых, — ответил командир агелы. — Это был уже хороший боец. Но ему не повезло.

— А у меня двое, тоже молодых. Твоя идея уже дорого обошлась нам, — процедил сквозь зубы Тарас, вспоминая тела погибших в схватке спартанцев.

Позади них раздался треск — это рухнул почти сгоревший дом. Провалилась хлипкая кровля. Двое спорщиков обернулись на шум, а потом снова посмотрели друг на друга.

— Ты стал слишком осторожен, Гисандр, — заявил Деметрий, поглаживая ножны кинжала, — я тебя не узнаю. Раньше ты всегда рвался в бой.

И заметив, как закипает Гисандр, почти обвиненный в трусости, поспешил закончить разговор.

— Все. Эвридамид, выставь посты, хотя сюда все равно никто не сунется. Приказываю всем спать. Завтра на рассвете выступаем.

Обернувшись к Тарасу, он добавил:

— Гисандр, прикажи, чтобы убитых немедленно отправили в Спарту. Они должны быть похоронены у себя дома. Придется отправить сразу шестерых бойцов — пусть это будут молодые под командой Ореста. Он знает дорогу домой. А потом разыщет нас у мыса Тенар.

Скрипнув зубами и усмирив свой гнев, Тарас подчинился, отправив Архелона на развилку дорог с сообщением.

Переночевали все спартанцы вокруг сгоревших домов, прямо на земле, завернувшись в гиматии. Несмотря на возбуждение от первой кровавой схватки, Тарас быстро успокоился и даже заснул. Никаких кровавых мальчиков ему не снилось. Усталость взяла свое. Не помешал даже внезапно разболевшийся бок, — его помяли в драке. Тарас вспомнил недобрым словом того, кто оставил ему эту отметину, но спустя короткое время заснул, слушая треск еще тлевшей древесины.

Наутро оставшиеся молодые спартиаты разбрелись по деревне в поисках еды, и вскоре

поредевшая агела плотно перекусила обнаруженными деликатесами. Оказалось, что оседлые илоты ели гораздо лучше спартиатов в походе. Кроме стада свиней, пасшихся неподалеку, невзирая на все происходящее, — парочку спартанцы немедленно закололи и пустили на завтрак, — удалось найти и зажарить на горячих углях нескольких птиц, а также какие-то пестрые яйца, ничуть не напоминавшие куриные, но которые голодные спартиаты ели с большим удовольствием.

— А кто здесь хозяин? — спросил Тарас у Деметрия, насытившись и запив плотный завтрак водой из заготовленных еще на прошлой стоянке бурдюков.

Наутро сообразительному спецназовцу вдруг пришла мысль о том, что раз в этой деревне были рабы, значит, они кому-то должны были принадлежать. А это значит, молодые спартиаты, похоже, разнесли ночью половину чьего-то поместья. И не самого бедного по здешним меркам поместья, надо заметить.

— Это деревня Истрата, — охотно пояснил Деметрий, пребывавший в прекрасном расположении духа и любовавшийся пепелищем на рассвете ничуть не меньше, чем ночью, — очень уважаемого спартиата.

— А он не потребует возместить убытки? — задал Тарас резонный на его взгляд вопрос. Ведь даже в древней Спарте хозяин деревни вряд ли обрадуется, что кто-то разгромил его частую собственность и разогнал по окрестностям «производительные силы», перебив их лучшую часть в воспитательных целях.

— Ты что? — опять посмотрел на него странными глазами Деметрий, даже отвлекшись от пейзажа, ласкавшего взор, — не помнишь, как он упрашивал нашего педонома привести разгулявшихся илотов к покорности? Мы же вместе потом получали задание. Да он еще тайно подарки нашим родителям принесет. Ведь теперь его илоты надолго присмиреют, а то он последнее время здесь и появляться боялся.

— А где сейчас живет этот Истрат? — решил и дальше симулировать потерю памяти Тарас. Надо же было собирать информацию.

— Там же, где почти все спартиаты, — ответил Деметрий, постепенно привыкая к прогрессировавшей «забывчивости» Тараса, — за хребтом, в самой Спарте. Он хитрый: недавно объединил свои участки, женившись, и у него стало слишком много рабов для одного гражданина. Вот он теперь и опасается всего. И закона, и своих илотов.

Дальше Тарас не стал расспрашивать, почувствовал, что Деметрий и так слишком насторожился. Хотя до конца боец не уразумел, почему рабов не может быть сколько хочешь, тем более если ты богатый и уважаемый гражданин.

«Олигарх, а какого-то закона боится. Странные здесь обычаи, — решил Тарас, поднимаясь на ноги после команды Деметрия, заставившей сделать то же самое всю агелу. — Ладно, как-нибудь разберемся во всей этой катавасии. Постепенно».

Глава десятая

Неожиданно Деметрий приказал бойцам агелы построиться и пересчитал их. Всего осталось теперь одиннадцать «старших» бойцов и трое молодых. Илотов было как минимум вдвое больше, если принимать во внимание только мужчин. Но Тарас уже убедился, что каждый член агелы, даже вооруженный только ножом, стоит двоих илотов, вооруженных мотыгами или дубинами. Поджарые спартиаты, хоть и были вдвое моложе и с виду слабее, в драке ничем не уступали рабам с накаченными от работы мышцами.

Разглядывая спартиатов, Тарас, еще не знавший всех местных обычаев, все же полагал, что Деметрия вряд ли похвалят за смерть «молодняка», так и не достигшего «призывного» возраста. Если только их не запишут в герои за нападение на деревню илотов. «Впрочем, мне это только на руку», — подумал он, неожиданно заметив, как натура честолюбивого Гисандра, чью маску он носил уже третью неделю, начинала сплавляться с его собственной.

— Сегодня мы догоним илотов, — сообщил Деметрий своим подчиненным, закончив расчеты, словно уже знал, где находятся беглые рабы, — некоторых мужчин мы отправим на

встречу с духами подземного царства. А остальных вернем сюда…

Деметрий помолчал и добавил, ухмыльнувшись:

— Если они будут благоразумны.

Все последующее утро Тарас провел на бегу, невольно вспоминая марш-броски времен службы в десанте. Только там приходилось бегать с автоматом и в полном обмундировании, весившем немало, а здесь, к счастью, почти голым, но зато босиком, стирая ноги в кровь. И когда будет следующий перекус, — обедами здешнюю кормежку у него язык не поворачивался назвать, — не знал никто, кроме богов и Деметрия.

Миновав развилку, на которой повсюду валялись трупы убитых илотов, колонна спартиатов свернула на юг и бегом устремилась вдоль отрогов Тайгета. Строй перешедших на легкий бег спартанцев был разделен почти так же, как и при нападении на деревню. Впереди бежал Деметрий, за ним Тимофей, Халкидид, Эгис и остальные бойцы из его проверенных людей, а в середине колонны Гисандр с теми, кто был с ним в ночной драке. Молодые на этот раз держались в хвосте. Получалось, что Деметрий делил всю агелу на своих людей и людей Гисандра. Зачем он это делал, Тарас пока не понимал, ведь командиром был все же Деметрий. Но получалось, что его часть отряда находилась как бы в резерве.

«Может, это он меня так хочет на место поставить, — размышлял Тарас, перепрыгивая с камня на камень по тропе, которая шла пока вдоль реки, — мол, я должен быть всегда сзади. Может, здесь так унижают? Ладно, разберемся как-нибудь постепенно».

Пробежав километров десять, спартанцы оказались на краю долины. Здесь дорога расходилась на две. Одна вела прямо на юг между высокими скалистыми холмами, а другая сворачивала направо, в глубину долины, уходившей вниз уступами. Там их взорам предстали несколько деревень, расположенных на некотором удалении одна от другой и разделенных полями. Издалека деревни казались вымершими.

— За мной, — коротко приказал Деметрий, сворачивая с главной дороги и, видимо, решив проверить ближайшие поселения илотов.

«Ну сейчас начнется», — мысленно приготовился Тарас к продолжению побоища. Хотя почему-то был уверен: беглых илотов здесь нет. Они наверняка подались ночью дальше на юг, к тому самому храму Посейдона, раз спастись больше негде. Ведь о том, что спартанцы будут их преследовать, они наверняка знали. Не могли не знать. А вот что их точно удивило этой ночью, так это то, что Деметрий дал им отсрочку, чтобы дольше насладиться страхами своих жертв. Они наверняка ждали немедленной погони.

Вынув кинжалы из ножен, спартанцы не таясь и не меняя строя вбежали в первую деревню. У крайнего дома их встретили только безразличные ко всему свиньи, валявшиеся в пыли.

— Осмотреть дома, — приказал Деметрий, — всех жителей согнать на улицу.

Выполняя приказ, спартиаты разбежались по хлипким домам, которых здесь было всего пять. Однако осмотр ничего не дал. Деревня была пуста. Карателей встречали только оставленные впопыхах животные, которых илоты не стали уводить с собой. Жизнь была дороже. Посматривая на молодых парней в забрызганных кровью одеждах, внезапно нарушивших покой села, по пустынной деревне бродили овцы и козы, разомлевшие от полуденной жары.

— Никого нет, — сообщил Тарас Деметрию, осмотрев два дома в сопровождении Эгора и Архелона.

— Пусто, — подтвердил, вытирая пот со лба, Халкидид, осмотревший с помощниками остальные хибары.

— Осмотреть все деревни, — скрипнул зубами Деметрий, — здесь должно быть достаточно илотов.

Но, добежав до остальных деревень и перевернув там все вверх дном, обозленные спартанцы никого не нашли. Местное население в страхе покинуло их, видимо, присоединившись ночью к беглецам из имения Истрата и не желая разделять их участь.

— Значит, эти илоты тоже сбежали, — нахмурился Деметрий, — но это ничего не меняет. Мы должны догнать и наказать это обезумевшее стадо. Вперед.

И, развернувшись, спартанцы вернулись к развилке дорог, потеряв полдня на бесплодные поиски. Понимая это, Деметрий приказал отряду бежать, невзирая на зной, от которого уже плавились камни на дороге. Рана у Тараса от такой беготни по пересеченной местности вскоре опять разболелась, но он старался заглушить боль, заставить себя не думать о ней. Боец продолжал бежать, стиснув зубы и не обращая внимания на пот, струившийся по лицу. К счастью, покрытые ссадинами ноги уже «привыкли» к постоянному передвижению без обуви и не особенно давали о себе знать. Да и по опыту Тарас уже знал, — постепенно организм можно приучить ко всему, даже чистый яд пить без последствий. А его организм, хоть и оказавшийся в чужом времени, был тренированным и все свои навыки сохранил.

Так они бежали часа четыре без всяких перекуров, пока отроги Тайгета не стали уходить влево, а перед ними не раскинулась холмистая равнина, усеянная перепаханными полями. Поднявшись вслед за остальными спартиатами на очередной каменистый холм, по вершине которого сквозь небольшую рощу проходила дорога, Тарас с удивлением увидел голубую полоску моря и раскинувшийся на берегу город.

— Отдых, — неожиданно скомандовал Деметрий, и все спартанцы, едва достигнув благословенной тени, повалились на жидкую траву, с трудом пробившуюся среди камней.

Упал и Тарас, но не сразу. Прежде сделал несколько дыхательных упражнений, чтобы успокоить бешено колотившееся сердце. И лишь затем опустился, как и все, на траву, рядом с небольшим ручьем, прорезавшим толщу камня. Ополоснул лицо, зачерпнул горстью воды и брызнул себе на спину, оттянув край гиматия. Разогретая спина едва не зашипела, словно раскаленная сковорода, отозвавшись благодарной истомой.

— Что это ты делал, прежде чем сесть? — удивленно спросил Эгор, наблюдавший за ним исподтишка. — Это тебя тоже твой наставник научил?

— Да, — не стал придумывать новых ответов Тарас, — это — чтобы успокоить сердце после бега.

— Это важно, — согласился Эгор, — но нас никто этому не учил. Покажешь?

— Потом, — отмахнулся Тарас и растянулся на жесткой поверхности склона.

Так они отдыхали минут десять. Затем Тарас, не без оснований полагая, что Деметрий не даст им расслабляться слишком долго, встал и, пока остальные отдыхали, делая гимнастику, приблизился к самому краю холма, откуда открывался вид на город и побережье. Там он стоял долго, молча, изучая это странное поселение, которое окончательно убедило его в том, что отчий дом остался в другом времени и туда возврата нет.

Залитый солнцем город был, на первый взгляд, небольшой, но кто знает, какие здесь города. Примерно пара сотен домов, сложенных из грубого коричневого камня, очень напоминавшие запущенные и полуразрушенные гаражи из родного времени, скученные вокруг небольшой площади. Часть домов была очень низкой, словно вырастала из земли, и сверху покрыта плоской крышей с ограждением, на которой кое-где паслись козы. А несколько домов ближе к пристани, лишь немногим крупнее, имели островерхую крышу из камня. По окраинам жались кварталы хижин из соломы, видно, жилища местных илотов.

Людей в городе было почти не видно, зной заставил всех искать тень среди нескольких рощиц, зелеными оазисами торчавших среди расползшегося по нескольким холмам городка. Но если подобный город Тарас, не бывавший прежде в Греции, еще мог представить в родном времени где-нибудь в районе Афганистана, то корабли, которые он рассмотрел на пристани, — точно не мог. Он привык совсем к другим кораблям.

В море выдавалось два массивных пирса, к каждому из которых было пришвартовано по странному кораблю. Один был сильно вытянут, имел острый хищный нос с нарисованными на нем с обеих сторон огромными глазами, и загнутую в форме хвоста гигантской рыбы корму. Посредине пустой палубы торчала мачта, но было ясно, что он может ходить и на веслах. Специальные отверстия имелись по всей длине в бортах этого

корабля. А по краю тянулся парапет, увешанный круглыми красными щитами, выдававшими в нем военный корабль.

«Как, бишь, эта посудина называется? — невольно стал напрягать память спецназовец, не сильно разбиравшийся в кораблях древних греков. Но вспомнил, или, во всяком случае, убедил себя, — триера, кажется. Все греки плавают на триерах, это точно».

А второй корабль был гораздо короче, но зато шире. Рядом с мачтой в палубе у него имелось большое квадратное отверстие, куда рабы, поднимавшиеся по сходням, втаскивали и сгружали какие-то мешки. Рядом стоял надсмотрщик и несколько солдат в доспехах, с такими же красными щитами, как на втором корабле. На головах воинов, несмотря на жару, красовались шлемы с гребнями из перьев. Судя по всему, это был «торговец», пришедший в Спарту из другой страны под охраной солдат.

«А может, дать деру? — вдруг встрепенулся Тарас, оглядываясь на отдыхавших невдалеке спартиатов, которые старались выжать из короткой передышки все возможное. — Пробраться на корабль и уговорить увезти меня отсюда? Как-нибудь отплачу за услугу».

Но сам же себя осадил, невольно вздохнув: «А зачем? Куда меня увезут эти ребята — неизвестно. Может, сразу на цепь посадят и рабом сделают, как этих несчастных илотов. А здесь я, пока не раскусили, хотя бы свободный гражданин. Даст бог и дальше повезет».

— Подъем! — раздался у него за спиной зычный окрик Деметрия. — Спартанцы, пора двигаться дальше, а то эти мерзкие илоты успеют добежать до храма Посейдона.

Тарас сделал над собой усилие, чтобы отойти от края холма и вернуться в строй.

— А они не могли укрыться в окрестностях этого города? — все же уточнил спецназовец, приблизившись к командиру агелы.

— Нет, — ответил Деметрий, — их немедленно перехватили бы. Я уверен, илоты ночью прошли вдоль города по холмам и убежали на юг, здесь их даже и не видели. Ты же знаешь, там уже начинается полуостров, больших поселений на нем почти нет, а до святилища Посейдона отсюда меньше двух дней пути. Но мы их скоро настигнем.

Тарас кивнул, и вопрос «А это что за город?» застрял у него в горле. Но он все же решил поддержать разговор, подав идею.

— Может, все-таки расспросить кого-нибудь. Толпа илотов не иголка. Наверняка их видели.

— Так и сделаем, — кивнул Деметрий, поправляя ножны кинжала, чтобы не мешали бежать, — здесь немного путников, но первого же, кто нам попадется навстречу, мы расспросим.

«Не удивительно, — подумал Тарас, занимая свое место в строю, — если по дорогам днем и ночью рыщут банды типа нашей, то все остальные, наверное, предпочитают отсиживаться по домам. Хотя и это их не спасет».

Почти за день пути они действительно почти никого не повстречали, если не считать двух пастухов, которые пасли стадо баранов в стороне от дороги, почти у самого города. Но они Деметрия не заинтересовали, поскольку никуда не убегали, и потому остались живы.

Построившись в колонну по два, спартиаты снова перешли на бег, устремившись вниз по дороге, петлявшей среди окрестных полей и огородов. Она шла вокруг города, огибая его и устремляясь дальше на юг. Сам город, как успел рассмотреть удивленный Тарас, вовсе не был окружен высокой каменной стеной, словно здесь вообще не опасались нападений неприятеля.

Вскоре они миновали развилку у подобия главных ворот портового города, которыми служили два каменных дома, и побежали дальше, стремясь за остаток дня проделать как можно большее расстояние. Солнце уже начинало свой вечерний путь вниз и скоро должно было «утонуть» в море, обещая долгожданную прохладу. Климат здесь был гораздо жарче, чем в его родном Питере, и хорошо тренированный Тарас пока еще не совсем привык к нему и страдал от жары больше других.

Сразу за городом дорога вновь отдалилась от морского побережья, сворачивая в глубь полуострова. Здесь начались многочисленные, но не очень густые оливковые и кипарисовые

рощи. На одном из таких «зеленых участков» дороги спартанцы повстречали повозку, груженную мотыгами и кувшинами из красной глины. Тащил повозку замученный жарой бык с обвисшими ушами, а управлял им с помощью палки одетый в хитон[25] возница, — лысый старик лет пятидесяти, спавший на ходу.

— Остановись! — поднял руку Деметрий, преграждая ему дальнейший путь.

От звука голоса старик очнулся и, едва увидев молодых спартанцев, испугался, попридержав и без того не слишком быстро шагавшего быка.

— Кто такой? — без всяких приветствий поинтересовался Деметрий, подходя к повозке и бесцеремонно разглядывая ее содержимое. Он даже поднял несколько мотыг и перевернул пару кувшинов, словно надеялся обнаружить под ними беглых илотов.

Тарас и остальные спартиаты окружили повозку.

— Я Энорм, господин. Периек[26] из общины Гифия, — ответил старик с поклоном, слезая на землю и поглядывая на разгоряченные лица спартанцев и их кинжалы, — второй день везу из Гифия в Этил товары. Хотел к ночи уже оказаться там.

— Ты едешь оттуда, где сегодня днем мог видеть беглых илотов, — сказал Деметрий, прищурившись на солнце, — их могло быть много, несколько десятков. Такую толпу не трудно заметить.

Старик молчал всего пару мгновений, но и это разозлило Деметрия. Он шагнул к вознице и, схватив его за хитон, притянул к себе.

— Ну, — повторил Деметрий с нажимом, глядя прямо в глаза испуганному старику, — я тороплюсь. Если хочешь оказаться ночью в Этиле, а не в грязной канаве с перерезанным горлом, то говори быстрее.

— Я… Я видел их, мой господин, — забормотал старик, — человек сорок или даже больше. Там были женщины и дети…

— Это они, — кивнул Деметрий, отпуская старика.

— Только это было не днем, — добавил тот с опаской.

Командир агелы, уже отошедший от возницы на несколько шагов и повернувшийся к нему спиной, вновь с удивлением посмотрел ему в лицо.

— А когда ты их видел, старик?

— Это было рано утром, еще до полудня, — добавил перепуганный возница беззубым ртом, — они шли рядом с дорогой по холмам, прячась от взоров прохожих, но их было трудно не заметить, господин прав.

— Утром? — переспросил Деметрий, словно не веря своим ушам.

Старик кивнул.

— Я только что свернул с развилки дорог на Этил и тут увидел этих людей.

— Ты можешь ехать, — отпустил его Деметрий.

— Благодарю, господин. — Старик с небывалой легкостью взобрался на телегу и ударил быка палкой. Уставшее от жары животное тронулось с места, снова потащив свой

---

[25] В описываемый период мужская одежда преимущественно состояла из двух частей — хитона и гиматия. Хитон (chiton) — это как выходная, так и домашняя одежда древних греков всех сословий. Изготавливался он из куска шерстяной или льняной материи, примерно метровой длины. Одевался прямо на тело, облегая его, а на плечах скреплялся пряжками. Хитон мог быть сшитым по боку или с одной стороны быть открытым. Правое плечо иногда оставляли обнаженным. Обычно хитон подпоясывали поясом. Длина хитона могла быть различной, но чаще всего доходила до коленей.

[26] Периеки — дословно «окрестные жители» — свободное, но бесправное население Лаконии, не входившее в состав гражданского коллектива Спарты. Периеки, согласно традиции, жили своими общинами, сформировавшимися из остатков ахейского населения Лаконии после завоевания ее дорийцами, и занимались торговлей и некоторыми ремеслами. То есть тем, чем гражданам Спарты было заниматься категорически запрещено. В городах и общинах периеков было сохранено местное самоуправление, но никакого права голоса в общественной жизни Спарты они не имели. Кроме того, в случае объявления войны они обязаны были исполнять воинскую повинность.

груз к морю.

— Быстро же они добрались сюда, — удивился Тарас скорости передвижения беглых рабов, — они в целом дне пути. Навел ты на них страху, Деметрий.

— Как бы быстро они ни бежали, — усмехнулся довольный похвалой командир агелы, — мы должны их догнать. Вперед, спартанцы. Добыча рядом.

И отряд снова бросился в погоню, то взлетая на холм, то снова ныряя в овраг. Несмотря на то что скоро стемнело, Деметрий продолжал гнать агелу вперед, словно хотел побить рекорд скорости бега. В полной темноте спартанцы отлично ориентировались без всяких факелов и приборов ночного видения. «Где-то здесь, неподалеку, как раз должна находиться Олимпия, — вдруг вспомнил Тарас, перескакивая через крупный камень, оказавшийся на тропе, в которую превратилась их дорога часа через три после расставания со стариком, — там эти ребята наверняка взяли бы все призы».

Зашедшее солнце давно перестало раскалять землю, но нагретые им за день камни теперь начали отдавать тепло назад. Духота стояла страшная. Тарас бежал уже на пределе, тем более что несколько раз наступил на очень острые камни и боль в ноге начала терзать его очень сильно. Наконец, когда при свете луны стало видно, какой плоской стала местность вокруг, а отряд почти выбился из сил, Деметрий сделал знак остановиться. Была уже середина ночи.

— Все, — коротко приказал он, — Тимофей и Книд, вы будете охранять наш сон. Вас сменят Эгор и Архелон. Мы будем отдыхать до рассвета, а потом нападем на илотов.

— Ты видел здесь илотов? — издевательски поинтересовался Тарас, переведя дыхание: вокруг были только плоские каменистые холмы, освещенные луной. А справа, в паре сотен метров, блестела на воде лунная дорожка. Их путь пролегал у самого моря.

— Они здесь, Гисандр, — ответил командир агелы, укладываясь прямо на камень и заворачиваясь в гиматий, — я чую их страх даже отсюда. Завтра мы покончим с ними.

Побродив по каменистому плато, Тарас нащупал кусок поровнее и тоже рухнул навзничь. Сил стоять уже не было. Спину и плечи ломило от усталости, ноги гудели, боль в стопах терзала нещадно. Но он все же выдержал этот марш-бросок. Ворочаясь на жесткой земле, Тарас с опаской посматривал на остальных бойцов агелы, но все они хоть и выглядели усталыми, с ног не валились. Каждый, подобно Деметрию, отдышавшись, завернулся в плащ и уснул, нисколько не беспокоясь о том, что они не ели с самого утра. Даже молодые.

Тарас же еще какое-то время смотрел на луну в бесполезной надежде, но никаких приготовлений к позднему ужину не было. И, скрипнув зубами, он тоже заснул. Усталость оказалась сильнее мук голода.

Наутро он проснулся оттого, что кто-то остановился рядом и склонился над ним. Сон у бывшего десантника чуткий. Почувствовав чье-то тело рядом, Тарас, не открывая глаз, резко выкинул руку вперед и схватил его за горло. А лишь затем раскрыл глаза. Перед ним был парень из молодых, который даже не пискнул, когда железные пальцы спецназовца сдавили ему горло. Убивать Тараса вроде бы никто не собирался, и он отпустил парня, буркнув:

— Чего надо?

Парень осторожно поднял руки — в одной был зажат небольшой мешок, а в другой крыло зажаренной на костре птицы.

— Еда. Деметрий приказал раздать перед выходом.

— Свободен, — снова буркнул Тарас, забирая свою пайку и, не вставая, с наслаждением засунул в рот кусок холодной птицы.

«Господи, как же я хочу жрать», — едва не выкрикнул Тарас и, приняв сидячее положение, за пять секунд прожевал свой завтрак. Сидевший неподалеку Архелон протянул ему кожаный бурдюк с водой. Тарас поблагодарил, глотнул теплой жидкости и осмотрелся.

Солнце едва показалось над морем, и было еще не жарко. В лагере, если эту часть каменистого плато, на которое они просто повалились от усталости посреди ночи, можно было назвать лагерем, уже никто не спал. Кто-то жевал, подобно Тарасу, свою пайку, кто-то

разминался, делая гимнастику, а Плидистрат и Книд, расправившись раньше всех с едой, чуть в стороне упражнялись на ножах, делая выпады и стараясь их избежать.

Тарас тоже встал и едва не упал обратно — опухшие ноги дали о себе знать резкой болью. Но боец устоял, и постепенно боль отступила. Тогда он скинул гиматий, оставшись лишь в набедренной повязке. Подышал, сделал несколько упражнений на растяжку, попрыгал и даже отжался, приводя стонущие мышцы в порядок. «Ката» делать не стал. Стоявший в нескольких метрах Деметрий с интересом наблюдал за ним все это время, но ничего не спросил. А когда Тарас закончил свою разминку, ощутив, как оживают забитые мышцы, громко объявил на всю стоянку:

— Выступаем! Всем быть готовыми к нападению. Илоты рядом.

И агела, выстроившись в колонну по двое, снова устремилась в погоню. Примерно часа три они передвигались между плоскими холмами, где тропы как таковой уже не было заметно. Она растеклась на десять троп, ведущих в одном направлении к югу. Под ногами сверкал белый с желтоватым отливом камень, стертый подошвами тысяч людей, не раз, судя по всему, ходивших этой дорогой.

Вскоре, поглядывая вперед, Тарас заметил, что местность идет вверх, рождая облизанную ветрами скалу, абсолютно лишенную растительности, за которой угадывалось резкое понижение, если не пропасть. Больше никаких гор впереди он не видел. А когда прошел еще час, и спартиаты, прыгая с камня на камень, взобрались на самый верх этой возвышенности, перед ними открылась огромная панорама полуострова, охваченного с двух сторон лазурным морем.

Они находились на узком перешейке, за которым берега вновь отдалялись друг от друга, но расстояние между ними не превышало теперь нескольких километров. Справа, на самом берегу моря, Тарас увидел какой-то новый город. Прямо под ними скала обрывалась вниз пропастью метров на сто, обойти которую можно было лишь по узкой тропе слева, долго петлявшей серпантином вдоль самого обрыва. Впереди, гораздо ниже, виднелся лишь один небольшой холм, а под ним, еще ниже, сверкал белыми колоннами на фоне ярко голубого моря огромный вытянутый портик, земля вокруг которого была огорожена невысоким каменным забором.

— Вот он, мыс Тенар, — объявил Деметрий, останавливаясь на краю пропасти, — храм Посейдона.

— Илоты! — крикнул кто-то из бойцов агелы, указывая рукой на группу людей, спешно покидавших последний холм и бежавших в сторону такого близкого убежища.

Глава одиннадцатая Храм Посейдона

Командир агелы впился глазами в небольшие фигурки людей в нескольких сотнях метров, также заметившие их.

— Вперед, спартанцы! — крикнул Деметрий. — Они не должны добежать до храма!

И первым бросился вниз по узкой тропе. Тарас бежал в середине колонны, стараясь не смотреть в пропасть, куда то и дело скатывались камни, задетые босыми ногами спартиатов. Эта тропа была единственной дорогой к храму Посейдона, миновать которую было никак невозможно, и спартанцы помимо воли были вынуждены замедлить свой бег. И когда первые из них, в числе которых был Деметрий, оказались у самого подножия обрыва, а затем взобрались наверх по расширившейся вдвое дороге, то увидели, что илоты находятся уже почти у ворот храма. Поднявшийся вслед за ними Тарас рассмотрел метрах в пятистах человек сорок, одетых в лохмотья, а кто и просто в набедренные повязки рабов, среди которых были женщины и дети.

Самые быстрые из них, человек тридцать, уже вбежали в ворота храма на территорию, огороженную невысоким каменным забором, сложенным из обтесанных валунов. Храм Посейдона, сверкавший белизной своих колонн, возносился вверх метров на пятнадцать или двадцать, а его священная территория занимала обширную часть берега у самой воды. Здесь

кроме прямоугольного вытянутого здания главного храма, — такие Тарас видел во множестве на картинках в учебнике по истории, — было сосредоточено еще немало зданий разной формы и высоты, от амбаров до небольших квадратных башенок неизвестного спецназовцу назначения, и ванн с морской водой, выложенных камнем. В общем, там было много хозяйственных построек для служителей культа Посейдона. Вот туда и спешили беглые рабы, стремясь затеряться среди них, или вбегали в храм, надеясь найти в нем защиту от смерти, летевшей за ними на остриях ножей молодых спартиатов.

— Бегом! — заревел Деметрий, видя, что добыча, за которой он так упорно гнался, ускользает от него. И первым бросился с холма вниз, выхватив кинжал из ножен.

Илоты, бежавшие последними, завопили от ужаса, видя, как их настигают спартанцы. Деметрий и еще несколько человек уже почти догнали рабов, как вдруг несколько мужчин с мотыгами преградили им дорогу, решив пожертвовать собой, чтобы дать возможность женщинам и детям добежать до храма.

Тарас, повинуясь какому-то внутреннему голосу, чуть отстал от первых спартиатов и бежал в центре группы нападавших, когда Деметрий, первым преодолев почти триста метров, отделявших его от крайних илотов, набросился на первого. Это был крепкий раб, почти вдвое шире в плечах самого Деметрия, мужчина лет сорока, державший в руках массивную мотыгу. Илот, не дожидаясь, пока его зарежут, взмахнул своим оружием и едва не задел Деметрия по плечу. Тот уклонился на бегу и, выбросив руку вперед, достал раба первым же ударом клинка. Лезвие вошло илоту под сердце. Выронив мотыгу, он упал на колени, и не успело его тело еще коснуться земли, а Деметрий уже набросился на другого.

Спартанцы, бежавшие следом, — Эвридамид, Тимофей и Книд — тоже схватились с илотами, которых в шеренге защитников было человек пятнадцать. Позади них слегка медливший Тарас разглядел бегущих женщин, которые были уже почти у ворот спасительного храма. Но избежать этой драки, как он ни старался, ему снова не удалось. С волками жить… В общем, сразу после того, как дубина молодого илота просвистела у него над головой, сработали рефлексы, и он, резко присев, отточенным движением вогнал лезвие кинжала в живот парню. Илот закричал и рухнул на теплые камни, обильно поливая их своей кровью.

А Тарас уже прыгнул в сторону, уходя от удара сверкнувшей на солнце мотыги. Металлический черенок просвистел мимо, высекая искру из камня. А боец увидел прямо перед собой обозленное лицо молодого парня и врезал тому прямо в челюсть рукой, в которой держал нож, вместо того чтобы сразу убить. Илот выронил свое оружие, распластавшись на камнях, но тут же попытался вскочить, чтобы броситься в драку. Однако он упал прямо под ноги Деметрию, который, не раздумывая, вонзил ему нож в шею. А когда тот, харкая кровью, вновь оказался на камнях, крикнул Тарасу.

— Гисандр, не трать время на удары, убивай сразу! Эти животные недостойны иного.

И, развернувшись, вонзил клинок в живот очередному илоту. Схватка на подходе к храму Посейдона вновь разгорелась нешуточная. Илоты не отступали. Однако, несмотря на умение молодых спартанцев владеть ножом, рабов было больше. Им удалось изувечить Книда, сломав ему руку ударом палки, и отрубить Плидистрату мотыгой два пальца на руке, когда тот упал на землю, пытаясь подхватить выбитый из рук нож. В ярости он вырвал мотыгу из рук поразившего его илота и здоровой рукой расколол тому череп его же оружием. Лишь после этого он отбежал в сторону и принялся заматывать окровавленную руку.

Спустя десять минут спартанцы перебили большую часть илотов, а оставшиеся в живых бросились бежать. Деметрий и остальные преследовали их до самых ворот храма, где командир агелы заколол в спину последнего илота, который не успел добежать до спасительной черты буквально пару метров. Пнув его мертвое тело, Деметрий обвел взглядом столпившихся во дворе храма рабов, которые с ужасом наблюдали за ним, и крикнул так, чтобы его слышали даже на берегу:

— Я до вас доберусь, проклятые илоты! И тогда не ждите от меня пощады.

Пригрозив рабам, он отошел от ворот и вернулся к месту последнего побоища, усеянного трупами илотов. Там он сел на камень, положив нож рядом, и стал что-то бормотать себе под нос, словно обращался к богам. Остальные спартанцы сгрудились вокруг него, приводя себя в порядок и зализывая раны. Походные эскулапы — Архелон и Эгор — колдовали над изувеченной рукой Плидистрата, с которой все еще капала кровь, смазав ее чем-то и соорудив повязку из тряпок. Потом занялись рукой Книда.

— Не повезло, — сплюнул Книд, поморщившись, глядя на обвисшую руку, кость из которой едва не вылезла наружу, — ну ничего, щедрые боги даровали мне целых две руки.

Когда эскулапы привязывали к сломанной руке дощечку, он испустил стон, но затем стиснул зубы, и больше ни одного звука не вырвалось наружу, пока они не обездвижили руку, примотав ее тряпкой к шее спартиата.

— Ну что, — поинтересовался Тарас, когда Деметрий закончил бормотать и встал, оглядываясь вокруг, — ты доволен? Погоня закончена?

— Я не уйду отсюда, Гисандр, — неожиданно заявил Деметрий, — пока илоты не будут наказаны. У меня есть приказ вырезать половину, если будут сопротивляться. И ты о нем знаешь. Если мы не накажем жестоко этих, то остальные поднимут восстание.

— И как же ты это собираешься сделать? — удивился Тарас, почуяв железную решимость командира агелы исполнить этот чудовищный приказ, о котором он, оказывается, был в курсе. — Ты пойдешь против воли богов?

— Я уважаю богов, — ответил Деметрий, — и они разрешили мне наказать илотов сегодня.

— Ты хочешь ворваться в храм? — догадался ошеломленный Тарас.

Он, конечно, слышал о таких случаях, но обычно святотатство совершали чужеземцы над храмами ненавистных им богов. Тарас не мог представить, чтобы спартанцы, которые, как он читал, молились на своих богов, как никто из греков, были способны учинить резню даже в храме.

— Я их выманю оттуда, — ответил Деметрий, нахмурив брови, — пообещаю прощение.

— Думаешь, они тебе поверят? — усмехнулся Тарас, глядя то на окровавленные руки командира агелы, то на трупы илотов, разбросанные вокруг.

— А если они не выйдут, — Деметрий помолчал, щурясь на солнце, — Посейдон простит нам эту маленькую шалость. Тем более что в море нам никогда не бывать.[27]

И решившись, Деметрий в одиночку направился к воротам храма, у которых его встретили жрецы Посейдона. Поклонившись им и что-то сказав, он обратился к илотам, заполнившим двор и все еще не верившим в свое избавление. А затем вернулся назад.

— Что ты пообещал им? — спросил Тарас, едва командир агелы оказался рядом.

— Я сказал им, что теперь они могут свободно возвращаться домой, никто их больше не тронет, — ответил Деметрий, но в его глазах играло дьявольское лукавство, особенно когда он с любовью погладил ножны кинжала, — боги напились крови, и наказание за ослушание состоялось. Я дал им полдня на размышление и сказал, что готов проводить их до самой деревни. Мы будем ждать илотов до захода солнца на вершине лысой горы, куда сейчас же отправимся.

Тарас внимательно посмотрел в лицо командиру агелы и убедился: тот пойдет на все, лишь бы добить оставшихся илотов.

— Что ж, хорошо, идем на гору, — кивнул Тарас, — но знай: если они не выйдут сами, то я отказываюсь идти с тобой в храм убивать оставшихся рабов. Я не пойду против воли богов.

— Ты можешь поступать, как хочешь, Гисандр, — процедил командир агелы, сверкнув

---

[27] В описываемый период спартанцам было запрещено служить моряками и сражаться на море. Флота у Спарты не было. Позднее он появился, но был крайне незначительным.

глазами, — боги на моей стороне, а не на стороне илотов. И ты ответишь за ослушание, когда мы вернемся в столицу.

— Я так решил, — отрезал Тарас, выдержав взгляд командира.

Остальные спартанцы жадно слушали этот новый спор, и по всему было видно, что добрая половина из них поддерживает Гисандра. Они готовы были перебить хоть всех илотов, чтобы выполнить приказ, но не в храме, не на его священной территории, как требовал командир агелы. Тарас понял, что сделал верный шаг к укреплению своей власти, но Деметрий это тоже понял и не забудет. В этом можно было не сомневаться.

«Не впервой», — отмахнулся от мрачных мыслей Тарас, направляясь вслед за командиром на лысую скалу, вновь пройдя по серпантину над пропастью.

Здесь, на северном склоне, в небольшой расселине между камнями, которая находилась в двух десятках метрах от главной тропы, Деметрий приказал отдыхать до заката. И Тарас не был так рад еще ни одному его приказу. Выпив воды, — еды у них все равно с собой больше не было, — спартанцы разлеглись на теплых камнях, и многие из них уснули, пользуясь редкой возможностью. Благо высокие края расселины давали тень, и здесь было не так жарко.

Спецназовец нашел себе местечко в дальнем краю расселины, подальше от Деметрия, и приготовился спать. Но едва он сомкнул глаза, прикрывшись испачканным за время погони гиматием, как рядом с ним присели сразу трое: Эгор, Архелон и Халкидид.

— Гисандр, ты на самом деле не пойдешь с Деметрием в храм убивать илотов? — спросил вполголоса Эгор.

Тарас открыл глаза и обвел взглядом собравшихся вокруг него бойцов.

— Да, — кивнул он, давно поняв, на что нужно упирать, чтобы даже спартанец заколебался, — я не хочу прогневить богов.

Трое бойцов переглянулись.

— Мы тоже не пойдем против богов.

Это было похоже на заговор. А заговоры, насколько он помнил, здесь не очень уважали, требуя безоговорочного подчинения командиру. Но воля богов — дело серьезное, особенно для спартанца. И Тарас решил идти до конца, попытавшись извлечь из этого пользу.

— Мы останемся с тобой, — ответил за всех Эгор. — Плидистрат колеблется, ему хочется отомстить илотам за увечье. Но если мы воспротивимся, Деметрий ничего с нами не сможет сделать, даже если мы останемся вчетвером. А тогда нашему примеру последуют и остальные.

— Ты хочешь сказать, — закончил за него Тарас, — что тогда у Деметрия вообще ничего не получится?

— Мы убили уже достаточно илотов, — ушел от прямого ответа Эгор.

— Если агела откажется подчиниться, по возвращении на берега Эврота он обязательно пожалуется педоному, — вставил слово Архелон, — и мы можем не дожить до последнего экзамена в храме Артемиды. Нас запорют раньше, если тот захочет. А Деметрий у него любимчик.

Тарас нахмурился. Рисковать своей жизнью в бою с противником он был готов, но убивать илотов, как баранов, ему было не по душе, как ни старался бывший боец «Тайфуна» заставить себя поверить в то, что он теперь юный спартанец Гисандр. Впрочем, подставлять остальных членов агелы, решившей вдруг избрать его своим тайным лидером, он тоже не хотел. Выбирать, однако, не приходилось, свое слово он уже сказал. Внес раздор в порядки агелы. И Тарас решил положиться на судьбу, пытаясь припомнить, кто такой этот неизвестный ему педоном, о котором он уже не раз слышал. Похоже, какой-то чиновник, надзиравший за этими кровожадными детками, чье слово даже за десятки километров от Спарты наводило ужас даже на таких храбрых парней.

— Ладно, — кивнул он, — отдыхайте, а если илоты не выйдут из храма, поступайте, как подскажет вам ваше сердце. Я не двинусь с места в любом случае.

Приняв такое решение, «тайный совет» агелы разошелся, и Тарас смог наконец спокойно задремать. Отключился он мгновенно, едва положив усталую голову на теплый камень. В этот раз ему вдруг приснился дом в той, прошлой жизни, и мать, которая не может найти себе места, потеряв своего единственного сына. Тарас стоял у нее за спиной, тянулся к ней руками, но она его не замечала, словно Тарас превратился в бестелесный призрак. Потом он увидел себя внутри БТРа, влетающего на территорию зоны, и крепкую фигуру Вадика с автоматом в руках, который сидел справа от него. БТР скрипнул тормозами, останавливаясь. Бойцов внутри качнуло вперед. Люк откинулся, и он уже был готов выскочить наружу, но откуда-то вдруг раздался тихий голос: «Вставай, Гисандр!».

Тарас открыл глаза, машинально хватаясь за нож и пытаясь рассмотреть в наступившей темноте склонившегося над ним человека. Это был Архелон.

— Кое-что изменилось, — проговорил он, указывая в сторону многочисленной группы бойцов, которая окружила Деметрия, едва различимого в сумерках в дальнем конце расселины.

— Откуда здесь столько народа? — удивился вслух Тарас, пересчитав людей. Их было примерно человек сорок.

— Сюда пришли еще две агелы Клеона и Механида, — объяснил это столпотворение Архелон, — их привел с собой Эномай, встретивший агелы на склонах Тайгета на обратном пути, пока разыскивал нас.

— Ясно, — кивнул Тарас, приподнимаясь на локтях и усаживаясь удобнее на плоском камне. Он хорошо выспался и чувствовал себя посвежевшим, набравшимся сил. — И они решили принять участие в общей охоте.

Архелон кивнул.

— Как у них с желанием прогневить богов? — поинтересовался Тарас.

— Не знаю, — не совсем понял вопроса Архелон, — но кажется, они договорились примкнуть к Деметрию.

«Умеет убеждать, сволочь, — сплюнул на остывшие камни Тарас, дело шло совсем не так, как он рассчитывал, — да и хрен с ним, спартанцы решений не меняют».

— Мне все равно, — подтвердил он свои прежние слова, — сколько бы народу еще здесь ни появилось, я не тронусь с места. Богов я уважаю больше, чем Деметрия.

Командир агелы словно услышал его слова. В конце расселины началось движение, и вскоре Деметрий в сопровождении еще двух здоровяков остановился напротив поднявшегося на ноги Тараса. «Судя по всему, — решил спецназовец, скрещивая руки на груди, — это и есть Клеон и Механид».

— Илоты не пришли, — произнес Деметрий, глядя в глаза своему противнику, — пора выступать и довершить начатое. Ты пойдешь с нами, Гисандр?

— Я уважаю богов больше, чем тебя, — ответил Тарас, — а вы, Клеон и Механид, не боитесь гнева Посейдона?

Стоявшие рядом спартанцы, казалось, заколебались.

— Любой спартанец уважает богов, — проговорил тот, который стоял слева от командира агелы.

— И любой спартанец знает, что надо выполнять приказы, — напомнил Деметрий, глядя в глаза Тарасу.

— Уж не возомнил ли ты себя равным Посейдону? — издевательски поинтересовался Тарас и увидел, как закипает Деметрий. — Похоже, ты не только не уважаешь в его лице богов, но и еще хочешь подставить под трезубец Посейдона головы этих храбрых парней.

— Ну хватит, — оборвал его Деметрий, — если ты струсил, то можешь оставаться здесь. А мы уходим.

— Мы тоже остаемся, — вдруг выступил из темноты Эгор, за спиной которого показались Архелон и Халкидид, — жизнь этих презренных илотов не стоит того, чтобы раньше времени отправляться в царство Аида. Подумай об этом, Деметрий.

— Ты пожалеешь об этом, — процедил сквозь зубы Деметрий, обращаясь к Тарасу.

И, смерив полным ярости взглядом Эгора, Архелона и Халкидида, отвернулся и направился к вершине, с которой тропа уходила в темноту. За ним последовали человек тридцать, и расселина вскоре почти опустела. Но не совсем. Вместе с Тарасом здесь остались трое «заговорщиков», Плидистрат и раненый Книд. А также еще человек пятнадцать из вновь прибывших агел, решивших не гневить богов. Остальные направились в храм Посейдона под предводительством Деметрия. «Ну теперь без последствий не обойдется», — решил Тарас, рассматривая свою маленькую армию. Однако больше всего сейчас спецназовца интересовало, как сам Деметрий будет отчитываться за свое святотатство перед наставниками, раз эта идея вызвала раскол в стане сразу нескольких агел. Он не верил, что набожные граждане Спарты, как он их себе теперь представлял, среди которых находились наставники молодежи, могли открыто поддержать его действия.

Впрочем, все разборки были делом будущего, а сейчас Тарас не удержался от того, чтобы выйти на вершину вслед за покинувшими ее спартанцами. Там он остановился, чтобы посмотреть им вслед. Он попытался задержать эту опьяненную кровью толпу, но не смог. И теперь илотам оставалось надеяться на милость тех самых богов, именем которых он прикрывался.

Однако не прошло и получаса, как из темноты, окутавшей храм Посейдона, донеслись первые крики, перекрывая шум ветра и близкого моря. Вскоре они стали раздаваться чаще, кое-где даже заполыхали огни факелов, и Тарасу стало окончательно ясно, что Посейдон решил не вмешиваться в дело илотов, предоставив их власти своих земных хозяев. А те вернулись неожиданно быстро, не прошло и пары часов, разгоряченные и окровавленные. Ни одного илота они с собой не привели. Вопрос был снят.

Глава двенадцатая

Попытавшись перевернуться на бок, Тарас застонал. Боль пронзила всю спину и ноги, заставив отказаться от этой попытки. Он снова лег на живот, стиснув зубы. Жар от многочасовой порки уже почти спал, и ему стало немного легче. Он валялся на своей подстилке из тростника уже третий день, но рубцы на спине еще не совсем затянулись, причиняя ему немало страданий.

«Ну и сволочь же этот педоном», — мысленно выругался Тарас, вспоминая события последней недели.

Деметрий исполнил свою угрозу. Едва агела вернулась на берега Эврота, снова оказавшись в том лагере, откуда ее отправили исполнять криптии, как он тут же настучал надзирателю. А тот передал дальше по инстанции педоному, находившемуся в недалекой Спарте и ведавшему, как выяснилось, воспитанием подрастающего поколения всей страны. Поколение это, собранное в смешанные по возрасту группы от семи до двадцати лет, было разбросано по военизированным лагерям, подобным тому, в котором теперь оказался Тарас. Здесь, как выяснилось, и проходило обучение молодежи на протяжении многих лет.

С нескрываемой радостью Тарас узнал, что один из главных экзаменов — многочасовая порка в храме Артемиды, который служил пропуском в настоящую жизнь для пятнадцатилетнего юнца, — он уже «выдержал» несколько лет назад и теперь имел право носить настоящее оружие — меч и копье, — которое, однако, им пока не давали, заставляя драться учебным. Но радоваться было рано. По возвращении с криптий их скоро ждала еще одна порка в том же храме, завершающая обучение, после которого он и все его одногодки станут совершеннолетними. «Водку можно будет пить, — усмехнулся Тарас, снова ощутив боль в спине, — и сигареты покупать».

Официального статуса экзамена эта порка уже не имела, но считалась важной частью церемонии и даже праздником. Так сказать, выпускной бал. Пропуск во взрослую жизнь. Что там будет потом, после этого бала, Тарас сейчас даже не загадывал. До него еще следовало дожить, причем в прямом смысле слова. Очень уж болезненным было обучение. Многие не дотягивали.

Как Деметрий избежал наказания за то, что ворвался в храм и устроил там резню, Тарасу было неизвестно, однако факт оставался фактом: получив жалобу от надзирателя, руководившего лагерем, педоном буквально на следующий же день прибыл в расположение лагеря, где по соседству обитали три агелы: Деметрия, Клеона и Механида. И вскоре Тараса, а также Эгора, Архелона и Халкидида, и даже раненых Плидистрата с Книдом, вызвали «на ковер» к главному педагогу Спарты, которого здесь называли немного иначе, чем привык Тарас. Остальных участников «восстания» — пятнадцать парней из «молодежи» соседних агел — никто сюда не приглашал. Видно, Механид с Клеоном своих не выдали.

Разговор состоялся рано утром, но не в хижине надзирателя, а прямо посреди лагеря, точнее на берегу Эврота, несущего свои воды через холмистую и плодородную равнину к морю. Провинившихся выстроили в шеренгу, а педоном некоторое время прогуливался мимо них, всматриваясь в лица таким хищным взглядом, словно собирался немедленно всех четвертовать. Звали его Менандр.[28] Это был высокий и тощий человек с вытянутым лицом, обрамленным длинными волосами, от которого пахло едким потом за версту. Впрочем, примерно так же здесь пахли все, и Тарас уже начал привыкать к местным обычаям.

Прибыв из похода в лагерь, он ожидал как минимум немедленной отправки всей агелы в баню, чтобы помыться после стольких дней, проведенных в пыли и грязи. Но не тут-то было. Оказалось, спартанцы баню не признавали и ходили немытые. Тела свои ни мазями, ни маслами не натирали, чтобы те лучше пахли. И вообще о запахах не беспокоились. Ограничивались тем, что мыли волосы и долго расчесывали их — это было их главное богатство. Пришлось помыться в реке, с большим трудом улучив свободную минутку. Поскрести себя заскорузлыми пальцами без всякого мыла и шампуней. Для Тараса, привыкшего думать, что все греки большую часть свободного времени проводят в банях, это было откровение. Впрочем, за всех греков он отвечать не мог, но вот спартанцы, к его большому сожалению, бани презирали.

Пройдясь несколько раз вдоль строя «провинившихся», педоном остановился напротив Тараса и, прищурившись на солнце, светившем ему в лицо, спросил негромким шипящим голосом, словно змея:

— Это ты, Гисандр, отказался подчиниться приказу своего командира? И еще подбил на это своих товарищей.

И вздрогнул от неожиданности, когда тот попытался оправдаться.

— Я считал, мы не должны гневить богов из-за жизни презренных илотов, — сказал Тарас бодрым голосом, будучи абсолютно уверенным в своей правоте, — Тем более что они уже были примерно наказаны до этого. Я считаю, Деметрий напрасно устроил резню в храме Посейдона.

— Ты слишком многословен для жителя Лакедемона, Гисандр, — заметил возмущенный поведением Тараса чиновник, — И слишком самонадеян, как и твой отец. Твоя главная задача — подчиняться командиру. А ее ты не выполнил. Это поведение недостойно будущего гражданина. Подумай об этом.

Тарас машинально кивнул, но сам подумал о другом: «Он знает моего отца, но не усомнился в том, что я это я. Значит, мы действительно похожи с Гисандром, как родные братья. Впрочем, главное, чтобы „отец“ меня не раскусил. А это, думаю, будет посложнее, чем пудрить мозги остальным спартанцам».

Решив, что тут больше говорить не о чем, — преступление против общества налицо, — скорый на расправу Менандр повернулся к стоявшему слева от него надзирателю лагеря, крепкому старику среднего роста по имени Элой, одетому в слегка удлиненный гиматий.

— Этих, — указал он своей жилистой загорелой рукой на спутников Тараса, — пороть до обеда. Гисандра до самого вечера. Три дня не кормить всех. Это послужит им уроком.

И развернулся, чтобы уйти, потеряв всякий интерес к стоявшим перед ним парням.

---

[28] Вымышленный персонаж. Любые совпадения случайны.

— За что? — громко возмутился Тарас, задохнувшись от несправедливости. И тут же пожалел об этом.

— Ты еще смеешь возражать? — Лицо высокомерного Менандра покраснело от гнева. Он снова шагнул навстречу нарушителю дисциплины. — Возражать педоному Спарты?

Тарас опустил глаза и еле сдержался, но промолчал. Однако было поздно.

— Пороть его до заката, — вынес новый приговор Менандр, — И не кормить пять дней. А потом пусть этот недостойный эфеб[29] неделю рвет тростник для остальных членов агелы.

Тарас вновь открыл было рот, чтобы сказать хоть слово в свою защиту, но поймал на себе испепеляющий взгляд узких змеиных глаз педонома и вовремя осознал, что спорить бесполезно. Еще одно слово и его просто забьют до смерти в воспитательных целях. Тут с этим быстро. А неделю издевательств он, может быть, выдержит.

Пороли их профессионально, с удовольствием. Делали это помощники надзирателя Элоя и еще два надзирателя с помощником, руководившие агелами Клеона и Маханида. В глубине души Тарас даже был благодарен надзирателям за то, что они взяли на себя эту роль. Ведь если бы ее поручили самому командиру агелы, Деметрию, — а такая гадкая мыслишка проскальзывала в уме Тараса, — то спецназовец вряд ли смог бы вынести это унижение и не взбунтоваться. Дал бы ему разок по морде и тогда пиши пропало. Не быть тебе, Гисандр, гражданином Спарты. Но обошлось.

Нравоучительное избиение происходило на глазах у всех молодых спартанцев, собравшихся в центре лагеря, где были установлены каменные скамьи специально на случай исполнения таких наказаний. Ни Тараса, ни Эгора, ни других проштрафившихся, которые, впрочем, ни словом не обмолвились, что винят его во всем, никто к месту пыток не привязывал. Вставай и беги, если больно, или проси пощады.

Однако по всему было видно, что выдержать порку для молодого спартанца было чем-то вроде соревнования: кто дольше продержится. И Эгор с Архелоном даже подшучивали друг над другом, направляясь к каменным скамьям, вокруг которых земля была какой-то подозрительно бурой. Даже Плидистрат с Книдом, оба еще не залечившие раны, не посмели возразить педоному и приняли наказание с улыбкой на лице. Бывший «тайфуновец», на себе испытавший немало тягот и лишений по службе еще в прошлой жизни, все равно еще никак не мог принять до конца здешние привычки. Впрочем, его никто и не упрашивал. Ему только приказывали. И теперь Тарасу предстояло испытать на собственной шкуре воспитательный метод Лакедемона.

Когда все пятеро улеглись животом на нагретые солнцем скамьи, которых здесь имелось в достатке, надзиратели, не откладывая, принялись за исполнение наказания, которое было долгим.

Пороли их ивовыми прутьями, смоченными в каком-то едком рассоле и обжигавшими, словно раскаленное железо. Когда все было готово, послышалась команда Элоя. В воздухе раздался свист сразу нескольких прутьев, которые опустились на голые спины учеников. Тарас сжался от неминуемого заряда боли. Но после нескольких первых ударов, заставивших его вздрагивать всем телом, но показавшихся вполне терпимыми, решил, что наказание не такое уж страшное. И может быть, существует только для вида. Однако вскоре оказалось, что до сих пор надзиратели-учителя всего лишь разминались, работая не в полную силу, а теперь стали вкладывать душу в каждый удар.

Когда он пролежал под их методичными взмахами первые двадцать минут, а тело его покрылось волдырями и ссадинами, спецназовцу впервые захотелось вскочить со скамьи, пока еще оставались силы, и набить морду этим садистам. Он мог бы один разбросать их в разные стороны, руки-то были свободны. Но продолжал терпеть. Боль накатывалась

---

[29] Эфебом назывался юноша в возрасте до двадцати лет, еще не считавшийся совершеннолетним и полноправным гражданином.

волнами, тело горело огнем. Однако только так здесь становились гражданами.

То и дело он стал впадать в забытье и даже не заметил, как разошлись зрители, отправленные окриком надзирателей на какие-то работы. Пропустил время обеда, когда его собраться по несчастью, более молчаливые, чем Гисандр, были отпущены. Находясь в полубреду, Тарас уже не видел, как они покинули место экзекуции. А потом все же не выдержал и потерял сознание. Когда его окатили водой, боец, очнувшись, решил, что пытка окончена. Но он ошибся. Его лишь привели в чувство и пороли еще несколько часов. И лишь затем оставили в покое. Но он и этого не заметил, поскольку снова был без сознания. Надзиратели, убедившись в том, что он еще не умер, разошлись с чувством выполненного долга, предоставив Тараса самому себе. А он очнулся лишь ночью и, бешено озираясь по сторонам, добрался до своего тростникового ложа, рухнув на него без сил.

На следующее утро вновь явились надзиратели и, осмотрев раны и пылавшее жаром лицо Тараса, разрешили ему отлежаться пару дней, чем он и занимался, поверив в чудо, когда осознал себя еще среди живых. Надзиратели, в числе которых был сам Элой, даже спрашивали его, осознал ли он свои ошибки. Тарас кивал и улыбался, оглядывая их мутным взором и считая духами, пришедшими с того света.

Но закаленный службой организм все же оклемался. И как только это случилось, ему было поручено в полном соответствии с приказом Менандра, рвать руками жесткие стебли тростника, чтобы обеспечить материалом все три агелы, устроившие себе лежбища неподалеку от берега Эврота, где, собственно, и рос сам тростник.

Домов как таковых в лагере не было, если не считать несколько хибар из того же тростника, выстроенных для надзирателей. Все молодые спартанцы спали под открытым небом. А если вдруг выдавались холодные ночи, что случалось крайне редко, — подкладывали себе в тростниковые кровати листья ликофона, странного растения, похожего с виду на крапиву, которое жалило их голые тела и немного согревало. Тарас тоже однажды попробовал спать на нем, но удовольствия не получил и предпочитал согреваться только своим теплом или накидкой.

Ели они, когда это случалось, за общими столами грубой работы, стоявшими в жидкой тени нескольких деревьев. Ели по команде, почти как в армии. Впрочем, Тарас, оказавшись в лагере, смог поесть там только два раза, а потом угодил под незаслуженное наказание. И вот уже несколько дней обходил эти столы стороной, питаясь только водой из Эврота. Пробовал грызть и сосать тростник, но тот оказался мерзким на вкус. Однако голод терзал его уже так сильно, что когда во время работы ему посчастливилось обнаружить на дне реки несколько устриц, он, не раздумывая, разбил их о камень и съел, проглотив сырыми их скользкие холодные тельца. Да и то озирался по сторонам, не видит ли кто и не настучит ли надзирателям, которые за это снова посадят его на голодный паек. К счастью, обошлось.

Один раз его отправили вместе с половиной агелы в большую крепость Амиклы, неподалеку от которой располагался другой лагерь эфебов, забрать из арсенала очередную порцию приготовленного для них тренировочного оружия, — щиты, копья и ножи. Туда они бежали налегке, а обратно — нагруженные сверх меры. Каждый тащил по десятку копий или по несколько щитов и должен был еще при этом быстро передвигаться. Деметрий спуску не давал никому, а уж глядя на Тараса, испытывал настоящее удовольствие, не раз приговаривая: «Я же тебя предупреждал, Гисандр, не иди против меня». Тарас отмалчивался и, скрипя зубами, воспитывал силу воли.

В общем, весь срок вынужденной голодовки ему никаких поблажек не делали. Ломая голыми руками жесткие стебли тростника от рассвета до заката, Тарас заработал себе множество ссадин, но зато так укрепил запястья, что теперь мог сломать стебель сухого тростника, зажав его между пальцами, или придушить любого одной рукой, лишь бы представился случай. Кроме того, от переживаний последних дней и отсутствия еды он сильно похудел. И каково же было его удивление, когда прибывшие в лагерь эфоры неожиданно признали его слишком толстым и подвергли новому наказанию.

Случилось это так. Оттрубив положенный срок на уборке тростника и отмучившись без

еды, Тарас был вновь допущен к столу. Вот когда кусок холодной баранины, козий сыр, ломоть грубого хлеба и гроздь оливок показались ему пищей богов. Он просто стонал от удовольствия, запивая все это речной водой, не вспоминая ни о каком вине или других излишествах прошлой жизни, уже казавшейся почти эфемерной.

На второй день после обеда надзиратели построили все агелы перед тремя высокорослыми чиновниками, прибывшими из столицы. Тарас уже участвовал в одной из проверок и не ждал от нее ничего хорошего. Однако, узнав, что эти трое крепких мужчин в простых гиматиях, не обвешенные золотыми цепями и перстнями с бриллиантами, — эфоры, — он сильно удивился. Эфоры обладали властью, сравнимой с полномочиями самих царей, и, по его разумению, должны были одеваться в шелк и парчу, передвигаться в раззолоченных колесницах в сопровождении кучи слуг и осыпать подданных золотом. А эти были одеты почти так же, как и Тарас, а в лагерь на берегу Эврота разве что пешком не пришли.

Но еще больше он удивился, когда всем членам агел приказали раздеться донага и в таком виде ждать, пока их не осмотрят. «Что за педофилы такие?» — насторожился Тарас, поглядывая на эфоров, но стянул с себя гиматий, как приказали. Все оказалась просто. Эфоры, призванные следить за здоровьем нации, лично осматривали каждого молодого спартанца и приказывали пороть тех, у кого появлялась хоть одна складка жира или мышцы не выглядели выточенными из камня.

— Как ты обрюзг, Гисандр, — сморщившись, словно увидел перед собой какого-то жирного и покрытого прыщами ублюдка, заметил один из эфоров, остановившись рядом с Тарасом.

«И этот меня знает, — снова удивился боец, взглянув на лысоватого мужчину в слегка удлиненном гиматии, которого, по слухам, уважали сами цари, — да меня здесь все, похоже, знают. И моего отца. Только я сам о себе ничего не знаю».

Больше этот эфор, которого звали Хидрон, ничего не сказал. Однако едва первые лица государства удалились в своих скромных повозках, как за Тарасом явились надзиратели и вновь отвели его на лобное место, где нещадно пороли до заката, запретив есть еще три дня. Хорошо хоть тростник больше рвать не заставили.

После этой инспекции Тарас наконец понял, почему все спартанцы такие поджарые. Эфоры объезжали лагеря каждые десять дней. Узнав об этом, Тарас изучил свое исхудавшее тело, но не нашел на нем никаких лишних складок. Он и раньше не отлынивал от физкультуры, считая себя вполне накаченным парнем. Однако до местных стандартов все равно недотягивал. Поэтому поклялся себе, что похудеет к следующему приезду эфоров еще на несколько килограммов, чего бы это ему ни стоило. И подкачается, чтобы добиться нужного рельефа мышц. Надоело ходить постоянно избитым и голодным.

Отбыв наказание, Тарас вновь подключился к обучению, которое проходили остальные в его отсутствие. Занятия для совсем молодых и старших теперь разделялись. Чем занималась молодежь, то и дело пропадавшая из лагеря, он не особенно следил. Но обучение для приблизившихся к порогу двадцатилетия, похоже, входило в завершающую стадию. И заключалось оно в ежедневных гимнастических упражнениях, беге, плавании, метании копья, битве на ножах и даже мечах, которой их обучали в качестве инструкторов несколько прибывших из Амикл настоящих спартанских воинов. А также битве в строю, что уже походило на профессиональную военную подготовку.

Никакого огнестрельного оружия, хорошо знакомого Тарасу здесь, конечно, не было. Зато он удивил инструкторов своим владением ножа и рукопашного боя, показав им несколько финтов, доселе неизвестных им самим. Глядя на то, как Тарас быстро разделался по очереди с тремя своими противниками из агелы, а потом с двумя одновременно, спартанский воин Навклид, обучавший их этому искусству, приказал ему биться с ним один на один.

— Ты молодец, Гисандр, — похвалил его Навклид после того, как Плидистрат, Эгор и Тимофей оказались на земле, отправленные туда ударами ног и подсечками, не сумев

причинить никакого вреда быстро перемещавшемуся Тарасу, — хорошо дерешься. А теперь попробуй победить меня в настоящем бою. Победишь, считай, прошел обучение.

И крепкий спартанский воин, мышцы которого бугрились на плечах, сложил на землю оружие — круглый красный щит с изображением «Лямбды»,[30] средней длины меч и, подумав, снял шлем. Теперь спартанец, на котором был надет только кожаный панцирь и портупея, остался с одним ножом. Правда, Гисандр был босым, как и все молодые воины, а Навклид обут в сандалии, но спецназовец решил, что справится с ним и так. Кожа на подошвах его ног огрубела уже настолько, что не ощущала мелких камней вообще.

— Давай, — сделал пригласительный жест накаченной рукой спартанец, — нападай на меня.

И Тарас двинулся вперед, хотя обычно предпочитал отбивать нападение. В отличие от остальных бойцов, которых учили всегда ощупывать ногами землю и твердо стоять на ней, Тарас слегка подпрыгивал и менял направление, приближаясь к Навклиду. Он сделал несколько ложных выпадов, заставив того вздрогнуть, но так и не нанес настоящего удара. Ножи у них были притупленные с конца, учебные, но при желании и таким можно было нанести хорошую рану противнику. За поединком следила вся агела во главе с Деметрием.

— Ну давай же, — повторил уставший ждать инструктор, — нападай!

Однако Тарас все прыгал вокруг него, раздражая нетерпеливого спартанца, и тот вскоре изменил свою стойку, резко выбросив руку с ножом. Тарас едва успел увернуться от острия, пронзившего воздух у самого уха, а Навклид шагнул вперед и нанес резкий удар ногой в бедро. Тарас упал навзничь, как подкошенный, терпя боль, но быстро вскочил и сделал ответный выпад в сторону Навклида, резанув воздух у самых его глаз. Но все же промахнулся и тут же получил хороший удар кулаком в челюсть, которого бывший спецназовец не ожидал на учебных занятиях. Сплюнув кровь из рассеченной губы, он поймал взгляд инструктора, говоривший: «Нет, парень, теперь все по-взрослому».

— Ну ладно, — прохрипел себе под нос Тарас, бросаясь в атаку, — по-взрослому, так по-взрослому.

И, отбив очередной выпад инструктора, нанес ему хороший удар локтем по ребрам, от которого тот едва не задохнулся. Потом провел серию ударов левой в челюсть, в грудь — отбил взмах ножом, — еще раз в челюсть и напоследок по печени. Навклид, слегка нокаутированный такой атакой, отступил назад, покачиваясь, но не упал и клинок не выпустил. Тогда Тарас с разбегу подпрыгнул вверх и нанес завершающий удар в грудь ногой, повергнувший спартанского воина в пыль. А сам поднял руки вверх, как победитель.

Бойцы агелы загомонили, выражая свое восхищение. А Деметрий, как успел заметить краем глаза Тарас, нахмурился, но продолжал смотреть на поединок, который еще не закончился, но грозил перерасти в позор спартанского инструктора.

Однако Тарас рано расслабился. Уязвленный Навклид вновь быстро оказался на ногах и, наклонившись головой вперед, с ревом набросился на спецназовца, словно разъяренный бык, поднявший его на рога. Этот удар свалил с ног Тараса, а уже лежа на земле, он увидел летящего на него в прыжке Навклида с вытянутой рукой без ножа, которой он нацелился в горло противнику. Резко перекатившись в сторону, Тарас избежал захвата, а встав, нанес ответный удар промахнувшемуся инструктору с разворота ногой в бок. Навклид уже стоял на четвереньках и потому не упал, а вытерпев боль, даже перехватил ногу Тараса и так заломил ее, что спецназовец снова оказался на земле и едва не завопил от боли, пытаясь вырваться.

Но не удалось. Проведя этот прием, Навклид оказался на нем сверху, заломил ногу стальной рукой еще сильнее, а другой приставил нож к горлу. И Тарас, глотая пыль, был вынужден признать свое поражение в этой короткой схватке, он не ожидал такой прыти от

---

[30] Символом Спарты, изображаемым на щитах ее воинов, была греческая буква — «Л» (Лямбда), — которая означала первую букву исконного названия страны Лакодемон (Лаконика).

уже поверженного поединщика. «Хороший урок, — подумал Тарас, вставая и отряхиваясь от пыли, — не будешь раньше времени списывать противника. Надо бороться до конца. Они тут все жилистые».

— Молодец, Гисандр, — неожиданно похвалил его инструктор, признав его заслуги, — ты едва меня не победил.

Тарас молча ухмыльнулся, сплевывая кровь.

— Тебе не хватило выдержки, — добавил поучительно Навклид, и сам хорошо помятый в схватке, — но я научу тебя драться. Становись в строй.

Тарас, прихрамывая, занял свое место. А частично восстановивший свой авторитет Навклид надел на голову шлем, поднял с земли меч, затем щит и громко объявил:

— Теперь, я буду учить вас драться в строю. Спартанские воины лучшие в этом деле во всей Греции, и вы должны быть достойны их славы. Возьмите свое оружие и разбейтесь на две части. Одну из них поведет в бой Деметрий, а вторую…

Инструктор немного помедлил, но все же закончил свое приказание:

— А вторую — Гисандр.

От Тараса не укрылась змеиная ухмылка, которой одарил его Деметрий при этих словах.

Разобрав учебное оружие, которое, надо сказать, весило вдвое тяжелее того, которым пользовался Навклид, агела разбилась на две части, выстроившись в шеренги. В каждой из них насчитывалось всего по семь «взрослых» парней, включая командиров. Вместе с Тарасом должны были воевать Эгор и Архелон, с которыми он уже подружился за время исполнения криптий. А также Эвридамид и еще несколько парней, с которыми Тарас не имел таких дружеских отношений. В шеренге, ведомой Деметрием, среди прочих находились Халкидид, Тимофей и Плидистрат с Книдом, уже вполне оправившиеся от своих ран. А также Орест, который по возрасту считался ближе к старшим, нежели к младшим, занимался с ними, но еще не готовился стать гражданином в ближайшее время.

— Возьмите покрепче меч, — приказал спартанский воин, когда «враги» выстроились на берегу Эврота друг напротив друга, — его надо держать вот так.

И он продемонстрировал новобранцам, как именно надо сжимать рукоять меча, чтобы он не выскользнул во время боя или противник не смог его выбить ловким ударом.

— Меч — это продолжение вашей руки, — наставлял своих подопечных Навклид, а Тарас, исподтишка оглядывая лагерь, заметил, что и остальные агелы перешли к тренировке боя «стенка на стенку», — это — вы сами, пронзающие врага точным выпадом или рассекающие хлестким ударом.

Пройдя несколько шагов между шеренгами, он развернулся и двинулся в обратную сторону.

— Меч — это не кинжал, к которому вы привыкли в ближнем бою, — продолжал повторять пройденные уроки воин-инструктор, — Им можно поразить врага на большем расстоянии, оставаясь неуязвимым. Конечно, не на таком большом, как расстояние удара копьем, но с копьем мы будем тренироваться позже.

Дойдя почти до самого берега, Навклид остановился.

— Вы уже обучались владеть мечом и теперь должны показать, кто лучше усвоил урок. Поднимите щиты и нападайте друг на друга. Задача воинов Деметрия: столкнуть в воду людей Гисандра. А бойцы Гисандра должны устоять на месте.

Из оружия эфебам выдали только круглый деревянный щит, обтянутый кожей, меч и небольшой яйцевидный шлем из меди без всякого гребня. Никаких панцирей или другой защиты. Пробуя на вес щит и поигрывая тяжелым мечом во время вступительной речи инструктора, Тарас с удивлением узнал, что все уже обучались драке на мечах в первом приближении. То есть все, кроме него. А сам Тарас, хоть и умел неплохо драться на ножах, что недавно продемонстрировал, но от тяжести меча был не в восторге. И профессионально работать им, понятное дело, еще не умел, предпочитая в прошлой жизни нож или, на худой конец, милицейскую дубинку «Аргумент один». Но выхода не было. Тем более после того,

как его поставили командиром шеренги в этой стычке. «Ладно, не боги горшки обжигают, прорвемся», — вспомнил народную мудрость Тарас, поглядывая на решительные лица своих подчиненных.

— Вперед, спартанцы! — рявкнул Навклид, ощерив свой рот, в котором Тарас не увидел сразу нескольких зубов. — Вы должны стремиться только победить! Победить или погибнуть!

— Вперед, спартанцы! — заорал Тарас, вторя Навклиду и опередив Деметрия на мгновение. И первым бросился в бой, позабыв, что ему было приказано обороняться.

Услышав приказ своих командиров, обе части одной агелы рванулись навстречу друг другу. Каждый из спартанцев уже наметил себе противника, а поскольку их было немного, да к тому же равное количество, то нужды в указаниях Тараса особо не было. Сблизившись, обе шеренги с грохотом столкнулись щитами, и бой немедленно распался на поединки.

Тарасу, бежавшему впереди своих солдат, выпало биться с Деметрием. И он этому был рад, Деметрий тоже не уклонялся от личной встречи, в которой они могли совершенно открыто «высказать» все, что накипело на душе. А у Тараса накипело немало. Воспоминания только от одной порки, последовавшей по возвращении из храма Посейдона, после которой он несколько дней провалялся в бреду, были еще очень яркими. Не говоря уже о вынужденной голодовке и сборе тростника.

— Ну сейчас я тебе все припомню, — заорал Тарас, наскакивая на своего противника. Прикрывшись щитом, он, как умел, нанес удар мечом в область головы.

Но Деметрий оказался неслабым бойцом. Он легко отразил нападение Тараса, выставив щит, а затем нанес колющий удар в грудь раскрывшемуся противнику, поймав его на встречном движении. Удар затупленным концом меча в сердце был бы очень силен, но в последний момент Тарас успел чуть повернуть корпус, и меч едва задел ребра. И все равно было очень больно, у спецназовца даже перехватило дыхание.

— Ты ранен, Гисандр! — крикнул Навклид, внимательно следивший за каждым поединком. — Будь осторожнее, нельзя раскрываться при первом же ударе. Так ты долго не протянешь.

— Не протянешь, — подтвердил Деметрий, делая новый взмах мечом и едва не поразив своего противника в голову, — против меня ты слаб, Гисандр.

Но Тарас быстро усвоил урок. Отскочив на шаг, он нанес в ответ мощный отвлекающий удар по щиту Деметрия, такой, что щит даже завибрировал, едва не развалившись на части. А когда Деметрий ушел в сторону, на секунду открыв корпус и выставив вперед левую ногу, Тарас этим воспользовался и нанес резкий удар по колену. Деметрий взвыл и упал на камни, тут же выставив вперед щит на вытянутой руке, чтобы защитить себя от нового удара сверху, который должен был добить его, будь это в настоящем бою. Но Тарас поступил иначе, он перехватил меч и нанес хлесткий удар с боку по предплечью, выбив щит из рук противника.

Удар был силен. Деметрий взвыл от дикой боли, пронзившей всю руку. А Тарас с нескрываемым удовольствием отметил, что случись это в настоящем бою, он наверняка отрубил бы Деметрию эту руку. Но удар тупым мечом лишь травмировал ее. Однако Деметрию этого хватило. Он вскочил на ноги и в ярости бросился на своего обидчика, нанося здоровой рукой с мечом удар за ударом по щиту Тараса, а раненую прижимая к телу.

— Я убью тебя, — шипел Деметрий, который так разошелся, что отломал даже угол щита спецназовца, расщепив его на лучины.

— Не спеши, — огрызнулся Тарас и, улучив момент, нанес новый удар в голову противнику, который на этот раз достиг цели. Деметрий опустил меч, оглушенный, а после очередного удара ногой в грудь вообще выронил клинок, рухнув навзничь.

— Ты убит, — констатировал Тарас, оглянувшись на инструктора, стоявшего в двух шагах.

Тот кивнул и приблизился к Деметрию, лежавшему на спине и не подававшему признаков жизни. Тарас, испугавшись, что невзначай убил его, тоже подошел к

поверженному противнику. Но Деметрий оказался лишь оглушенным и скоро пришел в себя, бешено озираясь по сторонам.

Тем временем бойцы отряда Гисандра выполнили свою задачу, отразив нападение. И даже перевыполнили ее, поскольку увлеклись, глядя на своего командира, и незаметно для себя перешли в атаку, сбросив в воду всех бойцов Деметрия. Без увечий не обошлось, но победа была полной. Навклид не возражал.

Метание копья, которым они также занимались в последующие дни, Тарас освоил не хуже других. Ему это дело понравилось, и всего за неделю он достиг неплохих результатов, которые намеревался только улучшать. Учителя по военному делу в один голос нахваливали его надзирателям, и незадолго до экзамена он оказался в числе лучших учеников. В довершение всего его тело стало поджарым, он похудел и спокойно прошел очередную проверку эфоров.

— Скоро вам предстоит показать свою ловкость на играх в честь Аполлона, — заявил Элой, когда по завершении очередной недели построил все агелы на берегу Эврота, — а пока лучших из вас мы отпустим на один день, чтобы вы смогли рассказать своим родителям о ваших успехах. Они должны гордиться своими детьми.

Понятное дело, что Тарас оказался среди лучших. Как и Деметрий, впрочем. И еще человек десять двадцатилетних спартанцев. Их отпускали на один день, чтобы навестить родителей. Через день вечером все должны были вернуться в лагерь. Оказалось, что земельный надел семьи Гисандра располагался не в Мессении, а неподалеку от самой Спарты, поскольку им давался всего один день на дорогу туда и обратно и вечер, чтобы провести его с родителями.

«С увольнительной повезло», — обрадовался Тарас, но тут же и огорчился. Это означало, что он вскоре должен встретиться со своей семьей, о которой почти ничего не знал, если не считать крупиц информации, оброненной другими спартанцами, включая надзирателей и эфоров.

Глава тринадцатая

Когда на него обрушилось такое счастье, Тарас не знал, что делать. Даже хотел отказаться, но, взглянув в глаза Элою и бойцам из своей агелы, понял, что покроет себя несмываемым позором, если откажется почтить родителей. И он «с благодарностью» принял этот дар. Дело оставалось за малым: узнать, где живут его родители и как их зовут. У Тараса в процессе размышлений опять стали появляться мысли, не сбежать ли отсюда. Ведь если обман раскроется, то «родной отец» мог убить его собственной рукой. Но тут опять вмешалось провидение.

— Если хочешь, можем отправиться вместе, — подошел к нему с неожиданным предложением Механид, — мы же рядом живем.

— Идет, — согласился Тарас, рассчитывая по дороге выудить из командира другой агелы как можно больше сведений о своих родственниках, поскольку являться в «отчий дом» под видом Гисандра он и так считал верхом наглости, а являться неподготовленным к встрече с «родителями» — вообще кощунством. Если уж прикидываться Гисандром, то хотя бы правдоподобно. Однако холодок неуверенности все же пробежал по его позвоночнику, когда они вдвоем с Механидом покинули лагерь на берегу Эврота и направились вверх по течению. К счастью, дом Деметрия находился в другой стороне.

Накануне, чтобы предстать перед родней в приличном виде, Тарас, как здесь было принято, заставил одного из молодых постирать свой рваный и запылившийся гиматий. А потом, не дожидаясь, пока тот высохнет, надел его влажным на голое тело. Грязь отстиралась, но кровь, долго сочившаяся из спины после порки, отстирать не удалось. Остались пятна и разводы. Но с этим было ничего не поделать, и Тарас смирился. В подобном виде здесь ходили все, считая раны и ссадины предметом гордости. Никому и в

голову не приходило посмеяться над тобой, если ты носил грязный гиматий. Его ведь выдавали всего один на целый год. Так что, если порвешь или запачкаешь, — твои проблемы. Другого все равно не дадут.

Перекусив холодным мясом, — есть горячее молодым спартанцам вообще почти не доводилось, — они вышли из лагеря на рассвете. Путь на север лежал по неширокой тропе, которая вскоре слилась с мощенной камнем дорогой. Тарас был искренне удивлен. За все время пребывания в Спарте в своей новой жизни он еще ни разу не видел мощеных дорог.

— Хорошая дорога, — от души похвалил он, едва вступив босыми ногами на плоские коричневые камни, поздно спохватившись, что должен был видеть ее и раньше.

— Периеки из местной общины постарались, — ничуть не заподозрив его в лукавстве, откликнулся Механид, поправив рукой булавку на плече, и похвастался, — они тут выполняют повинности по строительству дорог. Мой отец как раз следит за ними по поручению царя Леотихида.

— А что, цари лично следят за строительством дорог? — ляпнул, не подумав, Тарас, все еще рассматривая широкие коричневые плиты, ступать по которым даже без обуви было одно удовольствие.

Но Механид, к счастью, понял его слова по-своему.

— Ты же знаешь, согласно законам оба царя должны следить за общественными дорогами, — прищурившись на солнце и с наслаждением вдыхая аромат благоухающих трав, ответил Механид, продолжая монотонное движение вперед по пустынной дороге, — но царям нужны помощники. Вот мой отец и предложил свои услуги Леотихиду почти сразу, как он сделался царем, после бегства Демарата к персам. И тот согласился, царь ведь был еще молод, как мы с тобой. А отец уже в те времена считался одним из мудрейших мужей Спарты и затем даже был выбран в герусию.[31]

— Выгодное, наверное, оказалось дело, следить за строительством дорог, — решил вставить слово Тарас, не знавший ни одного из перечисленных имен, но понявший из сказанного, что отец Механида вовремя подружился с царем и теперь пребывает в полном порядке.

По его представлениям из прошлой жизни, заработать на разворовывании государственных средств во время строительства автобанов было наиболее привлекательным занятием для строителей. А здесь эта дорога была первой из мощеных, которую он увидел в этой части Лакедемона. «Что-то плохо следят, — мысленно покритиковал Тарас незнакомых царей, — могли бы больше таких дорог выстроить. Гражданам ходить было бы гораздо легче».

— Нет, совсем не выгодно, — обескуражил его Механид. — Ты же знаешь, периеки свободны и ленивы, а законы против роскоши, завещанные нам великим Ликургом, запрещают спартанцам наживаться даже на илотах.[32] Но зато отец стал близок к царскому дому Эврипонтидов и вскоре был избран в Герусию, что обеспечило ему пожизненный почет

---

[31] Герусия — в Древней Греции совет старейшин. Рассматривал важные государственные дела, подлежавшие затем обсуждению в народном собрании (Апелле). В Спарте Герусия состояла из 30 геронтов (28 геронтов и 2 царей), избиравшихся пожизненно. Геронтом мог стать уважаемый гражданин Спарты в возрасте не моложе 60 лет.

[32] Согласно законам Ликурга илоты в определенном количестве были прикреплены к земельному участку, переданному каждому гражданину Спарты в пожизненную аренду. Участок был равного размера у всех граждан. Даже полноправный спартанец не мог продать ни землю, увеличив ее надел, ни илотов, которые считались государственной собственностью. Хотя попытки обойти закон все же случались. Размер дохода, который илоты должны были обеспечивать своему хозяину, был строго лимитирован, и ни один хозяин не мог требовать от них работать больше. Он получал только необходимый для поддержания безбедного существования доход. Излишки, которые получали илоты, работая сверх нормы, они могли оставлять себе. Не редкой была ситуация, когда раб был богаче своего хозяина. Торговли как таковой в стране не было. Роскошь и накопительство осуждалось.

и уважение сограждан.

«Интересно, — удивился вдруг захотевший пить Тарас, заметив неподалеку скалу, из которой бил источник, — они тут что — за один почет и уважение сражаются? А зарплата? А деньги? Я думал, у спартанцев с их хваленой армией в стране вся знать ест и спит на золоте. А тут даже эфоры ходят в чем попало, а цари с чиновниками не могут набить себе карманы ворованным золотом. Что им там завещал этот Ликург?[33] И кто это вообще такой?»

— Да, а вот у моего отца так не вышло, — произнес провокационную фразу Тарас, в надежде пролить свет на «свое» происхождение, и она вдруг сработала, — не повезло.

— Как же не повезло? — удивился Механид, чуть замедляя шаг. — Ведь твой отец Поликарх тоже член Герусии и очень уважаемый гражданин Спарты. А в молодости он был великим воином. Ты должен гордиться своим отцом.

— Да я горжусь, — пробормотал ошарашенный Тарас, — горжусь.

Также заметив источник у дороги, Механид остановился, чтобы утолить жажду. А потом присел рядом, рассматривая окрестные виды. Похоже, он не слишком торопился домой. Тарас, не знавший, долго ли еще идти, занервничал. Но уточнять не стал, чтобы снова не попасть впросак.

— Я буду дома уже к обеду, — вдруг заявил Механид, словно прочитал мысли попутчика, — а ты и того раньше. Ведь твое имение ближе, хоть и чуть в стороне от дороги.

Напившись прохладной воды, он умылся и вытер ладонью влажное лицо.

— Твоему отцу повезло даже больше, чем моему. Он наследовал имение в северной части земель, примыкающих к городу. Там хорошие земли, — снова заговорил Механид. — А потом, когда умерла твоя достойная мать, он смог соединить участки и теперь у него больше земли, чем у нас.

— Но зато он не дружит с царями и не следит за дорогами по их поручению, — пошел ва-банк Тарас, окрыленный первым успехом.

— Как это не дружит? — удивился Механид, вставая и снова выходя на мощенную дорогу. — Мой отец рассказывал, что геронт Поликарх уже давно ходит в друзьях царя Леонида из рода Агиадов. Часто бывает у него дома и даже на сесситиях[34] сидит возле него.

— На каких сесситиях? — не понял Тарас, услышав странное слово.

— Не торопись, — сообщил ему мудрый не по годам Механид. — Нам с тобой, Гисандр, еще доведется провести там немало времени.

Напившись воды, попутчики вновь бодро зашагали по каменным плитам. Тарас молча переваривал услышанное. Дорога, ведущая в сторону столицы, долгое время казалась пустынной. Лишь спустя почти два часа, прошедших с момента выхода из лагеря, со стороны Спарты показалось несколько повозок, запряженных быками.

— Леонид? — вдруг, словно очнувшись, переспросил Тарас, рассеянно вперив взгляд в приближавшиеся повозки. — Это не тот, который погиб у Фермопил, сражаясь с персами?

---

[33] Ликург — полулегендарная личность, которому приписывается введение новых суровых законов, с которого началось отмежевание Спарты от стиля жизни остальных греков. К 676 году до н. э. относится «Большая Ретра» — самый ранний документ архаической Греции, условно содержащий запись Законов Ликурга. До этого времени Спарта не сильно отличалась от остальных греческих полисов, но уже к V–IV веку до н. э. она превратилась в «военный лагерь».

Согласно Плутарху, Ликург изменил не просто отдельные законы, а преобразовал все государственное устройство и внедрил в общество совершенно иной образ жизни. Он осуществил передел земли, чтобы добиться всеобщего равенства граждан (не зря спартанцев называли гомеями — т. е равными), и наделил каждого из них равным участком земли, чтобы изгнать зависть, злобу и роскошь, а также богатство и бедность. Ликург «изгнал» деньги. Он вывел из употребления всю золотую и серебряную монету, запретил «бесполезные» ремесла и торговлю. С его именем связана и система спартанского воспитания. Воспитательный процесс был непрерывным и продолжался даже в зрелые годы

[34] Сесситии — общественные трапезы. Не один спартанец, включая царя, не имел права обедать дома. Это делалось в воспитательных целях, чтобы спартанец всегда ощущал себя частью коллектива.

— Почему погиб? — даже остановился от неожиданности Механид. — Царь Леонид жив и чувствует себя прекрасно. Я видел его вместе с царицей Горго на прошлогоднем празднике в честь Артемиды. Уверен, мы скоро увидим его и на этом. Битву при Марафоне, которая была уже давно, афинцы выиграли без нас. С тех пор с персами войны нет, они зализывают раны. Ты что-то перепутал, Гисандр.

— Да, конечно, — кивнул Тарас, — конечно, перепутал. Это я от жары.

«Это что же получается, — вдруг всплыли из памяти ошарашенного Тараса кое-какие даты, — Леонид — единственный царь, которого я знаю из кино про триста спартанцев, жив-здоров? А я угодил в Спарту незадолго до фермопильского сражения, о котором здесь еще никто ни сном ни духом? В каком году оно там произошло, в четыреста девяностом. Нет, кажется, позже — в четыреста восьмидесятом до Рождества Христова по нашему стилю. А сейчас, значит, он еще не наступил. Во, блин, „повезло“».

Долгое время Тарас брел, ничего больше не спрашивая у своего попутчика. Дорога шла вдоль Эврота, изредка отклоняясь в глубь побережья на пару километров, но затем снова возвращаясь к нему. Блестящая на солнце лента реки часто пропадала за холмами, меж которых по обоим берегам тянулись распаханные поля, где росли какие-то малознакомые Тарасу злаки. На полях, под лучами палящего солнца, работали илоты в одних набедренных повязках. Часто попадались стада коз и овец.

Скоро молодые спартанцы поравнялись с повозками, которые были доверху нагружены огромными кувшинами, лежавшими на сене. Управляли небольшим караваном из пяти возов какие-то крестьяне, но ни Механид, ни тем более Тарас не стали их расспрашивать о том, куда и зачем они едут. «Был бы здесь Деметрий, — мысленно усмехнулся Тарас, прищурившись на солнце, быстро взбиравшееся на свободный от облаков небосклон, — обязательно докопался бы».

Механид тоже молча передвигался вперед, словно умел только отвечать на вопросы, а не задавать их. Да и что он мог спросить у Тараса? А вот спецназовца все больше распирало от любопытства, особенно после того, как он узнал, что его «мать» умерла, а он является наследником большого участка земли, наверняка с прикрепленными к ней рабами. «Это что же получается, — осторожно размышлял Тарас, складывая из кубиков информации новую картину, — я теперь рабовладелец, а папаша у меня член совета старейшин и друг царя. Интересно, я один наследник или есть братья и сестры?» Но об этом он решил пока не спрашивать. Сам скоро узнает.

Так в молчании, которое никого из них не напрягало, оба молодых спартанца прошагали километров десять в быстром темпе. За это время им попалось лишь несколько периекских повозок и отряд из тридцати воинов в полном вооружении, следовавший из Спарты в Амиклы, между которыми как раз и находился лагерь эфебов.

Поравнявшись с отрядом спартанцев, парни ненадолго остановились, ожидая расспросов, — здесь было принято всем встречным старшим по возрасту допрашивать молодежь, куда она следует, — но командир воинов не обратил на них никакого внимания. Отряд проследовал на юг, а Тарас, обернувшись, еще некоторое время рассматривал доспехи солдат: кожаные панцири с нашитыми сверху металлическими пластинами, отливавшими медью, сандалии, искусно выкованные наколенники, округлые шлемы с гребнями из красных перьев, закрывавшие почти все лицо, — видны были только глаза и рот воинов, — мечи в ножнах и красные плащи. За ними следовал отряд из оруженосцев, тащивших за своими хозяевами копья и круглые медные щиты.

— Скоро и мы такие доспехи получим, — проговорил Тарас вслух, проводив взглядом отряд спартанцев.

— Да, — подтвердил Механид, также с восхищением взиравший на прошествовавших мимо воинов, — только для начала надо бы победить в гимнопедиях[35] и пройти экзамен в

---

[35] Гимнопедии — спартанские праздники в честь Аполлона.

храме Артемиды.

Информация о гимнопедиях его пока не сильно заботила, это были какие-то гимнастические и музыкальные соревнования в честь Аполлона. В этом деле Тарас уже был не из последних среди эфебов, — не зря же его наградили увольнительной на сутки, — и он даже надеялся что-нибудь выиграть. Но при слове экзамен Тарас сморщился, вспоминая, что его ждет еще одна порка, только она может оказаться последней — ведь пороть будут не до заката, а до тех пор, пока вытерпишь. Особо терпеливых могут и насмерть запороть. В лагере поговаривали, что такое случается не так уж редко. И Тарас в эти слухи верил. На себе он уже частично испытал местное образование.

И тем сильнее он был удивлен, когда в лагере между занятиями по военным дисциплинам раз в неделю стал появляться учитель грамматики, обучавший их писать и читать, а два раза в неделю кифаред — учитель пения.

Пел Тарас, правда, не очень, хотя старался. Как выяснилось, каждый спартанец должен уметь исполнять патриотические песни. Как соло, так и в строю с другими бойцами. Здесь любимым учеником кифареда из агелы Деметрия был, ясное дело, Орест, с детства отличавшийся музыкальными талантами.

А Тарас больше любил грамматику. И хотя с момента возвращения в лагерь Тарас получил только два таких урока, он их мгновенно усвоил, поскольку за плохое прилежание полагалось только одно наказание — порка. Иногда к нему добавлялась вынужденная голодовка. Или то, что Тарас называл «всенародный позор». Учитель приказывал нерадивому ученику десять раз обойти столб в центре лагеря и орать при этом, что он недостойный сын, позорит своим поведением родителей и всю великую Спарту. А все остальные смеялись над ним в голос. К счастью, Тарасу еще не приходилось ходить вокруг столба, но он несколько раз наблюдал за процессом со стороны и решил, что лучше учить грамматику. Орать «на всю ивановскую», что он полный идиот, было как-то обидно. Особенно если за этим наблюдал Деметрий и остальные бойцы.

Местная грамматика была не очень сложной, и Тарас постепенно ее осваивал, несмотря на то что пропустил немало уроков, ведь остальных начали учить гораздо раньше. Но он был способным учеником. Впрочем, как быстро понял Тарас, от будущих воинов не требовали слишком многого. Надо было всего лишь научиться читать и писать, да и то по минимуму, чтобы при крайней необходимости прочесть приказ, какую-нибудь табличку или надгробную плиту. Книг здесь, кажется, не держали вообще. Ни в каком институте или аспирантуре потом не ждали с распростертыми объятиями, а обучение продолжалось всю жизнь в спартанском духе: война, гимнастика и снова война.

— Главное для настоящего спартанца, — вдалбливал им надзиратель лагеря, — уметь держать оружие, починяться старшим и с честью умереть за родину, прославив ее на поле боя. Спартанцы никогда не отступают, сколь бы силен ни был враг. Они либо побеждают, либо умирают. И горе тем, кто бросит оружие или побежит. Он не найдет приюта на родине. Никто не зажжет ему очага.

И Тарас волей-неволей пропитывался этими идеями своей новой родины. Получалось, что вся знакомая ему стратегия войн будущего, предполагавшая иногда тактическое отступление, для спартанцев не имела пока никого значения. У них была своя, очень простая стратегия: не отступать.

Продвигаясь все ближе к Спарте, столице грозного для соседей и богатого, как он полагал, государства, Тарас тем не менее не замечал вокруг шикарных дворцов и особняков местной знати, хотя дорога шла явно через чьи-то имения. Лишь изредка попадались простые дома из камня. Они по большей части прятались за холмами, и Тарас не мог как следует их разглядеть. Но и того, что было видно с дороги, хватало, чтобы понять — все эти люди жили без лишней роскоши.

«Наверное, — продолжал себя убеждать Тарас, вышагивая по каменным плитам, — здесь обитают не самые богатые». Хотя внутренний голос подсказывал ему, что земля вокруг столицы во все времена была самой желанной и дорогой. И все-таки здесь, в Спарте, все

было как-то иначе. Не так, как у людей.

— Ну прощай, — остановился у развилки дорог Механид, кивнув в сторону холма, за которым виднелось очередное имение, — ты прибыл. А мне еще не один десяток стадий отшагать надо, пока увижу отца с матерью. Увидимся завтра в лагере.

И, не дожидаясь ответа, он бодро зашагал дальше на север по дороге, которая спускалась вниз, пропадая в кипарисовой роще.

— Вот значит, где мой дом родной, — пробормотал Тарас, не решаясь сразу подняться в гору, также поросшую кипарисами, и провожая взглядом быстро уменьшавшуюся фигуру Механида, — итак, надо все хорошенько вспомнить. Отца зовут Поликарх. Раз он местный геронт, значит, ему уже за шестьдесят. Мать умерла. Есть ли братья и сестры, понятия не имею. В общем, надо быть начеку.

Постояв еще пару минут на самом солнцепеке, Тарас не выдержал и, отогнав мысль о побеге, стал подниматься вверх. «Черт с ним, — решил он, вновь ступая босыми ступнями на сельскую тропу, усыпанную острыми камнями, — если не бежать отсюда немедленно, пора легализоваться. А перед смертью не надышишься».

Преодолев метров сто довольно крутого подъема, он вновь оказался на небольшой дороге, которая примыкала к кипарисовой роще. От края холма в глубину тянулось желто-черное поле, разделенное дорогой. На его левой, желтой половине, колосились хлеба, за ними виднелся небольшой огород, а правая была недавно вспахана. На поле, изнывая от жары, — солнце уже прошло зенит и начало свое движение к горизонту, — работали илоты в набедренных повязках: пятеро мужчин и три женщины. Большая часть из них занимались уборкой хлеба, остальные собирали поспевшие овощи. Увидев их, Тарас немного напрягся, вспоминая недавние события у храма Посейдона и в Мессении, но заставил себя шагать вперед, к усадьбе — группе из трех или пяти строений, в которые упиралась дорога.

«Не нападут же они на меня в самом деле, — решил он, поправляя гиматий на плече и прибавляя шаг, — да и в лицо-то, наверное, не узнают. Неизвестно, когда они „меня“ в последний раз видели».

Однако он ошибся. Стоило Тарасу поравняться с илотами, как они стали работать гораздо медленней и провожали его взглядом до тех пор, пока он не подошел к главному дому усадьбы. Илоты смотрели на него так, как и следовало, — как на господина.

Оказавшись у порога дома, он замер в нерешительности. Это было прямоугольное строение с двускатной крышей, внутри которого могло поместиться от силы три-четыре комнаты небольшого размера. Стены усадьбы были изготовлены из какого-то странного серого материала, словно бетон перемешали с камнями, но зато расписаны затейливой вязью, похожей на волны. Вязь шла понизу и поверху, там, где под самой крышей виднелись небольшие проемы, выполнявшие, вероятно, роль окон, поскольку никаких других окон Тарас на фасаде здания не разглядел.

Никаких статуй богов или искусно сделанных ваз в рост человека, призванных услаждать глаз, он тоже не заметил. Единственным «излишеством» была медная табличка с каким-то рисунком, вмурованная справа от входа, и небольшой навес над ним, опиравшийся на две колонны. Он же служил балконом с оградой по краю, куда со второго этажа, прямо из-под крыши, выходила дверь, точнее проем в стене, занавешенный куском светлой материи.

Дальше за домом виднелось четыре плоских каменных здания разных размеров, скорее всего хозяйственные постройки. Рядом стояли несколько хибар из земли, небольших деревьев и веток — знакомые уже Тарасу жилища илотов, а за ними еще одно поле, на котором паслись овцы.

— Добро пожаловать, господин Гисандр, — раздался вдруг голос.

Тарас вздрогнул. Пока он, задрав голову, рассматривал дом и другие постройки, прямо перед ним между колоннами возник человек в сером хитоне. Это был мужчина лет сорока пяти, невысокий, с натруженными руками, кучерявыми светлыми волосами и хитрецой во взгляде.

— Я Панорм, из свободных периеков, — услужливо напомнил мужчина, склонившись

в поклоне, — недостойный слуга вашего отца и ваш.

Он помолчал, но, поскольку Тарас тоже молчал, продолжил свою вступительную речь.

— Ваш отец назначил меня следить за имением и за илотами в свое отсутствие. Мы ждали вас, но мудрейший Поликарх сегодня утром был вынужден срочно уехать по делам в Спарту, там случилось неожиданное заседание герусии, где он обязан присутствовать.

«Может, оно и к лучшему, — вздохнул обрадованный Тарас, — хорошо бы его там задержали до завтра. Как раз высплюсь и обратно пойду».

Но управляющий имением закончил свой доклад, немного разочаровав молодого спартанца.

— Он приказал мне поместить вас на отдых в верхней комнате и выполнять любой ваш приказ до его приезда. Хозяин должен скоро вернуться.

— Ну что же, — согласился Тарас, входя в роль, — показывай мою комнату. А первый приказ будет такой: принеси чего-нибудь поесть. Проголодался я что-то с дороги.

Отдав приказ, спецназовец даже похвалил себя, приятно поразившись своему тону и голосу, — говорил Тарас, как ему казалось, уже почти без всякого акцента. Как настоящий спартанец. Но и ответ он получил неожиданный, спартанский.

— Мой господин, наверное, шутит, — ответил Панорм, — ведь никто в Спарте не ест дома. Разве что рабы.

Тарас опешил: «Как это не ест? Вот это номер, это значит и не перекусить с дороги в собственном имении»? Видя странное замешательство господина, находчивый периек предложил выход.

— Но я могу раздобыть еды, если господин прикажет.

— Неси, — приказал Тарас, решившись, и добавил: — Но никому ни слова.

Панорм молча поклонился. А Тарас подумал: «Ну и страна, даже дома не поесть. Повезло».

Пригласив молодого хозяина в дом, услужливый периек откинул полог, закрывавший узкий дверной проем. Шагнув внутрь, Тарас оказался в полумраке прихожей, где стоял тяжелый прелый запах. Осмотревшись по сторонам, когда глаза привыкли к полумраку, он заметил справа какие-то широкие кадушки и полку, на которой стояло три пары сандалий разной степени изношенности, а слева на стене висел гиматий, гораздо длиннее того, в который был одет Тарас.

— Лестница наверх дальше и чуть слева, — осмелился напомнить Панорм, стоявший позади.

— Я помню, — соврал Тарас, — не так уж долго я здесь не был.

— Целых пять лет, да простит господин мою дерзость, — опять пояснил управляющий из свободных периеков.

Тарас сделал несколько шагов и действительно разглядел за углом узкую каменную лестницу, ведущую наверх. Строили здесь просто, но капитально. От ветра этот дом явно не развалится.

«Пять лет, — поразился он, поднимаясь по шершавым ступенькам и решив не осматривать пока остальные комнаты, а воспользоваться передышкой и действительно отдохнуть, — за пять лет я мог сильно измениться. Это даже неплохо на тот случай, если „отец“ начнет во мне сомневаться при встрече».

Комната оказалась небольшой, даже очень небольшой — примерно три на четыре метра. Серые стены, топчан в углу, грубый деревянный сундук, а вместо окна — единственный выход на балкон, завешенный куском грубой холстины. Тарас отодвинул полог и вышел на балкон, посреди которого стоял низкий стол и пара скамеек. Остановился, втянув носом аромат полей. Посмотрел вдаль: взгляду действительно было за что зацепиться.

Прямо перед ним раскинулось поле, на котором работали илоты, обрамленное кипарисовой рощей. А дальше за ним Тарас увидел излучину Эврота, которую не мог заметить из-за холмов с самой дороги. Но не река привлекла внимание спецназовца, впервые

оказавшегося в «отчем доме». Километрах в десяти, на том же берегу, он разглядел скопление каменных домов, усыпавших несколько холмов сразу. Никакой высокой городской стены Тарас не заметил вовсе. Многие дома были похожи на тот, в котором он находился, а некоторые здания напоминали общественные, — это были либо огромные вытянутые прямоугольники, усеянные колоннами по периметру, либо массивные квадраты, увенчанные куполом. Но таких было не много. Всего три или четыре. Основная же масса домов была плоской, едва видневшейся над землей, и составляла улицы, затейливым узором окружавшие холмы, на которых зелеными оазисами повсюду виднелись рощи. Сколько ни смотрел Тарас на древнюю Спарту, не смог отыскать ее центр, хотя он наверняка был. А может быть, его просто не было видно из-за кипарисов, росших на краю имения и скрывавших часть города от взгляда.

За спиной раздался едва слышный шорох. Это Панорм, поставив на стол глиняную тарелку с запеченной бараньей ножкой и плошку с сыром, луком и оливками, согнулся в почтительном полупоклоне.

— Сейчас я принесу хлеб и сок из ягод винограда, — добавил периек. — Молодой хозяин желает еще чего-нибудь?

— Нет, — ответил Тарас, отрываясь от созерцания окрестностей и усаживаясь на скамью, — забери посуду, когда я поем, и разбуди меня, едва увидишь, что отец возвращается.

«Ух, как я проголодался, — засопел Тарас, налегая на баранину, — даже и не подозревал».

Когда Панорм принес хлеб в корзинке и кувшин, он немедленно налил себе в глиняную кружку то, что там было, втайне надеясь обнаружить в кувшине молодое вино. Но увы. Это действительно был виноградный сок. Зато он хорошо утолил жажду долго шагавшего по жаре спартанца. Наевшись и выпив целый кувшин сока, Тарас вытер руки о гиматий и вернулся в комнату. Здесь было прохладно по сравнению с раскаленной террасой. Еще раз окинув взглядом отведенный ему «пентхаус», он повалился на топчан и с удовольствием потянулся. Этот топчан показался ему гораздо мягче тростниковых стеблей. Просто перина.

— Ну вот я и дома, — подбодрил себя Тарас и заснул, стараясь не терять времени, оставшегося до встречи с «отцом».

Спал он глубоко и успел хорошо восстановить силы, — даже не слышал, как прошел за посудой и обратно Панорм. Но вскоре проснулся оттого, что прямо над ним стоял человек, сложив руки на груди. Совладав с рефлексами десантника, Тарас осторожно открыл глаза и посмотрел на него. Это был крепкосбитый загорелый мужчина в длинном гиматии, довольно моложавого вида, хотя ему никак не могло быть меньше шестидесяти лет. Тарас не дал бы ему больше сорока пяти. Волосы на голове геронта Поликарха были не так длинны, как у сверстников Тараса, но зато весь подбородок занимала курчавая брода. В глазах светился ум и решительность, к которой примешивалась сейчас какая-то теплота, которая, впрочем, сразу исчезла, стоило Тарасу шевельнуться.

— Ты выспался, Гисандр? — спросил он Тараса, увидев, что тот открыл глаза. — Тогда пойдем прогуляемся по имению. Не будем терять время, отпущенное на свидание твоими надзирателями. Скоро уже стемнеет, меня задержали в герусии дольше обычного.

Тарас сел на топчане, потом встал, испытывая некоторую неловкость. Он не знал, как здесь встречаются с отцом после долгой разлуки. Может быть, стоило броситься на шею и обнять его? Но, поймав взгляд Поликарха, решил этого не делать. Мудрый геронт никак не выражал своих чувств, словно они только вчера расстались, хотя было видно, что он очень рад видеть сына.

«Значит, он меня признал, — подумал Тарас, настороженно глядя в лицо своему „отцу“ и радуясь строгости обычаев, не велевших выказывать чувства даже наедине, — и не представляет, что его несчастный Гисандр гниет сейчас среди камней на одном из отрогов Тайгета. Ну что же, прости Господи, придется входить в семью».

Он направился вниз по лестнице за Поликархом, который, миновав «прихожую»,

поджидал его на улице рядом с повозкой, у которой возился управляющий. Увидев молодого господина, периек напустил на себя виноватый вид и склонился в поклоне.

— Мы куда-то поедем? — уточнил Тарас, кивнув на повозку, запряженную двумя лошадьми.

— Нет, просто прогуляемся, сегодня я уже насиделся в этой тряской повозке, — сообщил Поликарх и добавил, кивнув в сторону управляющего: — Не ругай его. Это я приказал ему не будить тебя, и он не смог выполнить твой приказ. Просто хотел посмотреть на тебя — во сне ты так похож на мать.

И голос мужественного геронта на секунду дрогнул.

— Пойдем, сын, — сказал он, устыдившись своих чувств, внезапно нахлынувших от известных только ему воспоминаний, и, положив руку на плечо Тарасу, отчего тот снова вздрогнул, увлек его по дороге в поле.

Они неспешно обошли дом и углубились в постройки. Вечерело. Жара уже начала спадать. Впереди несколько молодых илотов гнали стадо овец с одного края поля на другое, поближе к загону, который примыкал к самой большой из каменных построек.

— Я слышал, тебя хвалят надзиратели, — начал его «отец» разговор издалека, — ты преуспел в боевых науках.

Тарас помедлил мгновение, не будучи уверен, стоит ли говорить с отцом нормально или надо молчать, как при общении с учителями, чтобы не получить новую порцию розг. Поликарх показался ему с первого взгляда человеком не только рассудительным, но и властным, способным на решительные действия. К тому же он наверняка был хитер. «Да другой бы и не попал в герусию», — подумал Тарас, разглядывая «отца».

— Хвалят, — проговорил он наконец, — но не слишком часто. Ты же знаешь, я не очень воздержан на язык.

— Знаю, Гисандр, — кивнул геронт, — оттого тебя наказывают так же часто, как и хвалят. Даже чаще. Не далее как сегодня Менандр, а потом Хидрон и другие эфоры упрекали меня в этом. Ты, надеюсь, не забыл, как я тебя воспитывал вот этой самой рукой?

Тарас невольно посмотрел на руку. Она хоть и принадлежала человеку шестидесяти лет, но была крепка и могла держать увесистую палку.

— Не забыл, — соврал ради приличия Тарас.

— Так вот, помни, то, что ты проявляешь свой норов, это неплохо. В нашем роду все были гордые. И твой дед, и я. За это ты и получаешь свою заслуженную порку. Но если ты не выдержишь экзамен на звание гражданина, я сам убью тебя вот этой рукой! — И он снова предъявил Тарасу жилистую конечность.

Тарас опять промолчал. Воспитатели везде одинаковы.

— Я выдержу, — насупившись, заявил он, — чего бы мне это ни стоило.

— Слышу слова настоящего спартиата, — удовлетворенно заявил Поликарх, ухмыльнувшись, — и верю, ты сможешь. Но я с тобой хотел поговорить не об этом.

Оставив постройки за спиной, они вышли в поле и направились вдоль него по узкой тропинке, огибавший пастбище, за которым угадывалась небольшая речка или ручей. Тарас вдыхал полной грудью ароматы полей и лесов. Впервые за столько дней он мог передвигаться не спеша и не думая о том, что должен успеть выполнить задание к определенному времени. Впервые спецназовец расслабился.

На глаза им попались две девушки из илотов, несшие воду в кувшинах.

— Раньше у нас не было времени, да и ты был слишком мал для таких разговоров, а теперь его нельзя терять, — продолжил отец, проводив взглядом молодых рабынь, — ты знаешь, твоя мать умерла много лет назад, а у меня больше нет сыновей. Ты единственный ребенок.

«Значит, я все-таки единственный», — отметил про себя Тарас, обходя босыми ногами кучку овечьих кругляшков на тропе, которые заметил в последний момент.

— Я уже стар, — вдруг сообщил Поликарх, глядя на вершины кипарисов, — и скоро боги заберут меня к себе. Но прежде я должен быть уверен, что мой род не прервется. Я не

заслужил такой кары.

И, обернувшись к Тарасу, остановился, посмотрел ему прямо в глаза.

— Ты должен жениться, Гисандр. И родить мне наследника или даже двух.

— Жениться? — оторопел Тарас.

О таком развитии событий он и подумать не мог всего пять минут назад. Все его мысли во время криптий или занятий в лагере эфебов были поглощены только одним — как освоить мастерство войны, чтобы выжить в минуту испытаний. Он и не подозревал о том, что спартанцы тоже женятся. А «отец» призывал его увидеть жизнь с другой стороны. С той, откуда Тарас на нее еще ни разу не смотрел. Ни в этой жизни, ни в прошлой. Не успел, да и лет еще было мало, чтобы заниматься такой ерундой.

«Зачем вешать себе хомут на шею, гуляй, пока молодой», — говорили многие из его армейских сослуживцев. Мать предоставила ему полную свободу выбора. А теперь его новый «отец» эту свободу отбирал, решив все за него. Это было то самое предложение, от которого, похоже, было невозможно отказаться.

— Но когда же я успею? — промямлил Тарас, собираясь с мыслями. — Ведь я должен постоянно находиться в лагере.

Он действительно не мог представить, где спартанцы знакомятся с девушками. С таким расписанием жизни это было трудновато, а вернее — невозможно. «А может, они и не с девушками вовсе знакомятся?» — испугался Тарас, но вспомнил о том, что «отец» приказывал ему не только жениться, но и произвести на свет наследника. Или двух. А при всяких извращенных связях, о которых он невольно подумал, такое было невозможно. Да и не собирался он становиться педиком, даже если ему родной отец прикажет или сам царь. Пусть лучше запорют до смерти.

— Это правда, — согласился Поликарх, продолжая идти по тропе, — но тебе осталось не долго. Скоро ты станешь полноправным спартиатом, а перед этим примешь участие в гипнопедиях в честь Аполлона. Там будет множество красивых гимнасток,[36] приглядись к ним получше. Возможно, одна из них тебе понравится, и после того, как станешь гражданином, ты продолжишь знакомство и женишься на ней. Или на любой другой спартанке, главное, пообещай мне, что сделаешь это в ближайшее время.

«Жениться на гимнастке, — подумал Тарас, — интересный поворот».

— Девочки — это хорошо, — проговорил он вслух и неосторожно добавил, пребывая в задумчивости: — А то я уже забыл, как это делается.

— Ну этому несложно помочь, — вдруг поддержал его отец, — в лагере ты лишен этого удовольствия плоти, поэтому можешь взять сегодня одну из молодых рабынь. Но обещай мне, что отныне будешь думать о женитьбе. У меня не так много времени для ожидания.

— Хорошо, отец, — ответил Тарас, посмотрев в лицо старику, — я женюсь. И обеспечу тебе наследников. Наш род продолжится.

А что было делать.

— Я рад, что ты меня услышал, — обнял его за плечи Поликарх, улыбнувшись, — а теперь пойдем, я покажу тебе рабынь, с одной из которых ты проведешь сегодняшнюю ночь. Они рабыни, но все молоды и еще прекрасны — я содержу их в порядке. И сам иногда позволяю себе… в минуты слабости.

Услышав последние слова, спецназовец удивился. «А старик-то еще ничего, держится молодцом, — с уважением подумал он, — может, ему самому жениться. Хотя слово не воробей. Придется сначала мне выполнять обещание».

Они подошли к небольшой хибаре, у входа в которую Поликарх остановился и,

---

[36] В те времена смысл слова гимнаст был несколько иным. Гимнастом назывался только человек, обучавший профессиональных атлетов, а не сами атлеты. Знаком его достоинства был посох. Однако я решил снабдить это слово в данном тексте современным смыслом.

приоткрыв хлипкую дверцу, сказал, повысив голос:

— Хилонида, выйди ко мне.

— Да, хозяин, — послышался тонкий голосок, и вскоре наружу выскользнула одна из тех девушек, которых они повстречали во время прогулки. На вид ей было лет восемнадцать, длинноволосая, чернобровая, в коротком сером хитоне, с узкими чертами лица, эта гречанка с первого взгляда понравилась Тарасу.

— Это мой сын и твой молодой господин Гисандр, — начал мудрый геронт.

Хилонида подняла глаза на Тараса и тут же опустила их.

— Он давно не знал женской ласки, — спокойно сообщил Поликарх и добавил с нажимом: — Поэтому ты проведешь сегодня с ним ночь и постарайся, чтобы он остался доволен.

— Да, хозяин, — кивнула девушка с покорностью, даже не пытаясь сопротивляться.

— Ну вот и отлично, — заключил Поликарх и обернулся в сторону стоявшего на отшибе низкого деревянного строения с просветом под крышей, — приходи вон туда, где мы храним сено. Гисандр скоро будет там.

Девушка молча поклонилась, не поднимая головы. А геронт, обернувшись, направился к главному дому усадьбы, увлекая за собой немного обалдевшего от таких наставлений «сына».

— До отхода ко сну мне надо еще заняться делами, — пояснил он свой выбор места для развлечений, усмехнувшись, — поэтому в доме со мной вам будет неудобно. Да и вы мне помешаете думать о государственных делах.

У входа с колоннами он остановился.

— Знаю, ты меня осуждаешь, — нахмурился Поликарх, — с тех пор, как умерла твоя мать, мне не с кем разделить ложе. Наши законы строги, но иногда и я испытываю слабость. Однако об этом знаешь только ты.

Тарас кивнул, сделав серьезное лицо, подтверждавшее, что о слабостях отца никто никогда не узнает.

— Ты можешь развлекаться с ней, сколько пожелаешь, — добавил Поликарх, — поброди недолго здесь, а потом иди туда. Панорм сейчас все устроит, чтобы ты мог провести чудесную ночь. А если она тебе наскучит, то возвращайся в свою комнату, она свободна. Дверь всегда открыта, ты знаешь. А утром мы еще немного поговорим.

Сказав это, мудрый геронт исчез за пологом. А Тарас погулял минут пятнадцать вдоль опустевшего в сумерках поля, глядя, как быстро садится солнечный диск за вершины кипарисов. За это время Панорм проскользнул мимо него с каким-то покрывалом и корзиной. А когда периек вернулся в дом, подтвердив молодому хозяину, что все готово, тот медленно направился к указанному домику, больше напоминавшему с виду сеновал.

Когда он вошел под крышу сквозь широкий дверной проем, в который запросто могла въехать и повозка, то убедился, что попал именно на сеновал. Все помещение тонуло в полумраке, но было завалено сеном до самой крыши, это он разглядел. Да и повозка была тут, стояла в стороне. «Хорошо хоть коней нет», — с непривычки немного удивился Тарас простоте деревенских нравов и направился к расстеленному на ближайшей копне сена широкому покрывалу. На нем стояла корзина с фруктами, сыром и кувшином.

«Это кстати, если проголодаемся, — подумал Тарас, укладываясь спиной на покрывало и вдыхая ароматный запах сена, — однако девушка запаздывает».

— Эй, Хилонида! — громко позвал Тарас, подумав, что просто не заметил ее в полумраке сеновала.

— Я здесь, молодой хозяин, — раздался тонкий голосок от самого входа.

Посмотрев ту сторону, Тарас заметил в дверном проеме хрупкий силуэт.

— Иди сюда, — позвал Тарас, но не приказывая, а как бы приглашая. В теории он с рабством свыкся, но на практике не мог еще представить, что рабы обязаны выполнять все приказы своего господина, даже интимные. Однако отказаться от такого неожиданного подарка судьбы, вне зависимости от гимнасток, он не мог. Силы воли не хватило. Он не

видел женского тела еще с прошлой жизни.

Хилонида приблизилась и села рядом, глядя в сторону выхода и не смея взглянуть на нового хозяина. Волосы ее были распущены, а невесомый хитон, казавшийся в полумраке белым, скорее подчеркивал формы, чем скрывал их. Тарас протянул руку и распустил поясок на бедрах рабыни. Хилонида чуть вздрогнула, но ничего не сказала, всей своей позой выказывая покорность. Тогда боец, не в силах совладать с собой и не умея тратить время на долгие разговоры, повалил ее на покрывало, запустив руку под хитон. Там его ладонь коснулась теплого девичьего тела и, продвинувшись по животу вверх, нащупала грудь. Соски Хилониды были уже набухшие.

— Ты уже знала мужские ласки? — догадался Тарас, стягивая ненужный хитон с девушки, которая возбудилась едва ли не быстрее, чем он сам.

Та робко кивнула.

— Ты будешь доволен, господин.

Больше Тарас ни о чем не спросил. Он долго лизал ее соски, покусывая от нетерпения, а девушка постанывала в ответ на эти прикосновения, поглаживая своими ладонями его затылок. Затем приник к ее губам, а молодая гречанка одарила его жарким поцелуем, от которого вся его плоть пришла в движение. Дневную усталость как рукой сняло. И лишь затем, сорвав набедренную повязку, Тарас вошел в нее. Долго с наслаждением покачивал бедрами, прихватив сильными руками мягкий зад девчонки, и застонал на весь сеновал от удовольствия, когда семя изверглось в первый раз.

Кувыркались они до самого рассвета. Хилонида лишь прикидывалась монашкой, на самом деле молодая рабыня показала спартанцу столько вычурных поз и положений, в которых можно получать удовольствие, что он ощутил себя под конец просто мальчишкой в объятиях опытной гетеры. Казалось, вдоволь насладившись ею, он уже решил отдохнуть после четвертого раза, но ненасытная Хилонида теперь сама начала ласкать его, тереться о чресла жаркой девичьей грудью, и все его естество снова приходило в порядок. В общем, когда забрезжил рассвет и эта теплая, точнее жаркая, ночь закончилась, он был абсолютно без сил. К еде увлеченные любовники даже не притрагивались.

— Ну все, — решил Тарас, пытаясь встать, — прощай, красотка. Мне сегодня на службу возвращаться. Надо еще успеть немного поспать.

Но Хилонида и тут не отпустила его, поняв, что уже имеет над ним власть. Видя, что Гисандр изможден и не проявляет желания, она сама приникла к его мужскому достоинству губами и выжала из него последнее усилие, после которого Тарас вновь опустился на сено и валялся там еще минут пятнадцать, приходя в себя. Настолько он был вымотан этими играми.

— Мне пора, — вдруг сказала Хилонида, вскакивая и как ни в чем не бывало натягивая хитончик, — светает. Надо доить коз, а то господин рассердится. Ты разрешишь мне уйти?

— На работу пора? — усмехнулся Тарас, оглядывая гибкий стан рабыни. — Ну ты двужильная. Ладно, иди, иди. Работай. С меня хватит.

И махнул рукой, отпуская. А когда Хилонида исчезла в дверном проеме, встал сам и, накинув хитон, зашагал по влажной траве к «отчему дому».

Глава четырнадцатая

Во дворе, к своему удивлению, он застал оживленное движение. Жизнь здесь из-за жаркой погоды начиналась рано. Рабы, поднявшиеся ни свет ни заря, уже расходились на работы — кто в поле собирать урожай, кто в другую сторону пасти овец. Навстречу ему попалась фигуристая женщина средних лет с кувшином на плече, которая, проходя мимо, невольно улыбнулась, поймав на себе игривый взгляд молодого хозяина. А обернувшись ей вслед, Тарас заметил, как Хилонида с другой женщиной, видимо своей матерью, выскользнула из хибары, направляясь доить коз, пасшихся вместе с овцами на дальнем поле. Ее стройные ляжки не оставили Тараса безучастным даже на таком расстоянии, рождая

буйные фантазии, от которых он поспешил избавиться.

«А все-таки хорошо быть барином, — решил он, — хоть и в деревне».

Еле передвигая ноги от приятной усталости, Тарас втащил свое тело по лестнице на второй этаж и, не раздеваясь, рухнул на топчан, где его мгновенно сковал глубокий и счастливый сон. Однако и во сне эрос не оставлял его. Первое время ему снились фруктовые сады, полные обнаженных красавиц, за которыми он гонялся среди деревьев и никак не мог догнать. А потом ему стали сниться гимнастки, делая сон вещим. Их гибкие тела тоже были полны прелести, и проснулся Тарас снова возбужденным.

— Вот что значит столько месяцев без женщины, — сказал он сам себе, поднимаясь и выходя на балкон.

Солнце уже висело в зените, а это означало, что пора собираться в обратный путь, чего Тарасу совсем не хотелось, так хорошо боец расслабился в первой увольнительной. «Ладно, — постарался он себя подбодрить, возвращаясь в комнату, где было не так жарко, — надо еще немного потерпеть. Скоро стану гражданином и буду сам себе голова, наверное. Вот тогда и расслаблюсь».

Хотя что-то подсказывало Тарасу, не все так безоблачно в судьбе гражданина. Если даже не вспоминать обещание жениться на гимнастке в ближайшее время. Одно радовало Тараса: по счастливой случайности он не оказался в этой жизни рабом. Вот тогда всем его надеждам на спокойную жизнь в будущем действительно пришел бы конец. И с его характером оставалось только поднять восстание и погибнуть. А так придется, конечно, послужить Спарте. Зато его приняли как «родного» и завещали имение с илотами, с которого, наверное, снимался неплохой доход. И хотя Тарас еще не до конца разобрался в премудростях местной экономики, — иногда ему даже казалось, что ее здесь нет вовсе, — но такое положение уже обнадеживало. Не надо подниматься с самого низа. Как-нибудь устроится с таким стартовым капиталом. А если грустно будет — Хилонида поможет расслабиться, пока не женился.

Снизу послышались шаги.

— Ты проснулся, Гисандр? — спросил Поликарх, появляясь на лестнице.

С утра геронт был одет в простой домашний хитон. Вчерашний удлиненный гиматий он снял.

— Да, — кивнул Тарас.

— Тогда спускайся сюда, у меня есть к тебе еще один разговор. Да и тебе пора скоро возвращаться в лагерь. Ты должен быть на месте до захода солнца.

Тарас подтянул пояс на измятом гиматии и поставил ногу на первую ступеньку.

— Хорошо отдохнул? — ухмыльнулся Поликарх. — Судя по твоему изможденному лицу, малышка Хилонида не дала тебе выспаться.

— Правда, — снова кивнул Тарас, спускаясь вниз по лестнице, — эта рабыня просто огонь. Кого хочешь замучает.

Спустившись, он прошел в глубь дома за отцом и впервые оказался в главных комнатах, поразивших его простотой своего убранства. В дальнем углу под высоким окном стоял небольшой стол, на котором лежало несколько глиняных табличек, испещренных мелкими надписями, и оплывший огарок свечи. Над ним вдоль всей стены тянулись полки с горшками и кувшинами. Слева Тарас увидел деревянный лежак, лишь немногим шире своего, накрытый несколькими слоями грубой ткани. Справа был вход в дальнюю комнату, у которого стояла длинная лавка для гостей. А в следующей комнате — дверей здесь, похоже, не было в принципе — Тарас увидел массивный стол, однако никакой еды на нем не было.

«Как же я проголодался», — подумал Тарас, но, обернувшись на правую стену, мгновенно забыл про еду. Там на специальных крючках висел большой медный щит, испещренный по краю чеканкой, изображавшей сценки из битв или мифов, где люди перемежались со звероголовыми чудовищами. А рядом с ним — крепкий меч с массивной рукоятью и прочный шлем. Чуть выше — длинное, метра два, копье. И наконец, кожаный нагрудник, укрепленный металлическими пластинами, и медные щитки для ног с

ремешками. Вся амуниция имела следы ударов и глубокие царапины, все говорило о том, что она не весь свой век провисела на стене.

Открыв рот, Тарас рассматривал это оружие, вспоминая, как красиво такое вооружение смотрелось на тех спартанских воинах, которых они повстречали с Механидом по дороге сюда. «Семейная реликвия наверняка», — предположил Тарас, переводя взгляд со щита на шлем с бойцовским красным гребнем из перьев.

— Это мои доспехи, в которых я не раз бился в молодости против Аргоса и Афин, — напомнил ему геронт, до сих пор молча наблюдавший за «сыном», и добавил с сомнением: — Почему же ты не просишь их примерить, ведь раньше ты просто рвался надеть их на себя, хоть и был очень мал.

— Я просто ждал разрешения, — неуклюже соврал Тарас, делая шаг к стене с оружием.

— Не узнаю тебя, Гисандр, — произнес с подозрением Поликарх, странно присматриваясь к стоявшему перед ним парню, — ты с малолетства все брал без разрешения, возмущая своих родителей и учителей непокорным нравом. С каких пор ты стал таким покладистым?

Не зная, что еще придумать, и досадуя на себя, что чуть не «провалился», спецназовец снял нагрудник и накинул его на тело через голову. Ощупал пряжки на боках и сказал:

— Пусть Панорм поможет мне застегнуть его.

— Не надо, — отмахнулся седой Поликарх, — я сам помогу. Мои руки знают эти доспехи лучше, чем изгибы на теле Хилониды.

«Ах ты, старый хрен, — удивился Тарас, услышав это, — и ты туда же. Да здесь, похоже, великолепный климат для повышения потенции».

Спустя несколько минут нагрудник облегал его тело, как влитой. Благодаря системе пряжек его удалось подогнать по телу более крупного, чем «отец», но изрядно исхудавшего Тараса так, что он не испытывал никаких неудобств. Ниже колен он сам надел и застегнул поножи — так назывались эти щитки. Не хватало только сандалий, но стоять босиком было уже привычно.

Взяв из рук «отца» шлем, Тарас осторожно водрузил его на свою голову, — тот пришелся впору, плотно прильнув ко лбу и щекам. А когда в руках у бывшего спецназовца оказался настоящий меч, которым была срублена не одна голова, и увесистый щит, не раз спасавший жизнь его владельцу, то по всему телу пробежала какая-то особенная дрожь. Словно бы доспехи приросли к нему, как новая кожа. От этих доспехов исходила такая мощная энергия, что лоб Тараса даже покрылся испариной, а сам он ощутил себя неуязвимым, заключенным внутри гигантского железного робота-разрушителя, перед которым ничто не устоит.

— Ты чувствуешь зов предков? — спросил геронт, заметив его состояние. — Чувствуешь, как этот меч зовет на битву?

— Да, — кивнул Тарас, которому действительно вдруг захотелось немедленно зарубить кого-нибудь, чтобы обагрить меч кровью.

— Ты будешь великим воином, — предсказал ему «отец», — и прославишь Спарту. А теперь давай я помогу тебе быстрее избавиться от этих доспехов, пока ты никого не убил. Я вижу, как огонь сверкает в твоих глазах и рвется наружу, словно вот-вот через них Зевс начнет метать свои молнии.

А когда доспехи снова оказались на стене, добавил:

— Ты уже почти готов к битвам, сын, но сначала пройди последнюю стадию — стань гражданином.

Тарас кивнул, все еще стоя посреди комнаты и ощущая странную дрожь в руках.

— А сейчас пойдем, отдохнем немного, ведь тебе уже пора отправляться в обратный путь.

В животе у Тараса заурчало, он никак не мог привыкнуть к тому, что еда здесь была постоянной проблемой, а есть дома запрещалось.

— Панорм приготовил тебе кое-что в дальней комнате, — как бы нехотя сообщил

отец. — В лагере ты долго не увидишь такой еды. Я хоть и стар, но свое обучение помню до сих пор. Один раз я позволю тебе расслабиться, но не больше. Ведь я геронт и должен следить за подрастающим поколением.

Ел Тарас, словно вор, один в дальнем углу. Отец даже не присел с ним. Но хоть покормил из-под полы, нарушив закон, и то ладно. Насытившись мясом, оливками и сыром, залив это все сверху виноградным соком, — пить вино молодым спартанцам еще запрещалось, — Тарас попрощался с отцом и направился вниз к дороге.

— Возвращайся гражданином, — крикнул ему вслед отец, стоя на пороге, — и помни о своем обещании.

Уж о чем другом, а об этом обещании Тарас не мог забыть так быстро, хотя при мысли о женитьбе у него в голове возникали отнюдь не гимнастки, а только упругие бедра Хилониды, пользовавшейся в усадьбе предков, похоже, большой популярностью.

Однако, оказавшись вновь на пустынной дороге, боец остановился и, обернувшись, посмотрел в сторону усадьбы, где жил настоящий Гисандр, где умерла его мать, так и не узнав о смерти сына, и где теперь доживал свой век в одиночестве его прославленный отец в надежде, что Тарас продлит его угасающий род. Семья у него теперь была, но, как ни крути, она была неполной.

«Ну что же, — с нахлынувшей внезапно грустью подумал Тарас, — в том мире я жил без отца, а в этом буду обходиться без матери. Видно, судьба у меня такая, жить в неполной семье». И зашагал в сторону лагеря.

День уже клонился к вечеру, когда где-то в полях между Спартой и Амиклами его догнал Механид, бежавший как заправский марафонец. Увидев Тараса, он сбросил скорость и перешел на шаг.

— Ну как отдохнул? — спросил повеселевший Тарас, которому надоело одному брести по дороге, где ему до сих пор попадались только телеги периеков. — Как отец, жив-здоров?

— С отцом, хвала богам, все в порядке, — отдышавшись, сообщил Механид, — задержался вчера в герусии. Пришлось долго ждать.

— Мой тоже, — гордо заявил Тарас, радуясь, что теперь может поддержать разговор не только на военные темы.

Жизнь в Спарте за прошедшие сутки стала для него вдвое интересней, и даже грядущие экзамены не могли испортить сейчас это впечатление.

До Гимнопедий оставалось еще несколько дней, однако подготовка к ним началась уже давно. А по возвращении Тараса из увольнительной она резко усилилась. К его большому удивлению, спартанцы почти позабыли про сражения на мечах и мордобой, оставив из обязательной программы только бег, метание диска и борьбу, в которой Тарас тоже преуспел за последнее время. А все остальные часы под жарким солнцем Спарты проводили в песнях и плясках. С утра до вечера.

Их вновь заставили раздеться и плясать голыми. Взявшись за плечи, обнаженные спартанцы — оказалось, так и выступают на празднике — отчаянно трясли ногами и руками, прыгали по камням, прославляя богов. Танцевать в чем мать родила для Тараса было все еще в новинку. Танцор он был неважный, и ему все время что-то мешало. Остальным же, похоже, не очень, и они, радостно обнявшись, терлись друг о друга.

«Хорошо, хоть целоваться не заставляют, — подумал напряженный Тарас, отдыхая на камне после очередного группового танца и с омерзением поглядывая на сладкую парочку явно неравнодушных друг к другу парней из соседней агелы, — а ведь на праздниках придется еще и перед зрителями выпендриваться. Там, говорят, цари со старейшинами будут. Отец наверняка придет. Да и девочки…Ну как перед ними петь, когда у тебя все твое настроение на виду? А еще хотят воспитать у меня высокий моральный дух. Не облажаться бы, и то ладно».

Затем под руководством учителей и присмотром надзирателей приступили к разучиванию гимнов в честь Аполлона. И Тарас, никогда не подозревавший за собой музыкальных способностей, волей-неволей научился сносно петь военные марши,

прославлявшие героев Спарты, павших на поле брани. Да и попробуй тут не спой — сразу угодишь в отказники и снова будешь рвать тростник с утра до ночи. А потом все равно запоешь. Старался, как и все, рвал глотку. Так и приобщился к культуре.

А когда их все-таки отвлекали на пробежки, гимнастику и метание дисков и камней на дальность, Тарас просто наслаждался отдыхом. В глубине души петь и танцевать он не очень любил, больше слушать. И потому с каким-то остервенением бегал, прыгал и швырял диск. Эта спортивная часть предстоящих Гимнопедий нравилась ему гораздо больше, чем художественная.

После одной из пробежек по тропинке вдоль берега Эврота к нему приблизился надзиратель и сообщил:

— Ты молодец, Гисандр. Хорошо бегаешь. И диск бросаешь неплохо. Значит, будешь выступать на празднике в этих дисциплинах.

— Я еще и побороть могу кого угодно, — вставил слово Гисандр в надежде, что, отправив на соревнования, его освободят от необходимости петь и плясать голым.

Надзиратель немного подумал, ощупал мышцы на его руках и плечах, кивнул.

— Ладно, будешь бороться. Борьба как раз в заключительной части, перед общим выступлением на Хоросе.[37] Успеешь.

А разочарованный Тарас едва не выругался по-русски на весь лагерь. Судьба-злодейка в очередной раз посмеялась над ним. «Может, руку сломать? — подумал он в отчаянии, но потом смирился — ладно, споем, если без этого не стать гражданином. Хоть в пентатлы[38] не записался, и то хорошо».

Вечером, перед тем как улечься в изнеможении на свое тростниковое ложе, Тарас услышал, как Архелон рядом разговаривает с Эгором, и случайно узнал, что избежал еще одного жестокого обряда, попав сюда уже почти двадцатилетним. Оказывается, здесь не только регулярно пороли, но и заставляли драться стенка на стенку до увечий. В присутствии эфоров и царей, что считалось особенно почетным.

— Состязания на Гимнопедиях — это ерунда, да и порку у алтаря выдержать можно, если сильный, а вот в платановой алле была битва, — вспоминал Архелон.

— Это ты о чем? — не понял Тарас, вступая в разговор. — Какая еще платановая аллея?

— Ты что, Гисандр, — удивленно посмотрел на него Эгор, — забыл что-ли, как тебе едва не сломали там ногу палкой?

— А ты сам выбил глаз младшему брату Кинаса? — добавил Архелон.

— Я? Давно это было, — отмахнулся Тарас, ничего подобного, понятно, не припоминавший.

— Ну да. Пять лет прошло. Но такое не забывается, — заявил Архелон, — я до сих пор вспоминаю, как ловил и убивал ту черную собаку.

— Расскажи, — попросил Тарас, заинтригованный сообщением о собаке, — я тоже хочу вспомнить.

И Архелон без большого желания, но рассказал историю, приключившуюся с ними, когда им было по пятнадцать лет. Оказалось, в тот год они были впервые выпороты у алтаря Артемиды. Сдали первый серьезный экзамен, став настоящими волчатами. Но поркой дело не ограничилось.

— В тот день Элой собрал нас вечером и сообщил, что скоро нам впервые предстоит

---

[37] Храм Аполлона Пифийского располагался в Спарте на агоре, в так называемом Хоросе, месте, где проходили Гимнопедии. Изначально хоросом (хором) в древнегреческой драме называлась группа из двенадцати актеров, сопровождавшая представление или принимавшая в нем участие. Сначала зрители просто стояли вокруг, наблюдая за их выступлением. Потом для удобства публики стали строить деревянные подмостки, а затем и каменные театры.

[38] Пентатл — атлет, участвовавший в пяти видах соревнований.

показать свою доблесть перед царями и эфорами, и теперь же ночью перед сражением мы должны принести жертву. После захода солнца мы собрались и пошли в Фойбею. Все агелы пошли вместе, так как драться надо было всем скопом против другого лагеря.

— Где это? — опять уточнил Тарас, поймав на себе недоуменный взгляд своих друзей и подумав: «Хорошо еще, что это Архелон с Эгором, а не Деметрий и его прихлебатели. Эти хоть трепаться не будут о моих провалах в памяти. Привыкли».

— Это местечко за городом, не очень далеко от Ферапны, — пояснил Архелон.

— А, тогда понятно, — хмыкнул Тарас.

— По дороге мы должны были поймать каждый по собаке, чтобы принести ее в жертву богу войны. А лучшей жертвой была черная собака. Мы половину ночи носились по окрестностям Спарты, вылавливая безродных щенков, — взахлеб стал рассказывать Архелон, вошедший в роль рассказчика, даже голос возвысил, — а потом тащили их еще живыми до жертвенника.

— Ты потише, — предупредил его Тарас, — а то педоному настучат. Приказ спать уже был.

А про себя подумал: «Живодеры». Он хоть и не был собачником, а все равно не любил убивать собак, а тем более мучить их.

— Так вот, — продолжал Архелон, понизив голос и усаживаясь на тростниковое ложе, — прибыли мы в Фойбею уже перед рассветом, едва успели принести жертву. И боги приняли ее: ведь всем ясно, что для самого грозного из богов лучшей жертвой будет самое мужественное из домашних животных.

Архелон помолчал.

— А потом мы заставили драться между собой годовалых кабанов, которых тоже привели с собой, чтобы понять, чья агела победит. И наш кабан выиграл. Ведь это ты его заранее поймал, Гисандр, по приказу надзирателей. Ты среди нас вообще лучший охотник на кабанов.

«Был охотник, да весь вышел, — грустно усмехнулся Тарас, вспомнив закопанного среди камней Гисандра, — нашелся, видать, кабан поумнее охотника».

— Ну а на следующий день мы пришли в Спарту на остров, где растет множество платанов, и там дрались.

— Остров? — переспросил Тарас.

— Да, — кивнул Архелон. — Ты что, на самом деле забыл? Это место специально приспособлено для схватки эфебов. Кругом обведено широким рвом, наполненным водой, будто море вокруг. На острове растут платаны, очень близко друг к другу. А войти туда можно только по двум мостам, на каждом из которых стоят статуи. На том, что слева, — статуя Геракла, на другом — Ликурга, ведь это он нам завещал устраивать такие состязания.

— Ну и кто победил? — подбодрил рассказчика Тарас, которого уже клонило в сон после сегодняшних плясок.

— Да мы победили. На следующий день, незадолго до полудня, мы пришли туда, войдя по разным мостам, и схватились с агелами из лагеря, который стоит у самых Амикл.

— Да, дрались хорошо, — присоединился к воспоминаниям Эгор. — Оружия нам, правда, не дали. Но мы сражались кулаками и ногами, делали палки из сучьев, кусались, как собаки. Многих изувечили, а ты даже выбил глаз своему противнику.

«Просто бои без правил, — решил впечатленный Тарас, — если они в пятнадцать лет такое вытворяли друг с другом, то неудивительно, что жизнь каких-то илотов для них пустяк».

— Основных мы быстро поломали, а оставшихся слабаков всей толпой столкнули в воду. Трое из них даже утонули. В общем, весело было.

— Это точно, — подтвердил Тарас, — я все вспомнил. Давай теперь спать.

— Эфоры остались довольны, — закончил Архелон за своего друга, — а тебя даже похвалил царь Леонид.

— Меня? — встрепенулся Тарас, опять обнаружив провал в памяти.

— Ну да, он сказал, что этот эфеб еще покажет себя на войне.

— И он не ошибся, — гордо заявил Тарас, решив, что скоро ему обязательно улыбнется удача, раз уж сам царь его похвалил. «Правда, давно это было, пят лет назад, — подумал Тарас, засыпая. — Может, и забыл уже».

Выход агел в Спарту для празднования Гимнопедий был назначен на следующий день, и Тарас решил, что их разбудят ни свет ни заря. Однако на следующее утро неожиданно им дали хорошенько выспаться. А потом еще и накормили лучше обычного.

— Как я люблю праздники, — бормотал Тарас, засовывая в рот горсть оливок и кусок сыра одновременно и даже напевая себе под нос какой-то недавно разученный гимн в честь Аполлона.

— Если ты так будешь есть на сесситиях, то тебя оттуда сразу выгонят, — ехидно заметил Деметрий, сидевший рядом с ним за столом и размеренно жевавший корку черствого хлеба, — да и твой изнеженный желудок не выдержит черной похлебки.

Тарас хотел было послать его подальше, однако сдержался. Деметрий был прав. Как слышал Тарас, после того как они получат право участвовать в этих совместных трапезах, — а есть спартанцам отдельно от коллектива запрещалось в течение всей жизни, — главным кушаньем у них станет черная похлебка,[39] а вся остальная еда немногим будет отличаться от того, чем их кормят сейчас. Похлебки этой им еще не давали, ее надо было заслужить. В общем, и в будущем есть предстояло очень мало, а тем более говорить за столом. Но самое большое раздражение у Тараса вызывал тот факт, что разделение по илам[40] уже произошло, и теперь они вынуждены будут вечно видеть одни и те же лица за столом на протяжении всей жизни. От таких мыслей у Тараса оливка застряла в горле. Он поперхнулся, выплюнул ее и постарался побыстрее прогнать черные мысли из головы, иначе на соревнованиях результатов не добиться.

— Я слышал, ты будешь состязаться в борьбе, Гисандр, — продолжал издеваться над ним Деметрий, — я тоже. Смотри, как бы тебе не умереть со стыда на виду у старейшин и девчонок, после того как я положу тебя на обе лопатки.

— А мы будем бороться с тобой? — уточнил Тарас, вперив в него взгляд и пропуская остальное мимо ушей, к большому удивлению сидевших рядом.

— Не знаю, — ответил командир агелы, — это решит жребий.

— Тогда молись, чтобы тебе не выпало бороться со мной, — заявил Тарас, вставая, — а не то я оторву тебе ту руку, которую едва не отрубил.

Деметрий побагровел, готовый броситься на обидчика. Но тут раздалась команда Элоя, и все встали из-за стола, чтобы построиться в колонну для выхода. Пора было выступать в Спарту, до которой еще было шагать почти полдня.

Дорога выпала на самое пекло, но зато к вечеру, когда три агелы, ведомые своими надзирателями-командирами, приблизились к городу, жара уже спала. Выступать должны были лишь некоторые из них, но прибыть на праздник все должны были обязательно, и молодежь до пятнадцати лет тоже. На сей раз дорога не была пустынна. Множество народа отовсюду стекалось на праздник, который, судя по всему, спартанцы очень любили и уважали. Молодых парней, проходящих мимо стройными рядами, все они приветствовали взмахом руки и пожеланием побед. Глядя на все это, Тарас постепенно воодушевился. Его охватил вдруг такой задор, что он решил выиграть все соревнования во что бы то ни стало.

Едва они миновали поворот к его имению, от которого до самой столицы оставалось

---

[39] Уксус с кровью.

[40] Илы — группы, на которые разделялась молодежь изначально. В том же составе они затем должны были принимать участие и в обязательных сесситиях, которые представляли собой, по сути, закрытые клубы, где количество членов почти не менялось.

действительно недалеко, — уже виднелись крайние дома, — Элой приказал всем остановиться и раздеться. Надзиратели собрали все гиматии. И дальше отряд двинулся в обнаженном виде. Даже набедренные повязки было приказано сдать.

Когда обнаженные эфебы приблизились к городу и вошли в него по одной из дорог, им уже приходилось пробираться среди плотной толпы, которая ликовала, приветствуя их. В толпе в основном были мужчины, но попадались и спартанки, и очень даже молоденькие. Одетые, надо сказать, весьма заманчиво. Их коротенькие хитончики и отсутствие всего остального сразу начало будоражить Тараса, мешая сосредоточиться. Девушки тоже кричали что-то им вслед и махали руками, словно провожали парней не на спортивные состязания, а гладиаторов на смертный бой. Но с радостью, как всегда поступали здесь в таких случаях.

Между тем шествовать по улицам в толпе голых парней Тарасу было не очень приятно. «Просто гей-парад какой-то,» — думал он, осторожно переставляя ноги по каменным плитам. Ему, конечно, было не холодно, но как-то неуютно под взглядами толпы, особенно бородатых мужиков, которые беззастенчиво разглядывали его и остальных молодых эфебов. Хорошо еще, что он шел средним в шеренге из трех человек, между Эгором и Архелоном.

Глава пятнадцатая

Несмотря на непривычную ситуацию, в которой он оказался, Тарас успевал глазеть не только на девушек, но и рассматривать дома, мимо которых они проходили. Архитектура здесь, конечно, была мрачноватая, большинство домов на окраине имели либо плоскую крышу и едва вылезали из земли, либо напоминали его островерхую усадьбу из «бетона», перемешанного с камнями. Вокруг них, никого не стесняясь, бродили козы и свиньи, как в обычной деревне. Иногда, правда, на глаза попадались и довольно опрятные здания, выстроенные целиком из камня. Хорошо еще, что центральные улицы были мощеные.

А когда отряд обнаженных эфебов приблизился к центру города, Тарас увидел наконец и то, что он привык считать греческой архитектурой: многочисленные белые колонны, портики и галереи, расползавшиеся во все стороны от широкой площади, окруженной толпой народа. Чуть вдали, за взбудораженными людьми, Тарас заметил каменные скамьи, стоящие полукругом на склоне холма и разбитые на секции. Между ними уже бродили люди в белых гиматиях, занимая свободные места. В центре трибун находилось несколько лож, и все они были еще пусты. Увиденное до боли напомнило бывшему спецназовцу родной спортивно-концертный комплекс, только на открытом воздухе. Видимо, это место и называлось Хором, о котором говорил надзиратель.

— Это что за здание? — толкнул он в бок Эгора, указав на крытую галерею со множеством колонн, спускавшуюся вдоль дороги с холма, когда их отряд вошел на площадь и стал продвигаться ко входу на стадион.

— Ты что, забыл, Гисандр, это же Скиас,[41] — ответил тот, — галерея, где собираются старейшины. Говорят, ее построил Феодор из Самоса. Это тот, который прославился тем, что первый из греков изобрел способ плавить металл и лить из него статуи. Там же висит кифара Тимофея из Милета, прибитая к стене.

— Зачем? — не понял Тарас. — Я думал, мы любим музыку и уважаем кифаредов. Столько ведь тренируемся.

— Это так, — кивнул Эгор, — но больше мы уважаем традиции. А он их нарушил: этот Тимофей настолько хотел сладкозвучия, что к семи прежним струнам добавил еще несколько новых. За это мудрые эфоры его наказали. Отобрали инструмент и прибили к стене в назидание другим нечестивцам. Нельзя нарушать традиции.

«Да уж, — замолчал Тарас, — эти традиции нарушать — себе дороже. Лучше вообще не ходить в музыканты. Бедняга».

---

41 Тенистая (*греч.*).

Повернув голову в другую сторону, Тарас увидел круглое здание, часть которого была украшена колоннами, сквозь них во дворе виднелись статуи: здорового мужика с молнией в руке и молодой женщины в боевом облачении. «Мужик, вероятно Зевс, — прикидывал Тарас, рассматривая детали, пока их агела продолжала пробираться сквозь толпу, расступавшуюся перед ними, — а вот что за богиня с ним?»

— Это храм Зевса? — рискнул предположить находчивый спецназовец, указав на круглое здание.

— Да, — кивнул Эгор, обернувшись на вопрос, который Тарас задал еле слышно, боясь, что его засмеют остальные, — Зевса и Афродиты Олимпийских.

— А это Аполлон? — уже с уверенностью заявил Тарас, указав на группу из трех огромных статуй, возвышавшихся в самом центре Хороса, перед входом на стадион. Это были каменные статуи двух женщин, одна из которых держала в руке лук, и мужчины с кифарой.

— Конечно, — усмехнулся Эгор такому странному вопросу, — тебе ли не знать, Гисандр. Это статуи Аполлона-Пифея, Артемиды и Латоны.

— Да я так, — отмахнулся Тарас, чтобы избежать расспросов, а то кое-то из впереди идущих уже стал оборачиваться и посматривать на него с недоумением, — давно здесь не появлялся.

Наконец, пройдя сквозь толпу мужчин и женщин, которых здесь тоже было немало, агелы вошли на стадион под звуки кифар. Прямо у входа стояли несколько кифаредов, чествовавших всех эфебов, организованно входивших на стадион. А их здесь было множество. Вдоль беговой дорожки, лицом к трибунам, выстроились уже несколько тысяч обнаженных мальчиков. Разбитые на агелы, они занимали добрую треть стадиона.

«Ни черта себе посещаемость, — удивился Тарас, — да мы еще и опоздали».

Проникнув за ворота, у которых дежурили несколько десятков воинов в полном облачении, направлявших толпу на трибуны через специальные входы, — «знакомая ситуация», машинально отметил Тарас, — спартанцы оказались внутри и вскоре заняли свое место на беговой дорожке, обернувшись в сторону трибун, как и все.

Народу на трибунах еще прибавилось, почти все места были заполнены мужчинами и женщинами, одетыми, надо сказать, довольно однообразно — главный цвет одежды был белый. Пестрой эту толпу было никак не назвать, но на них, в отличие от Тараса и остальных, хотя бы имелась одежда. Под взглядами нескольких тысяч спартиатов, собравшихся посмотреть на состязания голых мальчиков, Тарасу опять стало как-то не очень уютно. Но отступать было поздно. Тем более, несмотря на то что Гимнопедии предназначались исключительно для состязаний мальчиков, если верить обещаниям «отца», тут должны были появиться и девочки. Гимнастки. А если традиция требовала быть обнаженным на этом празднике, то Тараса ожидало много интересного помимо самих состязаний. Оставалось немного подождать, ведь соревнования должны были вот-вот начаться.

От нечего делать Тарас, прищурившись на солнце, стал изучать трибуны, где смог вскоре разглядеть массу знакомых лиц: Менандра, главного педонома Спарты, своего «отца», сидевшего на трибуне среди множества таких же крепких стариков. Чуть ниже одного из эфоров по имени Хидрон, рядом с которым расположились на скамье еще четверо таких же знатных чиновников, видимо, остальные эфоры. А на главной трибуне, не очень большой, но разделенной на две части и находившейся почти вровень с беговой дорожкой, Тарас увидел двух мужчин, облаченных как воины, а возле каждого из них находилось по красивой женщине, одетой в скромный гиматий. «А это кто такие, — удивился Тарас, — уж не цари ли? Значит, один из них тот самый Леонид, который погибнет при Фермопилах в битве с персами. Интересно, который?».

Он присмотрелся к зрителям самых «дорогих» лож, позади которых находилось по несколько слуг, то и дело подносивших им какие-то кубки. «Пьянствуют, что ли, в такую-то жару? — предположил Тарас, но, присмотревшись, заметил, что цари не пьют из кубков, а

опускают в них свою правую руку и что-то там перемешивают. — Не похоже».

Один из мужчин, сидевший в левой ложе, был худощав, длинноволос, высок ростом, имел вытянутое лицо с бородой, как и все здешние мужи. У его женщины были длинные волосы, перехваченные тонким обручем, и довольно пышные формы. Другой царь был чуть ниже, но зато шире в плечах и более коренастым. В нем чувствовалась недюжинная сила. Да и возрастом он, кажется, был чуть старше.

Несмотря на запрет Элоя на разговоры в строю, Тарас все же тихонько толкнул Архелона, стоявшего в первой шеренге, и уточнил, осторожно указав на нижние трибуны:

— Вон тот, справа, — это царь Леонид?

Архелон кивнул, покосившись на надзирателей, стоявших чуть в стороне, но все же прошептал:

— Да, это Леонид с царицей Горго. А слева царь Леотихид с царицей Евридамой.[42]

И снова покосился на надзирателей. Но те ничего не услышали, да и немудрено, над стадионом висел восторженный гул толпы, предвкушавший начало соревнований. «Ясно, — кивнул сам себе Тарас, — значит, второй — это царь Леотихид. Буду хотя бы знать своих царей в лицо».

Неожиданно со своего места встал один из эфоров, обернулся к толпе на трибунах, и гул голосов мгновенно стих. Это был не старый знакомый Хидрон, а другой мужчина, немного пониже ростом, с наметившейся лысиной, которая смотрелась довольно странно среди в основном длинноволосых и бородатых спартанцев.

— Полиник[43] будет говорить, — шепнул ему стоявший рядом Эгор, — он всегда открывает игры.

Эфор, выдержав паузу, заговорил. И, несмотря на то что говорил он не слишком громко, его слова были слышны в каждом уголке Хороса то ли из-за установившейся тишины над стадионом, то ли из-за идеальной акустики, которой обладало это место.

— Народ Спарты, сегодня мы открываем Гимнопедии, посвящаем их великому Аполлону!

Гром криков и аплодисментов был ему ответом, однако все стихло, едва эфор продолжил свою речь.

— Тысячи юных эфебов, обладающих благодаря работе наших педономов сильными и упругими телами, продемонстрируют свое мастерство на этих играх. А мы сможем оценить их труд. Ведь вскоре после Гимнопедий старшие из них станут полноправными гражданами, заслужив право защищать Спарту в битвах. Перед нами будущее нашей страны, сильное, молодое, здоровое. Мы ждали их выступления целый год, так полюбуемся же на их состязания.

Новая волна криков радости накрыла поле стадиона. Слушая все это, Тарас невольно почувствовал гордость, даже забыв на время про свою наготу. Еще никогда он не ощущал себя таким нужным «своей» стране. Странное это было чувство. На первых порах к нему еще примешивалась боль обид от незаслуженных наказаний, но по мере того, как нарастал вой трибун, приветствовавших своих любимцев, Тарас был уже готов простить все издевательства над собой.

— Народ Спарты! — вновь заговорил эфор, когда гул над стадионом затих. — Чтобы воздать должное Аполлону, мы будем праздновать Гимнопедии шесть дней подряд. Победители — самые сильные и красивые — получат лавровые венки из рук царей, верховных жрецов Аполлона. А теперь я умолкаю, об остальном они расскажут сами.

Эфор, еще раз обернувшись к народу, сел на свое место. Но вскоре на ноги поднялся царь Леонид и, получив свою долю восторженных криков, погасил их одним движением

---

[42] В данном случае это имена реальных царей и цариц того времени.

[43] Полиник — имена всех эфоров Спарты в данный период вымышлены.

руки.

— После торжественного шествия мы проведем сегодня забег среди наших лучших эфебов. Затем они исполнят гимн в честь Аполлона, — заговорил царь, сразу переходя к программе мероприятий. — Завтра эфебы порадуют нас состязаниями в метании копья и диска.

Он выдержал паузу и продолжил.

— Третий день мы целиком отдаем борьбе!

Трибуны просто взорвались от восторга.

«Любят здесь борьбу!», — подумал Тарас, опасаясь, как бы не разочаровать трибуны своим выступлением. Он хоть и неплохо изучал местные приемы, а все равно тянуло для быстроты исхода применить карате. Дать ногой своему противнику по голове или в промежность, одним ударом решив исход схватки. Но здесь к такой технике не привыкли, могут и не понять.

Между тем Леонид неожиданно сел, а его речь продолжил второй царь, Леотихид. Со стороны казалось, будто они поделили пополам свои обязанности, как и отведенное для приветствия время.

— Четвертый день, народ Лакедемона, — подхватил эстафету Леотихид, полуобернувшись к трибунам, — мы отдадим скачкам на колесницах, выставляемых нашими знатными гражданами.[44] А пятый и шестой целиком будут заняты воздаянием хвалы Аполлону.

Тарас был изумлен: «Два дня подряд танцевать? Вот это да. Лучше уж побегать или подраться. Ох уж это мне воздаяние Аполлону». Но вслух, понятное дело, не стал богохульствовать, находясь в двух шагах от его святилища.

— А сейчас мы с помощью табличек, которые содержат в себе эти кратеры,[45] выберем агелы, которые будут соревноваться друг с другом в борьбе, — подвел итог Леотихид.

Закончив свою краткую совместную речь, оба царя встали. Рядом с ним тут же возникли рабы. Согнувшись в полупоклоне, они держали в руках широкие кубки, наполненные неизвестным содержимым. «Сейчас состоится жеребьевка», — догадался Тарас, которому, несмотря на торжественность момента, уже немого надоело стоять без дела на глазах у многих тысяч людей.

— В состязаниях борцов агела Фиеста будет состязаться с агелой Недрона, — первым объявил Леонид, вынув пару табличек.

— Агела Автония выставит своих борцов против агелы Лабдака, — добавил царь Леотихид, в свою очередь, заглянув в кратер.

— Агела Деметрия будет бороться против агелы Леарха, — произнес царь Леонид, сделав выбор, которого ждал Тарас.

— Это сильные бойцы, — сказал Эгор шепотом, услышав свой жребий, — из лагеря у Амикл. Я слышал о том, что у них надзиратели просто звери, а инструкторы забили насмерть уже десятерых.

«Ну да, — про себя съязвил Тарас, вспомнив жестокие избиения, — а наши так просто добряки». Цари еще долго продолжали называть имена командиров агел, которых здесь собралось просто огромное количество, но Тарас уже потерял интерес к жеребьевке, изучая людей на трибунах. Все равно борьба должна была состояться только через пару дней, а сегодня предстоял массовый забег. Дистанцию Тарас знал весьма приблизительно. Та, что он чаще всего бегал в лагере, была примерно десять километров. Элой объяснял ему, что на Гимнопедиях она будет больше, но где пройдет соревнование, не счел нужным объяснить.

---

[44] Скачки могли не входить в празднование Гимнопедий. Однако они были обязательным атрибутом многих аналогичных состязаний того времени, поэтому оставлены в тексте.

[45] Сосуд для питья с широким верхом.

Оказалось, что на стадионе будет только дан старт, а бегать придется по улицам города, в районе, который надзиратель назвал дромосом.

«Что еще за дромос такой, — напряженно размышлял Тарас, — а впрочем, какая разница. Главное не заблудиться. Вот будет позор — не отмоешься».

И он решил первое время держаться в общей группе, не отрываясь от коллектива.

«Если „трасса“ не меньше десяти километров, то это должны быть либо большие кольца, либо она идет вокруг города с заходом на Хорос, — думал спецназовец. — Ладно, главное — ввязаться, а там посмотрим».

— В забеге участвуют все агелы, — объявил наконец Леотихид, закончив жеребьевку.

После его слов стражники раскрыли ворота, отогнав толпу подальше от места старта.

— Ну сейчас начнется, — пробормотал Тарас, переступая с ноги на ногу, разминая икры.

Но не тут-то было. Вместо того чтобы выпустить бегунов на старт со стадиона, сквозь ворота пропустили группу молодых спартанок, человек сто, которые бодрым шагом прошествовали к царским трибунам и, встав на некотором отдалении от них, лицом к эфебам, вдруг запели гимн в честь Аполлона. Похоже, так требовалось начинать соревнования.

Но Тарас был даже рад задержке. Дело в том, что молодые спартанки были такие же голые, как и все эфебы. Ни одна из них не надела на праздник гиматия или хотя бы хитончика. «Вот это но— мер, — вдохнул Тарас, опуская руки на причинное место, — гимнастки пришли».

Голые девчонки с воодушевлением пели минут пять, перечисляя множество спартанских героев, сложивших головы в честь Лакедемона и во славу Аполлона. Их звонкие голоса разносились над Хоросом, а Тарас заставлял себя не слишком возбудиться от такого пения, но это с трудом получалось. Не каждый день тебя прославляют сто голых девчонок с отменными спортивными фигурами и, надо сказать, с довольно красивыми лицами. Пели они, нисколько не стесняясь своей наготы, так, словно были одеты и все, что они делали, было вполне приличным.

«Хорошая группа поддержки, — решил Тарас, когда пение было окончено и спартанки, повернувшись к царям, поклонились, а потом таким же бодрым шагом покинули стадион, виляя упругими ягодицами, — может, они будут бежать впереди нас? Тогда я приду первым».

Он осторожно посмотрел на своих соседей по шеренге. Судя по выражениям лиц, все они разделяли его мысли.

— Поблагодарим же этих прекрасных дев, которые пришли прославить Аполлона и наших достойных эфебов, — вдруг громогласно заявила царица Горго, встав со своего места и тряхнув длинными, завитыми в локоны, волосами.

Это была невысокая молодая женщина, также со спортивной фигурой, приятные выпуклости которой совсем не скрывал гиматий. Царь Леонид и бровью не повел, словно находившаяся рядом с ним женщина могла делать и говорить что угодно, не стесняясь собравшихся гостей и старейшин.

И весь стадион взорвался аплодисментами, провожая голых спартанок. «Гляди-ка, — удивился еще больше Тарас, увидев эту сцену, — да здесь и женщинам позволено говорить. Интересная страна».

Однако как ни долго длилась вступительная часть, а вскоре прозвучал приказ быть готовым к старту. Надзиратели отошли от своих агел, они собрались у трибун и предоставили воспитанникам защищать честь лагерей.

— Мы начинаем забег в честь Аполлона! — объявил царь Леотихид, встав со своего места. — Судьей в этом состязании назначен Акрисий.

Один из надзирателей, назначенный главным судьей, поднял вверх руку, и тотчас все стихло. Молодые спартанцы слегка выгнули строй, встав полукругом. Тарас находился во второй шеренге, однако за ним выстроилось еще с десяток рядов. И тем, кто находился в

задних рядах, изначально труднее было захватить лидерство. Но в том, что они обязательно попытаются это сделать, Тарас не сомневался: достаточно было лишь взглянуть на их лица. И у выхода со стадиона могла возникнуть грандиозная свалка.

Но вот судья махнул рукой, и все посторонние мысли оставили Тараса. Он бросился бежать вслед за Архелоном, Деметрием и Механидом, оказавшимися в числе первых у выхода со стадиона. Единственное, чего он хотел больше всего, так это вырваться отсюда перед тем, как основная толпа окажется в воротах. Расталкивая голых соплеменников руками, спецназовец успел выскользнуть на простор вслед за группой лидеров, в это время позади кто-то упал, послышались крики, и действительно возникла свалка. Зрители радостно засвистели, приветствуя первых жертв соревнований.

Оказавшись снаружи, Тарас, не рассуждая, бросился догонять лидеров по одной причине — они знали дорогу. А кроме того, сзади наседала толпа: все жаждали быть первыми. Проигрывать никто не хотел.

Вырвавшись с площади, Тарас пронесся мимо храма Зевса и Афродиты Олимпийских вдоль галереи, где обычно заседали старейшины, и, оставив за спиной грандиозные статуи Аполлона-Пифея, Артемиды и Латоны, припустил за лидерами. Вдоль всей дороги, на которой проходил забег молодых спартанцев, выстроились люди, свистевшие и улюлюкавшие так, словно мимо них проносились разъяренные быки. Прыгая по камням мостовой, которая быстро закончилась, едва бегуны, обогнув очередной храм, свернули на другую улицу, Тарас быстро забыл, что он голый, втянувшись в ритм гонки. Рядом с ним бежали еще трое спартанцев, один из которых Эгор, и еще четверо позади. Бежать предстояло не так уж мало, потому следовало экономить силы, следить за дыханием и не отвлекаться на молодых женщин, с интересом разглядывавших проносившихся мимо эфебов. А кроме них на дороге неожиданно часто попадались и другие препятствия.

Когда дорога, пройдя между десятком домов, вдруг вывела его на большой холмистый пустырь, по краю которого бежали лидеры, Тарас решил, что это и есть дромос. Как выяснилось позже, он не ошибся. Если сделать по дромосу полный круг, то выходило километра три. На краю пустыря были выстроены два прямоугольных здания с колоннами, между которыми виднелась статуя какого-то античного героя. Дальше за этим полигоном, как окрестил его Тарас за большую схожесть с природным ландшафтом, начинались могилы и склепы кладбища. А еще дальше вновь стояли дома столичных жителей, соседствующие с многочисленными храмами. Их действительно было огромное количество, ибо ни один олимпийский бог или герой не остался без внимания.

Едва зайдя на круг, Тарас чуть не упал — ему под ноги из травы вдруг бросилась свинья. Еле успев с разбега перескочить через нее, Тарас устремился дальше. А вот тем, кто бежал за ним, повезло меньше. Один парень из соседней агелы споткнулся о свинью и упал, а на него сзади налетел другой. Потом третий. Они упали, скатившись в канаву, и пока выбирались оттуда, их уже обогнало человек десять.

Оглянувшись назад, Тарас заметил, как тот, который упал вторым, не раздумывая, заехал кулаком в челюсть парню, споткнувшемуся о свинью, и еще добавил ногой в пах. А третий участник свалки угостил его ударом в грудь, после чего попытался возобновить гонку, но не получилось. Обиженный спартанец в ярости ухватился за его ногу и повалил того на землю. В общем, началась драка, к которой тотчас присоединились по несколько человек с каждой стороны из догнавшего их отряда. Знакомых среди них Тарас не заметил.

«Да это просто закал-бег какой-то, — пронеслось в мозгу у Тараса, — и препятствия есть, и мордобой присутствует. Надо быть осторожнее, а то можно и до финиша не добраться».

Добежав до конца стадиона, он увидел, что основная масса бегунов сворачивает с дромоса на другую дорогу, которая шла мимо кладбища на север, и устремился за ними. Хотя обратный путь по другой стороне дромоса, свободной от зданий, тоже был. «Наверное, „трасса“ делает круг и опять сюда возвращается, — думал Тарас, ритмично работая ногами, — знакомая система».

Местность была холмистая. То поднимаясь вверх, то опускаясь вниз, Тарас прикинул, что бежал он примерно во второй десятке спартанцев. Это было совсем неплохо, если учесть, сколько народа неслось за ним сзади, мечтая догнать группу лидеров, среди которых были Деметрий и Механид. Архелона он недавно обошел, Эгор сам немного отстал и теперь держался позади. Тарас поднажал и еще увеличил расстояние между собой и группой преследования из тридцати спартанцев, наступавших ему на пятки. Сейчас между ними было метров пятьдесят, но это было небольшое преимущество.

«Держись, парень, — подбадривал себя голый спецназовец, пробегая мимо кладбища и стараясь выровнять дыхание, — в десантуре и не такое бывало. Там на себе столько приходилось таскать во время марш-броска, ни один спартанец не выдержит. А здесь хоть голышом, но без поклажи. Дотянем».

В районе дромоса число зрителей немного поубавилось, а кое-где он вообще бежал «без присмотра». Однако стоило трассе начать петлять между домами, жертвенниками и другими культовыми сооружениями, как вдоль дороги вновь выстроились бородатые мужики в хитонах или просто в набедренных повязках, словно даже илоты собрались посмотреть на состязания своих угнетателей. Бросив быстрый взгляд по сторонам, Тарас заметил, что они бегут уже по каким-то окраинам, где спокойно пасутся козы. От столкновения с одной из них он едва ушел, снова показав мастер-класс по прыжкам в высоту и чуть не зацепившись за ее рога своей сверкающей на солнце задницей, чем немало повеселил стоявших рядом молодых крестьянок.

В этот момент его обошли сразу два незнакомых спартанца, припустивших по прямой и пыльной улице наперегонки. «Бегите, бегите, — проводил их взглядом Тарас, — я вас на финише все равно сделаю».

Вскоре «трасса» забега сделала полукруг и вновь повернула к дромосу. Судя по всему, боец отмахал уже километров десять. Однако метров через пятьсот дорога опять стала забирать в сторону, выведя его к мосту через довольно широкую реку, шумевшую по камням. «Наверное, это Эврот, — решил Тарас, пробегая по каменному, вполне добротному мосту, — больше здесь течь нечему».

За мостом стояли несколько телег, на которых сидели зрители, встретившие бегунов громкими криками. Дорога здесь заметно сужалась, прижимаясь к обрывистому берегу, и когда Тарас пробегал по самому узкому месту, кто-то сзади резко ударил его по ногам. Едва не захлебнувшись от такой подлости, Тарас не растянулся, а успел сгруппироваться и, сделав кувырок через голову, вновь оказался на ногах. Он сильно ободрал себе спину о камни, но, резко развернувшись, увидел лицо своего обидчика. Незнакомое лицо, на котором застыло выражение крайнего удивления. Этот парень явно не ожидал больше увидеть Тараса, которому полагалось давно плавать в водах Эврота.

— Ах ты, чмо, — выругался разъяренный боец по-русски, нисколько не стесняясь присутствия горожан, — в чемпионы хочешь на моем горбу выехать?

Подлый спартанец при звуках странного языка даже остановился. Впрочем, Тарас не дал ему много времени, чтобы прийти в себя.

— Получи гнида, за неспортивное поведение, — и с разворота въехал в челюсть своему обидчику.

Тот удар пропустил, но не упал. Тренированный оказался, лишь откинулся назад. И все же Тарас добил его. Ударом в живот заставил согнуться, а ударом ноги в лицо отправил в полет с моста. Спартанец проломил хлипкое ограждение и рухнул вниз. А Тарас, ничуть не заботясь о его дальнейшей судьбе, возобновил гонку, сожалея лишь о том, что его за время короткой драки все же обогнали еще трое бегунов.

Он напряг все свои силы, от ярости их только прибавилось, и к дромосу обогнал пять человек, включая тех троих, которые обошли его во время прыжка через козу. Снова обгоняя, Тарас рассмеялся им в лицо, заставив побагроветь от ярости. Но сил у него было больше. Открылось второе дыхание. А когда дорога вновь пошла через центр города, то он сумел обогнать еще шестерых одного за другим, так он разошелся. Среди этой группы были

и Механид с Деметрием, немного сдавшие свои позиции к концу гонки. Тарас же, наоборот, только прибавлял темп.

Как он ни рвался стать первым, но, увы, на Хорос вбежал только пятым под вой трибун, приветствовавших его как победителя. Да он и оказался среди них. За пятое место его тоже наградили венком из лавровых листьев,[46] а вручали его победителям сами цари, исполнявшие здесь должности жрецов Аполлона.

Глава шестнадцатая

На прощание победителям и Аполлону еще раз спели обнаженные девы, чем вновь привели в восторг Тараса, все еще ошарашенного новым для него подходом к соревнованиям. А после этого впервые петь пришлось всем участникам забега. И Тарас пел, даже старался как мог, хотя устал ужасно и очень хотел растянуться где-нибудь в тени. Как вскоре выяснилось, в лагерь они не вернутся до самого окончания игр. Элой сказал, что разместит все три агелы здесь же, в Спарте, поскольку кто-нибудь из их состава должен был ежедневно принимать участие в соревнованиях. Вот Тарас, например, и завтра и послезавтра обязан был появляться на стадионе.

— Молодец, Гисандр, — похвалил его Механид, добежав до финиша.

А Деметрий только скрипнул зубами от ярости, но промолчал. Тарас не стал его задирать — и без того устал. Главное, он утер нос гордому командиру агелы. Только Эгор с Архелоном добрались до финиша в первой тридцатке. Остальные парни из его агелы пришли еще позже.

На этом первый день празднества закончился. Все участники забега, выстроившись по агелам, промаршировали круг почета по стадиону и под рев ликующей толпы покинули Хорос. С площади надзиратели уводили своих питомцев разными дрогами в места отдыха, видимо, заранее оговоренные с организаторами соревнований. На улицах их продолжала приветствовать ликующая толпа горожан, и волей-неволей приходилось махать в ответ руками.

— Смотри, какие девы, — подтолкнул Архелон в бок Тараса, когда они в третий раз за сегодняшний день проходили мимо Скиаса. Тарас проследил за его пальцем и увидел четырех молодых горожанок, одетых в такие короткие хитончики, что дух захватывало. И спецназовец поймал себя на мысли, что женщина в одежде сейчас выглядела для него даже странно, хотя и не менее привлекательной.

— Да вы назад посмотрите, — оторвал их от созерцания одетых спартанок Эгор.

Оба друга повернулись и увидели, что с Хороса вышла колонна голых гимнасток и направилась вслед за ними под руководством своих надзирателей.

— Вот это да, — проговорил Тарас, который едва не свернул шею, оборачиваясь назад, — интересно, а где они будут ночевать?

— Хорошо бы рядом с нами, — мечтательно произнес Архелон.

— Это было бы здорово, — согласился Тарас, но потом вспомнил про надзирателей и добавил, погрустнев: — Да только нас все равно никто от места ночлега далеко не отпустит.

— А кто тебя сторожить будет? — удивился Эгор. — Ты же не сбежать собрался. Ты на Гимнопедии пришел, славу искать.

— Думаешь, получится? — переспросил Тарас, размышляя совсем не о славе.

«Главное, чтобы они ночевали где-нибудь поблизости, — мечтал Тарас, — а там можно и в гости сходить». От таких мыслей усталость после многокилометрового забега как рукой сняло.

Вскоре оказалось, что их ведут тем же путем, каким они бежали. И вечером того же дня, миновав несколько улиц, эфебы вновь оказались на большом холмистом пустыре.

---

[46] Лавр — священное дерево Аполлона.

Надзиратели уверенно вели агелы к одному из двух прямоугольных зданий с колоннами, между которыми виднелась статуя античного героя.

— Мы что, будем ночевать прямо здесь, на дромосе? — поинтересовался Тарас.

— Похоже, — откликнулся Архелон, — это ведь гимнасии; наверное, в одном из них и разместимся на ночлег.

— В одном из них, — повторил Тарас, оглядываясь на неотстающую колонну голых спартанок, тела которых приятно освещало вечернее солнце, — а они, значит, в другом, за статуей… это чья статуя?

— Хорошо, что тебя не слышит Элой, — раскрыл глаза от удивления Архелон, — а то высек бы тебя за богохульство. Это же предок наших царей, Геракл.[47]

Предположения Тараса полностью подтвердились. Элой привел агелы из своего лагеря в один из гимнасиев и приказал размещаться на ночлег.

— Сейчас вас накормят, — сообщил он им перед тем, как распустить, — а потом можете умыться. Источник находится позади здания гимнасия. И отдыхайте. Завтра вас ждет новый день соревнований. Все, кто участвует в метании копья и диска, должны провести вечернюю разминку, а на рассвете — утреннюю. Остальным — заниматься вдвое дольше.

— Гисандр, поздравляю с первой победой, — скупо похвалил его на прощание Элой, — агела Деметрия может гордиться тобой.

И, получив разрешение на «отбой», усталый, но счастливый Тарас поплелся в дальнюю комнату, где разместили походную столовую. На длинных столах были выложены сухие лепешки, огурцы, сыр, оливки и вода в кувшинах. В общем, пища богов.

Внутри здание гимнасия было разбито на несколько залов с деревянным полом. В некоторых помещениях молодые спартанцы обнаружили приспособления для гимнастических тренировок, напомнившие Тарасу о шведской стенке и турниках, но в большинстве комнат было абсолютно пустынно. Спать предполагалось на полу.

— Неплохо для начала, — кивнул Тарас, осмотрев место для ночлега по дороге в столовую.

Быстро насытившись, — есть хотелось ужасно, но больше хотелось пить, — Тарас раньше всех отправился к указанному источнику. Источник оказался не просто расщелиной в земле, откуда вытекает вода, а мраморной амфорой, выложенной понизу камнями. Вода, наполнив амфору, вытекала из нее и заполняла резервуар внизу, в котором можно было даже омыть ноги.

У источника царило оживление. Несколько десятков молодых спартанок мыли друг дружку, весело смеясь. Они окатывались водой и скреблись пальцами. «Может, им спинку потереть?» — промелькнула у спецназовца шаловливая мысль. Подойти незаметно было очень трудно, и Тарас в недоумении остановился в нескольких шагах, осторожно прикрыв свое мужское достоинство.

— Ты боишься нас, победитель? — немедленно обратилась к нему одна из длинноволосых дев, только что умывшая лицо и теперь выпрямившаяся перед ним в полный рост.

Девушка была не очень высокая — где-то по плечо ему, — светловолосая, зеленоглазая, со спортивной фигурой. Под восхищенным взглядом Тараса она ничуть не смутилась, словно была с ног до головы закутана в простыню. Даже напротив. Выжав свои длинные волосы, она просто предложила:

— Если ты пришел омыться, давай я помогу тебе.

От такого предложения Тарас впал в ступор. Но отступать было поздно. Сзади уже подошли и наблюдали за ними другие спартанцы, включая Деметрия. Кроме того, он действительно был «победителем» в Гимнопедиях, а и им полагались почести. Правда, какие именно, кроме лаврового венка, до сих пор украшавшего его голову, голый спецназовец до

---

[47] Оба рода спартанских царей возводили свою родословную непосредственно к Гераклу.

конца еще не представлял.

— Ну попробуй, — пробубнил Тарас и бочком протиснулся к источнику.

Положив лавровый венок на камень, он умылся. А девушка вдруг окатила его спину водой, зачерпнув ее ладонями из амфоры, и принялась осторожно скрести ее пальцами, стараясь не задеть ссадины от падения и порки. Тарас против воли испытал блаженство. Натруженная и разогретая солнцем спина мгновенно расслабилась. При этом все было так просто и естественно, что эротического возбуждения он не испытал, словно действительно находился в массажном салоне или общей бане.

— Спасибо, — сказал Тарас, осторожно поворачиваясь к девушке, по-прежнему задорно смотревшей на него, — позволь узнать, как тебя зовут?

— Елена, — просто ответила та, — дочь Автония. Он учит эфебов биться на мечах в Амиклах.

— Елена Прекрасная,[48] — проговорил Тарас, усвоив информацию о ее отце, и зачарованно глядя в зеленые глаза стоявшей перед ним прелестницы.

— Так меня еще никто не называл, — ответила девушка, отвернувшись в сторону и выказав тем самым странную скромность.

— Ты будешь еще выступать на празднике? — спросил Тарас, стремясь продолжить разговор и размышляя о том, что предложение «пойти вместе прогуляться на закате» может быть неверно истолковано. Да и к тому же Элой приказал провести еще какую-то дурацкую разминку. В общем, никакой личной жизни.

— Конечно, мы все будем, и не только петь гимны, — бодро ответила Елена, обернувшись к своим подружкам и не слишком торопясь уходить, — я даже буду выступать завтра на состязаниях.

— Ты будешь состязаться? — переспросил удивленный Тарас.

— Да, — почти обиделась Елена, — я метаю диск дальше всех из равных мне по возрасту спартанок.

И она даже продемонстрировала свои упругие мускулы, сжав руку в локте.

— Так ты гимнастка, — догадался Тарас, обреченно вздохнув.

Впрочем, девушка ему понравилась и без отцовского наказа.

— Да, — гордо ответила Елена. — Менандр говорил нам, для того чтобы родить здорового ребенка для своей родины, надо быть гибкими и сильными. А я хочу родить героя.

— Менандр, — выдохнул Тарас, припомнив имя главного педонома Спарты, — ясно. Значит, это он вас обучает премудростям жизни?

— Нет, — ответила Елена, тряхнув волосами, — у нас хватает надзирателей и без него. Ну мне пора идти, победитель.

И, уходя, улыбнулась, исчезнув в толпе таких же голых прелестниц. Тарасу показалось, будто рядом кто-то скрипнул зубами от злости.

— Прощай, — нехотя кивнул он и, обернувшись, заметил в двух шагах Деметрия, которому никто из дев не предложил помощи, — надеюсь, еще увидимся на празднике.

Снова надев венок и бросив на Деметрия снисходительный взгляд, Тарас гордо направился к зданию гимнасия. Перед сном, сделав положенную разминку, ему еще раз удалось мельком увидеть Елену, которая вместе с подругами тоже выполняла вечернюю гимнастику чуть в стороне, закончив пробежкой по дромосу. Вид этих молодых кобылиц долго не давал ему заснуть, и Тарас без конца ворочался с боку на бок на деревянном полу, но все же смог упорхнуть в объятия Гипноса[49] на несколько полновесных часов. Этого оказалось достаточно, чтобы полностью восстановиться для новых подвигов, которых он

---

[48] Из-за Елены Прекрасной, жены спартанского царя Менелая, бежавшей в Трою, и началась троянская война, продлившаяся около 12 лет.

[49] Гипнос — сон (*греч.*).

теперь хотел даже больше, чем вчера.

На следующий день Элой поднял их ни свет ни заря и заставил провести общую тренировку под руководством одного из своих помощников. Затем их немного покормили — до вечера ведь никто сюда не вернется — и вновь повели на Хорос.

Причем всех, несмотря на то что состязаться из агелы Деметрия должны были только лучшие. А это были: он сам, Гисандр, Эвридамид, Тимофей, Архелон и Эгор. Остальным Элой приказал занять места на трибунах и «болеть» за своих, оглашая окрестности неистовыми криками.

Услышав этот приказ на утреннем «разборе полетов», Тарас даже позавидовал тем, кто особо не выделялся спортивными достижениями. Он-то сюда попал против воли, можно сказать, исключительно из-за стойкого нежелания танцевать и петь, которое его, впрочем, не избавило от этой тяжкой доли. И сейчас с удовольствием посидел бы со всеми на трибунах. Но, как говорится, попал — служи.

Но этим «разбор полетов» не ограничился.

— Где Эгис? — поинтересовался вдруг главный надзиратель, посмотрев на шеренги своих воспитанников.

— В гимнасие, — ответил Деметрий, — вчера во время бега он вывихнул ногу. Эгор ему вправил кость, но ходить пока не может.

— Та-а-ак, — произнес нараспев главный надзиратель тоном, не предвещавшим ничего хорошего, — значит, мы остались без одного метателя копий.

Он помолчал.

— Гисандр, — произнес он вдруг, и боец даже вздрогнул от неожиданности при звуках своего имени, — у тебя тоже неплохо получалось метать копье, ты его заменишь. Тем более что сектора метателей дисков и копий рядом. Все, выступаем.

Тарас вздохнул, но возражать не стал. Бесполезно.

Пройдя на Хорос в этот ранний час, спартанцы обнаружили перед воротами все ту же толпу, которая радостно приветствовала агелы, подтягивавшиеся с разных концов города к стадиону. Взрослые спартиаты, разбившись на компании, бойко обсуждали что-то, но едва рядом показывались обнаженные эфебы, как они прекращали все разговоры и вскидывали руку вверх, приветствуя своих любимцев. В общем, толпа бурлила, предвкушая новый день праздника.

Проходя мимо очередной группы бородатых мужиков в гиматиях, сладострастно пялившихся на голых мальчиков, Тарас поймал себя на мысли, что после разговора с Еленой стал ощущать себя немного раскованнее в обнаженном виде, но в педерасты все равно не собирался. Кроме них попадались среди спартанцев и нормальные мужики, и, что самое приятное, красивые девчонки.

Войдя на стадион, агелы разделились — часть молодых спартанцев, оказавшихся «не при делах», отправилась на трибуны под руководством надзирателей, а остальных Элой привел в сектор для метания диска. Рядом находился сектор для метателей копья. Ни тот, ни другой не были огорожены, как привык видеть Тарас по телевизору в прошлой жизни. При желании диск мог улететь на трибуны, искалечив там кого-нибудь, но зрителей это, похоже, не пугало. А сектор для метания копья заканчивался несколькими десятками столбов — плотно обвязанными снопами сена, — изображавшими мишени, больше напоминавшие вражеских солдат, которых требовалось сразить. Тут соревнования шли и на дальность, и на меткость.

Народу вокруг было меньше, чем вчера, на общем торжественном построении, но все равно хватало. Сотни эфебов, разобравшись на группы согласно жеребьевке, готовились к выступлению, разминаясь. Тарас тоже лениво потянулся, ожидая команды.

Перед началом состязаний один из эфоров вновь произнес речь, которую продолжили оба царя, пожелавшие эфебам быть достойными Спарты и не опозорить своих отцов. Потом девушки спели новый гимн Аполлону, после чего некоторые из них сами рассредоточились по секторам метателей, вызвав там оживление. Трибуны тотчас подняли рев и свист,

призывая эфебов показать свою ловкость. Состязания начались.

Оказалось, что молодые спартанки будут выступать в «женском зачете», но одновременно с мужчинами. Присмотревшись, Тарас увидел среди двадцати спартанок, пришедших метать диск, и Елену, но подходить у всех на виду не решался. Да и девушка не стремилась продолжить знакомство. Она была сосредоточена и с серьезным видом делала разминку, словно собиралась взять все призы. Тарасу волей-неволей тоже пришлось сосредоточиться на своем деле, хотя это было нелегко. Голые девушки, разминавшиеся среди парней, то нагибаясь вперед, то садясь на шпагат, то вставая на мостик прямо перед глазами, никак не способствовали сосредоточенности. На несколько минут Тарас и думать забыл о состязаниях, стараясь смотреть в другую сторону, чтобы не перевозбудиться. А девушки вели себя так, словно их ничуть не волновала мужская аудитория, окружившая их плотными рядами. Будто у них и в мыслях не было «ничего такого». Хотя иногда Тарас и сам ловил на себе женские взгляды, заставлявшие его сердце учащенно биться.

«Вот, е-мое, повезло с участниками, — раздражался Тарас, прыгая на месте и разминая руки, — может, их сюда специально подослали отвлекать, чтобы другие агелы победили?»

В общем, когда прозвучала команда начать метание, он был этому несказанно рад. Каждому полагалось по пять бросков, результат определялся по самому дальнему. Первый диск Тарас, дождавшись своей очереди, бросил не очень удачно. Сказывалось предстартовое волнение. Другие спартанцы бросали тоже не многим лучше. Все ждали первой попытки девушек и были немало удивлены, когда Елена оказалась лучшей не только из них, но и едва не превзошла результат крепкого парня из Гелоса.

Остальные спартанки, по-прежнему составлявшие хор, который наблюдал за соревнованиями, тотчас затянули песню издевательского содержания, в которой пелось о том, что не все спартанцы герои. И даже упомянули в ней парня из Гелоса, высмеяв его слабость всенародно. А остальных участников соревнований вообще смешали с дерьмом, объявив их слабаками, не способными справиться даже с женщинами.

— Горе тебе, Спарта! — пели девчонки. — Нет у тебя достойных мужей. Некому будет тебя защитить!

Прослушав эту песню, трибуны тотчас начали свистеть, призывая униженных эфебов показать свою силу. Ошеломленные таким приемом парни, в ярости принялись метать диски с удвоенной силой, и результаты «пошли». Расчет устроителей был верный — не было для спартанца большего оскорбления, чем объявить его трусом или слабаком.

Даже Тарас, прослушав эти «кричалки», был впечатлен. «Это что же за группа поддержки? Получается, — подумал он, подходя к диску, — если ты среди лучших, тебе почет, а если чуть ниже, то все, сожрут и не поперхнутся. Ну я вам сейчас покажу гуманизм, бабье».

И размахнувшись, запустил диск так далеко, что мгновенно оказался среди лидеров. Но не надолго. Остальные эфебы, а их тут была не одна сотня, тоже резко улучшили свои показатели, запуская диск все дальше и дальше. Несколько раз диски улетали в соседний сектор, сшибая «вражеских солдат», а один раз даже поранили спартанца, возвращавшегося с копьем из дальней части сектора. Диск угодил ему в грудь, наверняка сломав несколько ребер. Парень испустил вопль, выронил копье, да так и остался лежать. Когда его выносили со стадиона, он уже не дышал, но Гимнопедии не стали останавливать из-за единичного смертельного случая. Бывает. Народ веселился от души, глядя на своих любимцев и требуя новых рекордов.

После четвертой попытки Тарас был седьмым из всех участников и, дожидаясь своей очереди, посматривал на девчонок, результаты которых сильно упали после того, как они задели мужиков за живое. Елена, то и дело нервно поправлявшая свои длинные волосы, уже не значилась в первой двадцатке. Ведь сегодня награждали венками лишь троих, еще троих удостаивали похвалы царей, а остальных вообще не принимали в расчет.

Глядя на ее раскрасневшуюся от усилий спину и упругие ягодицы, Тарас опять перестал думать о результатах, и в итоге последняя попытка оказалась для него почти

неудачной. Он скатился на пятнадцатое место. И был немедленно опозорен хором девочек, которые, узнав его имя у надзирателей, с радостью смешали его с грязью, выкрикнув своими звонкими голосами на весь стадион, что Гисандр слабак, не умеет постоять за себя.

— Смейтесь, смейтесь, — прошипел Тарас, закусив губу и радуясь тому, что Елены хотя бы не было среди тех, кто позорил его перед старейшинами и «отцом», сидевшими на трибунах.

Впрочем, остальным тоже похвастаться было особенно нечем. Эвридамид после подведения итогов оказался тридцать пятым, Тимофей сороковым, Архелон и Эгор вообще не вошли в пятьдесят первых метателей, которых всего оказалось почти двести человек. Лучшим из всей агелы был Деметрий, занявший шестое место. И его немедленно после броска похвалил хор девочек.

— Вот так вот, — гордо выпятив грудь, заявил Деметрий, прогуливаясь по краю сектора и размахивая своим хозяйством, — я самый лучший из вас. Знайте это, слабаки.

— Еще не вечер, — заметил Тарас, вытирая пот с лица и прикидывая, что реабилитироваться перед «отцом» и остальными он может только «взяв приз» в соседнем секторе, — нам еще копья метать.

Солнце уже стояло довольно высоко. Жара была страшная. Но никто не объявлял перерыв. Однако о состязавшихся никто не переживал: ведь они пришли показать свою ловкость и выносливость. Не каждый день эфебы удостаивались чести состязаться на Гимнопедиях в честь Аполлона.

— Я бросаю копье лучше, чем ты, — опять заявил Деметрий.

— Это мы сейчас проверим, — миролюбиво ответил Тарас, глядя, как все обнаженные спартанки покидают сектор для метания, присоединяясь к своему хору. Это означало, если он промахнется вновь, Елена теперь будет среди тех, кто его опозорит окончательно. Ну, как минимум, на сегодняшний день. Хотя, если учесть, что их имена выкрикивались на весь стадион и толпа, а самое главное цари и эфоры могли их запомнить, то подобная слава для будущей карьеры спартиата могла стать губительной. Один раз назовут слабаком, потом век не отмоешься, хоть выиграй все поединки. Проигравших здесь никто не любил и не жалел, даже наоборот. А вот если ты победил…

В общем, когда нахмуренный Элой привел в сектор для метания пятерых лучших эфебов из своего лагеря, Тарас был уже на взводе. Он бросал в четвертом десятке. И когда очередь наконец дошла до него, вцепился в копье так, словно это был стебель тростника, который он хотел переломить натруженными пальцами. Копье было около двух метров длиной, сделано из цельного деревца, конец которого венчал плоский заостренный наконечник из металла. «Копье-то боевое, — решил Тарас, взвешивая его на руке и поглядывая на трибуны, — таким и убить можно».

Разбег, замах, бросок, и копье, просвистев положенное расстояние, вонзилось за чертой, обозначавшей четвертый сектор, за которым был только пятый. Этот бросок на дальность принес спецназовцу двенадцатое место. Сбегав за копьем, пока был сделан перерыв для тех, кто уже бросил, Тарас со второй попытки результат еще немного улучшил. Но Деметрий легко его перебросил, отправив «снаряд» в пятый сектор. Еще две попытки кое-кого из других эфебов, составлявших им конкуренцию, но вскоре оказалось, что они состязаются друг с другом. Оба шли с лучшими результатами для всей спартанской молодежи, что для Тараса явилось откровением, он ведь особенно не тренировался.

Хор молодых спартанок пока нахваливал обоих, а остальных нещадно бранил, заставляя ошибаться.

— Давайте, давайте! — кричал им Элой, даже подскакивая на своем месте от нетерпения. — Кто бы ни выиграл, я буду сегодня лучшим надзирателем!

Но ни Тараса, ни Деметрия такой расклад не устраивал. Они злобно посматривали друг на друга, ожидая, пока бросят все остальные участники. Их осталось немного, поскольку после каждой попытки самые слабые отсеивались.

Пятую попытку они бросали втроем. Тарас — последним. Копье парня из Амикл не

долетело до пятого сектора. Копье Деметрия долетело уже в который раз, но вонзилось в землю у самой черты. Тарас не смотрел в сторону трибун, которые затаили дыхание, и «группы поддержки», потому что там была Елена, но спинным мозгом чувствовал устремленный на него взгляд зеленых глаз. Он разбежался, сжав древко цепкими пальцами, и, размахнувшись, бросил. Копье вонзилось всего в паре метров за копьем Деметрия, но это была победа.

Хор немедленно взорвался громогласными похвалами Гисандру, только что прославившему Аполлона своим искусством. А имя победителя «хористкам» уже было знакомо. И особенно одной из них.

— Ты проиграл, брат, — заявил Тарас, обернувшись к Деметрию, на лице которого играли желваки.

— Мы еще не закончили, — процедил сквозь зубы командир агелы, которого в этот момент позорили на весь Хорос звонкие девичьи голоса.

Действительно, они не закончили. Оставались еще состязания на меткость, в которых оба бойца приняли участие, несмотря на усталость. И здесь спустя почти два часа, проведенных на жаре, оба оказались в лидерах. Лучшие результат показали парни из лагерей у Селасия и Аспоса. Тарас был третьим, успев вскочить «на подножку уходящего поезда». Его копье чудом долетело и вонзилось в «тело врага», стоявшего в самом дальнем секторе. Деметрий и здесь был седьмым. Между ними вклинились эфебы из Гелоса, Тиреи и Амикл.

— Не твой сегодня день, Деметрий, — не смог удержаться от злорадства Тарас, направляясь к трибунам царей, где ему должны были надеть на голову венок за победу в состязаниях. — Не твой.

Глава семнадцатая

Оставшиеся дни Гимнопедий промелькнули незаметно. Получив полагавшиеся почести и хорошенько отдохнув тем же вечером, — даже удалось вновь увидеться с Еленой у источника, правда мельком, — на следующий день Тарас опять был с утра на стадионе.

Сегодня ему предстояло бороться, и настраивался он самым серьезным образом, хотя уже имел в своем активе две победы, о которых мечтал каждый спартанец, и даже публика стала постепенно его узнавать.

Начались соревнования, как водится, с приветственных речей и гимнов Аполлону, произнесенных эфорами и царями. Затем состоялся торжественный марш обнаженных эфебов вокруг стадиона, распевавших гимн. А когда крики чуть улеглись, судьи открыли соревнования.

Бороться предстояло по очень простой и знакомой по прошлой жизни системе: на вылет. Всех выставленных агелами борцов разбили на пары, которых оказалось целых триста. Победитель из каждой пары проходил в следующий тур. Для такого количества поединков было разрешено занять весь стадион, а не один сектор, и проводить по десять схваток одновременно под присмотром надзирателей. Но даже при таком раскладе «выяснения отношений» затянулись до самого вечера. Родную агелу на этот раз представляли Тимофей, Халкидид, Архелон, Эвридамид, ну и конечно Деметрий с Гисандром, выбившиеся в лидеры по итогам первых дней состязаний. Рядом спецназовец увидел по пять человек из агел Механида и Клеона, включая самих командиров. Борцы прыгали на месте и разминались, поигрывая мышцами.

«Хорошо хоть тела ничем не смазывают, — слабо утешал себя Тарас, глядя на голые торсы и в душе предпочитая борцовской системе захватов и бросков пару хороших ударов, — ну да ладно, прорвемся».

По жребию ему выпало бороться с парнем из лагеря у Гелоса, который сразу же бросился в атаку, пытаясь ухватить его за шею и повалить на землю, вернее — посыпанную песком площадку. Тарас легко ушел от захватов рук, перемещая корпус, но парень неожиданно вцепился ему в лодыжку и, потянув на себя, повалил на землю, пытаясь

заломить ему ногу. И это у него почти получилось, Тарас оказался на песке животом вниз, едва не вскрикнув от боли в ноге. Но проиграть с первого раза голому мужику, который намеревался усесться на нем сверху с триумфальным видом, Тарас не мог. И он пошел на хитрость. Оттолкнувшись руками от земли, он скрутил корпус и, сделав вид, будто пытается захватить ногами голову противника, свободной стопой нанес сильный удар тому в ухо. Борец ослабил захват и от неожиданности даже выпустил ногу. А Тарас, крутанув двумя ногами захваченную голову противника, свалил его на песок. А затем молниеносно переместился, провел захват руки, заломив ее и даже упершись коленом в спину. Эфеб из Гелоса еще какое-то время пытался встать или вырваться, но это было бесполезно, и признал себя побежденным.

Деметрий тоже выиграл бой, как и Халкидид с Архелоном. А вот остальным не повезло, выбыли в первом же туре.

Вторую и третью схватку Тарас выиграл, как ни странно, легко, а одну из них даже по всем правилам — провел захват головы и едва не придушил парня. Настырный попался, ни за что не собирался сдаваться, и разъяренный Тарас уже решил, что придется его дожать до конца, но тут вмешался надзиратель.

— Отпусти его, ты победил, — сообщил он Тарасу, проворчав: — На Гимнопедиях уже умерли несколько эфебов. Если вы друг друга перебьете, то некому будет защищать Спарту.

Тарас внял голосу разума и отпустил хрипящего парня. Все равно победа осталась за ним.

Между тем к полудню из выставленных на состязания борцов осталось примерно человек пятьдесят. А из агелы Деметрия он сам, Гисандр и Эвридамид, все изрядно устали от схваток и ожидания на солнцепеке. И тут неожиданно сделали перерыв.

— А сейчас, чтобы перед поединками на звание самых сильных наши эфебы смогли немного отдохнуть, — заявил эфор Полиник, неожиданно поднимаясь со своего места и движением руки усмиряя толпу, — мы посмотрим состязания в борьбе наших дев. Поприветствуем же будущих матерей Спарты!

Под рев трибун из «группы поддержки» вышло человек тридцать обнаженных девушек, и, гордо подняв головы, они направились к центру стадиона. Эфебы расступились, образовав полукруг и усмехаясь. Но как ни крути, а все же отдых. Тарас был этому рад, высматривая среди претенденток на победу Елену, которая приглянулась ему с первого взгляда, и, к своему удивлению, заметил ее. Она шла одной из последних. «Вот неугомонная девица, — подумал Тарас, отпивая глоток воды из принесенного кем-то из младших кувшина, — везде участвует».

Разбившись на пары, девушки поклонились трибунам, откуда на них взирали цари, и немедленно схватились друг с другом. Тарас с удивлением заметил, как вскочила со своего места жена Леонида царица Горго и что-то даже прокричала, обращаясь к одной из боровшихся пар. «Впрочем, чему удивляться, — решил он, немного подумав, — наверное, сама в молодости так же боролась».

Девчонки, как ни странно, боролись ничуть не хуже парней. Они проводили резкие приемы, толкались и даже хватали друг друга за волосы, если не удавалось провести полноценный захват. Время от времени над Хоросом раздавались крики ярости и боли, если пинок был слишком сильным. В общем, девчонки в выборе средств не стеснялись, и смотреть на них было гораздо веселее, чем на парней, которые стремились бороться по всем правилам. Похоже, такое поведение только поощрялось устроителями. Трибуны ревели от восторга. Тарас тоже включился в общий процесс и стал болеть за Елену, но та в первом же поединке проиграла черноволосой девчонке с развитыми, как у пловчих, плечами. И с позором удалилась в сторону остальных «хористок», не участвовавших в состязаниях.

Провожая ее крепкую фигуру взглядом, Тарас вдруг заметил, что на трибунах почти все зрители сидят семьями и женщины не менее азартны в изъявлении чувств, но изредка, один на сотню, попадались отдельно сидящие мужи, если не считать эфоров.

— Слушай, — толкнул он в бок Эвридамида, во все глаза разглядывавшего одну из

боровшихся красоток, — а разве сюда пускают только семейных?

— А ты не знал? — рассмеялся тот, обернувшись, — конечно, ведь так Ликург наказал холостяков.[50]

«Вот это да, — удивился Тарас, больше не приставая с расспросами, — значит, здесь всех заставляют жениться, а не только меня».

Насладившись видом соревнующихся голых дев, трибуны вновь переключились на состязания эфебов. Прошло еще три раунда схваток, и борцов осталось всего восемь. Среди них по-прежнему были Тарас и Деметрий, до сих пор не боровшиеся друг с другом. Все хотели выиграть, схватки были короткие, но яростные. Тарас уже еле держался на ногах, и вдруг ему неожиданно помог опыт тренировок «Тайфуна», точнее тот самый «экзамен», когда его месили несколько более мощных противников, а ему надо было просто выстоять. «Надо выстоять, — напомнил он себе, вытирая струившийся по лбу пот, — просто выстоять».

Своего противника он с большим трудом завалил. И тут же увидел, что Деметрий проиграл. Эфеб из лагеря у Селасия сшиб его с ног и провел бросок через бедро по всем правилам, пригвоздив к земле надежным захватом. Лучшего допинга Тарас и не мог ожидать. Он понял, что вышел в финал. Больше никого из соискателей рядом не было. Они остались вдвоем с парнем из Селасия.

Им дали немного отдохнуть, а публике потомиться в ожидании, пока один из эфоров говорил речь о предстоящей схватке за право считаться лучшим бойцом. Но Тарас его не слушал, он ощущал себя как загнанный кабан, которого скоро должны были пристрелить. Однако тренированный организм все же нашел резервы и немного восстановился, когда ему пришлось вновь выходить в круг.

— Я тебя придушу, — пообещал длинноволосый эфеб из Селасия, поигрывая мышцами.

— Не кажи гоп, — обескуражил его Тарас своим ответом на незнакомом языке.

И прозевал первый бросок. Жилистая рука, ухватив его за шею, стала гнуть к земле. Тарас выкрутился и проскользнул под ней, дернулся вперед, но ненадолго оказался спиной к противнику и был тут же схвачен за ногу. Эфеб толкнул его, лишив равновесия, и навалился сверху, пытаясь подавить своим весом.

— Ах ты, пидор, — возмутился Тарас от прикосновения потного тела.

Дернулся и удачно провел тот же прием, что и в первой схватке, — бросок с захватом двумя ногами за голову. Эфеб оказался на земле, но захватить снова себя не дал. Даже наоборот. Ринувшись вперед, он сам вновь схватил Тараса за шею, теперь обеими руками, и стал приводить угрозу в исполнение. Тарас держался, напрягая все мышцы, пытаясь оторвать эти цепкие пальцы от своей шеи, но вскоре силы стали покидать его. Он задыхался.

«Эх, жаль, бить нельзя», — пронеслось в мозгу спецназовца, видевшего перед собой искаженное гримасой ярости и раскрасневшееся лицо противника. Он задыхался с каждой секундой все сильнее, но поединок никто не останавливал, и вскоре у него не осталось выбора.

«Да и черт с ним, что нельзя, — вдруг решился Тарас, — не помирать же». Он резко отпустил руки противника и, схватив его за волосы, нанес мощный удар коленом под дых. А потом еще раз, для верности. Парень из Селасия ослабил свою хватку, но Тарасу этого было мало. Он уже распрощался с перспективой быть победителем и хотел только одного — уничтожить противника любой ценой. Третий удар коленом отбросил задохнувшегося эфеба почти на метр, а четвертым, полновесным ударом ноги в грудь боец придал ему такое ускорение, что тот отлетел еще на три метра и рухнул навзничь. Да так и остался лежать.

На мгновение над Хоросом повисло молчание, но затем трибуны взорвались ревом и

---

[50] Со времени введения новых законов Ликург в Спарте установил наказание для холостяков — их не пускали на Гимнопедии.

свистом. Придушенный Тарас не понимал, в чем дело, но ему было наплевать. Он даже развернулся, чтобы уйти к своей агеле, эфебы из которой стояли у самой кромки стадиона, и уже сделал несколько нетвердых шагов в том направлении, но кто-то властно схватил его за руку. Тарас развернулся, чтобы ударом в челюсть освободиться и от этого захвата, но мутным взором разглядел перед собой судью-надзирателя.

— Ты куда, Гисандр? — удивился тот — Ты же новый победитель!

И судья, заставив его повернуться к трибунам, вскинул его руку вверх, прошептав яростно:

— Поклонись царям, эфорам и спартанскому народу!

И Тарас против воли наклонился вперед, едва не потеряв равновесие. Но неистовый рев трибун, приветствовавших своего нового победителя, быстро привел его в чувство. Слушая, как беснуется толпа, он вдруг понял: свалив того парня, он никаких правил не нарушил. Потому что их просто не было. Вернее были, но условные. Для тех, кто хочет их соблюдать. Но смысл всей подготовки эфебов был в другом. И теперь Тарас осознал главное из правил: бей, рви, кусайся, грызи глотку, убивай, чем можешь, если нет оружия, но побеждай. Побеждай любой ценой, чего бы тебе это ни стоило. Можешь обмануть, можешь ударить в спину, можешь добить раненого, тебе все простят, если ты выйдешь из схватки победителем. Никакой милости к павшим. Либо ты, либо тебя. В плен не брать и никогда не сдаваться.

Когда рев трибун немного утих, состоялось награждение венками. Оба царя присутствовали при этом, но так сложилось, что венок на голову победителя вновь надел царь Леонид. А победитель здесь был только один. И Тарас тут же ощутил, это ко многому обязывало.

— Из тебя выйдет хороший воин, Гисандр, — сказал царь.

А еле державшийся на ногах Тарас улыбнулся, подумав: «Царь запомнил мое имя. Это хорошо». Но, честно говоря, ему было не до почестей. Больше всего на свете он хотел бы сейчас рухнуть где-нибудь и поспать, но публика его долго не отпускала.

После царя Леонида к нему приблизился и Леотихид, добавив, глядя в глаза:

— Я запомню тебя, Гисандр. Спарте нужны такие, как ты.

Кроме царей он удостоился похвалы эфоров, причем всех. А Хидрон оглядел его изможденное голое тело, пощупал мышцы на плечах и добавил таким тоном, словно они все еще находились в лагере на берегу Эврота:

— Вот теперь ты выглядишь, как настоящий спартанец, Гисандр. Твой отец может тобой гордиться.

А Тарас от такой похвалы даже вздрогнул, испугавшись, что его опять отправят на порку сразу после вручения награды, — сработал проклятый рефлекс, уже основательно вбитый новыми «отцами-командирами». Между тем на стадионе появился и его «настоящий отец», который, спускаясь по лестнице, приветствовал толпу так, словно это он одержал победу. Впрочем, в глазах толпы так оно и было. Поликарх вырастил героя.

Мудрый геронт приблизился к «сыну» и обнял его на глазах у всех. Трибуны взревели с новой силой.

— Я горжусь моим сыном, самым сильным борцом Спарты! — выкрикнул геронт, чтобы еще больше завести сограждан.

А когда свист и вой достигли своего апогея, Поликарх наклонился к Тарасу и спросил, продолжая все так же улыбаться толпе:

— Ну что, присмотрел себе кого-нибудь из гимнасток?

— Есть одна кандидатура, — туманно ответил Тарас, — знакомство свел, но еще не успел продолжить.

В горле у него першило, отек после железных пальцев эфеба из Селасия еще не прошел.

— Это хорошо, — кивнул геронт, — смотри, не теряй времени. И не забудь о своем обещании после храма Артемиды.

«Забудешь тут, — пробормотал Тарас, — на том свете достанут со своей женитьбой».

Геронт вернулся на место, а Тараса наконец отпустили. Не сразу, конечно, прежде он еще выслушал хвалебную песню в свою честь, которую исполнили «хористки», прославляя Гисандра на всю Спарту. Но и это, как выяснилось, было еще не все.

Царицы в награждении не участвовали, зато вслед за тем, как чествования Гисандра прекратились, они обе вышли, чтобы наградить победительницу среди девушек. Ею оказалась та самая черноволосая бестия, что поборола Елену в первой же схватке. В итоге она дошла до финала и стала лучшей среди молодых спартанок. Звали ее Гелона. Девчонка тоже была ничего: кровь с молоком. Ну накаченная попа и, понятное дело, все остальное тоже было при ней. Да и лицо красивое.

Неожиданно Тараса, уже отошедшего к своим, где он успел выслушать множество поздравлений и одно язвительное замечание: «Тебе просто повезло», снова вызвали в самый центр стадиона. Там уже била копытами четверка коней, запряженных в колесницу.

— Народ Спарты хочет видеть своих лучших борцов! — громогласно заявил эфор Полиник и, посадив на колесницу обнаженного Тараса вместе с Гелоной, приказал вознице совершить круг почета.

Под вой трибун колесница шагом объехала весь стадион, но затем, вместо того чтобы остановиться, покинула его пределы через ворота и медленно покатилась дальше по улицам Спарты. Народ вокруг ликовал, а Тарас был в шоке. Гелона же, напротив, принимала почести с большим удовольствием и даже попыталась взбодрить слишком вялого Тараса.

— Смотри же на них, Гисандр! Смотри, как нас приветствуют, разве ты не рад, победитель? — спросила Гелона, взяв его за руку и вскидывая ее в воздух вместе со своей. — Мы должны отблагодарить их за это!

При этом девушка словно невзначай прислонилась своим горячим бедром к ноге Тараса, который уже не знал, что и делать. Он растерянно поискал в толпе Елену, но это было бесполезно, колесница увезла их уже далеко от Хороса.

По улицам Спарты, запруженным радостным народом, их возили еще долго. За это время Гелона не раз терлась о своего спутника разными частями тела, — то колесо подпрыгнет на камне, то кочка, то яма, то резкий поворот, — так что Тарас был несказанно рад вновь увидеть Хорос по окончании круга почета. Иначе ему пришлось бы овладеть Гелоной прямо здесь, на колеснице, на глазах изумленной публики. Терпеть он больше был не в силах. Хотя публике, возможно, это понравилось бы. Да и Гелоне, судя по всему, тоже. Хотя, глядя на ее широкие плечи, Тарас немного сомневался, кто кем овладел бы в этом случае: он еле стоял на ногах, а девушка была еще полна сил.

И все-таки этот бесконечный день закончился. Спустившись с колесницы, изможденный Тарас еле добрался до гимнасия в сопровождении Элоя и борцов из своей агелы, поневоле дожидавшихся его на стадионе. Меньше всех это понравилось Деметрию, но он ничего не мог сделать в присутствии довольного надзирателя, также удостоившегося похвалы царей и эфоров благодаря победе Тараса, только скрежетал зубами. Остальные же поздравили победителя.

— Ты, молодец, Гисандр, — первыми в один голос похвалили его друзья, Эгор и Архелон.

— Выдержал до конца, — поддержал Тимофей и добавил сокрушенно: — А я вот не дошел до победы всего три схватки.

— Ничего, — подбодрил его победитель, — на следующих Гимнопедиях победишь.

— Нет, — кисло улыбнулся Тимофей, — тогда мы уже будем сфереями,[51] и у нас будут другие заботы.

Услышав, что своей победой он лишил всех возможности выиграть в следующий раз, Тарас развел руками: мол, «извините, так получилось». Слушая эти разговоры, Деметрий еле

---

[51] Сферей — это недавний эфеб, признанный совершеннолетним и «зачисленный» в состав взрослых мужчин Спарты. Он имеет право жениться, жить своим домом, принимать участие в сесситиях и войнах наравне с опытными воинами.

сдерживался и даже отошел в сторону, не выдержав, так его душила ярость. А Элой, словно не замечая этого, сказал:

— Я горжусь тобой, Гисандр! Ты один из лучших в нашем лагере. Сам царь Леонид сказал мне об этом.

— Повезло тебе на этих Гимнопедиях, — добавил Архелон, когда они уже бодрым шагом направились к гимнасию, и, посмотрев в спину шедшего в нескольких метрах впереди командира агелы, добавил вполголоса: — Но Деметрий тебе этого не забудет. Он собирался выиграть соревнования и всем рассказывал, что станет победителем. Его отец специально ездил к дельфийскому оракулу за прорицанием насчет победы своего сына в Гимнопедиях.

— И что? — не понял Тарас.

— Оракул дал утвердительный ответ, но прорицание не сбылось, — закончил Архелон, — и теперь он во всем будет винить тебя.

— Да ладно, — отмахнулся Тарас, — подумаешь, соревнования проиграл. С кем не бывает.

Архелон как-то странно посмотрел на Тараса, но промолчал, не найдя, что можно добавить к сказанному.

В этот вечер Тарас не искал встречи с Еленой, хотя девушки продолжали жить в соседнем гимнасии. Он слишком устал и после очередной порции почестей перед строем отправился спать, ничуть не беспокоясь о завтрашнем дне. Ведь предстояли скачки, в которых никто из эфебов не участвовал. А значит, ожидался перерыв. Нужно было набраться сил перед двухдневным танцевальным марафоном, которым завершались Гимнопедии.

Выспался Тарас хорошо и с удовольствием спал бы дальше, но наутро всех и даже победителя погнали на дромос заниматься гимнастикой. Никакой халявы не наблюдалось. Никто не собирался предоставлять им целый день для того, чтобы отлеживать бока. Впрочем, пару часов отдыха им все же дали после завтрака и водных процедур. А потом разрешили надеть гиматий и отправили опять на Хорос, где они весь остаток дня наблюдали за скачками квадриг — колесниц, запряженных четырьмя конями.

И все-таки это был отдых. Они сидели на каменных скамьях верхнего яруса и глазели вместе со всей толпой спартиатов на стадион, где бешеным галопом проносились взмыленные лошади. Народ по обыкновению орал и свистел.

— Смотри, — вдруг указал на одну из колесниц Эгор, сидевший рядом, — ею управляет женщина.

— Словно сама легендарная Киниска,[52] — кивнул Тарас, решив щегольнуть единственным фактом, который он случайно вычитал про знаменитых спартанок еще в прошлой жизни.

— Кто? — не понял Эгор.

— Ну та самая спартанка, дочь царя Архидама, единственная женщина, которая победила на Олимпийских играх, выставив на скачках свою колесницу, — пояснил своему другу Тарас, радуясь, что хоть в чем-то смог утереть нос знатокам местных традиций.

Однако недоумение на лицах обоих друзей немного смутило его, подорвав уверенность в своих словах.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — осторожно заметил Архелон, уже привыкший к частым «провалам в памяти» своего друга, но тут был особый случай, — в древности спартанцы множество раз выигрывали почти все состязания на Олимпийских играх,

---

[52] Тарас ошибся. У царя Архидама действительно была дочь по имени Киниска, которая с большой страстью предавалась олимпийским состязаниям. Она была первой женщиной, которая специально содержала лошадей, подготовленных к скачкам на олимпиаде, и первая из женщин одержала победу на олимпийских играх, выставив там свою колесницу. Тем самым она снискала себе большую славу во всей Греции. Но произошло это гораздо позже описываемых событий. Спартанский царь Архидам Второй, из рода Эврипонтидов, правил с 469 по 427 год до н. э.

особенно на пятнадцатых,[53] но ни одна женщина еще не побеждала в скачках.

— Разве? — удивился Тарас, все еще веривший в правдивость своих слов. — Я вижу здесь немало достойных женщин, способных посостязаться с мужчинами.

— Это так, — согласился Архелон, — но, похоже, сладкий вкус победы помутил твой разум, Гисандр, и ты забыл, что мы уже давно не участвуем в Олимпийских играх.

— Как? — не смог сдержать удивления Тарас. — Ведь мы же самые закаленные, против нас никто не устоит.

— Это верно, — вставил слово Эгор, — но Ликург и эфоры однажды решили, что такие состязания больше не нужны народу Спарты. Они лишь отнимают наше время и развращают дух. Поэтому мы состязаемся только друг с другом.

Тарас замолчал. Он не знал, что ответить, хотя был уверен, запрет на выезд спартанцев за границу государства и отказ от участия в «международных» соревнованиях с остальными греками сильно ослабил авторитет Спарты. «Впрочем, я же не царь, — рассудил Тарас, — царю виднее, а мне незачем голову ломать. Законы, конечно, здесь странные. Но ничего, разберемся. Пока все идет неплохо».

Между тем перерыв сделал свое дело, и ко времени начала главных состязаний в песнях и плясках голых мальчиков Тарас полностью восстановился. Танцевать пришлось от рассвета до заката, взявшись за плечи, группами по пять, десять и больше человек. Эти группы также составлялись из членов одной или нескольких агел одного лагеря и соревновались между собой на глазах публики. Хорошо хоть от Тараса никто не требовал солировать в этом мероприятии, и он по большей части старался держаться в тени своих соплеменников, хотя это было нелегко. В конце дня, сорвав голос после исполнения многочисленных гимнов, Тарас чувствовал себя не менее изможденным, чем после дня борьбы.

Вечер был отведен особенным, ритуальным танцам. Весь остаток дня эфебы пели и танцевали, лихо вскидывая ноги, подпрыгивая, а также изображая поединки древних спартанцев со всякими чудовищами, которых насылали на них злые боги. Но спартанцы, понятное дело, всякий раз выходили победителями.

Иногда эфоры устраивали отдых взмыленным эфебам — танцевать приходилось на жаре — и разрешали им посмотреть, как танцуют и поют молодые спартанки. Это было увлекательное и более приятное, на взгляд Тараса, зрелище. Он во все глаза смотрел на лихо отплясывавших голышом спартанок, пытаясь найти среди них Елену. А когда разыскал ее стройную фигуру среди многих таких же, то больше не терял из вида до окончания плясок. Девушка старалась. Судя по всему, ей очень хотелось победить, чтобы смыть с себя позор поражения в борьбе.

И она добилась своего. Группа девчонок, в которой танцевала Елена, была выбрана лучшей. На сей раз голосовала публика: того, кто ей понравился больше, она хвалила громом аплодисментов и восторженным свистом. А эфоры, слушая их, решали, кому отдать победу.

Агела Деметрия, в которой танцевал Тарас, удостоилась не самых громких аплодисментов. Спецназовец, надо сказать, был не очень огорчен, — танцевать он не любил, — чего нельзя было сказать о командире. Деметрий, от которого опять ускользнула победа, был мрачнее тучи.

Следующий день танцевального марафона и награждение Тарас провел как в тумане. Единственным светлым пятном был разговор с Еленой, который состоялся уже вечером у того же источника, где усталые эфебы и спартанки совершали совместные омовения.

— Поздравляю тебя, победитель, — вновь приветствовала его задорная девушка с зелеными глазами, плеснув на него водой, но спинку на этот раз потереть не предложила. —

---

[53] XV Олимпийские игры состоялись около 720 года до н. э. Большинство победителей на них были спартанцы. Олимпийские игры были настолько популярны, что даже летоисчисление в Греции велось (с эллинистического периода) по Олимпиадам. Каждая Олимпиада проходила раз в четыре года. Первым годом первой Олимпиады был 776 г. до н. э.

Тебе понравилась прогулка на колеснице с Гелоной?

«Ах, вот оно что, — догадался обескураженный боец, — не успел приударить, уже ревнуют. Впрочем, это хороший знак».

— Не очень, — честно признался Тарас, — я бы предпочел проехаться в этой колеснице вместе с тобой.

— Но я не победила, — заметила Елена, опустив голову. — Гелона была сильнее. Ты же знаешь, народ Спарты любит только победителей.

— Может, и так, — кивнул Тарас, уже усвоивший этот урок, — но это меня не очень беспокоит.

И добавил, незаметно скользнув взглядом по приятным округлостям красавицы-гимнастки:

— Здесь, на Гимнопедиях, у нас было мало времени для разговоров. А я хотел бы продолжить наше знакомство, Елена, и побеседовать с тобой о многом. Ты позволишь мне позже найти тебя?

— Ты знаешь, где живет мой отец, — заявила довольная спартанка и, улыбнувшись на прощание, упорхнула в сторону гимнасия, затерявшись среди своих обнаженных подружек.

Проводив ее взглядом, Тарас впервые почувствовал себя настоящим победителем.

Часть вторая Идеальный полис

Глава первая

Навклид внимательно осмотрел стоявшую слева от него шеренгу молодых спартанцев, вооруженных до зубов, затем перевел взгляд направо, где в пятидесяти метрах находилась вторая, такая же, и приказал:

— Агела Деметрия! Поднять щиты, приготовиться к отражению атаки. Агела Механида! Приготовиться уничтожить противника метанием копий. Начали!

— Поднять щиты, — закричал Деметрий, первым вскинув круглый медный щит высоко над головой, одновременно опускаясь на левое колено.

Все остальные молниеносно выполнили приказ, последовав его примеру. Сфереи, а после «выпускной» ритуальной порки в храме Артемиды всех эфебов уже следовало называть именно так, были одеты в доспехи. Настоящие доспехи, которые им выдали в лагере, — кожаные нагрудники, медные поножи, шлемы с красными гребнями, плотно облегавшие голову, и даже сандалии. В руке каждый из них держал круглый медный щит и копье, пока учебное, с затупленным концом. Едва агела Деметрия образовала бронированную линию из щитов, по ней тотчас же забарабанили копья, пущенные меткими руками эфебов из агелы Механида. Большинство копий отскочили от щитов, но несколько все же достигли своей цели. В центре шеренги послышались сдавленные стоны, и трое спартанцев, слишком низко державших свои щиты, повалились навзничь, сметенные мощным ударом копья, угодившего кому в плечо, а кому в грудь.

Они быстро поднялись, превозмогая боль, и заняли свое место в шеренге, но от пристального взгляда инструктора это не укрылось.

— Такая ошибка будет стоить вам жизни в бою, — заявил он, медленным шагом обходя шеренги Деметрия. — И это еще полбеды, хотя вы умрете в бою. Но из-за этого враг пробьет брешь в ваших порядках и, если он близко, быстр и силен, то сможет атаковать сквозь эти бреши. И, возможно, лишить Спарту заслуженной победы. Помните об этом, всегда чувствуйте полет копья и крепче держите свой щит.

Навклид вдруг остановился и резко пнул подошвой сандалии щит ближнего к нему воина. Это был Халкидид. От неожиданности Халкидид упал на спину, потеряв равновесие, тут же вскочил, но всеобщий смех заставил его опустить голову.

— Сейчас мы поменяемся, — заявил Навклид, разрешив агеле Деметрия встать, а

бойцам Механида подобрать свои копья, — а затем начнем более серьезные тренировки в глубоком строю.

И он посмотрел в сторону дороги, по которой приближалось человек двести молодых спартанцев в полном вооружении. Судя по всему, это были сфереи из Амикл и Гелоса, о которых на днях говорил Элой. Они прибыли сюда специально для того, чтобы начать совместные усиленные тренировки в глубоком строю, как выразился Навклид, ведь совсем скоро недавние эфебы, достигшие двадцати лет, должны будут покинуть лагерь. Не пройдет и двух недель, как для них начнется новый этап в жизни — взрослый. Хотя все они уже давно были приписаны к определенным илам, после окончания тренировок в лагере их также должны были распределить по воинским подразделениям, где вскоре начнется их настоящая служба.

Метнув копье, Тарас сумел поразить одного бойца из шеренги Механида, который рухнул на камни, схватившись за ушибленное плечо. Копье хотя и было тупым, но могло серьезно поранить мышцы, даже разорвать. Безучастно глядя, как корчится от боли парень, пытаясь поднять щит ослабевшей рукой, Тарас вдруг вспомнил, как его лупцевали в храме Артемиды, и возблагодарил богов, что последнее испытание на получение гражданства и пропуска во взрослую жизнь осталось уже позади.

После той порки он потом отлеживался больше недели, но выпускной экзамен прошел. На нем, не считая жрецов Артемиды, истязающих юных эфебов, присутствовали также эфоры. А кроме высших должностных лиц государства были допущены и родственники. Отцы и матери эфебов, встав вокруг алтаря, зорко смотрели, чтобы никто из них не посмел даже пикнуть, когда тонкий ивовый прут сдирал кожу со спины. У эфебов просто не было выхода — они не могли прогневить Артемиду в ее святилище, мудрых эфоров и, тем более, опозорить своих родителей. Они терпели до последнего, и многих забили до смерти. Пятеро парней из лагеря на берегу Эврота отдали душу кровожадной Артемиде.

Их тела вернули родителям, чтобы те предали их земле в родовых могилах. Но Тарас не заметил особой скорби на лицах спартиатов, только что потерявших детей. Напротив, они поздравляли друг друга, ведь их дети умерли пусть и не приняв участия в великих битвах, но и не опозорив своей страны.

Придя в себя, Тарас и остальные сфереи вместе с надзирателями вновь побывали на дромосе и принесли жертвы Гераклу — каждый из них забил молодого козленка. Так было принято среди эфебов, которых только что зачислили в число взрослых мужчин. Раны еще болели, но, принеся свою жертву, Тарас ощутил прилив бодрости и даже гордости оттого, что он смог, выдержал все испытания. И ему показалось, будто раны стали затягиваться на глазах. Ведь давно известно — раны победителя зарастают быстрее.

Покидая дромос новой дорогой, Тарас обнаружил неподалеку от этого места могилу царей из рода Агиадов, того самого рода, к которому принадлежал царь Леонид. А еще дальше от дромоса находился храм знаменитых Диоскуров,[54] который совершеннолетние спартанцы также посетили, воздав должное божественным покровителям Спарты.

* * *

Две недели тренировок в глубоком строю, за время которых Тарас научился хорошо владеть щитом и мечом, а также набил своим противникам немало синяков, пролетели незаметно. Все это время Деметрий вел себя подчеркнуто спокойно, Тараса не донимал, но по всему было видно, что командир агелы немного подрастерял свой авторитет после Гимнопедий, а Тарас, наоборот, приобрел. Большая часть членов агелы теперь негласно

---

[54] Первыми спартанскими царями были, согласно традиции, Еврисфен и Прокл. А их божественными покровителями в мире богов братья Диоскуры — близнецы Кастор и Полидевк. Согласно легенде, Диоскуры были сыновьями Зевса (Dios — Зевс, Kouroi, — сыновья). А их матерью был Леда, жена царя Спарты Тиндарея, которая тайно сочеталась с Зевсом, посетившим ее в образе лебедя.

держала его за вожака. Тем не менее по возвращении в лагерь с праздников никто не назначил Тараса командиром агелы. До самого выпуска им оставался Деметрий.

Однако новоиспеченный победитель Гимнопедий сразу в нескольких дисциплинах не очень об этом сожалел, ведь командовать Деметрию оставалось всего несколько дней. А потом у них обоих появится новый командир, из опытных бойцов, а как уж дальше сложится карьера обоих спартиатов, было ведомо только богам.

В последний день обучения, ознаменовавший собой конец молодой жизни, Элой построил всех спартиатов на берегу Эврота по случаю приезда одного из эфоров, который должен был сообщить им важную информацию. Этим эфором оказался Хидрон, хорошо знакомый Гисандру. Все происходило вечером, когда зной спал и приятная прохлада от близких вод Эврота повеяла на молодых спартанцев. Перед эфором был установлен стол, на котором лежали какие-то медные таблички.

— Завтра вы покинете лагерь и шагнете во взрослую жизнь, — объявил Хидрон, медленно изучая лица тридцати двух сфереев этого лагеря, — ваше место займут молодые, которым только предстоит пройти то, что вы уже прошли. Но и для вас воспитание не закончилось. Напротив, начинается его новый этап. Теперь вы — полноправные граждане Спарты. У каждого из вас появится свой дом, свои слуги и рабы, которые обязаны выполнять за вас всю работу, чтобы не отвлекать вас от главного — служения своей стране.

Хидрон замолчал, посмотрел на воды реки и затем, выдержав многозначительную паузу, продолжил, взявшись за пояс гиматия:

— Доспехи, выданные вам, останутся при вас. Сегодня же вы получите настоящее оружие: щиты, мечи и копья, с которыми будете нести дальнейшую службу в своих воинских подразделениях.

Тарас слушал во все уши. Остальные тоже жадно впитывали слова эфора.

— Если захотите, со временем вы сможете менять некоторые части своих доспехов. Главное, чтобы они полностью соответствовали законам об оружии спартанцев, принятыми царями и одобренными эфорами. Вы знаете, что бывает за неправильно надетые доспехи.

Тарас невольно вспомнил несчастного Тимофея из Милета, который хотел сладкозвучия и натянул на своей кифаре несколько новых струн, за что его инструмент был немедленно «казнен» через прибивание гвоздями к стене. И Тарас почему-то был уверен, что этому Тимофею еще повезло. Он получил самое мягкое наказание за нарушение древних традиций, оставшись в живых. А что будет, если новый командир вдруг обнаружит легкое несоответствие военной формы имеющимся законам, Тарас боялся даже подумать. Впрочем, самое главное, что он понял из этой речи, заключалось в следующем, — если позволят, он может при желании надеть доспехи отца или взять что-либо из его арсенала.

— А сейчас я вручу вам свидетельство на владение землей, которое дает вам пожизненное право пользоваться вашим клером,[55] — сообщил Хидрон, указав на медные таблички, лежавшие перед ним. — Вступив во владение, вы должны немедленно явиться в ближайший к имению город, разыскать своего командира пентекостера, который определит вас в эномотию,[56] и сообщить ему о прибытии. С этой минуты вы во всем будете подчиняться ему. Запомните это.

---

[55] Клер — надел земли.

[56] Спартанское войско управлялось царями и полемархами («военными предводителями»), составлявшими штаб войска при царе. Каждый из полемархов командовал морой. Спартанское войско составляли шесть мор. Мора делилась на четыре лоха, лох — на 2 пентекостерии, а те в свою очередь на 2 эномотии.

Лохаг — командир лоха. Пентекостер соответственно командир пентекостерии.

Эномотия это самое мелкое подразделение, в которое входили от 25 до 36 воинов, связанных взаимной клятвой. Предполагалось, что воины, связанные, кроме общей клятвы верности отечеству, еще и клятвой внутри эномотии, с момента ее принесения считались «кровными братьями» и обязаны были помогать друг другу в любой ситуации.

Закончив свою речь, эфор взял в руки одну из табличек и отчетливо произнес:

— Деметрий!

Командир агелы приблизился.

— Поздравляю, Деметрий. Уверен, ты будешь достойным гражданином Спарты.

Приняв табличку, Деметрий поклонился и вернулся в строй.

То же самое проделали еще пятнадцать человек, пока очередь не дошла до Тараса. Когда эфор произнес его имя, спецназовец подошел и получил из рук чиновника заветную табличку, означавшую очень многое. Мельком взглянув на нее, Тарас увидел какой-то чертеж, нацарапанный на гладкой поверхности острым предметом, короткую надпись под ним и дырку в углу, словно он должен был повесить эту табличку себе на грудь или прибить ее к чему-то.

— Ты был достойным эфебом, Гисандр, и стал победителем на Гимнопедиях. Верю, ты прославишь Спарту на полях сражений, — высокопарно произнес эфор.

— Я лучше умру, но не уроню ее чести, — пообещал Тарас в тон эфору.

И вернулся в строй. Когда процедура «выдачи документов» была закончена, Хидрон пояснил, зачем табличка имеет отверстие.

— Прибыв в свое имение, вы должны показать ее периеку-управляющему и прибить эту табличку к стене своего дома.[57] С этого момента вы считаетесь хозяином имения.

«Понятно, — кивнул Тарас, краем глаза рассматривая табличку и припоминая, что видел нечто подобное в имении „отца“, — а земля-то не близко».

Судя по весьма схематичному чертежу, на котором были отмечены три города, включая Спарту, река Эврот и горный хребет Тайгет, — участок гражданина Гисандра находился на севере страны у истоков Эврота, почти в трех днях пути от Спарты. Там, где заканчивалась северная оконечность Тайгета, у подножия которого расположился городок Пеллана. Именно в этом месте теперь и должна была проходить его взрослая жизнь.

Раздав все таблички, Хидрон произнес напутственную речь и разрешил всем разойтись, с тем чтобы до заката разобрать приготовленное для них оружие, с которым они на рассвете должны будут покинуть лагерь.

— Могу ли я посетить имение отца? — после некоторых раздумий осмелился задать вопрос эфору Тарас. Все равно знакомый путь лежал до Спарты по той же дороге.

— Не раньше, чем через месяц, — был ответ, — если разрешит пентекостер.

Тарас смирился и отступил с поклоном. Спорить с эфорами всегда выходило себе дороже.

Получив у надзирателей средней длины меч, Тарас взвесил его на ладони. Пальцы удобно облегали рукоять. Затем сделал несколько рубящих движений и остался доволен. Вложив клинок в ножны, он перебросил их через плечо и взял копье, также сделав пару выпадов. Копье было достаточно легкое и прочное.

Вооружившись, Тарас, как и все остальные, направился к своему ложу из тростника, чтобы провести на нем последнюю ночь в этом лагере. Никаких «отвальных» по случаю окончания учебы не предполагалось. По дороге он наткнулся на группу «дембелей» из восьми человек, которые что-то оживленно обсуждали.

— Надо идти всем вместе, — тоном командира заявил Деметрий, стоявший в центре этой группы.

— Теперь мы все равны, Деметрий, — заметил на это Эгор, — и ты нами больше не командуешь. Во всяком случае, до прибытия.

— О чем спор? — поинтересовался Тарас, упираясь тупым концом копья в землю.

— Где находится твой участок, Гисандр? — поинтересовался Архелон.

Тарас свободной рукой вынул из-за пояса тяжелую табличку, которая все время

---

[57] Официальные акты и документы древних народов (греков, египтян, вавилонян), которые должны были использоваться долго, — часто вырезались на каменных, глиняных или бронзовых пластинках. Эти документы, если их было много, в большинстве случаев помещались вдоль стен, а иногда прибивались к ним гвоздями.

норовила оттуда выскользнуть, и показал другу.

— Вот и мой рядом, — ответил Архелон, изучив чертеж.

— И мой, — подтвердил Эгор, — и Деметрия, и Халкидида, и Тимофея, и вообще всех из нашей агелы да еще некоторых парней из агел Механида и Клеона.

— Значит, мы все будем жить и служить рядом, — подытожил Тарас, не зная, радоваться этому или огорчаться, — впрочем, я так и думал.

— Вот Деметрий и предлагает выступать завтра всем вместе, — подал голос Халкидид.

— Неплохая идея, — неожиданно поддержал Тарас, — раз уж нам все равно двигаться в одну сторону. Только я согласен с Эгором. С завтрашнего утра мы свободные граждане Спарты, и пока не прибыли к новому месту службы, можем пожить пару дней без командира. Поэтому я думаю, кто хочет, может отправляться с Деметрием, а кто не хочет, может идти самостоятельно.

Нельзя сказать, чтобы Деметрию понравились новые порядки, но он быстро закончил спор, сказав:

— Я ухожу на рассвете, кто захочет, может пойти со мной.

Однако наутро с ним отправились всего трое: Эвридамид, Тимофей и Эгис. Остальные вышли позже вместе с Тарасом, перекусив на дорогу: Элой, мысли которого были заняты ожидавшимся пополнением, милостиво позволил им поесть в последний раз лагерной пищи.

Среди довольно большого отряда сфереев, который в полном вооружении направился в сторону Спарты, были также люди из агел Клеона с Механидом, включая самих командиров. Однако их участки находились не у Пелланы. Едва миновав столицу, они с отрядом из двенадцати человек, отделившись от основной группы, направились к берегам Эврота. Туда, где виднелись плодородные земли, обильно питавшиеся водой из полноводной реки.

— Повезло Механиду, — заметил Архелон, когда группа спартанцев пропала из вида в ближней роще кипарисов, — хорошая земля досталась.

— И недалеко от Спарты, — добавил Эгор, вышагивая рядом.

Он остановился на мгновение и, положив копье себе на плечо, проследил за полетом нескольких птиц, мелькнувших над холмами.

— Ладно, — отмахнулся Тарас, оглянувшись назад, в сторону города, еще видневшегося на холмах, и невольно вспоминая имение «отца», в котором провел такую чудесную ночь с Хилонидой, — у нас земля, уверен, не хуже.

— А я хочу быстрее добраться до своего участка, чтобы убедиться в этом, — заявил Плидистрат.

— Тогда не будем терять драгоценное время на отдых, — решил Тарас и первым устремился дальше, забросив щит на ремне за спину и перехватив покрепче копье.

Амуниция, включая облегавший голову шлем, весила не так уж мало. Да и жарко было в ней расхаживать на самом солнцепеке. Он вспомнил, как ходил в «увольнительную» и вместе с Механидом повстречал на этой же дороге отряд вооруженных воинов. За каждым из них следовал оруженосец, который тащил самую тяжелую часть снаряжения.

«Наверное, — решил Тарас, — нам скоро тоже дадут по оруженосцу. Не царское это дело щиты таскать. Гражданин я теперь в конце концов или нет».

Отправившись вперед, они к вечеру были уже далеко от столицы. Однако, несмотря на то что земли вокруг, по мнению Тараса, должны были просто кишеть людьми, за все это время им попалось всего лишь несколько сел, населенных илотами и периеками, которые провожали вооруженных спартиатов настороженными взглядами. А дорога была как обычно пустынной. Лишь в сумерках, когда Тарас уже изрядно проголодался, посреди рощи им повстречалось несколько повозок, перевозивших какие-то кувшины и корзины, от которых исходил такой сильный запах пищи, что Тарас не выдержал. Отправив их из лагеря в собственные имения, надзиратели не объяснили им, как новоиспеченные граждане должны добывать себе пропитание в дороге, ведь никаких таверн здесь пока не попадалось. Видимо, надзиратели понадеялись на полученные спартиатами за время обучения навыки по выживанию. И они не ошиблись.

— А ну, стой, — рявкнул Тарас, опуская поперек дороги копье, словно шлагбаум, и добавил, обращаясь к вознице: — Кто такие, куда едете?

— Мы илоты Эпафа, господин, — ответил молодой парень, управлявший первой из трех повозок, и добавил, обернувшись назад: — Которому принадлежит вон та деревня за холмом. А везем хлеб, сыр и оливковое масло, которое собирались обменять завтра на рынке в Спарте.

— Как ты думаешь, — обернулся Тарас к стоявшему за плечом Эгору, — если мы немного облегчим эти корзины ради наших желудков, Эпаф на нас не обидится?

— Неужели, Гисандр, ты забыл закон: спартанец может взять все, что угодно, у другого гражданина, включая рабов или повозку, если это ему не нужно, — охотно откликнулся Эгор, которому тоже захотелось есть при виде таких деликатесов, — все спартанцы могут распоряжаться чужим имуществом как своим.

— Надо же, — ухмыльнулся Тарас, — как же я запамятовал о таком хорошем законе. Я уверен, Эпафу совершенно не нужны сейчас некоторые корзины из этих повозок. А вот нам без них просто не обойтись.

И, подойдя поближе, он указал вознице копьем на корзины, возвышавшиеся над бортиком.

— А ну, выгружай на дорогу сыр и хлеб. Видишь, он нам сейчас гораздо нужнее, чем твоему господину.

Перепуганный раб даже не подумал возражать, видя перед собой целый отряд вооруженных господ, и бросился исполнять приказание. Вскоре на обочине дороги стояли три корзины с едой. Среди них оказалась и корзина с овощами, о которых илот забыл упомянуть. Но и овощи не ускользнули от зоркого глаза Тараса, который разглядел их даже в сумерках.

— А теперь можешь ехать дальше, — разрешил довольный Тарас, — и передай по возвращении своему господину нашу благодарность.

Хохот остальных спартиатов подсказал ему, что спутники шутку оценили.

Забрав корзины, они оттащили их в сторону от дороги, где виднелась небольшая полянка, и с большим удовольствием перекусили «ненужными» припасами неизвестного им Эпафа на сон грядущий, даже не разведя огонь. Тарас, так легко раздобывший еду, был приятно удивлен, что, совершенно случайно совершив разбойное нападение на дороге, не нарушил никаких законов. А напротив, следовал им. Спецназовец осторожно выпытал у Эгора подробности местного законодательства, с которым был знаком только в самых общих чертах. Тот, поглощавший сыр и хлеб, с удовольствием добавил кое-что к уже сказанному.

— Ну ты же сам все знаешь, Гисандр, — хмыкнул Эгор, отправляя в рот очередной кусок хлеба немытыми пальцами, — если тебе что-то понадобилось, а у тебя этого не оказалось под рукой, ты можешь спокойно зайти в дом соседа и взять это. Открыл чужой склад, взял необходимое, а потом поставил назад печати и ушел.

— А что можно взять? — недопонял Тарас.

— Я же тебе сказал, все, что захочешь, — повторил Эгор, недовольный тем, что его отрывают от ужина глупыми вопросами, — одежду, инструменты, повозки, собак и лошадей, даже рабов, если очень надо.

— А деньги? — не утерпел Тарас. — Что, даже не надо за это платить?

— Не надо, — отмахнулся Эгор, — у граждан почти все общее. Впрочем, если ты хочешь что-то купить, то никто тебе не мешает это сделать. Но только замучаешься возить деньги. Платить всегда тяжело и неудобно.

— Почему это, — опять не понял Тарас, которому всю прошлую жизнь казалось, будто заплатить, чтобы тебе принесли, всегда легче, чем что-то искать самому.

— Видишь ли, если ты хочешь что-то купить, то тебе придется перегружать из амбара все свои железные монеты на повозку и везти их продавцу, — вновь пояснил Эгор, доедая последний кусок сыра, — а это нелегко. Они ведь стоят дешево, а весят немало.

— Железные? — Тарас был поражен. — А что, золотом нельзя заплатить, чтобы не

таскать такой груз?

Эгор чуть не подавился, выплюнув сыр на траву.

— Золотом? Ты что, рехнулся, Гисандр? Да его могут иметь только цари, остальных граждан за это сразу лишают головы. В Спарте нельзя хранить золото и серебро в домах.[58] Моли богов, чтобы никто не донес на тебя эфорам.

— Ясно, — кивнул Тарас, решив, что на сегодня действительно вопросов хватит, а то остальные спартиаты, занятые болтовней о предстоящих походах, вдруг стали прислушиваться к их тихому разговору.

Некоторое время ошеломленный Тарас молчал, переваривая местное валютное законодательство, напомнившее ему о временах железного занавеса в СССР, где за валюту сажали в тюрьму. Здесь же не тратили время зря и сразу казнили.

Отключившись от этих мыслей, Тарас посмотрел на усеянное звездами небо и вдохнул воздух, напоенный ароматом цветущих деревьев. Ночи в Спарте стояли теплые.

Недавние члены агелы Деметрия, среди которых было несколько человек из агел Механида и Клеона, перед сном еще немного порассуждали на сытый желудок о военных подвигах, которые им предстояло совершить в грядущей войне. Благо надзирателей рядом не было и можно было не спать хоть всю ночь. Тарас догадывался, что Спарта воюет часто и у нее много врагов. Но до сих пор их условными «врагами» были только илоты да соперники на Гимнопедиях и тренировках в лагере.

— Я слышал от своего отца, что скоро будет война с Аргосом, — сообщил всем собравшимся Архелон.

Он тоже был среди лучших, получавших «увольнительную» еще до Гимнопедий.

— Думаешь, нас возьмут на нее? — поинтересовался один из недавних эфебов.

— Конечно, — кивнул Архелон, — ведь не зря же нам выдали оружие. Осталось только добраться до нового места службы. Там все и расскажут.

— Ладно, — подвел итог Тарас, которого, несмотря на демократические порядки последних дней, молодые спартанцы все же почитали за старшего, — давайте спать. А то нам еще два дня идти по этой дороге, прежде чем мы увидим наши клеры.

Глава вторая Спартиаты

Окрестностей городка Пелланы, вблизи от которого находились наделы молодых спартанцев, они достигли на рассвете третьего дня, передвигаясь достаточно быстро. Дорога шла все время вверх между живописными холмами, и равнина постепенно превращалась в предгорья.

У очередной развилки, где дорога разделялась сразу на три рукава и терялась в окружавших ее рощах, пришло время прощаться.

— Здесь мне надо свернуть налево, — сообщил Халкидид, сверившись со своим документом на землю.

— Мне тоже, — сказал Книд, который стоял посреди дороги, опершись на копье.

Вскоре выяснилось, что вместе с ними туда должны были направиться еще пятеро спартиатов.

— А мне вон туда, — сообщил Плидистрат, указав в противоположную сторону, — вниз, направо.

И добавил, бросив взгляд на Книда:

— Жаль, друг, что мы с тобой будем жить далеко друг от друга.

---

[58] По законам Ликурга, частным лицам Спарты полагалась смертная казнь за хранение у себя золотой и серебряной монеты. Роль денег выполняла очень мелкая и дешевая железная монета, для хранения которой строились целые амбары. Эти монеты в остальной Греции хождения не имели. Спартанцам же запрещалось использовать в расчетах «иностранную валюту», а также хранить ее у себя дома и вывозить за рубеж. Это право имели только цари.

— Для спартанца все не так далеко, — ухмыльнулся Книд, почесав свой сломанный нос, — все равно мы все будем жить рядом. Да и видеться будем ежедневно на сесситиях.

— Это верно, — повеселел Плидистрат, поправляя лямку, на которой висел его щит.

Имения еще семерых тоже оказались в той стороне.

— Ну прощайте, — кивнул Тарас, посмотрев на свою табличку, — если Пеллана слева, то мне надо идти дальше вперед. Еще как минимум пятнадцать стадий.

— До встречи на сесситиях, Гисандр, — попрощался с ним Книд и остальные.

— До встречи, — кивнул Тарас, — думаю, этого ждать не долго.

С ним отправились шестеро спартанцев, в их числе, к его большому удовольствию, оказались Эгор и Архелон. Остальные бойцы принадлежали к бывшим агелам Клеона и Механида. Тарас знал их не так хорошо, они встречались только на совместных тренировках, но близкое знакомство он решил отложить на будущее. «Всему свое время, — подумал Тарас, вышагивая по каменистой проселочной дороге. — А где, интересно, живет этот несчастный Деметрий?». Но вслух не сказал ни слова.

Пройдя пару километров, они разделились еще раз — здесь жил Эгор и парни из других агел. А Тарас с Архелоном продолжили свой путь вдоль усаженной кипарисами дороги. Наконец, когда она в очередной раз поднялась на холм и направилась вниз, Тарас опознал свое имение. Надел земли новоиспеченного гражданина Спарты находился слева от дороги и занимал сразу три небольших плоских холма, на которых он увидел знакомую картину: илоты собирали урожай.

— Ну, — сказал Тарас, остановившись и еще раз для верности изучив чертеж, — кажется, я у себя дома.

— А я живу вон там, — указал вперед Архелон на имение, находившееся в полукилометре, — рад, что мы с тобой соседи.

— Я тоже, — кивнул Тарас, поправляя амуницию, чтобы выглядеть наиболее грозно, когда первый раз увидит своих илотов, — ну прощай пока, сосед. Пора идти вступать во владение.

— До встречи на сесситиях, — радостно ответил Архелон и зашагал к своему наделу.

«Похоже, тут вся жизнь проходит на этих сесситиях», — ухмыльнулся Тарас, направляясь по узкой дорожке к своему наделу.

Поневоле замедлив шаг, он присматривался к каждому клочку земли, на которой теперь должен был проводить свою жизнь по велению эфоров. Слева к его имению примыкал небольшой лесок, за которым он чуть ранее заметил пару домов с постройками, — там явно жил еще какой-то гражданин. С той же стороны его поля и холмы отделялись небольшим, но глубоким оврагом, по дну которого журчал ручей. А само имение — небольшой домик, два сарая и еще несколько хибар — стояло на самом высоком из трех холмов.

«Интересно, кто у меня соседи, — размышлял Тарас, приближаясь к полю, на котором работали илоты. Разогнувшись, они тоже настороженно наблюдали за приближавшимся воином в полном вооружении. — Такие же, как я, или здесь еще периеки попадаются?».

Сделав вид, будто ему абсолютно наплевать на них, Тарас гордо прошествовал мимо илотов к главному дому, отдаленно напоминавшему дом «отца», находившийся неподалеку от Спарты. Навстречу ему тут же выбежал и согнулся в поклоне мужичонка средних лет в коротком сером хитоне, скрепленном на плече булавкой грубой работы. По хитрому выражению его лица Тарас мгновенно определил в нем приказчика, управлявшего имением. И к тому же не илота, а человека хоть и сильно ограниченного в правах, но лично свободного.

— Рад приветствовать вас, господин Гисандр, — проговорил мужичонка. Изучив его округлое лицо, Тарас определил, что ему должно быть не больше тридцати лет. — Меня зовут Талай, я ваш управляющий из периеков.

— Откуда ты знаешь мое имя? — удивился Тарас, опуская копье на землю, но тут же поправился: — Или знаешь, что Гисандр, — это именно я?

— Вон та табличка говорит мне о многом, — позволил себе ухмыльнуться Талай. — Мы ожидали вас.

«А этот парень непрост, — решил Тарас, отдавая ему свой щит, который управляющий тотчас унес в дом и сразу вернулся, — выглядит так, будто не прочь обмануть и родного отца, а не только своего хозяина. Надо будет за ним приглядывать».

Сбросив с себя лишний груз амуниции, но оставшись в доспехах, Тарас решил начать знакомство не с осмотра дома, — с ним еще успеется, — а с осмотра своих илотов, и вновь оказался на солнцепеке.

— Я уже отправил ваш взнос за сесситии, — услужливо пояснил Талай, семенивший позади.

— Мой взнос, — не понял Тарас, — ты о чем?

— Как полагается, — пояснил не менее удивленный периек, — каждый месяц мы отправляем в Пеллану продукты, чтобы вы могли как любой господин принимать участие в сесситиях. Сегодня вечером вас уже ждут там.

— Сегодня? — удивился Тарас, но пока отмахнулся от этих мыслей, разглядывая желто-зеленые поля. — Ладно, об этом позже поговорим. А сейчас зови сюда илотов, я хочу посмотреть на них.

Управляющий сбегал на поле и привел за собой тех, кто там был.

— Это все? — поинтересовался Тарас.

— Двоих я на рассвете отправил с повозкой козьего сыра на рынок в город, — пояснил Талай, — Еще двое пасут ваших овец и коз за холмом, позвать?

— Не надо пока, — приказал Тарас, умолкнув на некоторое время.

Перед ним полукругом выстроилось люди, одетые в затертые хитоны, а кто и просто в набедренные повязки. На первый взгляд здесь было примерно три семьи, в каждой из которых, кроме родителей, имелось по трое детей, лет по шестнадцать или восемнадцать. Среди них Тарас заметил, невольно вспомнив Хилониду, лишь двух девиц вполне подходящего возраста, но не таких фигуристых, как та красотка. Что касается мужской части переданного ему на вечное пользование населения, то на вид они были какие-то низкорослые и слабосильные.

«Да, народец-то хилый, — решил Тарас, обозрев свое движимое имущество, — подсунули каких-то убогих, кожа да кости, посмотреть не на что. Как они, интересно, справляются со своей работой. Ну да ладно, скоро узнаем».

— Я ваш новый господин. — Тарас решил представиться сам, не дожидаясь, пока Талай это сделает за него. — Меня зовут Гисандр.

Все илоты поклонились, да так и не разогнулись, оставшись стоять в полупоклоне. Странное это было чувство: смотреть на своих рабов. Странное, но уже понятное. В этом новом для Тараса мире разделение между людьми было очень четкое: либо ты гражданин, и у тебя есть все необходимое, либо ты раб, и у тебя нет ничего. Никаких полутонов.

Впрочем, Эгор что-то болтал вчера о законах против роскоши, которые в том числе не позволяли хозяину увеличивать налог. Этот налог был строго зафиксирован. Каждый спартиат имел право получать с надела только доход, необходимый для оплаты участия в сесситиях — об этом, кажется, и сообщил Талай — и для поддержания нормального уровня жизни. Но не больше. Все излишки полагалось оставлять илотам. И некоторые из них, говорят, жили богаче своих господ. Вот этот закон Тарас никак не мог уразуметь.

На Руси жили не так. Там все думали: раз уж у тебя появились рабы, то можно драть с них три шкуры и делать с ними все, что угодно, как издревле поступали все богатеи на Руси, не считая своих работников за людей. В современной для Тараса жизни, еще буквально вчера, новые хозяева за редким исключением поступали точно так же. И Тарас, волею судьбы оказавшийся в этой ситуации, поначалу думал, что и ему придется поступать так. Но оказалось, что за него уже все давно продумали и решили. Лет двести назад. Тот самый Ликург.

— Если вы будете вести себя хорошо и не досаждать мне, то и я никого не обижу, —

сказал Тарас, стараясь быть как можно более убедительным, для чего положил ладонь на рукоять меча, — главное помните, вы всецело в моей власти.

Последнее он добавил скорее для острастки. Но каким бы ни был его истинный характер, илоты считали его спартанцем, а значит, в глубине души ненавидели. Тарас читал это во взглядах внешне спокойных людей. Ведь именно «его предки» сделали когда-то их из свободных граждан рабами. И законы Лакедемона были таковы, что даже захоти Тарас прослыть добрым барином, отпустить на волю он никого не мог. И поневоле приходилось соответствовать образу спартанца.

— Идите работать, — рявкнул наконец Тарас таким грозным голосом, на какой был только способен.

Илоты разошлись по полю и вновь принялись за свои обычные занятия.

Опрос, который учинил сразу после этого Тарас своему управляющему, помог выяснить, что город Пеллана действительно принадлежит общине периеков, а граждане Спарты обитали по большей части в своих домах вне города, появляясь там только для совместных трапез.

Большинство спартиатов, как уже было известно Тарасу, опасаясь возможного восстания илотов, хоть и имели наделы в Мессении, но жили в самой Спарте. И во всем, что касалось хозяйства, полагались на своих управляющих. Но были и такие, которые обитали непосредственно на своей земле, не боясь окружения порабощенных людей. К этой категории поневоле теперь относились и Тарас со своими товарищами.

«Ну, значит, мне еще повезло, — решил Тарас, обходя с управляющим имение, — в столице, конечно, не оставили, но и не услали к черту на рога. Всего три дня пути от центра. Можно сказать, дальние пригороды».

За домом простиралось небольшое поле, ограниченное рощей, плавно уходящее вверх. Вдалеке виднелись отроги Тайгета. А между ними и окрестными имениями Тарас рассмотрел городские кварталы. Пеллана действительно находилась не так далеко, километров пять или семь, если напрямую. Только такой дороги не было.

Здесь на склоне паслись его козы и овцы общим числом около тридцати штук. Два пацана лет по двенадцать ходили за ними и ударом палки сгоняли в кучу, не давая разбрестись слишком далеко. Выше по склону тоже была чья-то земля. Не такая плодородная, но и там жили люди. Как выяснилось, соседями Тараса слева, справа и сверху были периеки, занимавшиеся какими-то кустарными ремеслами. Не то горшки делали, не то инструменты.

— Скажи-ка мне, брат, — подобрел новый хозяин, осмотрев свои стада, — а ты сам как попал в это имение?

— Меня прислала община города, — ответил Талай, — по приказу из Спарты. А потом сюда пригнали этих илотов из самой Мессении, приказав мне управлять ими в ваше отсутствие.

— И давно ты тут обосновался? — спросил Тарас, прищурившись на солнце.

— Уже третий месяц, господин, — ответил Талай, — чтобы к вашему прибытию успеть получить первый урожай.

— А до этого чем занимался? — продолжал допытываться спартиат.

— Я жил в городе и служил управляющим имения одного знатного периека, который заправлял мастерской по изготовлению инструмента.

— И как же он теперь без такого работника обходится? — похвалил авансом Тарас своего управляющего.

Талай некоторое время молчал, подбирая слова. Но в конце концов все же высказался.

— Понимаете, господин, он был не очень вежлив с лохагом, и тот заколол его прямо в мастерской. Имение передали другому периеку, а меня отправили сюда. Так я остался без старого хозяина, но получил нового.

— Ладно, не бойся, — успокоил его Тарас, прикинув, как скоры на расправу были остальные спартанцы, одно присутствие которых нагоняло страх на подчиненных им

людей, — работай хорошо, и все будет в порядке. А сейчас пойдем, посмотрим дом.

Вернувшись обратно, Тарас прошел мимо хибар своих илотов, как две капли воды походивших на жилища рабов в доме отца. Спустившись по вырытым в земле ступенькам в овраг, вымыл руки и ополоснул лицо. Жара стояла сильная. И лишь затем направился в дом.

Осмотр дома занял у него не больше десяти минут. Тот был как две капли воды похож на дом его «отца», геронта Поликарха. И снаружи и внутри. Та же двускатная островерхая крыша, те же колонны у входа, тот же навес над ними, служивший балконом. Только таблички у входа не было.

— Возьми, — протянул Тарас управляющему свой «документ на собственность», — прибей у входа.

Тот немедленно отправился за инструментом и вскоре, поработав молотком, прикрепил блестящую на солнце медную табличку к стене.

— Ну вот, теперь порядок, — удовлетворенно заметил Тарас, рассматривая кровлю, сделанную из очень грубых бревен.

Кровля дома действительно была сделана очень грубо, можно сказать топорно. Края бревен явно никто не подпиливал, а просто обтесали. Но когда Тарас уточнил, каким инструментом ее делали, то ответ его не очень удивил.

— Только топором, хозяин, — ответил периек, закончив возиться с табличкой у входа, — пилу не брали.

— А дверь? — уточнил Тарас, скрестивший руки на груди в позе довольного созерцателя собственной недвижимости. Он был удивлен самим наличием двери, это было, пожалуй, единственным отличием от «отцовского» дома. Дверь была подогнана из отпиленных, но почему-то необструганных стволов.

— Только при помощи пилы, — весело добавил управляющий, — других инструментов не использовали. Как положено по закону.

Тарас хмыкнул, но промолчал, в очередной раз пораженный методами строительства с использованием одного-единственного инструмента. Не хотел показывать своему управляющему, что с каждым днем открывает для себя все больше спартанских законов, о которых здесь каждый знал с малолетства.

«Впрочем, — рассудил Тарас, — я простой гражданин, а вот мой „отец“ аж геронт, а дом у него ничуть не лучше. И земли столько же. Странно как-то: рабов не прикупить, пахать их больше положенного не заставить. Можно сказать, восьмичасовой рабочий день. Золото копить нельзя, голову оттяпают. Одежду дорогую никто не носит. Если что надо — бери даром. Сплошная уравниловка. В общем, никакого проку быть богатым».

Закончив наружный осмотр, он прошелся по комнатам и занял центральную на нижнем этаже. Там стоял топчан, несколько скамеек для гостей и небольшой стол, служивший, по-видимому, основой «рабочего кабинета». Ухмыльнулся, заметив на стене свой щит, копье и шлем, уже повешенные заботливым управляющим на специальных крюках. Увидев топчан, Тарас опустился на него, решив немного отдохнуть с дороги, ведь скоро предстояло идти в город.

— Когда, говоришь, мне надо быть на сесситии? — уточнил Тарас, который уже изрядно проголодался.

— Сегодня к вечеру, — пояснил управляющий.

— Пойдешь со мной, — приказал Тарас, снимая с себя ножны с мечом и устраиваясь на отдых, — покажешь дорогу.

— Конечно, господин Гисандр, — согнулся в поклоне Талай и добавил: — Осмелюсь сообщить, что обычно спартиаты берут еще одного или двух илотов. Чтобы нести оружие.

— Возьмем и пару илотов, — согласился Тарас, с помощью Талая снимая с себя кожаный панцирь, в котором он находился до сих пор, — подбери самых крепких и не очень глупых. И разбуди меня заблаговременно.

— Все сделаю, — кивнул Талай, исчезая в дверях, едва Тарас улегся на жесткой постели.

Заснул он быстро и спал хорошо, изрядно устав с дороги. Сны были соответствующие: он участвовал в каком-то великом походе, бился с полчищами врагов, правда, ни лиц, ни одежды их разглядеть не смог. Все они были, как в тумане. Из него появлялись, в нем же исчезали.

Проснувшись, Тарас почувствовал себя отдохнувшим. Велев принести воды, он умылся, причесал гребнем свои успевшие отрасти волосы. И вновь надев доспехи, вышел на крыльцо своего дома. Там его поджидали два рослых парня, примерно одного с ним возраста. Оба были загорелые, в коротких хитонах и с накаченными тяжелой работой плечами.

— Это те илоты, которых вы просили привести, господин Гисандр, — пояснил крутившийся неподалеку Талай, — одного зовут Этокл, а другого Бриант. Кого прикажете сделать вашим оруженосцем?

Тарас присмотрелся к лицам парней: Этокл был чуть ниже ростом, но шире в плечах, с простым лицом. В нем ощущалась крестьянская закваска. Бриант тоже не выглядел слабаком, но имел несколько более гордый вид, не очень сочетавшийся с его положением раба. Словно происходил из городских аристократов, волею судьбы упавших на самое дно. Изучив стоявших перед ним кандидатов на роль своего оруженосца, Тарас так и не смог определиться с первого взгляда и махнул рукой.

— Возьмем пока обоих, — произнес он и, ткнув пальцем сначала в Этокла, а потом в Бриантa, приказал: — Сейчас вы отправитесь со мною в город. Ты понесешь мое копье, а ты — мой щит.

Илоты поклонились, но от взгляда Тараса не ускользнуло, что Бриант наклонился не так низко, как Этокл. Решив пока никого не казнить, Тарас, однако, запомнил это.

Вскоре небольшой отряд из облаченного в доспехи спартанца Гисандра и его управляющего, шагавшего на два шага позади своего хозяина, а также илотов, тащивших на себе оставшееся вооружение, отправился по дороге в обратный путь. Через некоторое время они были у знакомой развилки, где повстречали похожие отряды, возглавляемые Книдом и Халкидидом.

— Я же говорил, что мы скоро повстречаемся, — приветствовал их Тарас, останавливая жестом своих людей.

— И ты был прав, — кивнул Книд.

— Далеко отсюда до города? — уточнил Тарас у периека.

— Не более двадцати стадий, — ответил тот, не задумываясь.

— Тогда надо поторапливаться, — предложил Халкидид, — я успел узнать, что здешний пентекостер не очень любит тех, кто опаздывает.

— А я слышал, будто Деметрий, который живет недалеко от меня, — добавил Книд, — отправился в город едва ли не днем, чтобы прибыть первым на сесситии.

— Ну этого и следовало ожидать, — кивнул Тарас, поправляя шлем, — он хочет первым показать свою доблесть. Но мы не так уж сильно опаздываем. Хотя ты прав, поторопиться следует.

И, развернувшись в сторону города, еще скрытого от глаз высоким каменистым холмом, они зашагали вверх по дороге. За следующим поворотом их нагнал Архелон, увеличив отряд своими людьми. А совсем скоро четверо спартанцев оказались у ворот Пелланы.

Глава третья Командир эномотии

Никакой стражи у ворот не было. Никто не спросил их, зачем они пришли, словно никто здесь не опасался врагов. Войдя в город, расползавшийся по холмам кривыми улочками, они заметили там большое оживление, словно здесь проходил какой-то праздник. Но оказалось все гораздо проще. Периекам, в отличие от полноправных граждан Спарты, позволялось заниматься некоторыми ремеслами, без которых было совсем не обойтись. Вот

они и занимались, благо полуденная жара уже шла на убыль.

На улице, полной народа, Тарас заметил несколько кузниц, в которых ковали как оружие, так и металлические части инструментов для обработки земли. У одной из таких кузниц стоял бородатый человек в коротком гиматии, грузивший в телегу готовые мотыги с прикрепленными черенками. По соседству располагалась гончарная мастерская, внутри которой Тарас углядел длинные полки с кувшинами без всякой росписи. Все было очень просто и функционально. Однако там толпилось много людей, желавших купить или выменять у хозяина его товар на свой. Дальше стоял кожевенный двор с невысоким забором, из-за которого несло такой вонью, что Тарас даже зажал нос, проходя мимо.

Местные жители, завидев передвигавшийся по улице отряд вооруженных спартиатов, спешили освободить им путь и расступались. Тарасу даже не приходилось кричать: «Посторонись», все и так бросались врассыпную, стоило ему приблизиться. Пройдя от ворот по улице метров двести в сторону видневшейся впереди главной площади — агоры, как их называли во многих греческих городах, — он остановился.

— Ну где тут проводят эти сесситии? — обернулся Тарас к своему управляющему, семенившему рядом. — Далеко еще?

— Мы уже пришли, господин. — Он указал рукой в направлении длинного приземистого здания с покатой крышей, выходившего торцом на площадь. — Это вон там.

Тарас посмотрел в указанную сторону, заметив у входа в дом двух мощных воинов в доспехах и при мечах. По всему было видно, что посторонних сюда не пускают. Впрочем, никто из периеков и не стремился туда войти. Пройдя через запруженную народом площадь, где стояло большое количество лавок, и приблизившись к входу, Тарас остановился. Сзади встали Книд, Архелон и Халкидид со своими людьми.

— Здесь ли проходят сесситии? — на всякий случай уточнил Тарас, глядя в глаза охраннику в шлеме, закрывавшем лицо. — Нам приказано прибыть сегодня к пентекостеру.

— Назовите свои имена, — приказал тот таким тоном, словно они пришли на прием к самому царю.

— Здесь Гисандр, Архелон, Книд и Халкидид, — ответил за всех Тарас.

Охранник медленно извлек из-за пояса глиняную табличку с нацарапанными на ней именами и, пробежав взглядом, кивнул. Вход в «клуб» был открыт.

— Проходите, Креонт[59] ожидает вас. Оружие можете сложить внутри.

Войдя в низкую дверь первым, Тарас оказался в полутемном помещении, практически всю длину которого занимал огромный стол, уставленный кувшинами и плошками с едой. За столом сидели человек пятнадцать спартанцев без шлемов, но облаченных в кожаные панцири. Среди них Тарас увидел Деметрия и его соседей: Эвридамида, Тимофея и Эгиса. Все были здесь. И, судя по всему, уже давно.

В нос ударил запах жареного мяса. Тарас невольно огляделся. Этот вытянутый зал, наполненный ароматами пищи, освещался только небольшими окнами под самым деревянным потолком, до которого Тарас мог легко достать, подняв руку.

— Взгляни на двери, пришелец, — вдруг раздался громкий голос, от которого, как показалось Тарасу, стали лопаться кувшины на столе. — Ни одно слово, сказанное здесь, никогда не выйдет за них.

Тарас невольно оглянулся на двери, сквозь которые в помещение уже вошли остальные спартанцы и сейчас заходили их слуги с оружием, а потом взглянул на человека, произнесшего эти слова.

Это был сидевший во главе стола рослый спартанец со шрамом на заросшей бородой щеке и с таким яростным выражением лица, что казалось, мог свалить быка одним ударом.

— Я запомнил это, — кивнул Тарас, останавливаясь в нерешительности в трех шагах от стола.

---

[59] Все совпадения имен персонажей с известными историческими деятелями случайны.

— Ну что ты встал, — опять «наехал» на него этот человек, — садись со своими друзьями вот на эту лавку. Отныне это ваш дом, как и мой. Я Креонт, ваш пентекостер. Оружие пусть слуги оставят вон в том углу.

Убедившись, что пришел по адресу, Тарас повернул голову и заметил в глубине зала стеллаж с одинаковыми проемами, в который были заботливо вложены щиты и в специальные углубления поставлены копья. Снаружи выстроились в ряд шлемы с гребнями из красных перьев. Справа имелась небольшая дверь, которая вела куда-то внутрь. Велев илотам сложить все в эту «оружейку», Тарас снял шлем и медленно направился к лавке, на ходу обдумывая, что делать со слугами, которых здесь столпилось немало. Но пентекостер быстро решил за него эту проблему, рявкнув на весь зал:

— Илоты, пошли вон! Дожидайтесь своих хозяев снаружи.

А когда все вошедшие устроились на лавке, Креонт осмотрел их и сказал:

— Берите еду, наливайте вино из кувшинов. Отдыхайте и знакомьтесь друг с другом, если еще не знакомы. Подождем, когда придут остальные.

Тарас с удовольствием последовал первому приказу, кинув себе на деревянную доску, которая заменяла тарелку, хороший кусок сочного мяса на кости, сдобрив его горстью оливок. С несказанным наслаждением отпил настоящего вина, которое теперь им разрешалось пить. Терпкое красное вино непривычно, но приятно обожгло гортань, пробуждая давно забытые ощущения. Прожевав кусок ароматного мяса, он закинул в рот рассыпчатого сыра и расслабился, приходя в себя. Такой прием был ему по душе.

— Как добрались? — издевательски поинтересовался Тарас у сидевшего напротив Деметрия, когда первый голод был утолен.

— Как видишь, раньше тебя, — ответил тот, скривившись в ухмылке.

Спустя полчаса, когда все опоздавшие вошли в дверь, сложили оружие и расселись по лавкам, налив себе в широкие кратеры вина, молчавший до той поры пентекостер первым поднял свой сосуд. По его виду нельзя было понять, что ждет тех, кто пришел последними, — смертная казнь или просто побои. Новый командир еще никак не выказал своего недовольства.

— Отныне вы все одна семья, — объявил он так громко, что услышали все до последнего бойца, которых здесь насчитывалось уже человек тридцать, — все, кто сидит с вами рядом, теперь будут стоять с вами плечом к плечу в битвах и защищать ваши жизни так же, как должны будете делать и вы.

Он на секунду замолчал, словно подбирая слова.

— Все вы, вчерашние эфебы, а сегодня уже граждане Лакедемона, теперь составляете одну эномотию и завтра на учениях принесете клятву на верность своим товарищам, как уже принесли ее Спарте. Завтра же я, посмотрев на вас, выберу вам командира.

При этих словах Деметрий приосанился, бросив снисходительный взгляд на тех, кто сидел напротив, включая Тараса. А тот подумал: «Не торопись, браток. Вот завтра увидим, кто тут лучший боец. На Гимнопедиях ты тоже немало пыжился».

— Я ваш пентекостер, то есть командир сразу двух эномотий. Вторая, которая проводит сейчас сесситию неподалеку отсюда под командой моего помощника, тоже состоит из молодых, — продолжал свое вступительное слово Креонт. — И у них завтра тоже появится командир, которого все воины будут слушаться беспрекословно. Оба этих человека станут моим отражением.

Новый командир вчерашних эфебов вновь перевел дух. Деметрий, услышав про вторую вакансию, скользнул озадаченным взглядом по лицу Тараса, поглощавшего оливки.

— Мы все будем входить во второй лох, который расквартирован вокруг Пелланы и включает в себя еще одну пентекостерию Теламона, моего боевого товарища. А командует этим лохом великий воин Хрисид, прошедший не одну войну.

Услышав название воинского подразделения, в которое входил его отряд, Тарас едва не рассмеялся, но вовремя закрыл рот, сделав вид, что подавился. Больно уж не воинственные чувства оно вызвало у бывшего спецназовца.

— Завтра у вас начнется служба и новая жизнь, — закончил наконец не очень лаконичную речь Креонт, опрокинув кратер с вином в свою широченную глотку. — Ну а теперь будем есть, пить и отдыхать. Эй, повар, скоро там принесут еще одного барашка?

Некоторое время разговор за столом не клеился. Помимо ребят из бывшей агелы Деметрия, здесь были эфебы из других агел и даже несколько человек из лагеря у Амикл. Самые смелые спартиаты осторожно расспрашивали друг друга о том, как им жилось в другом лагере, как вели себя надзиратели, а те отвечали неохотно, озираясь по сторонам. «Да, в такой толпе особо по душам не поговоришь, — решил Тарас, уловив какую-то общую напряженность, но списав ее на первый день знакомства, — столько лишних ушей».

Выпивая очередной кратер вина, он ощутил на себе осуждающий взгляд пентекостера и, не допив, поставил на стол, переключившись на хлеб и сыр с луком. Но и те не полезли в глотку. А понаблюдав некоторое время за остальными, Тарас заметил, что все, несмотря на обилие на столе мяса и другой простой, но сытной пищи, очень мало едят. А еще меньше пьют вина, хотя оно тоже было выставлено. «Прав был Деметрий, — рассудил Тарас, смиряясь, — тут и поесть по-человечески не дадут. Хотя не для того я худел, чтобы снова нарваться на порку».

Это воспоминание сработало как отличный стимул, и до конца вечера Тарас съел только кусок хлеба с горстью оливок, впрочем, насытившись. А пил теперь только воду. Поговорил немного с Эгором и Архелоном о том, как им понравились имения.

— У меня хорошая земля, — отозвался Эгор, — почти вся ровная, обрабатывать ее легко.

— А чего тебе беспокоиться об этом? — удивился Архелон. — Тебе же дали илотов, вот они и будут потеть на солнцепеке, чтобы у тебя все было.

— Илоты у меня, кстати, крепкие, — похвалился Эгор, — а несколько девчонок помладше — просто загляденье.

Обернувшись к Гисандру, он добавил:

— А у тебя есть приличные рабыни, способные скрасить твою жизнь, пока ты не нашел себе достойную спартанку?

— Да вроде есть парочка, — отозвался Тарас, — еще, правда, не присмотрелся как следует.

— Ничего, успеешь, — засмеялись друзья.

В этот момент у него за спиной раздался громкий голос, который было уже ни с чем не спутать.

— Это ты — Гисандр?

— Да, это я, — ответил боец, обернувшись.

Тарас захотел встать, но пентекостер сам присел рядом.

— Говорят, ты стал лучшим борцом на Гимнопедиях? — спросил напрямую Креонт и, не дожидаясь ответа, продолжил: — И лучше многих метаешь копье? Это хорошо. Завтра мы тебя проверим в бою.

— Я готов, — не стал отказываться Тарас, от которого не ускользнуло, как жадно сквозь общий гул ловил обрывки их разговора Деметрий.

— Завтра на рассвете, Гисандр, мы соберемся на поле для битв, расположенное у западной окраины Пелланы — ваши слуги знают это место, — заявил Креонт, хлопнув Тараса по плечу своей железной рукой, — там и посмотрим, каков ты в деле.

Примерно так и прошел весь оставшийся вечер первой сесситии. Пили спартиаты, надо сказать, не много, а разошлись уже затемно. На прощание Креонт строго-настрого приказал им не зажигать факелов по пути домой.

— Спартанец должен уметь свободно передвигаться в темноте, чтобы и ночью убивать своих врагов, не ожидающих нападения.

Тарас не очень удивился, ведь во время крипитий уже достаточно хорошо освоил опыт ночных нападений на «врага». Не раз приходилось бегать по лесам и горам под луной, сжимая в руке нож.

Выйдя в темноте на опустевшую площадь, они заметили на ней только кучку илотов, которые общались между собой, дожидаясь хозяев.

— Эй, Этокл, Бриант, — крикнул им повеселевший Тарас, — а ну-ка, забирайте оружие, лентяи, домой пора.

Ночь пролетела мгновенно. Едва успев добраться домой, раздеться и завалиться спать с приятным чувством тяжести в желудке, как пришлось уже вставать, одеваться и снова топать в полном облачении в сторону города. Да еще подгонять заспанных илотов, тащивших на себе щит и копье. Своего управляющего Тарас решил оставить дома, где тому хватало забот. А кроме того, оба илота отлично знали дорогу к полю для битв, где обычно тренировались в своем боевом искусстве спартиаты.

Прибыли они вовремя, по дороге встретившись еще с несколькими спартанцами из окрестных имений и, обогнув город по тропе, оказались у его западной окраины. Здесь они увидели множество вооруженных бойцов, стоявших группами в ожидании своих командиров. Все это были эфебы, такие же недавние молокососы, как и они. Тарас примкнул к группе, в которой находились Эгор с Архелоном и остальными.

— Ну где же наш пентекостер? — удивился Тарас, забрав щит и копье у своих илотов и рассматривая теперь поле для битвы. — Что-то он задерживается. А говорили, будто не любит опоздавших.

Это было в самом деле широкое поле, простиравшееся между изгибом горной реки и полуразрушенной крепостной стеной Пелланы и поросшее по краю кустарником. Судя по состоянию стены, в этом, да и других спартанских городах, за стенами вообще никто не следил. Хотя Тарас видел всего два или три города, повсюду чувствовалось пренебрежение к средствам обороны. Если где и оставались построенные в глубокой древности крепостные стены, то никто их не надстраивал и не обновлял. Все продолжало разваливаться на глазах. Впрочем, он однажды слышал, как кто-то из приезжавших в лагерь эфоров сказал: город должны защищать люди, а не стены. И если даже вокруг самой столицы Спарты стен не было, что говорить о других городах. Словно жители этой страны и представить не могли, будто кто-то осмелится напасть на них. Видимо, это тоже было частью заповедей Ликурга.

Неизвестная река огибала Пеллану и, спускаясь с отрогов Тайгета на равнину, где-то внизу наверняка впадала в Эврот. Больше ей впадать было некуда. Ведь вся центральная Лаконика, как успел узнать Тарас за время своего обучения, занимала обширную плодородную долину, находившуюся на его берегах. Добежав до края земли, Эврот впадал в Лаконский залив, который боец в душе все еще считал частью Средиземного моря. С другой стороны эту долину защищал хребет Парнон, отрогов которого Тарас еще ни разу не видел. А здесь, по ту сторону уже знакомого Тайгета, находились земли бывшей Мессении, разделенные на клеры и превращенные в собственность спартанцев вместе с ее жителями.

Разглядывая дальний край поля для битв, неподалеку от полуразрушенной стены, Тарас заметил холм, высотой примерно в двадцать с небольшим метров, где тоже обосновались вооруженные спартанцы. Только этих он не знал. Более того, несмотря на то что одеты и вооружены они были так же, как и недавние эфебы, по неуловимым признакам в них можно было определить опытных воинов. Они уже выстроились несколькими плотными шеренгами. На первый взгляд, неизвестных бойцов было человек сорок.

Перед строем, поглядывая свысока на подтягивавшихся к месту сбора молодых спартиатов, о чем-то беседовали два военачальника. Словно в ответ на замечание Тараса, один из них вдруг прекратил разговор и зашагал вниз, придерживая ножны меча. Это был широкоплечий бородатый спартанец, в котором он без труда узнал своего нового командира, хотя шрам на щеке и скрывал плотно сидевший на голове шлем.

— Построиться в три шеренги по своим эномотиям! — приказал Креонт, а когда приказ был исполнен, добавил: — Илотам отойти на дальний край поля. Каждый, кто окажется помехой, будет убит.

Повторять дважды не пришлось. Все илоты мгновенно удалились на самый дальний

край, чтобы не угодить под горячую руку разыгравшихся спартиатов. А кое-кто даже спрятался за росшие там кусты.

— Вас уже учили биться в строю, — начал пентекостер, — сейчас мы проверим, чему вас научили. Пока у вас нет командиров, которые будут управлять строем в бою, приказы отдаю только я. И я приказываю вам атаковать эту возвышенность с двух сторон одновременно.

Он обернулся, указав на занятый солдатами холм.

— Там стоит одна из эномотий Теламона, в которой служат опытные солдаты. У них приказ защищать эту высоту. Бойцов Теламона вдвое меньше, чем вас, но не ждите легкой победы. Прорвав строй, вы должны поразить броском копья снопы соломы, которые стоят позади бойцов Теламона. Это будет означать, что вы победили.

Он остановился, вдохнув еще прохладный утренний воздух, и продолжил, взявшись за пояс.

— У вас в руках настоящие мечи и копья, которыми вы можете пытаться поразить врага. Я разрешаю даже убить тех, кто стоит перед вами. Хотя я уверен, это вам не удастся. Тот, кто сумеет сделать это, будет награжден. Бойцы Теламона имеют приказ не убивать вас, что бы вы ни делали, а лишь калечить. Это все. Вперед, спартанцы!

И две эномотии, построенные в три шеренги по двенадцать человек, шагом устремились вперед, перехватив покрепче копья. Пентекостер оставался сзади и покрикивал иногда на них. Когда между ними и бойцами Теламона оставалось не более сотни метров, он бросил последний приказ:

— Обойти с флангов и атаковать одновременно. В атаку, бегом!

И обе эномотии, расширив расстояние между собой, устремились вверх по склону, прижав к себе щиты и выставив вперед копья. Еще мгновение — и они схлестнутся в битве с опытными воинами, которых хоть и было вдвое меньше, но выглядели они вполне спокойно, даже расслабленно, ожидая атаки превосходящих сил противника. Как это можно — биться боевым оружием и не поранить никого, Тарас не представлял. Но здесь, похоже, никто и не стремился заботиться о здоровье бойцов. Главное было выполнить задачу любой ценой. А если при этом кого-нибудь все же случайно проткнут, не беда. Остальные получат хороший урок.

Тарас бежал в первой шеренге той эномотии, которая атаковала с левого фланга. Рядом с ним находился Эгор, а чуть в стороне Архелон и Деметрий. Бойцы Теламона наконец вскинули щиты и слегка присели, выстроив одну сплошную заградительную линию, на которую было направлено множество копий. Красные гребни их шлемов напомнили Тарасу хохолки бойцовских петухов, приготовившихся к драке. Прикрывшись щитом, он пробежал еще несколько метров, оставшихся до «врага». И, тщетно пытаясь отыскать уязвимое место у своего противника, которого выбрал в последний момент, нанес тому удар копьем в плечо. То же самое сделали и остальные. Несколько звонких ударов означали, что все копья нападавших, соприкоснувшись со щитами, были отбиты. Зато ответный удар защитников холма оказался для них полной неожиданностью. Строй бойцов Теламона вдруг мгновенно совершил пол-оборота по всему фронту, щиты раздвинулись, и оттуда вылетели разящие копья, повалив первую шеренгу нападавших. Противник Тараса, здоровенный детина в панцире и шлеме, из-под которого сверкали злобные глаза, нанес точный удар в грудь спецназовцу. От этого удара Тарас свалился с ног и покатился кубарем вниз, сбивая спартиатов во второй шеренге. И лишь когда остановился, потеряв в суматохе свое копье, но оставшись со щитом, сообразил, что копье, которым ему нанесли смертельный удар, было тупым. Иначе он бы уже находился в царстве мертвых. Разящий удар пришелся прямо в грудь, и хотя на нем был панцирь из кожи, усиленный пластинами металла, шансов выжить после такого было очень мало.

— Ни хрена себе компот, — выругался Тарас по-русски, позабыв от ярости про осторожность, — ну я вам сейчас покажу, где раки зимуют.

Резво поднявшись на ноги и выхватив меч, он бросился вперед, пробираясь через своих

же бойцов из третьей шеренги, позади которой он оказался. Его глазам предстала картина быстрого и мгновенного разгрома. Вся вторая шеренга уже валялась на земле подобно первой, отправленная в партер одним точным и молниеносным ударом. На правом фланге ситуация была абсолютно такой же — солдаты второй эномотии безуспешно атаковали бойцов Теламона и буквально полегли, отброшенные не двинувшимися с места защитниками высоты. Сам пентекостер Теламон стоял чуть в стороне от схватки, вместе с Креонтом, и откровенно смеялся над его подопечными.

— Сбросьте вниз этих щенков! — даже крикнул он, не удержавшись. — Покажите им, что такое настоящие солдаты Спарты.

И новый удар поверг наземь третью шеренгу, в бессильной ярости накатившуюся на защитников высоты и так же быстро отхлынувшую от них, как от скалы. После первой атаки новобранцам Креонта не удалось продвинуться ни на метр. Тарас не участвовал в атаке третьей шеренги, быстро поняв всю ее бесполезность. Разгром был полным, ряды спартанцев смешались, но сдаваться он не хотел, как и многие, уже поднявшиеся на ноги.

Вместо этого, вскинув меч, он вдруг заорал:

— А ну, бойцы, становись за мной! Покажем этим уродам, что значит наша агела.

На его крик сбежались человек пятнадцать, из которых он выстроил клин и ринулся в атаку на незыблемо стоявших защитников высоты. Справа от него бежал Эгор, слева Архелон. Вместо утерянного копья в руках у него был меч, как и у большинства остальных спартиатов. Вылетевшее навстречу копье Тарас чудом сумел отбить мечом. Второе щитом, а третье копье пропустил, но, предчувствуя этот удар, успел наклонить голову, и оно сильно ударило его по шлему.

Голова откинулась назад, шея затрещала. Со звоном в ушах, но не потеряв сознание, он все же достиг бронированной шеренги щитов и саданул по первому попавшемуся своим мечом. Потом еще и еще раз. Атакованный солдат присел, чуть опустив копье и щит, но нанести ответный удар не успел. А Тарас увидел незащищенное плечо и рубанул по нему, выбив копье. Спартанец, потеряв равновесие, завалился назад. Хотя его тотчас поддержали двое из второй шеренги, а с боков надвинулись еще двое, закрывая брешь, сделать им это в полной мере не удалось. Эгор с Архелоном резво набросились на крайних, а Тарас нанес еще один удар ногой по торсу поверженного спартанца, добивая его, и сшиб с ног окончательно. Следующим ударом рукоятью меча в лицо он умудрился свалить еще одного бойца, и увидел, что цель близка. Им удалось пробить две шеренги защитников, оставалась последняя, за которой маячили вязаные снопы.

«Еще удар, и мы прорвемся, — ликовал Тарас, яростно работая мечом и отражая щитом несколько ударов копий подряд, которые словно молнии Зевса стремительно вылетали отовсюду, пытаясь поразить его, — останется только отобрать копье у кого-нибудь из этих напыщенных ублюдков и швырнуть его в сноп. А уж я попаду, будьте уверены».

Размахивая мечом, он увидел, что на правом фланге ситуация тоже повернулась похожим образом. Там молодые спартиаты тоже прорвали первую линию обороны яростным штурмом, и вел их за собой Деметрий, каким-то чудом оказавшийся во главе другой эномотии. Но Тарасу некогда было отвлекаться на посторонние мысли, сначала нужно было пробиться и победить. Однако «напыщенные ублюдки» на деле оказались очень хладнокровными ребятами. Они, словно роботы, сплотив ряды, методично разили Тараса со всех сторон своими копьями. И в конце концов, как он ни вертелся, поймав кураж, как ни рубил противника, изогнув уже не один гребень на шлемах, его все же достали.

Удача внезапно покинула его. Уже видя перед собой заветные снопы, означавшие победу, Тарас на секунду отвел в сторону щит и пропустил мощный удар в корпус, от которого резко качнулся вбок, налетев на сражавшегося рядом Эгора. Потом он получил еще один скользящий удар в грудь, и еще, и еще. Пока наконец не поплыл. Последний яростный выпад копья просто сшиб его с ног. Отлетев назад на пару метров, Тарас выронил щит и даже на некоторое время лишился сознания.

Когда он пришел в себя, все было кончено. Отбив все атаки, солдаты Теламона

бросились в наступление и прошлись железным маршем, «добивая» поверженного противника. Обе эномотии, едва не прорвавшиеся к заветной цели, были рассеяны.

Рядом кто-то истошно вопил. Это был неизвестный Тарасу парень из лагеря у Амикл, которому выбили копьем глаз. Впрочем, стоны скоро прекратились, — даже потеряв глаз, истекавший кровью спартанец стиснул зубы, устыдившись своей слабости. Еще одному молодому бойцу сломали руку, а другому шею. Мертвец с неестественно выгнутой шеей валялся всего в трех шагах от спецназовца. Глядя на эти потери в учебном бою, Тарас решил, что, если не считать ушибов ребер и головы, он еще легко отделался.

Когда он встал, покачиваясь, и быстро осмотрелся, то обнаружил своего командира. Точнее, двух. Оба пентекостера по-прежнему стояли рядом, обсуждая только что состоявшееся сражение так, словно люди в нем дрались резиновыми дубинами, а не настоящими копьями и мечами. «Впрочем, — отстраненно подумал Тарас, поправив съехавший шлем и нервно усмехнувшись своим мыслям из прошлого, — резиновой дубиной тоже можно мозги вышибить».

— Твои сосунки меня удивили, — изрек Теламон, стоявший, скрестив руки на груди, — особенно вот этот, который повел их в атаку, едва не прорвавшую оборону.

Тарас повернулся, поняв, что говорят о нем.

— Меня тоже, — признался Креонт и вдруг добавил, возвысив голос: — Гисандр, теперь ты будешь новым командиром первой эномотии.

Тарас выпрямил спину, но промолчал, не зная, что надо говорить в таких случаях. В ушах все еще звенело. А пентекостеры продолжали рассуждать вслух, словно его рядом и не было.

— И вон тот тоже неплох, — добавил Теламон, указав на кого-то за спиной Тараса.

— Его зовут Деметрий, — пояснил Креонт, — и тут я с тобой согласен. Во второй эномотии не нашлось достойных, но он быстро сориентировался и захватил власть. Из него выйдет неплохой вожак.

— Ну вот и отлично, — закончил разговор Теламон, собираясь уходить, — ты выяснил, кто из них достоин быть командиром. А мне пора.

Сделав несколько шагов в сторону своего отряда, который, довершив разгром, снова выстроился на вершине холма, так и оставшегося неприступным, Теламон обернулся.

— И уберите этого мертвеца, а то он скоро начнет вонять.

Разговор был закончен. Теламон зашагал наверх. А Креонт, оглядев стоявших на поле разрозненными группами спартиатов, имевших вид побитых собак, вдруг проревел своим зычным голосом:

— Строиться!

Когда побежденные и униженные спартиаты выстроились в ровные шеренги, разделившись на эномотии, он сообщил им:

— Вы проиграли бой, но ваша ярость достойна уважения. Считайте, что вы все погибли в бою за родину, а это достойная смерть. Вы смогли выстоять долго и даже едва не победили очень сильного противника, который в состоянии рассеять войско втрое больше вашего. Поэтому я доволен. Со временем из тех, кто доживет, выйдут неплохие бойцы.

Помолчав, он сообщил главную новость:

— С сегодняшнего дня командиром первой эномотии становится Гисандр, а второй — Деметрий. Теперь вы будете слушаться их так же, как меня, зная, что они передают вам мои распоряжения. Все, что сказали они, сказал я. А если меня убьют в бою, они возьмут на себя командование. В этом случае старшим будет Гисандр, как командир первой эномотии. А сейчас вы сделаете то, зачем сюда пришли.

Глава четвертая Амиклы

Пентекостер прошелся вдоль строя солдат обеих эномотий и, глядя в их напряженные лица, произнес:

— Сейчас вы принесете клятву на верность своим собратьям, чтобы того, что случилось с вами сегодня, больше никогда не повторилось. Запомните — спартанцы не могут проиграть битву и остаться в живых. Они могут либо победить, либо погибнуть. И ваша победа всегда зависит от ваших товарищей.

Остановившись, он обернулся лицом ко всем.

— Гисандр и Деметрий, займите свое место на правом крае первой шеренги. Теперь при любом построении вы должны стоять там.

А когда они оба выполнили это приказание, пентекостер отошел от строя на пять шагов и повысил голос, хотя он и без того гремел над полем.

— Сначала выслушайте, а затем повторяйте за мной слова клятвы.

И Креонт произнес короткую клятву, в которой говорилось, что отныне и до самой смерти во имя Спарты они должны быть одной семьей, помогать друг другу, как в бою, так и в мирной жизни. Разделять между собой все имущество, ведь теперь для них нет никакой разницы между своим и чужим. А жизни их всецело принадлежат родине.

Повторяя слова, которые чеканил пентекостер и которые сами собой отливались в объемные медные буквы, навсегда впечатываясь в память спецназовца, Тарас испытывал заслуженную гордость. В первом же учебном бою ему удалось привлечь внимание командира, добиться повышения. Как ни крути, а он теперь был не просто новобранец, а командир эномотии. Пусть и самого малого подразделения, но из них строились все большие, а в конечном итоге и все спартанское войско. Так что он уже мог себя чувствовать важной боевой единицей.

«Это что же получается, выходит, я теперь лейтенанта получил, — вдруг подумал Тарас, подсчитав количество людей, которыми придется командовать, — неплохо для начала. Жаль только, что здесь за звание никаких дополнительных выплат не полагается. Денег-то все равно нет».

Однако эти меркантильные соображения быстро оттеснила гордость за свои достижения. Стоя в строю самой сильной армии во всей Греции, Тарас поневоле проникся общим духом победителей, который после клятвы вновь вселился в души только что «разгромленного войска». И у него на миг возникло чувство: пусти их командир сейчас в новую атаку, они обязательно смели бы солдат Теламона с холма и захватили его.

Но в этот день спартиаты больше не штурмовали холм. Зато дрались друг с другом в поединках, а потом в строю своих подразделений до тех пор, пока жаркий полдень не сменился раскаленным днем, а день не начал клониться к вечеру. Лишь после этого Креонт разрешил своим войскам прекратить упражнения и приказал новоиспеченным командирам отвести их в здание сесситии, чтобы поесть и отдохнуть.

Отдав копья и щиты илотам, до города обе эномотии маршировали вместе, и Гисандр не мог не разглядеть на физиономии Деметрия завистливой ухмылки. Тот хоть и стал командиром, но вторым по значению после своего более удачливого соперника. А для самолюбивого Деметрия, уже несколько лет помыкавшего своими соплеменниками, это было не полное счастье. Он привык быть только первым. Но поделать ничего не мог, ведь так решили боги и пентекостер.

Сложив оружие в нише и выгнав на солнцепек илотов, спартиаты расселись по скамейкам за уже накрытым к их приходу столом. А Креонт, крикнув повару, чтобы тот нес быстрее главное блюдо, торжественно произнес:

— Сегодня вы отведаете особенное блюдо. То, что настоящие спартанцы любят больше всего. Теперь вы воины, и вам дозволено это есть.

Услышав слова командира, Тарас, напившийся воды и уже жадно поглощавший хлеб с теплыми овощами, немного напрягся. Видимо, речь шла о «черной похлебке». И он не ошибся.

Повар, невысокий мужичонка в простом сером гиматии принес в общий зал, наполненный запахами потных тел, огромную кастрюлю. Открыв ее, он осторожно, чтобы не пролить ни одной капли драгоценного содержимого, налил деревянным черпаком несколько

мисок и роздал их ближним спартиатам, а те передали сидящим в конце стола. Скоро очередь дошла и до Гисандра. Он взял свою глиняную миску и с осторожностью посмотрел на содержимое, принюхался.

Это была теплая бурая похлебка, отдаленно напоминавшая по цвету наваристый борщ, но от нее пахло совсем иначе. Да и плавающих овощей Тарас в ней не заметил: ни лучинки, ни капустки, ни картошки. Только бурая жижа и какая-то трава.

В нерешительности Тарас осмотрелся по сторонам. Остальные были менее осторожны. Многие уже ели «черную похлебку» за обе щеки, но были и такие, которые с трудом поглощали содержимое. Тарас поймал на себе изучающий взгляд пентекостера. Стараясь не обращать внимания на резкий запах, он отхлебнул из миски и едва не выплюнул все обратно. Вкус был омерзительный, напоминавший смесь крови с уксусом. Но на него смотрели со всех сторон, и он заставил себя проглотить это варево, считавшееся деликатесом для настоящих спартанцев. Поморщившись, Гисандр даже выдавил улыбку на своем лице. Его желудок за время обучения в лагере тоже прошел школу на выживание, а потому хоть и помучался немного, но выдержал.

— А теперь, когда вы вкусили пищи богов, — поднял Креонт свой наполненный кратер, — выпьем вина за вашего нового командира.

— Поздравляю, Гисандр, — похвалил от души Эгор, отпивая вина, — мы все думали, что командиром выберут тебя.

— Это точно, — поддакнул Архелон.

— Деметрию тоже повезло, — вставил слово Халкидид, — но он решил избавиться от нас, променяв на других.

— Для вас двоих в одной эномотии места не нашлось, — поучаствовал в разговоре Тимофей, решив наладить отношения с новым командиром.

«И то правда, — обрадовался Гисандр, оглядываясь вокруг в поисках отсутствующего Деметрия, но видел только его прежних друзей, оставшихся без вожака, — теперь он хотя бы не будет мозолить мне глаза своим видом во время еды».

Этот вечер прошел веселее, чем вчерашний. Тело его было изможденно, а кое-где имелись синяки и кровопотеки, но по сравнению с тем незадачливым парнем, которому свернули шею в первом же бою, ему повезло. И Тарас возвращался домой в компании друзей уже немного отдохнувшим от сегодняшних боев и тренировок.

А на следующее утро началась настоящая служба. Их гоняли в хвост и в гриву. После многочасовых поединков один на один они регулярно бились в строю своих эномотий. А чуть позже стали практиковать и «генеральные сражения» в составе лоха, где уже пентекостериям приходилось мериться силами. Пока все время побеждал Теламон, поскольку в его отряде служили опытные бойцы, а Креонт натаскивал молодежь. Но и его волчатам удавалось то и дело потрепать заслуженных вояк. С каждым разом они кусались все больнее.

Так, похоже, было во всех подразделениях, где молодежь составляла половину. Впрочем, в душе Тарас одобрял такую подготовку. У кого еще научиться, как не у зрелых воинов? А лучших учителей ближнего боя, чем спартанцы, было не придумать. Они сразу ему вдолбили, что учение — процесс активный. И мало что объясняли, а если делали это, то всего лишь один раз. Все остальное ты должен был понимать по ходу. Не успел — погиб. Твои проблемы. Но если выжил, то становился равным среди лучших.

Несколько раз за это время Тарас видел воочию и своего «верховного» командира — лохага по имени Хрисид. Но тот появлялся не каждый день, а лишь на крупных боях, чтобы проследить за слаженностью действий своего лоха. А кроме того, принимал участия в марш-бросках, во время которых лох Хрисида преодолевал за день до тридцати километров в полном вооружении. Бегали так, что илоты даже без амуниции за ними не успевали. Иногда приходилось прыгать и по горам, тренируя обходные маневры.

Так прошло несколько месяцев, за которые Тарас превратился из вчерашнего эфеба во вполне зрелого новобранца. Он отлично владел мечом, копьем и щитом. Бился в одиночку и

в строю, а также командовал своим подразделением на марше и в пылу атаки. Но чтобы считаться настоящим воином, не хватало только боевого опыта. Среди «старослужащих» солдат, которым было от двадцати пяти и выше, ходили слухи о скорой войне с Аргосом из-за небольшой спорной территории. Она называлась Кинурия и находилась на северной границе страны, всего в нескольких переходах от Пелланы.

Армия Спарты была всегда готова к бою. И война могла начаться в любой момент. Но для этого, как выяснилось, сначала народное собрание вместе с эфорами и царями должно было принять решение об объявлении войны. А этого пока не происходило, хотя слухи крепли.

Однажды вечером, ближе к концу сесситии, проходившей уже вполне раскованно, — спартиаты ели, пили, смеялись и шутили как обычно, отдавая дань армейскому юмору, — пентекостер положил руку на плечо стоявшему у дверей Гисандру. И, подождав, пока все выйдут, сказал, став неожиданно серьезным:

— Гисандр, скоро мы начинаем войну. — И, подождав, пока тот осознает новость, продолжил: — Но это еще не объявлено. Завтра утром ты возьмешь половину своей эномотии и отправишься в Амиклы к Леонту, нашему полемарху, с посланием. А обратно вернешься тогда, когда он тебе разрешит. Либо с новым посланием, либо вместе с войском, которое он приведет. А до тех пор будешь находиться в Амиклах и подчиняться его приказам.

— Все исполню, — поклонился Тарас.

— Завтра на рассвете будь здесь вместе со своими людьми. Получишь послание к Леонту, за которое отвечаешь головой. А теперь иди, отдыхай, ты свободен.

Выйдя на улицу, Тарас окликнул еще не разошедшихся спартиатов и приказал пятнадцати из них быть утром у здания сесситий в полном вооружении.

— Мы отправляемся в небольшой тренировочный поход, — скупо пояснил он свое приказание.

— А что случилось? — все же поинтересовался Архелон, выпивший сегодня на глоток вина больше, чем следовало.

— Завтра и узнаешь, — осадил его Тарас, внезапно став серьезным оттого, что впервые затевалось нечто важное. Если Креонт не пошутил над ним, а на это было не похоже, то скоро предстояла настоящая война. Но начиналась она уже с завтрашнего утра, когда следовало доставить какое-то сообщение военачальнику.

Однако по дороге домой Тарас повеселел. Эта оказия выпала очень кстати, ведь в Амиклах жила Елена, которая приглянулась ему еще на Гимнопедиях. Конечно, обещание жениться висело над ним, как дамоклов меч, но и без него девушка Тарасу запала в душу. Она была прямой, жизнерадостной, но не такой навязчивой, как Гелона, победившая ее в борьбе. «Надо будет улучить минутку и наведаться в гости, — подумал новоиспеченный командир эномотии, — разыскать девушку и познакомиться поближе. Вдруг повезет и она меня еще не забыла».

Правда, вспомнив о том, кем служит ее отец, Тарас немного погрустнел. Закрутить без последствий легкий роман с дочкой некоего Автония, который учил эфебов биться на мечах, представлялось маловероятным. Могли отрубить самое дорогое. «Но, с другой стороны, — подумал Тарас, — я же с самыми чистыми намерениями. Папаша приказал жениться, надо выполнять. Да и холостяков здесь не уважают. А то ведь ушлют на войну, а там одни боги знают, что случится».

Вернувшись домой по темной дороге, которую освещала только луна, Тарас разделся при помощи своего управляющего и завалился спать. Ежедневные физические нагрузки выматывали, но способствовали хорошему сну.

На следующее утро пятнадцать спартиатов, облаченных в доспехи и шлемы с красными гребнями, не считая еще пятнадцати оруженосцев, стояли, выстроившись в две шеренги у здания сесситий. Тарас, некоторое время назад определившийся, что на роль его оруженосца больше подходит Этокл — не такой умный, — был шестнадцатым. Здание сесситий иногда

использовалось пентекостером для совещаний. Был в Пеллане и «штаб армии», как его называл Тарас, — небольшое, но помпезное здание с многочисленными колоннами у входа, в западной части города, — но туда его приглашали не часто. Не того уровня был еще командир.

Несмотря на то что они собрались в указанный срок, Креонт не появлялся, а высившиеся у дверей охранники, которые здесь появлялись только по особым случаям, хранили молчание. И Тарас уже начал беспокоиться, не случилось ли за ночь чего-нибудь непредвиденного. Но в этот момент приземистая дверь со скрипом отворилась, и появившийся на пороге Креонт сделал ему знак приблизиться, а затем войти в здание.

Там, кроме него, Тарас обнаружил сидящими за столом еще двоих хорошо знакомых офицеров. Одним из них был Теламон, а другим сам Хрисид. Командир лоха выглядел невыспавшимся и усталым. На его бородатом скуластом лице явно читалось недовольство.

На столе дымило несколько огарков свечей и стоял кувшин с водой, а также плошка с сыром и оливками. «Да у них тут, похоже, военный совет был, — догадался Тарас, осмотревшись, — значит, Креонт не пошутил».

— Вот твое сообщение, — протянул ему пентекостер плоский предмет, заигравший в отблесках свечей.

Это была небольшая медная табличка, точнее две таблички, повернутые лицевой стороной внутрь и спаянные по краям, так что прочесть ее содержимое можно было, лишь поработав предварительно зубилом и молотком. Размерами она значительно уступала «документу на недвижимость» и едва закрывала ладонь.

— Отправляйся немедленно, — произнес Хрисид, — ты должен доставить ее не позднее, чем за трое суток.

— Но и не раньше, — добавил лохаг, напустив тумана.

— Все исполню, — ответил Тарас, прижав руку к груди, после того, как спрятал табличку под панцирь.

— Что делать после того, как доставишь ее в Амиклы, ты знаешь, — напутствовал его пентекостер, хлопнув по плечу.

Когда Тарас вновь оказался снаружи, то с жадностью вдохнул свежий воздух, — в помещении сесситий дышать было трудно от дыма свечей. И, осмотрев свое войско, отдал приказ выступать.

— Выдвигаемся на дорогу в сторону Спарты, — объявил он, а вспомнив, что Амикл требовалось достичь немного быстрее, чем позволяла пешая прогулка, добавил: — Бегом.

И встав во главе колонны, первым побежал вниз по центральной улице, ведущей к воротам. С того момента, как он оказался вне лагеря эфебов, ему, как и всем, было разрешено носить сандалии, что оказалось очень кстати. Как ни тренируй свои стопы, они все же мягче острых древесных иголок, сучков и камней, попадавшихся на проселочной дороге. Впрочем, через некоторое время дорога, которая шла от Пелланы вниз к долине Эврота, соединилась с мощеной «магистралью», выстроенной параллельно течению главной реки Спарты. И бежать по ней стало еще легче.

За первые часы этой пробежки спартиаты преодолели приличное расстояние, и Тарас был вынужден перейти на шаг, чтобы тащившие на себе щиты и копья оруженосцы смогли хотя бы приблизиться к своим хозяевам. Поскольку они, как ни старались, не поспевали за тренированными спартиатами.

— Привал, — разрешил остановку Тарас, увидев источник, бивший из небольшого холма у дороги, — пусть илоты догонят нас наконец. А то мы рискуем прибежать в Амиклы без оружия.

Хохот расположившихся вокруг воды спартиатов был ему ответом. Сняв шлем, Тарас уселся на придорожный камень и несколько минут разглядывал поросшие пахучими травами холмы, пока илоты, гремя оружием, не остановились рядом, чтобы перевести дух. Но никто из них не снимал с себя ношу, выжидательно поглядывая на командира эномотии. Даже раб, который тащил средней величины котел и мешок с вяленым мясом, из которого они должны

были готовить похлебку в пути.

— Можете скинуть оружие и попить воды, — смилостивился Тарас, скользнув взглядом по изможденным лицам рабов. — Скоро мы побежим дальше.

Илоты с радостью опустили на траву щиты и копья, сгрудившись вокруг источника, где уже было свободно.

— Эти твари слабы и ленивы, как сонные мухи, — заметил Халкидид, подходя к разомлевшему Тарасу.

— Ты прав, — кивнул командир эномотии, — но ведь их никто не тренировал так, как нас. Они просто крестьяне.

— Если мы возьмем их на войну, — продолжал делиться сомнениями Халкидид, усаживаясь рядом, — то рискуем оказаться в нужный момент без своих копий.

— Ничего, — отмахнулся Тарас, — они уже бегают лучше, чем три месяца назад. Еще пара таких переходов, и они смогут удержаться за нами на должном расстоянии.

Халкидид промолчал, изучая фыркавших от удовольствия илотов, которые жадно пили воду, отталкивая друг друга от источника.

— Или мы будем носить свое оружие сами, — ухмыльнулся Тарас.

Посидев еще пару минут, он встал, заканчивая «перекур». Оглядел всех отдыхавших и громко объявил:

— Построиться. Бегом за мной.

И отряд вновь затрусил в сторону Спарты, которой они достигли утром второго дня. Пробегая мимо «отцовского» имения, Тарас невольно вспомнил про жаркие объятия Хилониды, но отогнал от себя эти мысли. Как ни крути, он собирался уже чуть ли не предложение делать, и надо было настраиваться на серьезный лад. Но это было не так просто — горячая рабыня никак не выходила из головы.

А вечером третьего дня отряд Гисандра был уже в Амиклах. Почему следовало прибыть не позже, но и не раньше назначенного срока, Тарас не знал, но и не особенно напрягался. В конец концов, не его это дело. Начальству виднее. А Гисандр, как командир эномотии, должен был всего лишь выполнить несложный приказ. После того, как они прошли быстрым шагом поворот на еще не забытый лагерь эфебов, дорога стала забирать круто вправо и вскоре вновь пошла в гору. Несколько часов они поднимались вверх. А когда за очередным холмом показались ворота крепости, чуть ли не единственной настоящей крепости в Спарте, с нормальными воротами и не совсем обвалившимися стенами, за которыми виднелось множество каменных зданий, Тарас смог расслабиться. Задание было почти выполнено. А до заката еще оставалась время, чтобы разыскать полемарха Леонта.

Еще на подходе к столице Тарасу бросилась в глаза резко возросшая активность — им постоянно попадались небольшие отряды вооруженных спартанцев, сновавшие по дороге в обе стороны. «Видимо, такие же, как мы, посланцы, — усмехнулся Тарас невольному сходству и даже пожалел правительство, — тяжело без спецсвязи, приходится гонцов рассылать во все концы страны».

А у самих Амикл, служивших, как выяснилось, едва ли не главной военной базой после Спарты, гонцы с охраной стали попадаться вдвое чаще. У ворот города, открытых по обыкновению, отряд Тараса впервые остановили, допросив, к кому он следует.

— Я ищу Леонта, полемарха третьей моры, — сообщил Тарас долговязому и жилистому, как многие спартанцы, охраннику.

— Третья мора стоит в лагере с северной стороны города, — объяснил охранник, внимательно изучив лицо Тараса, словно показавшееся ему подозрительным, но затем махнул рукой в сторону, — а сам полемарх живет в конце этой улицы. Дойдешь до рынка, а там спросишь.

— Ясно, — кивнул Тарас и, решив не задавать больше вопросов, проследовал в город со своим отрядом.

Дом военачальника он разыскал довольно быстро — приземистое двухэтажное

строение, огороженное забором, примыкавшим задней стороной к небольшому полю, на котором состязались эфебы. И хотя Леонт находился в сесситии, узнав о сообщении, охрана немедленно разыскала его. Встреча состоялась без промедления прямо у дверей здания сесситий, которое было здесь немногим больше, чем в Пеллане, но таким же простым, без всяких колонн и архитектурных изысков.

— Меня зовут Гисандр, я командир первой эномотии, входящей в лох Хрисида. Он послал меня передать вам это, — поклонился Тарас, вынимая табличку и протягивая ее полемарху: бородатому широкоплечему воину, нос которого был проломлен мощным ударом, отчего делал его похожим на Книда, стоявшего позади Тараса в шеренге бойцов. На вид Леонту было лет сорок пять, и он казался зрелым воякой, каким и должен быть человек, управлявший шестой частью спартанского войска.

— Что мне теперь делать? — осведомился Тарас, когда полемарх, забрав табличку, спрятал ее в своей одежде.

— Оставайтесь пока здесь, — решил полемарх после коротких раздумий. — Обогнув город, ты найдешь с северной стороны мой лагерь. Там спросишь Этона, это мой помощник, он покажет, где тебе разместить своих солдат. Там будешь находиться со своими людьми до тех пор, пока я не отдам нового приказа.

Тарас молча поклонился, втайне радуясь тому, что задержится здесь на один, а может, и на несколько дней. Это давало ему шанс разыскать Елену. Как рассказал ему на одном из привалов Скиронт — боец, проходивший обучение в местном лагере и лично знававший отца Елены, — его дом должен был находиться в городе, недалеко от поля для занятий. И развернув свой отряд в сторону ворот, Тарас невольно обратил внимание на сражавшихся за забором эфебов. Неподалеку от них стояли двое взрослых воинов, молча взиравших на схватки своих подопечных.

— Эй, Скиронт, — окликнул на ходу бойца Тарас и, указав в сторону сражавшихся, спросил: — Это не твой учитель?

Скиронт повернул голову в указанном направлении и с первого взгляда узнал Автония, который учил эфебов биться на мечах.

— Да, это он. Вон тот, что стоит справа.

Тарас, немного замедлив шаг, присмотрелся к потенциальному тестю. Это был воин крепкого телосложения, но среднего роста и с такими накаченными плечами, что панцирь на нем едва сходился. Длинные волосы и борода, а в особенности шлем, не позволяли рассмотреть его лица, но во всей позе «учителя фехтования» ясно прослеживалось желание подавлять и ломать непокорных. Тарас немного напрягся, но решил, что каким бы крутым воякой ни был этот Автоний, он вряд ли откажется от перспективы породниться с сыном геронта. И решил сегодня же вечером, позаботившись о ночлеге и ужине, отправиться на поиски заветного дома.

Обратно они шли медленно, Тарас хотел получше рассмотреть город: когда еще здесь окажешься — неизвестно. Город был большой, едва ли меньше самой Спарты и такой же древний. Стоял он на естественном возвышении — плоских холмах, окруженных высокой крепостной стеной, настолько толстой, что на ней могли разойтись два воина в полном облачении, правда, без копья наперевес. На расстоянии примерно в сотню метров из нее вздымались прямоугольные полуразрушенные башни. По всему было видно, что оборонительные сооружения построены в незапамятные времена и с тех пор не обновлялись. Но запас прочности у них был еще приличный, и в случае осады Амиклы имели даже больше шансов устоять, чем Спарта.

Многочисленные каменные дома с островерхими крышами облепили улицы, расходившиеся в беспорядке от ворот, к которым возвращался сейчас отряд спартанцев из Пелланы, пробираясь сквозь бурлящую толпу военных. По улицам, мешая передвижению солдат, спокойно бродили козы и овцы, многим из которых уже была уготована судьба жертвенных животных. Гражданского населения — илотов или периеков — здесь было очень мало, — в основном на глаза попадались вооруженные спартанцы, которые, казалось,

одни только и населяли этот город.

Обилие панцирей и шлемов, однако, не помешало Тарасу заметить, что в Амиклах, как и в самой Спарте, огромное количество всевозможных храмов и жертвенников, без которых набожные жители Лакедемона не мыслили своего существования. А недалеко от того места, где он прощался с полемархом, командир эномотии узрел огромных размеров статую Аполлона и не менее впечатляющий храм.

— Однако, — пробормотал он, — здесь почитают Аполлона едва ли не сильнее, чем в столице.

Выйдя из тех же ворот, они обогнули город вдоль крепостной стены и примерно через час были на его северной оконечности, где их взорам предстал огромных размеров военный лагерь, — сотни кожаных палаток и десятки костров, на которых варился походный ужин. Видимо, на всю армию помещения для сесситий в Амиклах не нашлось.

Пройдя сквозь кордоны и разыскав Этона в наступавших сумерках, что оказалось делом нелегким, Тарас сообщил ему, кто он и откуда.

— Следуй за мной, — кивнул Этон, военачальник примерно одного возраста с полемархом, за спиной которого высилось несколько охранников.

Без лишних разговоров он привел Тараса с его бойцами к дальней оконечности лагеря, где стоял обоз. Дюжина распряженных повозок, в которых лежало много необходимого в походе добра, от копий до котлов и палаток. Рядом с обозом прогуливались несколько охранников в полном облачении и с оружием в руках. При виде приближавшейся группы воинов они напряглись, но, разглядев впереди всех Этона, вновь вернулись к патрулированию местности.

— Забирай три палатки и ставь их вон там, — указал помощник полемарха на одну из свободных лужаек вдоль крайнего ряда палаток первого лоха. Еду готовить можете рядом. Надолго прибыли?

— Как решит Леонт, — ответил Тарас, — может, завтра обратно уйдем. А может, позже.

— Ясно, — удовлетворился ответом Этон и добавил, вспомнив о чем-то известном только ему: — Думаю, дня на три вы тут застряли.

— Правда? — просиял Тарас. — Ну что поделать. На все воля богов.

— И Леонта, — добавил его помощник, усмехнувшись. — Разбивайте лагерь. Если что, найдешь меня вон у тех палаток.

И исчез в направлении костров, от которых уже тянуло приятным запахом мясной похлебки.

— Эгор, — подозвал друга Тарас, едва только Этон исчез из поля зрения в быстро сгущавшейся темноте, — ты тут проследи за установкой лагеря. Назначаю тебя старшим. И еду начинай готовить.

— А ты как же? — удивился Эгор.

— А мне надо отлучиться в город, — схитрил Тарас, у которого словно шило свербило в одном месте, когда он думал о Елене, находившейся так близко. Ради нее он был готов рискнуть благополучием гражданина и даже нарушить устав. — Сходить в Амиклы, кое-что уточнить у полемарха.

— Думаешь, он тебя снова примет? — не переставал удивляться спартиат. — Да и где ты его найдешь? Скоро ведь сесситии закончатся, все разойдутся.

— Ничего, успею, — отмахнулся Тарас, подумав про себя: «Тем более надо торопиться, надо успеть разыскать ее дом, а то еще, не дай бог, папаша вернется с пирушки».

И добавил, удаляясь быстрым шагом:

— К ужину вернусь.

— Эй, илоты, — услышал он за спиной, — ты и ты, берите палатки и тащите их вон туда. Да оставьте вы пока оружие здесь, никто его не украдет.

Быстро миновав палаточный лагерь третьей моры, Тарас перешел на бег и спустя каких-то двадцать минут снова был у городских ворот и был пропущен без лишних

вопросов. В городе и вокруг находилась масса солдат, и нападения никто не боялся. Спартанцы настолько были уверены в своей неуязвимости, — как припомнил Тарас из недавних разговоров на сесситиях, — что даже не запирали городские ворота, если они вообще были. Ведь в Спарту никто не вторгался уже не один десяток лет. А может, и больше, Тарас не уточнял.

Пройдя по единственной знакомой улице до самого конца, Тарас вновь легко разыскал приземистое двухэтажное строение, огороженное забором, — дом полемарха. В нем и вокруг было тихо. На примыкавшем поле, где днем состязались эфебы, тоже. Леонт, похоже, все еще отдыхал в сесситии, а охрану дома Тарас беспокоить не стал, решив вообще к нему не приближаться, чтобы избежать ненужных расспросов. Он и так мог нарваться на неприятности, оставив своих людей без начальства.

«Однако надо как-то разыскать дом этого Автония», — подумал Тарас, стоя в глубокой тени, которую давала стена храма, и поглядывая на редких прохожих в конце пустынной улицы.

Наконец он решился: со стороны поля вдоль храма шли два эфеба, явно отправленные кем-то по делам, иначе они в такой час не шлялись бы здесь просто так. Приглядевшись, Тарас заметил, что оба несли на плечах по несколько копий, наверняка учебных.

— Эй, — окликнул их Тарас, отделяясь от стены и вспомнив, что здесь бытовал обычай останавливать и допрашивать всю молодежь, куда бы она ни направлялась, — куда вы идете?

— Мы возвращаемся в лагерь, господин, — ответил со всем уважением один из эфебов, оглядывая вооруженного спартиата, — нас сюда послал надзиратель забрать учебное оружие, которым мы тренировались. Один из тех, кто должен был проследить за ним, забыл об этом.

— Тяжело ему теперь придется, — нарочито громко усмехнулся Тарас.

— Да, — подтвердил эфеб, — его уже высекли.

— Хорошо, — кивнул Тарас, сделав вид, якобы доволен ответом. — Вы знаете, где находится дом Автония?

— Учителя битвы на мечах? — переспросил тот, который был повыше, без всякого страха перед незнакомым воином.

— Да, его, — подтвердил Тарас, наклонив голову, чтобы эфебы его не смогли запомнить.

— Так вот же он, — указал эфеб на ближайший перекресток, — совсем близко. Второй дом от угла. За деревьями. Там и живет учитель Автоний. Мы несколько раз приходили к нему.

— Вы можете идти, — разрешил Тарас, а когда эфебы удалились в сторону ворот, быстро прошмыгнул вдоль стены к перекрестку и остановился под раскидистым деревом, разглядывая указанный дом.

Это было двухэтажное задние довольно грубой постройки. Впрочем, как и большинство жилых домов спартиатов. С короткими колоннами-подпорками и балконом над входом. Только сильнее обычного вытянутое в длину. В дальнем конце к дому примыкала какая-то пристройка. Не то хлев, не то амбар для хранения повозки и другой громоздкой домашней утвари. Все остальное тонуло в темноте. Дом стоял торцом к улице и был отгорожен от нее невысоким забором с калиткой, а от соседних домов деревьями, так что получался небольшой внутренний дворик и даже собственный парк. Напротив, через улицу, выступало из мрака здание небольшого храма и окружавшие его статуи с интересом взирали на притаившегося спартанца.

«Неплохо устроился учитель, — подумал Тарас, рассматривая дом и примыкающий участок, — но у меня земли больше. Интересно только, где живут его илоты. Для нескольких семей дом тесноват».

В этот момент Тарас услышал слабый шум и заметил невысокую фигуру, обернутую в длинный гиматий, которая показалась на балконе. Это была девушка, которая, встав у

ограждения, смотрела на постепенно погружавшийся в сон город. Едва взглянув на эту фигуру, Тарас узнал в ней Елену, ту самую бойкую красотку, которая первой назвала его Победителем, затмив своей красотой всех остальных «гимнасток». Мгновенно потеряв всю способность соображать, Тарас вышел из-под скрывавших его ветвей и крикнул:

— Елена!

Девушка встрепенулась.

— Кто там бродит? — спросила она. — Покажись, или я вызову отца и он убьет тебя.

— Не стоит. Может быть, мы с ним еще подружимся, — громко произнес Тарас, в два прыжка оказавшись у калитки и легко перемахнув через нее, — это я, Гисандр. Тот, кого ты видела на Гимнопедиях. Я пришел, потому что хотел увидеть тебя снова.

Несколько мгновений девушка молчала, но потом все же узнала его.

— А, это ты, победитель. — Голос ее заметно потеплел. — Значит, ты разыскал меня, хотя и прошло несколько месяцев. И решил ворваться в мой дом, пока мать в отъезде, а отец на сесситии?

— А его нет? — с надеждой уточнил Тарас.

— Нет, — подтвердила девушка, — но скоро должен вернуться. Кажется, я слышу его шаги.

— Тогда я удалюсь, — решил Тарас, отступая к калитке, — не хотел бы тревожить его раньше времени. Меня ждут мои солдаты. Ведь я теперь полноправный гражданин и служу Спарте.

— Не очень-то ты смел, Гисандр, — упрекнула его девушка, — а еще победитель Гимнопедий.

Тарас остановился, прикидывая шансы быстрого наступления и захвата «крепости». Если полемарх вдруг вернется с сесситии раньше и решит пообщаться с командиром отряда из Пелланы, то его ждут большие неприятности за самовольное оставление лагеря. Не говоря уже о том, что папаша девчонки тоже мог вернуться с минуты на минуту.

— Я приду завтра, если позволишь, — пробормотал Тарас, чувствуя непривычное смущение, хотя ему очень хотелось войти прямо сейчас, — и, может быть, даже встречусь с твоим отцом.

— Лучше не стоит, — заявила Елена. — Приходи утром или днем, когда он тренирует эфебов. А потом я сама решу, надо ли вам встречаться.

— Повинуюсь, моя госпожа, — произнес Тарас, исчезая в темноте.

Обернувшись на углу улицы, он все еще мог увидеть зыбкий силуэт, стоявший на балконе. Ему даже показалось, что девушка помахала ему рукой. Весь обратный путь до лагеря Тарас не шел, летел, несмотря на то что дорогу ему освещала только луна.

Глава пятая П

Вернувшись в полной темноте в лагерь, Тарас не сразу разыскал место ночевки. На входе его допросили часовые, кто он и откуда, но, признав за своего, пропустили. Затем пришлось поплутать среди многочисленных костров, — все собравшиеся на этом поле спартанцы ели не торопясь: сказывалась привычка подолгу проводить время в сесситиях. То и дело над лагерем слышался смех, а то и грубый хохот. Еще днем, окинув взглядом количество палаток, Тарас решил, что здесь, под командой полемарха, собралось человек пятьсот или даже шестьсот. Примерно столько бойцов насчитывала мора в спартанском войске.

Большинство солдат из его отряда тоже сидели у костра, доедая скудный ужин. Тарас вернулся неожиданно быстро, радуясь, что смог разыскать Елену, и уже обдумывал, как бы ему завтра исчезнуть из лагеря без объяснений.

— Ну, Эгор, что у нас сегодня на ужин? — поинтересовался он, присаживаясь к костру на поваленное дерево, которое служило спартиатам скамейкой.

— Здравствуй, Гисандр, — приветствовал его друг, доедавший какую-то жижу из

плошки при мерцающем свете костра, — наш повар успел к твоему приходу сварить неплохую похлебку из костей барашка. Присоединяйся.

Повар из илотов налил ему наваристой жижи, проглотив которую одним махом Тарас ощутил приятную теплоту в желудке.

— Ну как, видел полемарха? — спросил Эгор.

— Нет, — отмахнулся Тарас, изобразив на своем лице разочарование, — не успел. Ты был прав. Завтра утром схожу еще раз.

— Пока тебя не было, приходил Этон, — сообщил его друг, — сказал, что утром мы будем проводить общую тренировку в составе моры.

— Отлично, — погрустнел Тарас, вставая. — Тогда нам пора спать. Поставь часового, чтобы ничего не пропало из оружия.

— Уже, — кивнул Эгор в сторону спартиата, который мерил шагами расстояние между палатками, то и дело пиная илотов, спавших прямо на земле вокруг составленных домиком копий.

Добравшись до своей палатки, которую он делил еще с пятью воинами, Тарас повалился на жесткое ложе. «Ладно, — решил он перед тем, как заснуть, — утро вечера мудренее, что-нибудь придумаем».

А наутро в лагерь прибыл сам Леонт и провел «общевойсковые учения», в которых пришлось поучаствовать и отряду Тараса, волею судьбы занесенному в Амиклы. По сути, это было то же сражение, только в составе нескольких более крупных соединений, чем эномотия. И поэтому бой немного отличался. Разделив своих солдат на две неравные части, Леонт приказал меньшей защищаться, а большей атаковать, пытаясь захватить своего противника в кольцо и уничтожить.

Небольшой отряд Тараса был в числе атакующих. Среди них он увидел множество таких же, как и он, новобранцев. А вот среди оборонявшихся, которыми командовал Этон, таких не было. Их ряды состояли сплошь из опытных бойцов.

Леонт вводил в бой то одну пентекостерию, то другую, изматывая солдат Этона. Но те стояли твердо, отбивая все атаки. Однако им противостояли не только новобранцы, но и опытные воины. В конце концов их порядки были разбиты и оттеснены за край поля, что считалось поражением. Тарасу тоже удалось помахать мечом и дважды сходить в атаку, но, несмотря на все старания, та пентекостерия, к которой он был временно приписан, дважды была отброшена и выведена Леонтом из боя. К счастью, увечий никто не получил, хотя драка была яростная, как всегда.

Закончилась она еще до полудня, после чего Леонт разрешил войскам отдохнуть и затем заниматься обычными тренировками силы и выносливости со своими командирами. В этом случае власть вновь возвращалась к Тарасу, который не замедлил исчезнуть из лагеря, едва заметив, как его покинул сам полемарх со своими охранниками. Никаких приказов лично ему полемарх не отдал, да Тарас уже и не стремился убыть из Амикл, пока не выполнил своей тайной миссии — провести переговоры насчет женитьбы. Спартанский образ жизни, которым он жил уже некоторое время, подсказывал ему, что времени на шашни с барышнями у него не так много, как хотелось бы, и придется все делать быстро, на свой страх и риск.

— Ты потренируйся с бойцами до обеда, пробегись стадий тридцать, а потом отдыхайте, — приказал Тарас, направляясь в сторону Амикл, — а я в город.

— А что же ты здесь с полемархом не поговорил? — заподозрил что-то неладное Эгор.

— Здесь он занят был, — отмахнулся Тарас, — командовал сражением. Да и неудобно здесь. Если боги помогут, то обернусь быстро. Так что давай, принимай командование.

Эгор не поверил ни единому слову друга, но расспрашивать не стал, пожав плечами.

В Амиклах бравый командир эномотии был буквально через полчаса. Днем здесь было более многолюдно, но большинство прохожих были военными. Безоружные илоты и периеки попадались довольно редко, да и лавок, не связанных с производством оружия, по сравнению с Пелланой, здесь было меньше. Впрочем, Тарас ведь осмотрел не весь город,

который был огромен, а лишь несколько центральных кварталов. Быстро разыскав дом Автония, он вновь пристроился под деревьями, которые на этот раз давали тень от солнца, и стал наблюдать. Чутье подсказывало ему, что ломиться с ходу туда не следовало.

На сей раз улица была не так пустынна. То и дело по ней проходили вооруженные спартиаты, затем в сторону поля для битв прошествовала толпа эфебов, подгоняемая надзирателем. А вскоре, сразу поле того, как она исчезла за поворотом, прибежал взмыленный эфеб и вошел в дом Автония. Не прошло и минуты, как он вышел оттуда в сопровождении самого хозяина дома.

Крепкосбитый Автоний, был, как и полагается, облачен в едва сходившийся на его плечах панцирь. Но шлем он надел, уже выйдя на улицу. Длинные волосы и борода на сей раз не помешали, и Тарас успел рассмотреть его лицо: широкое, скуластое, лицо сильного воина, который может ударом кулака размазать своего противника по стене. Судя по всему, этот мужчина любил приводить всех к покорности. «Непонятно, откуда у него такая свободолюбивая дочка», — хмыкнул Тарас себе под нос, едва Автоний повернул налево, не заметив его среди деревьев, и зашагал в сопровождении эфеба к полю.

Выждав, пока тот исчезнет из вида, и решив, что дальше ждать не стоит, Тарас прошмыгнул в калитку, сразу за которой остановился, негромко крикнув:

— Елена, я здесь! Я пришел.

И добавил, помолчав немного:

— Это Гисандр!

Спустя мгновение девушка показалась из дверей. На ней было простое одеяние, но даже этот короткий хитончик не мог скрыть прелестей молодой «гимнастки». А воображение Тараса тут же разыгралось не на шутку.

— Ты не слишком торопился, победитель, — приветствовала его девушка, прищурившись на солнце и тряхнув своими светлыми волосами, не убранными в прическу, — я уже почти заскучала.

— Я летел так быстро, как только мог, — попытался оправдаться Тарас, сделав шаг навстречу и останавливаясь рядом с небольшим фонтанчиком в виде кувшина, стоявшим во дворе дома, — но утром у нас было учебное сражение, которым командовал сам полемарх. И я не мог отлучиться раньше. Говорят, скоро будет война.

Услышав про это, Елена тоже стала серьезной.

— Да, отец тоже как-то обмолвился об этом, — подтвердила она и смилостивилась: — Ну что ж, заходи, пока его нет.

— А еще кто-нибудь в доме есть? — напрямик спросил Тарас, у которого в голове закрутились бог знает какие мысли, когда он вошел в полумрак большой комнаты, посреди которой стояло широкое ложе.

— Нет, — раззадорила его Елена, — слуг я отослала на рынок и по делам, так что мы одни.

Тарас снял шлем, положил его на скамью. Огляделся. Комната немного походила на комнату его отца в родовом имении и на его комнату одновременно. Та же грубая мебель, то же оружие на стене — пара копий, висевших здесь явно для украшения жилища. Судя по всему, это была комната отца, а сама Елена жила в другой.

— Хочешь испить чего-нибудь с дороги? — предложила юная спартанка. — Ты, наверное, утомился. Ведь лагерь Леонта, как я слышала, стоит на самой окраине.

— Не откажусь, — кивнул Тарас.

— Тогда пойдем, — позвала его Елена, проходя в следующую комнату.

Здесь стоял стол, а на нем невысокий кувшин. Рядом несколько кратеров. Елена налила в один из них бурый напиток, подала его гостю. Тарас взял чашу и осторожно принюхался — там была явно не вода, а нечто похожее на гриб. Во всяком случае, на вкус очень похоже, терпкое и слегка забродившее. «Не отравить же она меня решила», — усмехнулся Тарас, медленно выпивая содержимое кратера.

Пока он пил, Елена подошла к небольшому окну, из которого открывался вид на

деревья. И Тарас имел возможность полюбоваться ее крепкой фигурой, обтянутой в невесомую одежду. Не в силах больше с собой бороться, он поставил чашу на стол и, шагнув к девушке, обнял ее сзади.

Елена вздрогнула, но отстранилась не сразу, а позволив Тарасу несколько секунд подержать себя в объятиях. И за эти мгновения он окончательно потерял голову, ощутив под хитоном ее нагое тело.

— Не слишком ли ты быстро перешел в наступление, победитель? — сказала девушка, развернувшись и отступая на шаг, но все еще оставаясь в опасной близости. — Ведь ты не на празднике Гимнопедий, и тут нет трибун, перед которыми надо показывать свою ловкость.

— Зато тут есть ты, — вздохнул Тарас, снова делая шаг вперед и пытаясь захватить в плен длинноволосую красавицу, но Елена ловко увернулась, отбежав за стол, — с тех пор, как я впервые увидел тебя там, на празднике, я думаю только о тебе, Елена.

— Слова, достойные поэта, — кивнула Елена, усмехнувшись, — но в Спарте не любят поэтов, Гисандр.

— Я не поэт, я воин, — заявил молодой спартанец, пускаясь в обход стола в погоню за беглянкой, которая, смеясь, убегала от него.

— Тогда сначала завоюй меня, — отрезала Елена, снова убегая в отцовскую комнату.

«Да она заигрывает со мной», — решил обрадованный Тарас. А когда он вбежал за ней, то увидел, что девушка стоит с копьем наперевес, но на ее лице по-прежнему играет улыбка. Тарас посмотрел, как она держит оружие, и убедился, — вполне профессионально. Достойно участницы Гимнопедий. Один удар и он уже в царстве мертвых. Но сердце подсказывало ему, что она этого не сделает. Помедлив лишь миг, Тарас осторожно отвел рукой в сторону направленное на него острие, — девушка выжидательно смотрела на него, ничего не предпринимая, — а потом вырвал копье резким движением, отбросив в сторону. Еще шаг и он поймал Елену в свои объятия и поцеловал, прижав к стене. Этот поцелуй был долгим и жарким, поскольку девушка не отстранилась. А напротив, приникла устами к губам Гисандра, ответив на поцелуй. Так они стояли несколько минут, позабыв обо всем. И Тарас уже распалился настолько, что готов был повалить ее на отцовское ложе, но тут за его спиной послышались шаги.

— Так вот чем занимается моя дочь, пока я воспитываю этих недостойных эфебов! — раздался гром среди ясного неба.

Елена вскрикнула, оттолкнув Тараса, а тот сделал шаг назад, пытаясь взять себя в руки. На пороге, преградив выход, стоял широкоплечий Автоний. «Недолго музыка играла», — вздохнул Тарас, застигнутый на месте преступления. Он уже решил, что Автоний сейчас бросится на него с мечом, чтобы зарубить, но этого не произошло. Тот вдруг ухмыльнулся и произнес, погладив свою бороду:

— А ведь я тебя знаю, ты — Гисандр. Лучший борец Гимнопедий.

— Да, это я, — не стал отнекиваться Тарас, лихорадочно соображая, что надо делать в таких случаях. Не убивать же его сейчас. Да еще не известно, кто выйдет победителем из этой схватки.

Елена между тем молчала, предоставив мужчинам разбираться самим. Но глаз не опускала, словно не чувствовала себя виноватой. Это придало Тарасу сил, и он решился. А чего тянуть? Девчонка была что надо. С первого взгляда видно, с такой можно и жизнь прожить, а не просто ночь провести. Да она и не согласится на одну ночь, это тоже сразу было видно.

— Ну… я… это, — пробормотал Тарас и выпалил наконец, бросив взгляд на дрогнувшую Елену, — я пришел, чтобы жениться на ней.

— Жениться? — поднял брови Автоний, взглянув на молчавшую дочь. — Это когда же вы успели спеться? Ты сам, я вижу, из вчерашних эфебов. У меня глаз верный.

— Это так, — кивнул Тарас, немного приходя в себя, — но я уже гражданин и командир эномотии у пентекостера Креонта, служу в армии. У меня есть своя земля недалеко от Пелланы.

— Я знаю Креонта, хороший боец, — подтвердил отец Елены, не сходя с места, и хмыкнул: — А ты, значит, уже дослужился до командира эномотии. Неплохо для вчерашнего эфеба.

Он помолчал.

— А как ты вообще оказался в Амиклах, Гисандр?

Тарас немного расслабился, — битва на мечах откладывалась, и разговор перетек в бытовое русло. И ему вдруг показалось, что отец Елены не так уж разгневан тем, что увидел.

— Меня прислали сюда с поручением к полемарху Леонту, — ответил Тарас, делая шаг в сторону, — я знал, что Елена живет здесь, и решил зайти к ней, чтобы позвать замуж.

«Ну да, вот так просто. Не сватов же засылать, — решил припертый к стенке боец, оправдываясь перед собой, — я же не успел даже узнать, как это здесь делается. Ну не было у меня времени подготовиться. Пришлось идти напролом».

— Мы сами решаем, за кого выходить замуж, — отрезала вдруг девушка, впервые нарушив молчание и обескуражив Тараса, который решил, что это отказ.

— Верно, спартанки слушаются отцов, но решают всегда сами, если отец не против, — подтвердил Автоний, сойдя наконец со своего места и приближаясь к «жениху и невесте». — Так ты, Елена, готова выйти за него или нет?

Елена молча отвернулась. Повисла неловкая пауза, за время которой несчастный Тарас готов был провалиться сквозь землю. Но спустя пару минут девушка обернулась и, глядя в лицо Тарасу, сказала:

— Да, отец.

«Ну вот и сдержал обещание, — промелькнуло в голове у счастливого парня, — посватался к гимнастке, Поликарх будет счастлив. Надо быстрее сообщить „папаше“, чтобы не волновался».

Но все оказалось не так просто.

— Скоро мы начнем войну с Аргосом, — вдруг объявил Автоний, — это уже не тайна; думаю, сегодня тебе об этом сообщит полемарх.

Он помолчал немного.

— Вот вернешься с войны героем, тогда и отдам за тебя Елену, — сказал он.

В глубине души Тарас ждал чего-то подобного, уж больно хитрая ухмылка играла во время разговора на его скуластом лице. А потому хотя он и был обескуражен, но не сильно. «Что сделано, то сделано, — успокоил он себя, — все равно лучше Елены жены мне тут не найти. Придется подождать».

— Я принимаю твои условия, — заявил Тарас и, взяв шлем, направился к дверям, где обернулся и, посмотрев на Елену, добавил: — Когда я вернусь, то сразу приеду за ней и заберу к себе.

Услышав это, девушка вдруг подбежала к нему и, не таясь, поцеловала, прошептав:

— Будь храбрым, а я тебя дождусь.

— Ты сможешь гордиться мной, — бросил он, исчезая в дверном проеме.

Автоний оказался прав. Не успел он добраться до лагеря, как состоялось всеобще построение. Почти сразу же вслед за ним в лагерь у северной окраины вернулся и полемарх, отдавший этот приказ.

— Ну как, ты успел переговорить с Леонтом? — поинтересовался Эгор, едва завидев друга.

— Успел, — соврал раскрасневшийся Тарас, который почти бежал по дороге, словно предчувствуя, что события начали разворачиваться очень быстро.

— И что он тебе сообщил? — не унимался словоохотливый, против обыкновения, Эгор.

— Сейчас сам узнаешь, — ушел Тарас от прямого ответа, приказав своему отряду построиться, — вон он идет, подожди немного. Одно могу сказать, мало нам не покажется. Наступают веселые времена.

Повинуясь приказу, вся расквартированная в этом лагере мора выстроилась на поле

перед палатками согласно номерам своих подразделений. Тарас поставил своих людей возле солдат первого лоха, с которыми «ходил в бой» сегодня утром. Все спартанцы, кроме них, были облачены не только в обычные панцири и остальные доспехи, но и красные плащи, отчего в глазах у Тараса зарябило от красных пятен. На миг ему даже показалось, будто все поле залито кровью.

— Спартиаты! — обратился к своему воинству Леонт. — Народное собрание решило напасть на Кинурию[60] и вернуть ее законным властителям, прогнав оттуда армию Арголиды. Мы выступам туда немедленно, чтобы нанести удар, пока враг не сумел подготовиться. Приказываю собрать лагерь и быть готовыми к выступлению. Едва спадет зной, мы покинем Амиклы.

«Вовремя я успел посетить Елену, — похвалил себя за находчивость Тарас, глядя, как внезапно налетевший ветер раздувает красные плащи спартанцев, — если бы промедлил часок, так и не успел бы обручиться».

Перспектива идти на войну уже почти женатым, но не проведя с невестой ни одной ночи вместе, как ни странно, его не пугала. Он и в той, прошлой жизни, вел не очень распутную жизнь. А здесь с сексом было, с одной стороны, проще, а с другой — намного сложнее. Большинство спартанок, которых он успел узнать, были независимы и свободны, но совсем не походили на проституток. Более того, при необходимости они могли сражаться не хуже мужчин. И потому он верил, что Елена дождется и не изменит ему. Ведь он попросил ее стать его женой перед ее отцом, и она не ответила отказом. Значит, дело было в шляпе. Оставалось только вернуться живым.

— Вы слышали, что сказал полемарх? — рявкнул на своих солдат Тарас, развернувшись к строю. — А ну, живо собирайте палатки. Мы выступаем вместе с ними.

Когда солнце начало падать за отроги Тайгета, колонна спартанцев покидала окрестности Амикл. За ней потянулся обоз с палатками, котлами и другими необходимыми в походе вещами. Кроме того, впереди войска гнали целое стадо овец и коз. «Наверное, это наши запасы продовольствия,» — решил Тарас, который вел свой отряд за первым лохом, получив приказ от Леонта следовать вместе с его морой до самой Пелланы, где она соединится с ожидавшими ее там войсками.

Проходя мимо городских ворот, командир эномотии бросил взгляд на улицу, терявшуюся в глубине города, и невольно вздохнул. Но тут же повеселел и, поправив шлем, произнес, разговаривая сам с собой:

— Война, так война. Пора заняться настоящим делом.

Глава шестая

Спустя несколько дней спартанская армия, в которой насчитывалось шесть мор пехотинцев,[61] не считая вспомогательных подразделений, сформированных из периеков, подошла к границе Кинурии и остановилась. Тарас находился во главе своей эномотии, пополнившейся остальными людьми в Пеллане, рядом с Креонтом. Вел армию на эту войну царь Леонид,[62] выступавший впереди всех с отрядом скиритов.[63]

---

[60] Спорная территория на границе Спарты и Арголиды.

[61] Примерно 3500 человек.

[62] Просим внимательного читателя не забывать, что у него в руках альтернативно-историческое произведение. Хотя Спарта и Аргос враждовали почти постоянно, данной войны в указанные сроки не было.

[63] Скириты — элитный отряд легкой пехоты, разведчики, выполнявшие в сражении особо трудные и опасные поручения. Их число обычно приближалось к шести сотням.

Леонид был одет, как и все воины, в доспехи из кожи и меди, а также красный плащ, что делало его почти неотличимым в бою от других спартанцев. Однако Тарас ни секунды не сомневался, что в бою никто из них не перепутает этого широкоплечего и бородатого воина с кем-то другим.

Поздно вечером армия остановилась у самой границы Кинурии, между высокими холмами, обильно поросшими молодыми деревцами и кустарником. Но команды разбивать лагерь и готовить еду не последовало.

— Мы что, будем ждать рассвета, а не нападем сразу, пока о нас не узнали? — удивился Тарас, сжав рукоять меча. Своим вопросом он побеспокоил стоявшего рядом Креонта и тут же пожалел об этом.

— Ты забыл, что царь должен принести жертвы богам? — сверкнул глазами пентекостер. — И до тех пор, пока наш верховный жрец[64] не исполнит обряд, мы не пересечем границу Кинурии.

Тарас заткнулся, решив больше не гневить богов и начальство, но про себя подумал: «Замечательно поставлено дело. Пока мы тут жертвы будем приносить, они уже успеют нас обнаружить и организовать оборону. Если уже этого не сделали».

С большим удивлением Тарас, находившийся на марше в середине войсковой колонны, на одном из поворотов увидел, что впереди войска какой-то солдат несет факел, словно собирается открывать Олимпийские игры. А также там гонят овец, коз и других, как теперь выяснилось, жертвенных животных. Едва войско стало у границы, для царя установили палатку, к которой тотчас пригнали нескольких баранов, а человек с факелом приблизился. От факела зажгли пламя на походном алтаре.

Со своего места Тарасу было видно далеко не все, но прежде, чем наступила глубокая ночь, он успел заметить, что к палатке Леонида направились все полемархи, а их было шесть, по числу мор, а также и все остальные командиры — лохаги и пентекостеры, за исключением тех, кто командовал эномотиями. «А жаль, — подумал Тарас, оставшийся за старшего вместе с Деметрием, — хотелось бы посмотреть, как они разделывают барашка. Будем надеяться, что боги примут наши жертвы, а то, не ровен час, эти аргивцы сами на нас нападут».

Там же он видел и двух эфоров, которые сопровождали войско в повозке, а теперь внимательно следили за готовившимся жертвоприношением. Имен этих эфоров Тарас не знал, но лица видел на Гимнопедиях.

— Ты не знаешь, что за эфоры сопровождают войско? — не утерпел Тарас и тихонько толкнул в бок стоявшего рядом Архелона.

— Астиан и Дориол, — ответил тот.

— А зачем они здесь, — не понял Тарас, — думают, Леонид сам не справится?

— Так теперь заведено, — ответил удивленный Архелон, — ты разве забыл? Эфоров всегда посылают следить за царем в походе. Так стало с тех пор, как поссорились Демарат и Клеомен.[65]

«Надзор за царями, — ухмыльнулся Тарас, понятия не имевший, кто такие Демарат и Клеомен. В наступившей темноте он пытался рассмотреть, что происходит у палатки Леонида, где горел жертвенный огонь, но стояла почти полная тишина, — интересно, после войны их случайно не судят за ошибки командования?». Уточнять, однако, не стал.

Так все войско и простояло до рассвета — в полной боевой готовности. Несмотря на

---

64 Царь Спарты одновременно выполнял обязанности верховного жреца. Никаких других жрецов в Спарте не было, однако в войско часто приглашались известные толкователи и прорицатели.

65 После окончившегося провалом афинского похода войск Спарты под руководством двух царей, как было всегда до этого момента, — Демарата и Клеомена, рассорившихся между собой, — в 506 году до н. э. был принят закон, запрещавший обоим царям руководить одной и той же военной кампанией. В результате власть царей была ограничена, а власть эфоров усилилась.

опасения Тараса, никто на них не напал, ведь они пока находились на своей территории. А когда первые лучи солнца забрезжили в небе над холмами, — у палатки Леонида вновь возникла какая-то суета. Оттуда послышался сдавленный крик животного, и вскоре эфоры наконец возвестили: Зевс и Афина приняли жертвы.

— А зачем надо было ждать рассвета? — вновь удивился Тарас, едва дождавшийся решения богов. — Костер же давно горел.

— Главное принести жертву раньше врагов, — пояснил терпеливый Архелон, — при первых лучах солнца.

— Понятно, — кивнул Тарас.

Вскоре у строя солдат вновь появились офицеры.

— Приготовиться, — скомандовал Креонт. — Боги благосклонны к Спарте и приветствуют наш поход. Мы начинаем вторжение в Кинурию.

Спустя пару часов армия Спарты вошла на спорную приграничную территорию, занятую сейчас войсками Аргоса, и, вклинившись в нее, без боя оккупировала несколько близлежащих деревень. Никаких войск противника пока им не встретилось. Впрочем, как и крестьян. Деревни были пусты. Их жители сбежали дальше на север, узнав о приближении «освободительной» армии.

В одной из деревень Леонид созвал военный совет и приказал третьей море полемарха Леонта отправиться на запад для разведки земель вдоль границы с Аркадией. Полемарху Мелагру, командиру второй моры, — продолжить движение вперед. А сам с оставшимся войском повернул на восток. Леонид решил направиться к морю, в сторону Фиреи — главного города Кинурии, где, по донесениям разведчиков, сконцентрировался главный контингент аргосских войск. Все периеки, а их тут было почти столько же, сколько и самих спартанцев, отправились с царем.

Узнав о разделении армии, которая еще даже не встретилась с врагом, численность которого была неизвестна, Тарас слегка удивился желанию царя Леонида рассеивать силы. Но, видимо, царь знал много такого, чего не знал он, простой солдат. А кроме того, спартанцы никогда не боялись действовать малыми силами против превосходящего числом противника. Каждый из них стоил нескольких человек, и враг это отлично знал. По всей Элладе ходили легенды о подвигах спартанцев, и Тарас, впервые попавший на войну, успел проникнуться этим духом, внушенным ему еще в лагере эфебов.

Получив приказ, армия разделилась на три части, и мора Леонта направилась по проселочной дороге на запад, где вскоре достигла обширных зарослей кипарисов и можжевельника. При виде поросших густым лесом холмов Полемарх остановил свое небольшое войско, насчитывавшее около шести сотен бойцов, если не считать илотов-оруженосцев, сопровождавших отряд. Свои палатки они оставили в обозе, который двигался позади колонны под охраной двадцати спартанцев.

— Хрисид, — вызвал командира второго лоха Леонт, — возьми своих людей и проверь эти рощи. Я чую засаду.

Лохаг поклонился и, сделав знак, вывел вперед две пентекостерии. Первым шел отряд под командой Теламона из «бывалых», вторым — Креонта. Все илоты остались с обозом, — каждый из спартиатов нес в руках копье и щит, а на поясе меч. В бою все могло пригодиться.

— Всем молчать, — приказал Креонт, едва они вошли в рощу, потеряв из вида остальных, — проклятые аргивцы любят устраивать засады, поэтому смотреть в оба. В случае нападения с тыла или сбоку немедленно развернуть и сомкнуть строй.

Метров пятьсот они прошли спокойно, без происшествий, но напряженно оглядывая зеленые заросли вокруг. Однако едва весь передовой отряд втянулся в рощи и достиг переправы через бурлящий ручей, как впереди послышались вопли и звон оружия. На пентекостерию Теламона кто-то напал. Но и бойцы Креонта не долго стояли без дела.

Дорога, по которой они передвигались, проходила по дну широкого оврага. Едва впереди завязался бой с противником, солдат которого Тарас не мог еще рассмотреть толком, — мелькали какие-то панцири и шлемы, похожие на спартанские, — как раздался

грозный рык, и с обеих сторон на них бросились в атаку воины Аргоса. Две лавины бойцов, просочившись сквозь заросли, обрушились на строй его эномотии.

— Развернуть строй, поднять щиты! — крикнул Креонт, перехватывая копье и резким выпадом насаживая на него первого же подбежавшего воина в коричневом панцире. Тот безуспешно попытался прикрыться круглым медным щитом, на котором спецназовец разглядел странный знак — какое-то чудовище с волосами из змей, похожее на Горгону.

— Поднять щиты! — рявкнул Тарас, повторяя, как и было положено, приказ командира.

Солдаты эномотии мгновенно развернулись в обе стороны, образовав бронированную линию обороны, немного присев и одновременно подняв щиты. Первая волна аргивцев с воплями накатилась на них, и практически все они остались лежать на дороге, пронзенные меткими ударами спартанцев. Вторая волна нанесла более мощный удар, и вчерашние новобранцы дрогнули. В двух местах нападавшие воины, яростно вращавшие мечами, смогли смять оборону, поразив несколько человек. Однако мертвых немедленно заменили живые, которые и отразили второе нападение.

Тарас за это время успел схватиться с двумя аргосскими воинами. Один, добежавший до него еще с первой волной, напал на него с копьем. Его удар был силен, но не точен. Тарас легко уклонился и ответным движением вонзил свое копье ему в подреберье. Однако бородатый аргивец имел неплохую защиту — копье командира эномотии лишь порвало панцирь, отскочив от медной пластины.

Разъяренный воин Аргоса тотчас отскочил в сторону и нанес новый удар, который оказался точнее. Словно жало змеи, копье устремилось вперед и едва не угодило в шею Тараса, закончив его земные дни. В последний момент он сумел отразить щитом удар, все же проникший сквозь защиту и ударивший в плечо. Теперь Тарасу пришлось благодарить оружейников, сделавших для него доспехи. Удар был сильный, но не смертельный. Скользнув по нашитой пластине, острие копья прорвало кожу доспехов и царапнуло плечо, но не сильно.

— Пора кончать обмен любезностями, — прорычал пришедший в ярость Тарас и, сделав обманное движение, заставил противника чуть приподнять щит, а сам резко всадил копье тому в пах, с треском пробив панцирь на животе аргивца.

И занял свое место в строю, не обращая внимания на вопли умирающего бойца, который выронил оружие, схватившись за окровавленный живот.

— Держать строй! — крикнул Тарас, быстро осмотревшись и заметив, что аргивцы кое-где потеснили его солдат.

Но в этот момент на него налетел воин с мечом, и Тарасу пришлось вновь отражать нападение. На этот раз бой оказался короче. Меченосец сумел отбить копье спартанца и, поднырнув под него, нанес удар клинком в корпус, который командир эномотии отвел щитом в сторону. Аргивца, вложившего всю силу в этот удар, развернуло, и Тарас не дал ему второго шанса. Отскочив на шаг назад, он перехватил копье и вонзил его между ребер противника. Острие с чавканьем вошло в плоть, разорвав панцирь. Тарас выдернул копье и стал ждать. Пораженный насмерть аргивец упал на колени, выронив меч и щит, а затем завалился на бок, да так и остался лежать с остекленевшими глазами.

Тарас принял боевую стойку, прикрылся щитом, приподнял копье и вновь был готов к отражению атаки. И даже сам бы пошел в нее, если бы от пентекостера, бившегося рядом, словно лев, и уложившего уже пятерых, последовал такой приказ. Но его не было, и спартанцы продолжали стоять на месте и биться на небольшом клочке земли, уже усеянном телами поверженных врагов.

Спартанцы бились умело, и груда трупов вскоре усеяла обочины дороги, но с лесистых склонов оврага на них продолжали сыпаться все новые солдаты Аргоса, которых, на первый взгляд, и так уже было вдвое больше, чем их противников. Впрочем, несмотря на численное превосходство, Тарас ощутил, что вчерашние эфебы, прошедшие курс выживания в Лаконии, бьются не хуже бородатых мужиков из Аргоса, возможно, вчерашних пахарей.

Количество потерь с каждой стороны говорило само за себя. Аргивцы накатывались волна за волной и оставались лежать у ног спартиатов, так и не пробив их оборону. За все время этой короткой, но ожесточенной схватки эномотия Тараса потеряла едва ли трех человек убитыми. Были, конечно, раненые, но они оставались в строю, продолжая разить противника своими смертоносными копьями, а красные плащи скрывали кровь.

Наконец бой затих. Последние аргивцы, попытавшиеся уничтожить передовой отряд, были уничтожены. А те, кто выжил, бросив оружие, убежали в лес. Никто из находившихся в арьергарде бойцов не пришел разведчикам на помощь, справедливо полагая, что те и сами справятся. И Тарас, приученный в прошлой жизни к огромным армиям, понемногу начал привыкать к мысли, что и один в поле воин, если очень надо.

— Может, догоним их и накажем? — предложил Креонту вошедший во вкус Тарас.

— Нет, — отрезал тот, — преследовать не будем. Хватит с них и того, что почти все они здесь и остались. Не думаю, что их скрылось много. А те, кто бежал, нам не опасны. Они только раздуют слухи о нашем количестве.

Тарас нехотя подчинился, сдержав порыв.

— Пересчитай потери, — приказал пентекостер, оглядывая своих солдат.

— Четверо убиты, — доложил Тарас спустя пять минут, — и шестеро ранены.

— Ясно, — кивнул пентекостер, немного переведя дух после схватки, — мертвых похоронить в общей могиле. После того, как вернемся назад.

Тарас кивнул. Похоже, не видать этим несчастным фамильного склепа. Но родители все равно будут рады — их дети погибли как герои.

Вскоре к ним приблизился сам Хрисид, держа обагренный меч в правой руке. Перебросившись парой фраз с пентекостером, он приказал двигаться дальше.

И вновь вытянувшись вдоль дороги, спартанцы устремились дальше в лес. Минут через двадцать осторожного продвижения они вышли из рощи, оказавшись в поле, на дальнем конце которого виднелась деревня из десятка домов. Дым, столбом поднимавшийся над домами, ясно говорил о том, что отступившие аргивцы не оставили спартанцам никакого имущества. Обследовав деревню и ее окрестности, где еще недавно стояли солдаты Аргоса, Хрисид приказал отправить гонца к Леонту.

— Скажите ему, путь через лес свободен, — сообщил он Креонту, — аргивцы разбиты, и я жду его здесь.

Гонцом стал Эвридамид, а вслед за ним Тарас отправил еще и похоронную команду, в которую вошли Книд, Архелон, Халкидид и Эгис.

— Выкопайте могилу и похороните павших, — приказал командир эномотии, — да возвращайтесь побыстрее сюда. И осторожнее там, в лесу.

— Да там теперь нет ни одного проклятого аргивца, — усмехнулся Архелон, вскидывая копье на плечо, — они уже наверняка добежали до стен самого Аргоса.

— Может, и так, — кивнул Тарас, бежали оставшиеся в живых действительно быстро, — но все равно смотрите по сторонам. Мне каждый человек дорог.

— Все сделаем, — подтвердил Архелон.

В ожидании основных сил Хрисид приказал выставить дозоры, а затем разрешил отдохнуть всем участникам боя, выслав вперед разведку. Креонт повторил приказ, Тарас сделал это снова, и, только услышав звук его голоса, дисциплинированные спартанцы опустились на траву, сложив рядом оружие.

— Молодцы, — похвалил их пентекостер, — прогуливаясь между уставшими бойцами, — это ваше первое сражение, и вы выдержали его с честью. А погибших на родине будут чтить как героев. Мы пришли сюда, чтобы освободить Кинурию, и мы это сделаем.

Тарас вытер пот с лица, провел рукой по разорванному на плече доспеху. Плечо слегка побаливало, но больше от пропущенного удара, чем от царапины, кровь на которой уже запеклась. Он прищурился на солнце, втянул носом горячий воздух, к которому примешивался запах гари, долетавший сюда от деревни. Вскоре со стороны леса показался марширующий строй красных плащей и блестевших на солнце шлемов.

— Я доволен разведкой, Хрисид. Многих сегодня недосчитались наши враги, да пошлет Зевс разящие молнии на их головы, — заявил полемарх, едва приблизился к догоравшей деревне, и, посмотрев на рухнувший на его глазах остов дома, добавил: — Аргивцы подожгли?

— Да, Леонт, — ответил командир лоха, первым принявшего бой.

— Немедленно двигаемся дальше, — приказал он, — как только похоронят убитых. До заката солнца мы сможем достичь границы с Аркадией, и я хочу знать, сколько аргосских солдат скрывается в этих местах.

— Да, Леонт, — снова ответил Хрисид.

Однако вскоре полемарх изменил свое решение, едва к месту сбора прибыл обоз в сопровождении илотов. Леонт так рвался в бой, что оставил у догоравшей деревни дозор из одной эномотии дожидаться прибытия похоронной команды, а остальным приказал выступать. Тотчас все отдыхавшие спартанцы построились и зашагали дальше на запад.

Местность постепенно менялась. Поросшие лесом холмы плавно превратились в поля, а поля в изрезанное оврагами плоскогорье, которое на горизонте оканчивалось новой горной грядой.

— Это все Кинурия? — поинтересовался Тарас, взбивавший пыль своими сандалиями рядом с пентекостером.

Креонт поднял голову и посмотрел в сторону выраставших гор.

— Нет, горы — это уже Аркадия, — отрицательно мотнул он головой и поднял руку. — Если вон от той вершины двигаться все дальше на запад, то попадешь в богатый город Тегею.

— Но мы туда не пойдем? — предположил Тарас.

— Пока нет, — усмехнулся пентекостер, — думаю, царь Леонид сначала окончательно вернет Спарте Кинурию. А там посмотрим.

Тарас со своими бойцами опять оказался на передней линии, готовый броситься в атаку, но до самых сумерек им больше нигде не было оказано сопротивления. Мора Леонта беспрепятственно прошагала километров пятнадцать, обнаружив еще десяток сожженных деревень, но не найдя противника. И лишь у переправы через реку, которая протекала вдоль границы с Аркадией через узкое ущелье, авангард вновь угодил в засаду. Но на этот раз, помня об утренней схватке, на прямой контакт аргивцы не пошли. Едва спартанцы вступили на узкий мост, который отступавшие солдаты врага еще не успели уничтожить, как в них с нависавшей с противоположного берега скалы полетели стрелы. Почти десять человек из эномотии Теламона были мгновенно убиты. Остальные, прикрываясь щитами, отошли назад. Но стрелы продолжали свистеть, втыкаясь в плотный грунт даже на этом берегу.

— Прекратить переправу! — приказал полемарх, раздосадованный такими потерями среди опытных бойцов. — Хрисид, отправь солдат в обход. Пусть переплывут речку и обойдут эту гору. Никто из аргивцев не должен уйти.

Хрисид так и сделал, отправив на этот раз в бой молодых солдат Креонта, среди которых старшим был Тарас. Деметрий тоже рвался в бой, но ему было приказано оставаться на этом берегу.

Речка была хоть и горной, но довольно полноводной и широкой, с поросшими кустарником берегами. Здесь простиралось плоскогорье. Прикинув, как добраться до воды, чтобы не попасть под обстрел лучников, Тарас приказал своим бойцам снять шлемы, плащи, оставить щиты и копья у переправы и пробежать метров триста вдоль отрывистого берега, прячась за кустами. Когда Тимофей первым нашел спуск к воде, который обнаружился как раз за излучиной реки, где они были не видны противнику, Тарас дождался остальных, и, держа мечи в руках, спартанцы переправились на другой берег. Вода была очень холодной, а течение бурным, но, к счастью, здесь было не так глубоко, поскольку река делала поворот и разливалась, немного замедляя свое течение. Вода доходила спартанцам только до груди.

— Кажется, нас никто не видел, — предположил Тарас.

Выбравшись на берег, он выжал подол хитона, намокший и вылезавший теперь из-под

панциря.

— Да, вроде бы так, — согласился Эгор, присевший рядом на камень и окинувший взором быстро темнеющий воздух над рекой.

— Тогда вперед, — приказал командир эномотии, поднимая меч.

Не тратя ни секунды, три десятка спартанцев, пригнувшись, бросились бежать вдоль берега, прячась за валунами. Сгущавшаяся темнота была им только на руку, ведь каждый из вчерашних эфебов был обучен воевать и в кромешной тьме, чего нельзя было сказать об аргивцах. Прячась в складках местности, спартиаты смогли приблизиться к переправе и даже зайти в тыл к ее защитникам. Оказавшись на расстоянии нескольких десятков метров от охраны моста, Тарас приказал своим воинам залечь, чтобы наскоро изучить дислокацию врагов. Как ни крути, а щиты и копья они оставили на той стороне, и попадать под огонь лучников было никак нельзя. Им нужен был только близкий контакт.

Судя по всему, это был заградительный отряд аргивцев, который ставил себе целью не столько остановить, сколько хотя бы чуть затормозить продвижение спартанцев. Спрятавшись в овраге, Тарас смог насчитать человек тридцать солдат, вооруженных луками и копьями, отдыхавших с этой стороны горы. У подножия паслись кони — видимо, на случай внезапного бегства. Еще человек тридцать с луками на конях перекрывали дорогу, огибавшую скалу и уходившую на север. И в руках у них командир эномотии вскоре заметил горящие факелы.

«Запалить мост решили, — подумал Тарас, вновь переводя взгляд на вершину скалы, до которой отсюда было рукой подать. — Значит, наверняка еще человек двадцать наверху держат под прицелом мост. Придется атаковать сразу по двум направлениям, ничего не поделаешь».

— Эгор, — подозвал он своего друга, — бери пятнадцать солдат и атакуй вон тех бойцов у моста. Пробирайся справа, по ложбине, там темнее. А я с остальными рвану наверх, сниму лучников с вершины холма.

— Хорошо, — кивнул Эгор, не сказав больше ни слова.

Выждав еще минут десять, пока темнота станет чуточку гуще, Тарас наконец отдал приказ, крикнув громким шепотом:

— Вперед, спартанцы!

И бойцы, приготовив мечи и кинжалы к схватке, ринулись короткими перебежками сразу по двум направлениям. Очень быстро преодолев расстояние, отделявшее его от привязанных внизу коней, Тарас столкнулся с одним из аргивских охранников, вынырнув, словно из ниоткуда. И прежде, чем тот успел сообразить, что происходит, Тарас метнул кинжал. Раздался сдавленный хрип. Охранник рухнул на камни, схватившись руками за горло, из которого торчала массивная рукоять. Рядом Архелон и Эвридамид так же разделались с остальными.

— Наверх, — вскинул руку Тарас.

И первым бросился в указанном направлении, подхватив с земли копье поверженного противника. Темнота была им на руку. Спартиатам удалось преодолеть большую часть склона, прежде чем находившиеся «в запасе» лучники распознали угрозу и потянулись за стрелами. Но спартанцы оказались проворнее. Метнув копье, Тарас поразил ближнего лучника, который уже натягивал тетиву. Другого, который держал в руках лук, пронзил броском трофейного копья Халкидид. Сделав несколько прыжков и чудом увернувшись от просвистевшей над ухом стрелы, Тарас вонзил острие меча в живот лучнику, с треском пробивая его легкий кожаный панцирь. Следующим движением он ударил по голове другого, — обливаясь кровью, аргивец упал, — потом третьего. Спартанцы рубили захваченных врасплох лучников и копьеносцев одного за другим, быстро уменьшив почти вдвое число своих противников.

Однако не все аргивские лучники оказались столь неповоротливы. Несколько человек успели натянуть тетиву и свалить наповал троих спартанцев. А еще двоих ранить в руку и ногу. Стиснув зубы, оба раненых обломали стрелы и с засевшими в телах наконечниками

продолжили бой.

Прорвавшись сквозь второй эшелон, Тарас обнаружил на краю скалы лишь дюжину лучников, которые смотрели больше в сторону неизвестного источника шума, чем на почти утонувший в темноте мост. Завидев спартанцев, которые бежали к ним по скале, они открыли стрельбу почти в упор и сразили еще одного из бойцов. Но расстояние было слишком мало, да и темнота уже сгустилась настолько, что было трудно разглядеть, где свой, а где чужой. Спартанцы, прыгая и уклоняясь от пущенных стрел, настигли оборонявшихся лучников и быстро закололи всех, кто находился на краю скалы. Один из аргивцев даже спрыгнул в реку сам, бросив оружие. А другого Тарас отправил вслед за ним ударом кулака в челюсть.

— Ну здесь, похоже, все, — облегченно вздохнул командир эномотии и посмотрел вниз, где тоже шла жаркая драка.

Вскоре и там стихли крики, а на берегу появился Эгор, размахивая факелом. Мост остался цел, и переправа была свободна. Тотчас с другого берега по мосту устремились вооруженные до зубов бойцы, чьи плащи развевались в свете факелов, как тени посланников Аида.

Глава седьмая

Все защитники переправы были вскоре уничтожены. Сбежать под покровом ночи удалось немногим. Перебравшись на другой берег, Леонт приказал разбить лагерь и становиться на ночлег.

— Сегодня нас никто больше не побеспокоит, — заявил полемарх, — а если завтра попытаются напасть, мы никого не пропустим по этому мосту на юг. Выставляйте дозоры и разбивайте лагерь. Можно отдыхать.

Выстроившиеся перед ним лохаги, получив приказание, разошлись. А едва подошел обоз, как у подножия скалы, где недавно кипело сражение, вырос палаточный лагерь. Рядом в ложбинках загорелись костры, на которых походные повара готовили мясную похлебку. Выполнив свои обязанности по организации ночлега солдат, Тарас вместе с пентекостером явился к Леонту, который пожелал видеть бравого командира эномотии, захватившего мост.

— Я доволен тобой, Креонт, и особенно тобой, Гисандр, — похвалил его полемарх, стоявший у костра, завернувшись в красный плащ, — ты отлично справился со своей задачей, хотя еще слишком молод. Это твой первый бой?

— Второй, — похвастался Тарас, положив ладони на рукоять меча, — первый был сегодня утром. Там я убил двоих.

— Ты убьешь еще многих, — довольно наклонил голову многоопытный Леонт, и на отполированной боковине его шлема заиграли отблески костра, — если будешь драться так же умно, как сегодня.

— Я буду стараться, — поклонился Тарас, — на благо родины.

— Ты воспитал неплохих солдат, — на этот раз похвалил полемарх Креонта, — пожалуй, завтра я снова пошлю их вперед.

— У меня есть еще эномотия Деметрия, — вставил слово пентекостер, давая понять Тарасу, что не стоит слишком гордиться первой победой, — там тоже служит неплохая молодежь.

— Хорошо, пошлем их, — согласился Леонт и, вновь обернувшись к спецназовцу, указал на разорванный наплечник. — Скажи своему илоту, чтобы к утру починил панцирь. Не пристало спартанцу ходить в испорченных доспехах.

— К утру все будет в порядке, — заверил его Тарас, немного раздосадованный упоминанием о Деметрии, но про себя подумал: «Да и пусть повоюет, я не гордый, могу и поделиться славой. Тем более что я уже прогнулся перед начальством».

Вернувшись к костру, он первым делом скинул свой панцирь и вручил его Этоклу, которого взял с собой оруженосцем в первый заграничный поход.

— Чини, — коротко приказал Тарас, оставшись в одном хитоне, — чтобы к утру все было как новое.

Отведав наваристой похлебки с коркой сухого хлеба, которые показались ему лучшей пищей на свете, Тарас лег спать. А верный оруженосец, достав необходимые инструменты, принялся штопать доспех. Спать ему в эту ночь не пришлось. Зато Тарас отлично выспался и, осмотрев на рассвете работу илота, остался доволен. По части штопки одежды и починки сельскохозяйственных орудий Этокл не знал себе равных и где-нибудь в Афинах мог бы неплохо зарабатывать себе на жизнь, например, сапожным ремеслом. Или даже открыть собственную лавку по производству доспехов. Но здесь, в Спарте, он выполнял эту работу лишь для своего господина и, конечно, абсолютно бесплатно.

Осмотрев крепкий двойной шов, стянувший кожаный наплечник и установленную на свое место медную пластину, которая немного покосилась от удара аргосского копья, Тарас от души похвалил своего раба.

— Отличная работа, Этокл. А теперь помоги мне надеть его.

Облачившись в панцирь, Тарас обошел лагерь и велел собирать палатки. Солнце быстро поднималось над горизонтом. Вскоре должен был последовать приказ Леонта выступать дальше, не ясно было только — в какую сторону. Судя по всему, они находились у самой границы Аркадии.

Перекусив остатками похлебки и вяленым мясом, солдаты наблюдали, как илоты надраивали оружие — доводили до блеска клинки мечей и наконечники копий, обагренных вчера первой кровью.

— Натирай лучше, — подгонял своего раба Эвридамид, — чтобы на солнце блестело.

— И ты не ленись, — отвесил подзатыльник Архелон своему илоту, — я хочу, чтобы аргивцы в страхе бежали, едва завидев блеск моего меча.

Остальные спартиаты громко засмеялись, поглощая похлебку. А Тарас, глядя на своих подчиненных, вспомнил о тех, кого недосчитались после первого боя. Теперь в его эномотии осталось всего двадцать девять здоровых парней и двое раненых. Эгор с Архелоном вчера ночью при свете костров извлекли наконечники стрел из кровоточивших ран, но оба солдата едва могли ступить на опухшие ноги. А того, который был ранен в бедро, Креонт вообще разрешил положить на повозку.

— Нам важен каждый солдат, — со строгостью в голосе заявил он, когда раненый попытался отказаться от позорной перспективы передвигаться в повозке, ведь все идут на своих ногах, — и я не хочу потерять воина из-за какой-то пустяковой раны, которая затянется через пару дней.

Спартанец был вынужден подчиниться и уселся на повозку рядом со своим оруженосцем, стараясь не смотреть сослуживцам в глаза. Второй мог сносно передвигаться, опираясь на копье, и его оставили в строю. Хотя по всему было видно, что рана причиняет ему сильную боль при каждом движении, но он терпел и не жаловался. Мертвых, как было заведено на войне, похоронили в общей могиле.

В ночном бою было захвачено много коней, которых Леонт приказал отправить в обоз — тащить повозки. Никто из спартанцев, включая командиров, не передвигался на лошади, а такой род войск, как конница, в этой армии вообще отсутствовал, к большому удивлению Тараса.

«Интересно, — размышлял он, прохаживаясь вдоль строя солдат, уже готовых выдвигаться дальше, — а если мы повстречаем конницу, да еще бронированную, как мы с ней разделаемся?» Но от теоретических мыслей его отвлекло появление в дальнем конце плоскогорья человека в доспехах спартанского гоплита. Он бежал, подхватив копье, в сторону их лагеря и вскоре был уже рядом.

— Где полемарх? — спросил спартанец, поравнявшись с Тарасом и не тратя лишних слов. — Я принес ему донесение от царя Леонида.

Но полемарх уже сам спешил к ним, завидев гонца.

— Донесение от царя Леонида, — протянул ему гонец медную табличку.

И, едва Леонт удалился в сторону своей палатки, прибывший гонец в изнеможении опустился на одно колено. Похоже, парню с утра пришлось пробежать немалое расстояние, чтобы выполнить поручение царя. Тарас некоторое время с тревогой смотрел ему в лицо, ожидая, что гонец сейчас умрет прямо у него на глазах от разрыва сердца, как тот знаменитый марафонец. Но спартанец и не думал умирать. Немного отдышавшись, он вновь поднялся на ноги. Вскоре вернулся полемарх и что-то шепнул ему на ухо, после чего гонец, подхватив щит и копье, вновь направился в путь.

А полемарх, подозвав к себе всех четырех лохагов, объяснил им суть происходящего.

«Что же там случилось, — думал Тарас, безуспешно напрягая слух. — Наверняка что-то серьезное, раз прислали гонца, да и полемарх возбужден не на шутку».

— Мост сжечь, — донеслось до Тараса приказание Леонта. — Не хочу, чтобы кто-то зашел к нам в тыл. И немедленно выступаем.

Один из лохагов направил к мосту своих людей, и вскоре оттуда потянуло дымом.

— Поступил приказ немедленно двигаться на соединение с Леонидом, — пояснил наконец командирам обеих эномотий прибывший на свое место Креонт. — Обнаружено большое войско аргивцев. Предстоит битва. Мы разворачиваемся и идем на восток.

— Значит, мы больше не будем прочесывать местность на границе с Аркадией? — уточнил Тарас.

— Нет, — отмахнулся пентекостер, — мы здесь уже достаточно пошумели. Противник напуган, и та земля, что у нас за спиной, считай, наша. Теперь надо разбить их главное войско, а мелкие отряды, если и остались здесь, нам не страшны.

Переведя взгляд на Деметрия, рослый спартанец со шрамом на бородатой щеке добавил:

— Ты со своими людьми пойдешь впереди, сегодня Леонт доверяет разведку тебе.

— Полемарх не пожалеет об этом, — с гордостью произнес Деметрий и скользнул пренебрежительным взглядом по лицу спецназовца.

— Рад за тебя, Деметрий, — усмехнулся в ответ Тарас, — наконец-то и тебе выпал случай отличиться. Не все же мне одному получать похвалу от командиров.

Деметрий скрипнул зубами, но, ничего не сказав, отошел к своей эномотии. Оттуда послышался его грозный окрик и, подняв копья, три десятка спартанцев выдвинулись в голову колонны. За ними направился весь второй лох под командой Хрисида. А следом и остальная колонна третьей моры. Полемарх со своими охранниками — здоровенными головорезами — также шел в голове колонны. Поглядывая сзади на спины маячивших охранников, Тарас удивился, где в Спарте разыскали таких бугаев, — мало того, что они были под два метра ростом, так еще и накаченные круче всех. Остальные поджарые воины смотрелись на их фоне щуплыми пацанами. «И куда только эфоры смотрят, — возмутился Тарас, глядя на их массивные спины, — столько лишнего мяса. Их за это надо пороть и пороть». Но, видимо, эфорам пока не было дела до телохранителей Леонта.

Повернув назад от границы с Аркадией, третья мора быстрым шагом, а иногда бегом устремилась на восток по узкой дороге, больше напоминавшей тропинку, бежавшую вдоль реки. Солнце быстро поднялось на небосвод и теперь нещадно палило. Из-под шлема на лицо Тарасу то и дело скатывались струйки пота, которые он не успевал вытирать, а потом и вовсе перестал — привык. Ладонь, державшая копье, тоже вспотела, но передавать оружие илотам для облегчения своей участи было запрещено. Враг мог появиться в любую минуту и с любой стороны.

Вскоре плоскогорье опять перешло в холмы, поросшие лесами, а дорога расширилась. Впереди у самой рощи виднелся небольшой поселок, домов двадцать. Колонна остановилась. Воины Деметрия осмотрели его, но ничего не нашли, кроме брошенных повозок и мотыг. Жители давно покинули его, хотя и не сожгли.

— Вперед! — махнул рукой Леонт, и третья мора, миновав деревню, вновь вошла в лес. На сей раз обошлось без нападения, хотя разведчики повсюду находили следы недавнего прохождения большого боевого отряда. Было только неясно — аргивцы это или мора

Мелагра, которому вчера было предписано осмотреть здешние места.

— Как ты думаешь, — спросил командира эномотии Архелон на одном из привалов, — аргивцы нападут на нас раньше, чем мы подойдем на помощь Леониду, чтобы перебить поодиночке? Говорят, у них здесь большое войско.

— Не знаю, — ответил Тарас, облокотившись на копье, — до сих пор они нас избегали. Хотя просто так они свою землю не отдадут. Я думаю, скоро будет хорошая драка.

— Я к ней готов, — вставил слово Эгор, находившийся рядом.

— Мы все к ней готовы, — усмехнулся Тарас, — затем мы и здесь.

К вечеру они добрались до поля у развилки дорог, на котором валялось множество трупов аргивских воинов, еще недавно плававших в лужах крови, и десяток спартанских, изрубленных на куски. Повсюду виднелось брошенное оружие: шлемы с вмятинами, слетевшие с голов, сломанные копья и мечи с зазубринами на клинках.

— Жаркий был бой, — произнес Тарас, выдергивая из земли окровавленное копье.

— Да, похоже, аргивцы напали на наших разведчиков, — подтвердил Архелон, перешагивая через труп аргивского пехотинца с распростертыми руками, из груди которого торчал обломок спартанского копья, — и уничтожили всех. Но те дорого отдали свои жизни.

Тарас не заметил, как на поле недавней битвы появился Леонт в сопровождении своих охранников и Креонта с Теламоном.

— Я знаю этого бойца, — произнес Креонт, вглядевшись в лицо одного из убитых спартанцев, — это Тисфен из моры Мелагра.

На лице пентекостера на миг вновь возникло то яростное выражение, которое запомнил Тарас при первой встрече. Казалось, окажись сейчас перед ним целый отряд аргивцев, он один истребил бы его до последнего солдата, так сжались его огромные кулаки.

— Смотрите, а это гонец! — вдруг воскликнул Тарас, узнав в мертвом воине с рассеченной головой того спартанца, который этим утром принес им приказ от царя. — Он не вернулся обратно.

Медный щит и слетевший с его головы шлем лежали рядом.

— Он выполнил свой долг, — спокойно заметил на это Леонт и, осмотрев побоище, добавил: — Надо спешить. Отправить разведчиков вперед по восточной дороге. А убитых спартанцев похоронить.

К вечеру соединение полемарха добралось до безлесых холмов, где Леонт разрешил своим воинам отдохнуть и поесть, поджидая отставший обоз, предварительно отправив разведчиков прочесать окрестности. Разведчики вернулись ни с чем. Все было спокойно в этой части Кинурии, но долгой ночевки не получилось. Еще до рассвета Леонт поднял своих людей и вновь погнал на восток, чтобы быстрее прибыть к месту сбора армии, о котором ему сообщил гонец, уже отправившийся в царство Аида.

Не прошло и нескольких часов, как разведчики обнаружили мору полемарха Мелагра, двигавшуюся параллельным курсом. Догнав ее, обе моры спартанцев прибыли к лагерю Леонида одновременно. Как оказалось, войска Мелагра были сильно потрепаны в нескольких боях с непрерывно атаковавшими их накануне аргивцами, и те мертвые разведчики, которых обнаружили солдаты Леонта, были только частью понесенных потерь. Солдатам третьей моры повезло больше, они не вступали в крупные сражения, если не считать боя в лесу.

Глава восьмая

Лагерь спартанского царя располагался на холме, с которого открывался вид на окрестности Фиреи — главного города Кинурии, обнесенного невысокой каменной стеной, по которой сразу было видно, что это не спартанский город. Войска Лаконии сосредоточились рядом с городом, охватив его в полукольцо. Полное окружение пока не состоялось, поскольку у самых стен города Тарас разглядел огромный лагерь аргивцев. Судя по количеству шатров и палаток, солдат в нем было значительно больше, чем у напавшего на

них Леонида.

Прибыли они как раз вовремя. Как вскоре выяснилось, назревало генеральное сражение. Леонид бросил вызов военачальнику аргивцев Алкивиаду, вернее, предложил сдать город без боя, несмотря на численное превосходство защитников. На это Алкивиад ответил отказом, сообщив, что еще до захода солнца он бросит собакам голову спартанского царя, осмелившегося напасть на владения великого Аргоса. Леонид пришел в бешенство и приказал своим войскам строиться для битвы, не дожидаясь завтрашнего дня.

— И как только он не заколол посла, услышав такой ответ, — рассказывал Тарасу Механид, очевидец недавних переговоров, служивший в первой море, все время находившейся при царе, — по всему было видно, что посол Алкивиада не жилец. Но царь сдержался. Зато приказал немедленно атаковать войско Аргоса.

— Атаковать? — не поверил своим ушам Тарас. — Но их же вдвое больше.

— Ну и что, — пожал плечами Механид, — боги на нашей стороне. Леонид еще утром принес новые жертвы и возвестил об этом всему войску. Мы победим, так предсказали боги.

— Ну если боги так сказали, — кивнул Тарас, поглаживая ножны меча, — тогда, конечно, надо атаковать. Да и нет в мире воина сильнее спартанца.

— Ты, прав Гисандр, им не устоять, — весело ответил Механид и, надев шлем с красным гребнем, хлопнул его по плечу. — Это будет славная битва.

Проводив взглядом Механида, который убежал к своей море, Тарас пожал плечами: ему не верилось, что им предстоит, едва прибыв, с ходу принять участие в сражении двух армий. Но звуки фанфар, призывающие всех спартанцев занять место в общем строю, быстро убедили его в этом.

— Строиться! — услышал он вскоре зычный голос пентекостера и немедленно повторил команду, подгоняя запоздавших бойцов, которые отдыхали на траве у своих палаток.

Вскоре рядом с бойцами появился полемарх Хрисид и другие лохаги, вернувшиеся с военного совета у царя. Встав рядом со своими отрядами, они вывели их в поле перед лагерем, где предстояло биться. Маршируя рядом с молчаливым пентекостером, Тарас вновь окинул взглядом поле перед городом. Оно было довольно широким для того, чтобы здесь могли сойтись в схватке несколько тысяч человек, и слегка холмистым, понижаясь в сторону Фиреи. Одной стороной поле примыкало к редкому лесу, а с другогй было ограничено распаханной и заботливо обработанной землей. Здесь, по всей видимости, находились огороды и виноградники местных жителей, брошенные ими при появлении спартанцев.

Армия Спарты занимала самый высокий холм у города, на нем было бы удобнее обороняться, но об этом Леонид и слышать не хотел. Преодолев метров пятьсот под звуки флейт и кифар, спартанцы вдруг на ходу начали перестроения, в результате которых третья мора оказалась на левом фланге, вторая на правом. В центре между ними стоял сам царь Леонид, возглавлявший в бою первую мору и окруженный сотней телохранителей. Оставшиеся моры составляли второй эшелон атаки. А за ними замыкали порядки спартанской армии моры периеков, находившиеся в запасе. Периеков было, как прикинул Тарас, ничуть не меньше, чем самих спартанцев. Встав таким образом, армия неожиданно замерла на середине длинного и пологого склона, повинуясь царскому приказу.

Леонид вышел вперед, повернулся лицом к своим войскам, и каждый солдат обратился в слух. Царь был одет в медную кирасу, поножи и шлем, блестевший на солнце. На поясе Леонида висел меч. В правой руке он держал копье, в левой — медный щит с изображением «Лямбды». Еще в прошлой жизни Тарас научился отличать по этой «галке», похожей на шеврон курсанта, воинов Спарты от других. Значок был простой и понятный, как и все в Лакедемоне.

Тарас перевел взгляд на город и прищурился, посмотрев на солнце, которое уже давно прошло зенит и теперь медленно клонилось к горизонту. Высоко над городскими стенами пролетело несколько белых птиц.

— Спартанцы! — крикнул Леонид, указав в сторону строившихся за его спиной в

спешном порядке войск неприятеля. — Еще вчера их было вдвое меньше. А сейчас они превышают нас числом вдвое. Но от этого их страх не уменьшился.

Он замолк на мгновение, обернувшись. Экспедиционный корпус Аргоса покидал свой лагерь.

— Мы пришли сюда, чтобы взять то, что принадлежит нам по праву, и освободить Кинурию. Сегодня утром я принес священные жертвы и знаю: боги на нашей стороне. А потому мы вернемся в Лакедемон только победителями. Бейтесь вместе со своим царем, и вы покроете себя славой!

И, повернувшись спиной к солдатам, он вскинул копье вверх.

— Вперед, спартанцы!

Море красных плащей всколыхнулось, тысячи копий взметнулись вверх в едином порыве, а затем опустились, нацелившись на врага. Тысячи ног, обутых в кожаные сандалии, одновременно двинулись вниз по склону холма. Подняв щиты, спартанцы шли не торопясь, словно на прогулке, или ожидая, что враг немедленно бросится бежать. Но Аргос не собирался отдавать свои владения без боя. Алкивиад привел сюда не меньше семи тысяч воинов, а может и больше. И все они, построившись в гигантских размеров фалангу, ожидали атаку спартанцев.

«Вот он, час испытаний, — подумал Тарас, перед боем надев поглубже шлем с красным гребнем и подтянув его ремешок на подбородке, чтобы не потерять в драке, — мертвый гонец не выходил у него из головы. — Для этого меня и учили. Однако эти аргивцы о нас хорошего мнения. Даже приятно смотреть на такое трусливое войско».

Последняя мысль относилась к тому, что фаланга аргивцев насчитывала в глубину едва ли не втрое больше воинов, чем фаланга спартанцев, — двигаясь вниз, первые три моры лакедемонян почти слились в один общий строй. По всему было видно, что военачальник аргивцев не в первый раз сталкивается со спартанским войском и знает, на что оно способно. Однако отступать он все же не собирался. Сила была на его стороне.

Некоторое время спартанцы шли молча, и вдруг, когда до первой линии солдат Аргоса осталось не больше пары сотен метров, заиграли кифары, и все спартанцы грянули военный гимн, воспевавший героев Лакедемона. Запел и Тарас, шагавший в первой шеренге, подхватив нехитрые, но доходившие до самого сердца слова.

Когда между передними рядами осталось метров пятьдесят, кифары смолкли, а спартанцы перешли на легкий бег. И тотчас в них полетели копья — десятки, сотни копий. Отражая брошенные в них смертоносные снаряды щитами, спартанцы продолжали свой молчаливый бег, не обращая внимания на убитых, и наконец, словно нож в масло, вонзились в центр более широкого строя аргивцев, рассекая его надвое. И первым был царь Леонид, молниеносно проткнувший своим копьем мощного воина, осмелившегося встать у него на пути.

— Держаться ближе! — крикнул своим солдатам пентекостер, когда до противника осталось не больше двадцати метров. — Бить насмерть! Вперед, спартанцы!

С той минуты, как они вонзились в строй аргивцев, Тарас больше не видел ничего, кроме разъяренных воинов врага, вставших на пути непроходимой и, казалось, бесконечной стеной. И каждым своим ударом, поражая противника то в грудь, то в бедро, то в шею, Тарас «разваливал», «рассыпал», «разбивал» эту стену. Теперь вокруг кричали и ругались только воины Аргоса. Спартанцы же, спев свой гимн перед атакой, молча и методично работали копьями, отправляя на встречу с богами десятки воинов, одного за другим.

Аргивцы были вооружены не хуже — те же мечи и копья, те же щиты, только с изображением Медузы с волосами из змей. Но по всему было понятно, что это вчерашние пахари и виноградари, которых одели в доспехи и отправили воевать, наспех обучив. Никто из них с детства не был приучен терпеть лишения и владеть копьем, как частью своего тела. И потому они бились яростно, но больше надеялись на численный перевес, надеясь задавить им спартанцев. Однако те с первых минут захватили инициативу и не стремились отдать ее противнику.

После шестого пробитого доспеха у Тараса сломалось копье. Тогда он, отразив несколько ударов широкоплечего бородатого аргивца щитом, изловчился и тем же щитом ударил его по шее, угодив прямо в кадык. Боец схватился за горло, задыхаясь от боли. А Тарас вырвал у него копье и молниеносно пронзил им доспехи своего поединщика.

— Отличное копье, — оценил он работу аргивских мастеров, глядя, как кровь последней жертвы стекает по специальной бороздке наконечника, — только теперь оно послужит новому хозяину.

И вновь бросился в схватку, атаковав следующего бойца. Держать строй уже удавалось не всегда, и кое-где его линия против воли изогнулась. За первые двадцать минут сражения спартанцы вклинились в фалангу аргивцев довольно глубоко, но начинали уже увязать в ней. Наступление замедлилось. Во втором эшелоне аргивской фаланги стояли опытные воины, это Тарас понял сразу, схватившись с одним из них, который едва не пронзил его своим копьем при первом же выпаде. Но спас щит и доспехи, отразившие наконечник. Зато Тарас не дал ему второго шанса, поразив острием в грудь.

— Держать строй! — успевал командовать своими людьми командир эномотии, увидев, что его левый фланг прогнулся назад под контратакой аргивцев.

Повсюду слышался звон оружия, крики и стоны раненых бойцов. Не спартанцев, конечно. Те умирали молча, исполнив свой долг перед Лаконией. Тарас видел, как упал Эгис, сраженный ударами сразу двух солдат противника. Видел, как один из аргивцев задел плечо Эвридамида, но, даже истекая кровью, спартанец продолжал рваться вперед. И убил еще троих сильных воинов, прежде чем лишился щита и нарвался на мощный удар в грудь, пронзивший его насквозь. Тотчас на смертельно раненого спартанца, словно вороны, налетели аргивцы и с остервенением забили его копьями, продырявив доспех во многих местах. Словно боялись, что одной раны ему недостаточно для того, чтобы умереть.

Тарас был в ярости. Напав на одного из убийц Эвридамида вместе с оказавшимся рядом Эгором, спецназовец несколькими точными ударами повалил — убил или смертельно ранил — троих врагов, которых тут же затоптала наступавшая спартанская фаланга. Воины Аргоса сражались упорно, но все же стойкости им не хватало, и спустя почти два часа непрерывного сражения спартанцы почти разорвали надвое глубокий строй. Шедшие во втором эшелоне моры спартанцев тоже вступили в сражение. Казалось, победа близка, еще удар и противник будет расколот и разбит по частям.

Сделав очередной выпад, Тарас опять сломал копье и выхватил меч, прикрывшись щитом, на котором уже имелась парочка хороших вмятин и даже одно отверстие от удара копья титанической силы. Тарас уже устал, но был еще жив и даже не ранен. Рядом, словно львы, сражались Хрисид и пентекостер Креонт, разбрасывая налетавших со всех сторон аргивских пехотинцев. Когда копье Креонта тоже сломалось, он поймал нацеленное ему в грудь копье противника, вырвал его и убил им нападавшего. А затем продолжил биться уже мечом.

— Вперед, — кричал пентекостер, — коли этих аргивских свиней!

И, подавая пример, вонзил меч в живот своему противнику, а затем оттолкнул ногой его мертвое тело, высвобождая окровавленный клинок. Поддавшись порыву, Тарас бросился в атаку, но нарвался на серьезного бойца, облаченного в кирасу военачальника аргивцев, который едва не обезоружил его ловким ударом. Тарас был вынужден отступить на пару шагов, но споткнулся о мертвое тело и упал навзничь. Аргивец прыгнул к нему, чтобы добить.

— Умри, спартанец! — заорал он, подняв меч, и распластавшийся на траве Тарас увидел его беззубый рот на бородатом лице, наполовину закрытом шлемом, блестевшую на солнце кирасу и щит с изображением гидры.

Он уже приготовился умереть, поскольку собственный меч отлетел от него почти на полметра, а щит он отвел в сторону, но на пути аргивца вдруг возник Архелон, принявший удар на себя. А оказавшийся рядом Эгор поразил аргивского военачальника мощным ударом в бок, пробивший даже кирасу.

— Спасибо, ребята, — воскликнул Тарас, вскакивая на ноги и снова хватая меч, — вы спасли мне жизнь. Я ваш должник.

— Придет час, и ты спасешь наши, — крикнул ему в ответ Эгор.

Улучив мгновение, Тарас рассмотрел кирасу убитого Эгором военачальника. Она была не цельной, как показалось сначала, а собранной из различных частей, соединенных между собой петлями. На основу из толстого проклеенного полотна были нашиты медные пластины. Защищала она, конечно, лучше, чем простой кожаный панцирь, но и ее можно было пробить при желании, как только что доказал Эгор своим ударом. Главное, точно знать, куда бить.

Внезапно с самого края левого фланга послышались дикие крики, заглушившие привычный звон оружия. Тарас бросил взгляд туда и увидел, что Алкивиад ввел в бой на этом участке свежие силы. Еще один отряд аргивцев начал окружать левый фланг лакедемонян с тыла, отсекая его от лагеря.

Царь Леонид продолжал сокрушать противников ударами копья, оставаясь невредимым в самой гуще схватки, словно заговоренный. Теперь он бился метрах в пятнадцати от Тараса, который в пылу битвы со своей эномотией оказался ближе к центру атаки, чем раньше, сдавленный с фланга противником.

— Ввести в бой моры периеков! — приказал Леонид находившемуся рядом полемарху и нескольким офицерам, но так, что услышал даже Тарас. — Леонту остановить натиск с фланга и отбросить противника.

А затем, обернувшись к солдатам, царь прокричал:

— Вперед, спартанцы! Я вижу совсем близко стены города, он будет нашим еще до захода солнца. Один удар — и мы победим! Вперед!

И вновь устремился на врагов. Рядом с царем Тарас увидел множество его личных телохранителей, но в следующее мгновение почти дюжину из них убили подскочившие аргивцы. Это были явно не бывшие пахари, а особый отряд, видимо, из хорошо обученных воинов. Или наемники. И этот отряд рвался прямиком к Леониду. Разглядев контратаку в центре, которая началась одновременно с маневром на фланге, Тарас немного напрягся. Спартанцы были зажаты с двух сторон, и если, не дай бог, убьют Леонида, — «раньше времени», — пронеслась мысль у него в голове, — то наступление может захлебнуться.

И еще до того, как Леонт, дравшийся чуть в стороне, получил и озвучил приказ своим войскам развернуться, чтобы контратаковать на фланге, Тарас по своей инициативе бросился на помощь охранникам царя, рассекая мечом аргивцев. Увидев его маневр, за ним устремились Эгор с Архелоном и другие, немного выгнув строй на краю пентекостерии.

Тарас яростно вращал клинком, уложив одного за другим двух крепких солдат, не уступавших в доблести спартанцам. Он подоспел вовремя: внезапная атака отсекла Леонида и еще человек десять от основного строя, и они вдруг оказались в окружении.

Не успел Тарас свалить одного, как перед ним вновь, словно из-под земли, возник солдат Аргоса. Выбив щит с изображением змееголовой гидры из рук аргивца, Тарас рубанул его по голове, но угодил по шее. Но и этого оказалось достаточно. Обливаясь кровью, солдат упал, выронив меч. А Тарас оказался в двух шагах от Леонида.

— Берегись, Гисандр, — крикнул ему Архелон, дравшийся позади него.

Тарас резко нагнулся вперед и вправо, буквально спиной почувствовав удар копья, просвистевшего над плечом. Затем развернулся и метким движением всадил меч в подбрюшье напавшему на него солдату. И снова распрямился, подняв щит и поймав на себе взгляд царя, — тот узнал его.

Леонид и еще горстка бойцов, оставшихся в живых к этому моменту, сгрудились спина к спине, подняв щиты и свое оружие. Вокруг них мгновенно вырос лес копий, — аргивцы видели, что маневр удался и спартанский царь у них в руках. Еще удар — и Спарта будет обезглавлена. И они нанесли этот удар, не дожидаясь, пока остальные спартиаты, увидев, как погибает их царь, утроят натиск, желая прорвать окружение вокруг Леонида.

Одновременный удар десятков копий сразил половину защитников. Тарас принял на

свой щит сразу три копья, а Леонид пять, при этом его собственное копье сломалось, оставшись в груди аргивского воина, а изогнутый щит упал на залитую кровью траву. Следующий удар должен был убить его, но Тарас подставил свой щит, увидев, что в царя вновь летят несколько копий. Два из них он отразил, а третье ужалило его в левое плечо, но царь Спарты остался цел.

Испытав дикую боль, Тарас выронил щит, ноги его подкосились. Из раны на плече хлестала кровь. Но перед тем, как потерять сознание, он увидел яростную атаку спартанцев, отбросивших аргивских наемников далеко вперед и окончательно разорвавших строй армии Аргоса, обратившейся в бегство. Увидев впереди, совсем близко, стены Фирея, он понял — это победа. Но сил радоваться уже не осталось. Все поплыло перед глазами, и, выронив меч, Тарас упал на чье-то мертвое тело.

Глава девятая

Этим утром он проснулся рано и, стараясь не разбудить спящую Елену и сына, вышел на террасу своего дома неподалеку от Пелланы. Остановился, поправив на плече гиматий, облокотился на перила и, окинув взглядом окрестности имения, втянул носом густой запах травы. Солнце уже поднялось над горизонтом, но кое-где в низинах еще висел легкий туман. Большая редкость для этих мест. Но и он, впрочем, быстро растаял.

Тарас скользнул взглядом по предгорьям Тайгета, потом осмотрел небольшой лесок, примыкавший слева к его имению, и вдруг услышал с той стороны отчетливое блеяние овец. Присмотревшись, Тарас увидел, как вдоль леса его пастухи, вставшие ни свет ни заря, гнали на дальнее пастбище стадо овец. Овцы недовольно блеяли, то и дело норовя спрыгнуть в глубокий овраг, на дне которого призывно журчал ручей. Но пастухи ударами палки быстро возвращали их обратно, и вскоре все стадо, обогнув имение, стоявшее на трех холмах, исчезло из вида.

Налетел порыв свежего ветерка, и Тарас, поежившись, ощутил тупую боль в плече — старая рана все еще давала о себе знать. Он сжал пальцы левой руки в кулак. Несмотря на старания Эгора, копье аргивца все же повредило несколько мышц, которые теперь слушались чуть хуже, но силу рука не потеряла, и этого было достаточно, чтобы держать щит. А если понадобится, то и меч.

С той поры прошло почти два года, а Тарас все еще помнил ту жестокую битву на первой настоящей войне молодого эфеба. Тогда он выжил, — Эгор с Архелоном вынесли его израненное тело с поля боя в лагерь и вовремя обработали рану. Ненадолго придя в себя на следующее утро после болезненной операции, он вдруг обнаружил рядом со своими носилками царя Леонида в окружении телохранителей.

— Мы победили? — спросил Тарас, не знавший исхода битвы, когда понял, кто стоит перед ним.

— Конечно, Гисандр, — усмехнулся в бороду спартанский царь, — мы обратили в бегство аргивцев. Кинурия почти наша. Твои командиры и твоя эномотия в этом бою отличились — они взяли в плен Алкивиада, а сам ты бился, как лев, не говоря уже о том, что спас мне жизнь.

— Я выполнял свой долг, — ответил Тарас, чувствуя, как накатывается слабость. — Спарта не могла остаться без царя, который прославит ее в веках.

Услышав эти слова, Леонид против воли ухмыльнулся, не поняв их скрытый смысл.

— Ты выживешь, Гисандр, — пообещал ему царь, склонившись над носилками, — я позабочусь, чтобы ты получил лучших лекарей.

Но последние слова Леонида он уже не расслышал. Тарас еще долго потом находился в забытьи и бредил, но выжил. Его, как и многих раненых, привезли в Спарту, в собственное имение, где он потом долечивался под надзором специального лекаря, которого прислал к нему царь Леонид. Эгор с Архелоном тоже регулярно навещали его. Через месяц он уже мог передвигаться, а через два вполне сносно держал раненой рукой щит, а здоровой — копье и

меч.

За спасение царя никаких материальных благ он не получил, зато прославился на всю Спарту и получил не особо обременительную должность проксена.[66] О нем даже сложили гимн как о герое и исполнили в одном из храмов Аполлона в день рождения Леонида. Вскоре Гисандра, как спасителя жизни царя, знали не только все эфоры, но и почти все граждане Спарты, включая даже периеков. А слава победителя на Гимнопедиях отошла на второй план. Вот такой всенародный почет и уважение свалились на Гисандра, отчего он даже иногда приходил в замешательство и не особенно любил выезжать из своего имения в Пеллане. К счастью, к политической жизни его пока никто особенно не привлекал, и Тарас продолжал служить командиром эномотии во втором лохе под командой Хрисида.

Такому парню Автоний просто не мог не отдать свою дочь в жены, и едва Тарас вылечился, они сыграли свадьбу, на которой присутствовал даже сам Леонид, почтивший их своим коротким присутствием вместе с женой Горго.

Потом было еще несколько походов в Кинурию, после которых Аргос навсегда забыл, что эта земля когда-то принадлежала ему. Из них возмужавший Тарас вернулся в родное имение без всяких повреждений, став уже бывалым воином.

Впрочем, Елена не раз тайно приезжала к Тарасу еще до свадьбы, узнав о его ранении, и к тому моменту, как он собрался ввести ее в свой дом официально, все здешние илоты знали ее уже как свою новую хозяйку и слушались так, словно она уже год здесь всем заправляла. Даже Талай, которому по долгу службы приходилось управлять имением, заскучал.

— Госпожа Елена так хорошо всем управляет, что я скоро буду вам не нужен, хозяин, — как-то пожаловался он Тарасу, лежавшему после прогулки на своем широком топчане, покрытом жесткой холстиной.

— Не ной, — отчитал его Тарас, — без управляющего мне все равно не обойтись. Знал бы ты, что учудил мой отец, вообще перестал бы причитать. Работы тебе хватит.

И он был прав, поскольку геронт Поликарх, которому жена сына очень понравилась, несмотря на действовавшие в стране законы против роскоши, все же ухитрился оформить на нее и предполагаемых наследников свое имение, которое она должна была получить после смерти Поликарха. А если Тарас тоже погибнет на войне, то Елене отойдет и имение у Пелланы. Мужчины в этой стране гибли часто. И, как выяснилось, здесь жило немало богатых спартанок, владевших по праву наследования неплохими участками земли. Но к смерти спартанцы относились спокойно, как к неизбежному финалу жизни, и всегда готовы были ее встретить, а потому не заботились о материальных благах. И геронт Поликарх теперь без страха смотрел в свое будущее. Тарасу даже показалось, что он был счастлив больше самого жениха — так ему понравилась гимнастка.

— Первым делом вы должны родить сына, — приказал «отец» Тарасу, едва отшумели праздничные пиры.

— Постараемся, — кивнул Тарас, — но ты же знаешь, на все воля богов. Никогда не известно, кто родится: мальчик или девочка.

— Я уже принес жертвы, — сказал мудрый геронт, — боги будут благосклонны.

И надо же, оказался прав. Спустя положенный срок Елена родила мальчика. В душе Тарас иногда даже хотел, чтобы родилась девочка, поскольку боялся приговора эфоров. Ведь каждого родившегося младенца, который должен был стать воином, они относили на священную скалу и там осматривали в поисках изъянов. И не дай боги, если младенец чем-то придется им не по нраву или покажется хилым и больным. Его тут же сбрасывали в пропасть, избавляя Спарту от больных и увечных. Эти жестокие законы Тарас, выросший в другом мире, который еще не до конца вытравился из памяти, в душе не одобрял, но ничего

---

[66] Проксен — гражданин Спарты, который по поручению властей должен был оказывать гостеприимство всем прибывающим в страну гражданам иностранного государства и защищать их интересы.

поделать не мог. Они существовали уже не одну сотню лет, и вся Спарта слепо подчинялась им, воспринимая давшего эти заветы Ликурга почти как божество.

К счастью, эфоры не наши изъянов на теле его сына и вернули Тарасу младенца со словами:

— Пусть растет новый гражданин Лакедемона.

И счастливый Тарас мог спокойно посвятить себя военной службе, которая, надо сказать, уже не так обременяла его, как в бытность совсем молодым воином. И хотя бывший спецназовец регулярно участвовал в тренировках и состязаниях наравне с остальными спартиатами, у него теперь все же было больше свободного времени, которое он проводил на сесситиях, но чаще дома, с Еленой, а иногда бывал в Спарте и одновременно посещал имение отца.

— Гисандр, — заявил ему седовласый геронт в одно из таких посещений, — твои доспехи достаточно долго служат тебе и уже истрепались. Я хочу, чтобы ты взял себе мои. Они еще крепкие, ты знаешь, и давно дожидаются, чтобы такой сильный воин надел их.

— Ну что же, — ответил Тарас, оглядев свой вполне приличный, хоть и не раз заштопанный умелой рукой Этокла панцирь, — я готов, если таково твое желание, отец.

Тарас согласился на это, только чтобы не расстраивать «отца», который за эти пару лет действительно стал ему как родной. Он был доволен и своими доспехами, не раз спасавшими ему жизнь в боях с аргивцами. Но этот, висевший на стене отцовского дома панцирь обладал какой-то магической силой, словно его носил сам Геракл, когда совершал свои подвиги. Тарас отчетливо помнил охватившую его дрожь, когда первый и единственный раз он надевал эти доспехи пару лет назад. И если до сих пор отец не торопился отдавать их, несмотря на все заявления прошлых лет, то, видимо, этот момент наконец наступил. И действительно, Поликарх, вместо оруженосца помогая сыну облачиться в доспехи, был очень серьезен. А когда воин предстал перед ним во всей красе, произнес:

— Теперь, Гисандр, ты готов к великой битве.

— О чем ты говоришь, отец? — не понял его Тарас, последнее время все дни напролет проводивший в своем имении и не знавший слухов, бродивших среди спартанцев Пелланы.

А слухи были тревожные, поговаривали о новой войне. Но на этот раз речь шла не о пограничном конфликте с одним из соседей. Все выглядело как-то туманно и зловеще, словно на Спарту надвигалось издалека страшное чудовище, способное проглотить всех ее смелых воинов одним махом, несмотря на их доблесть. Чудовище, имевшее бесчисленное множество слуг, глухая поступь которых доносилась даже сюда, в закрытое со всех сторон государство. И Тарас против воли повсюду улавливал знаки, говорившие ему о том, что, несмотря на внутреннее спокойствие, вокруг государства происходила какая-то нервная суета. Греция бурлила.

Сам он дальше Кинурии не ездил, а иностранцы в Спарту не спешили. И, несмотря на новую должность проксена, ему всего лишь один раз, совсем недавно, пришлось принимать у себя в гостях иноземцев — двух посланников из Аркадии, прибывших в Лакедемон по неотложным делам военного союза. Гегемоном этого союза была Спарта. Конечно, особых секретов послы ему не раскрыли, но Тарас и сам догадался, что идут какие-то переговоры об участии Спарты в глобальной войне. А потом вспомнил, как еще год назад царь Леонид, сразу после его свадьбы, отправился дальше на север, обмолвившись своему спасителю, что едет в Коринф, где должны были собраться лидеры всех греческих государств. Что они там обсуждали, Тарас, конечно, не знал. Но было понятно, что не цены на пшеницу. И вот теперь мудрый геронт подтвердил его подозрения.

— Скоро Спарта вступит в войну с персами, — сообщил ему отец, — ты должен знать об этом, хотя официально еще не объявлено. Мы пока не приняли решения, но царь Леонид уже тайно готовит передовой отряд, чтобы встретить персов у Фермопильского ущелья.[67] За

---

[67] Фермопилы — по-гречески означает «Теплые врата». Это связано с обилием горячих серных источников, бьющих в окрестностях скального прохода.

ним последует вся армия и союзники. Но сначала спартанцы хотят отпраздновать Карнеи,[68] и пока этот великий праздник не закончится, армия не сдвинется с места.

«Кажется, теперь я точно знаю, какой на дворе год. Не долго осталось жить царю Леониду», — поймал себя на мысли Тарас, но, услышав о празднике, даже возмутился.

— Интересно, — сказал он, поднимая отцовский меч и пробуя его на вес: меч слушался идеально, — враг у ворот, а мы, вместо того чтобы биться, будем ждать, пока закончатся празднества.

— Таковы наши обычаи, — насупился геронт, которому, похоже, самому не очень нравилась эта официальная отговорка, — ведь праздники в честь Аполлона Карнейского священны. Так совместно решили апелла, герусия и сами цари.

— И царь Леонид? — не сдержал удивления Тарас, снимая шлем, также идеально сидевший на голове, как и панцирь на теле.

— Он больше других ратовал за немедленный поход, — нехотя сообщил седовласый геронт, — но решение принимается сообща. И его ты уже знаешь.

— Да, — кивнул Тарас, вешая шлем на гвоздь, — знаю: отпраздновать Карнеи.

— Мы не одни медлим с отправкой войск, — попытался оправдаться Поликарх, сам в прошлом хороший воин, услышав в словах сына укор, — вся Греция ждет окончания Олимпийских игр.[69]

— Понятно, — кивнул Тарас, хорошо знакомый по прошлой жизни с тем, что произойдет дальше, — значит, пока вся Греция празднует, царь Леонид отправится туда один с небольшим отрядом, чтобы задержать персов до подхода основных сил. Но как он сможет сделать это с таким малым отрядом? Ведь персов многие тысячи.

— Так решили спартанцы, — ответил геронт, — Фермопилы — лучшее место для обороны. Там можно долго сдерживать врага.

«Бедняга Леонид, — подумал Тарас, кивнув на слова отца, — отправят его на бойню ради соблюдения политических интересов, где он и сложит свою царскую голову. Без вариантов. Хорошо хоть мне в этом избиении не придется участвовать».

— Чуть раньше или чуть позже, — закончил свою мысль Поликарх туманным изречением, — но день битвы с персами придет обязательно. И ни нас, ни афинян он не минует, ведь десять лет назад мы казнили персидских послов. А варвары этого не забывают.

— Я понял, отец, — кивнул Тарас, убедившись, что участь Леонида решена, — только разреши мне немедленно отправиться в усадьбу к Елене и сыну, а не участвовать в этих празднествах.

Геронт молча кивнул, и вскоре Тарас уже шагал мимо веселившейся столицы в сопровождении своего оруженосца, который нес за спиной подаренные Поликархом доспехи.

Однако, не успев прибыть к себе в усадьбу, Тарас был вынужден снова отправиться обратно в Спарту. В имении его ждал гонец от царя Леонида с приказом немедленно явиться к нему в дом в полном вооружении. Прочитав лаконичную надпись, нацарапанную на медной табличке, Тарас не смог сдержать неприятный холодок, пробежавший по его спине. Эта табличка означала только одно — его берут в состав элитного отряда «всадников», состоящего из трехсот человек. Гвардию, повсюду сопровождавшую царя. Для рядового спартанца это была большая честь и большой шаг в карьере военного. «Всадники», несмотря на название, не имели никакого отношения к коннице. Просто это название сохранилось еще с незапамятных времен, когда отряд всадников сражался вместе с царем. Это элитное

---

[68] Карнеи — древнейший спартанский праздник в честь Аполлона Карнейского. Праздновался каждый год в сентябре. Изначально на нем проводились военизированные состязания и представления, а позже добавились и музыкальные.

[69] На 19 сентября 480 года до н. э. выпал последний день 75-й Олимпиады.

подразделение состояло из наиболее отличившихся бойцов и действовало в основном внутри страны, выполняя особые поручения царя.

И вот теперь эта гвардия должна была немедленно куда-то выступить. После того, что сообщил Тарасу геронт, догадаться куда, было несложно. И чем все это закончится, тоже. Однако ослушаться приказа он не мог. Тарас был уже не тот боец «Тайфуна», волею судьбы занесенный сюда из будущего. Он уже привык к местной суровой реальности и даже свое настоящее имя вспоминал не часто. Не боец спецназа «Тайфун», а спартанец Гисандр надевал сейчас доспехи своего прославленного отца Поликарха, чтобы уйти на последнюю битву во имя своей новой родины.

Елена, видевшая его молчаливые сборы, все поняла. Когда он уже стоял в дверях в сопровождении Этокла, держа в руках шлем с красным гребнем, она взяла из деревянной кроватки сына и вынесла его на улицу, чтобы Тарас мог проститься с ним. Тарас поцеловал сморщенное личико младенца, взиравшего на него своими глазами-бусинками с таким серьезным видом, словно все понимал. Полюбовался на него несколько секунд, потом обнял жену и, собрав волю в кулак, спокойно произнес:

— Мне пора. Царь ждет меня в Спарте.

— Возвращайся, — ответила Елена, прижимая к груди ребенка, — со щитом или на щите.

Глава десятая

Тарас не знал, предчувствует ли царь Леонид свою участь, но в свой отряд он собрал только тех воинов, кто уже имел как минимум одного сына. Кроме опытных бойцов и новоиспеченного проксена, в этот отряд попали еще несколько его старых знакомых, отличившихся за два прошедших года в сражениях с аргивцами.

Протолкавшись сквозь скопление веселого народа у Хороса, Тарас с трудом разыскал в южной части города небольшое поле, к которому примыкал дом царя Леонида — лишь немногим больше его собственного дома и отличавшийся разве что фамильным склепом, где царю было позволено хоронить своих родственников и где предстояло покоиться самому.

Рядом с домом уже находилось множество бойцов, прибывших со своими оруженосцами. А когда, услышав приказ, они построились, Тарас с радостью разглядел среди трехсот отборных воинов, собранных со всей страны в личную гвардию царя, Эгора и Архелона. А также Креонта. Все они прибыли сюда из Пелланы, заранее не договариваясь с Тарасом и не встретившись с ним в пути. Своего «друга» Деметрия он здесь не увидел.

«Вот локти-то кусать потом будет, — не сдержал кислой улыбки Тарас, который еще не смирился со своей судьбой, — не повезло парню погибнуть за Лакедемон в такой прекрасной компании. Зато жив останется. Тоже не плохо. А голову сложить еще успеет. В Спарте для этого масса возможностей».

Стоя среди лучших воинов страны, Тарас мог гордиться своей судьбой. Любой спартанец с удовольствием поменялся бы с ним местами. А если бы знал заранее, что их ждет, то просто рвался бы в ряды этого обреченного на славную смерть войска. И тем не менее Тарас осмелился подумать: «А вдруг что-нибудь случится и мы не погибнем? Ну вдруг. Ведь попал же я сюда наперекор всякой логике. Может быть, и у Фермопил все иначе выйдет. Например, победим мы персов. Варианты же разные бывают».

Впрочем, пока все происходило точно по учебнику истории. И погруженный в грустные мысли о том, как тремя сотнями истребить все войско Ксеркса, Тарас не видел никакого выхода из сложившейся ситуации. «Эх, нам бы хоть какую-нибудь пушечку туда или пулемет, — мечтал он, стоя в строю, — или, на худой конец, реактивную катапульту. Так ведь нет же ничего и в помине. Не придумали пока».[70]

---

[70] Торсионные орудия (катапульты, баллисты) изобретены около 350–300 гг. до н. э. Гастрафет (предтеча арбалета) появился в Сиракузах около 400 года до н. э.

И все же, несмотря на все полученное воспитание, погибать ему не хотелось. Даже героически. Его прошлая, давно забытая военная жизнь предполагала множество вариантов решения одной проблемы. А здесь намечался только один.

— Вы все — лучшие бойцы, которых рождал Лакедемон, — гордо подняв голову, объявил Леонид, за спиной которого стоял невысокий бородатый грек в длинном сером гиматии, явно не являвшийся воином, — и вскоре вам предстоит доказать это в битве во славу не только Спарты, но и всей Греции. Сегодня же мы немедленно выступаем на север, чтобы встретить войско персов у Фермопильского прохода. Так было решено на недавнем совете.

Гоплиты ответили Леониду радостным воплем, вскинув вверх руку с копьем. Но царь, выждав, пока стихнут крики, продолжил объяснения, не ограничившись просто приказом. Словно предчувствуя, что этот поход может стать для всех, кто стоит на этом поле, последним.

— Персидский царь Ксеркс идет на Грецию с таким огромным войском варваров, которого еще не видел цивилизованный мир. И вы, наверное, думаете, что мы можем сделать со столь малым числом воинов, пусть и самых прекрасных во всей Элладе?

— Мы пойдем за тобой, куда прикажешь, Леонид, — нарушил тишину один из бывалых воинов, которого Тарас не знал, — и нам все равно, сколько их выступило против нас.

— Благодарю тебя, Алкмен, — ответил Леонид, удивив Тараса таким панибратством. Видно, в гвардии служили люди, так хорошо знавшие царя лично, что он прощал им подобные вольности, — я знаю, никто из вас не подведет Лакедемон и его богов.

Обернувшись в сторону своего спутника, Леонид добавил:

— Однако, чтобы милость богов не оставляла нас, со мной в поход отправится Мегистий из Акарнании, знаменитый прорицатель, слава о котором распространилась по всей Греции. Недавно я вернулся из Дельф, где молил Аполлона дать мне предсказание о предстоящей битве, и одним из его повелений, как сообщила пифия, было взять в поход Мегистия, через которого боги будут давать мне свои указания. И я выполню их волю.

Услышав эти слова, Тарас не очень удивился. Несмотря на то что Леонид сам был верховным жрецом, в последнее время было модно приглашать с собой в поход знаменитых прорицателей, которые были, пожалуй, единственными иностранцами, охотно принимаемыми в Спарте. Напрягая память, Тарас даже вспомнил, что сделает этот Мегистий в походе. Проведя гадание на печени жертвенного барашка на рассвете перед битвой у Фермопил, он предскажет смерть всем спартанцам. «Очень полезный парень, — ухмыльнулся Тарас, — я и сам могу это предсказать. Может, в прорицатели пойти?»

Той же теплой осенней ночью триста спартанцев покинули город. Однако едва они достигли Кинурии, уже обживаемой спартиатами, как их войско неожиданно увеличилось на тысячу вооруженных периеков. А вскоре к месту сбора прибыли еще войска из соседних стран: чуть больше двух тысяч тяжеловооруженных пехотинцев из Аркадии. В основном жителей трех городов — Тегеи, Мантинеи и Орхомена, о которых Тарас был наслышан, но никогда не видел. Затем к войску присоединились четыре сотни бойцов из Коринфа, сразу после того, как Леонид оказался там, пройдя через территорию Аргоса. Само собой разумеется, Аргос воинов не дал, но пропустил сквозь свою страну беспрепятственно. «И то ладно», — решил Тарас, поглядывая на хмурые лица вчерашних врагов, с которыми сейчас был заключен шаткий мир.

Там же, в Коринфе, к ним присоединилось еще двести человек из Флиунта, небольшой области между Коринфом и Аркадией, и всего сотня из Микен.

Однако предстоящая битва, несмотря на свой явно трагический исход, отодвинулась для него на второй план, едва Тарас покинул границы Спарты. Он увидел несколько новых стран, где все у него вызывало интерес. Коринф его поразил тем, что по сравнению с его

новой родиной здесь было гораздо больше всевозможных построек, не относившихся только к храмам или военному делу. Тарас увидел множество мельниц, огромных складов для товаров, лавок, производивших разнообразные предметы домашней утвари, и даже верфи, где строились в больших количествах триеры. А также еще какие-то почти круглые корабли, похожие на торговые. В общем, здесь процветала торговля. И для ее нужд было создано множество предприятий, торговавших, судя по всему, со всей Грецией и даже отправлявших товары за море. Ничего подобного в аскетической Спарте не было.

Проходя мимо порта в составе своей гвардии, отвыкший от вида денег, Тарас с удивлением заметил в руках какого-то менялы золотую монету и даже пожалел его — беднягу ждала скорая смерть. И лишь спустя полчаса вспомнил, что находится вне пределов Лаконии и видит то, что скрывали от него все эти годы границы. Деньги здесь были не запрещены! Их можно было даже хранить дома и менять! Обалдевший от увиденного, Тарас поскорее отвел взгляд, чтобы товарищи по оружию не заподозрили его в измене законам Ликурга.

Преодолев Истм — узкий перешеек недалеко от Коринфа, который превращал Пелопоннес в полуостров и являлся единственной дорогой в остальную Грецию, — войско Леонида походным маршем прошло Мегаирду, затем Аттику и, оставив в стороне Афины, которые сейчас стали союзником Спарты, свернули на север в Беотию. Еще несколько дней, проведенных в марш-броске, и соединенное войско Пелопоннеса оказалось у скальной гряды, протянувшейся вдоль берега моря. Здесь к ним присоединились еще почти три тысячи воинов — локры, фокидяне и милейцы. После чего экспедиционный корпус под командой Леонида, направившись к Фермопилам, насчитывал уже не меньше семи тысяч солдат, включая гвардию царя. «Так вот, значит, как было дело, — удивлялся повеселевший Тарас тому, что сборный отряд рос на глазах, — с такой армией можно и повоевать».

Ближе к вечеру соединенная армия греков приблизилась к ущелью, которое, постепенно сужаясь, в конце концов превращалось в узкий проход шириной не более двух метров, где повсюду из скал били горячие серные источники. Слева от ущелья поднимались высокие скалы, справа плескалось море, поэтому обойти его, на первый взгляд, не представлялось никакой возможности.

— Сколько еще идти? — спросил Тарас на одной из последних стоянок у входа в ущелье у Архелона, отдыхавшего рядом.

— Мы уже пришли, — ответил вместо него Алкмен, как оказалось, бывавший здесь уже не раз, — этот проход и есть Фермопилы. Вон там, впереди, развалины старой фокидской стены. Если ее восстановить, то никто не пробьется сквозь этот проход. Его еще не разу не брали лобовой атакой. Даже с нашими силами мы сможем стоять здесь до тех пор, пока не подойдет подкрепление.

— Мы так и сделаем, Алкмен, — сообщил всем Леонид, оказавшийся рядом, — мы укрепим стену и будем держать ее до подхода нашего войска. Сил у нас хватит, а в таком узком месте персы не смогут нас опрокинуть.

Поскольку дальше места для большого лагеря не было, то вперед по проходу двинулись только спартанцы с оруженосцами. Остальные отряды, имевшие своих командиров и подчинявшиеся только им, несмотря на верховное командование Леонида, остались в лагере ждать его приказов. И тут первый червячок сомнения стал будоражить душу «провидца», смотревшего на эту разношерстную толпу союзников, не вызвавшую у него особенного доверия.

«Насколько я помню, — невесело размышлял Тарас, продвигаясь по узкому ущелью, — едва придет весть о приближении персов, они все решат покинуть нас, и Леонид отпустит их, не видя в этом сброде помощников. Так нас останется триста человек, если не считать периеков. Надо будет убедить Леонида, чтобы он ни за что не отпускал союзников. Как ни крути, а с ними мы продержимся дольше».

Серный запах, висевший в ущелье, был такой неприятный, что Тарас даже зажимал нос, с трудом продвигаясь по узкому проходу. Однако вскоре проход закончился, и отряд

Леонида достиг полуразрушенной стены. Дальше проход расширялся, и, оказавшись за стеной вместе с остальными, Тарас увидел небольшое плато, уходившее вниз вдоль скалы. Справа оно отвесно обрывалось в море. На этом перешейке могли выстроиться в ширину целых две эномотии, но в узкую щель между скал, почти перекрытую стеной, можно было проникнуть лишь по одному. Место было выбрано идеально.

— Нельзя терять времени, — сказал Леонид стоявшему рядом Алкмену, который здесь был самым опытным воином, — персы уже близко.

Весь вечер до самых сумерек илоты перетаскивали камни, восстанавливая стену. А когда теплые сумерки опустились над Фермопильским ущельем, в нескольких километрах внизу загорелись огни. Это были огромные костры, сотни, тысячи огней, протянувшиеся вдоль побережья бесконечной цепочкой.

— Это лагерь Ксеркса, — сказал Алкмен, глядя на море огней.

— Хвала богам, мы пришли вовремя, — изрек Леонид и, обернувшись к своим бойцам, весело крикнул: — Спартанцы, радуйтесь, завтра мы покроем себя славой в великой битве!

Тарас вздрогнул. Эти слова оторвали его от размышлений.

«Где-то здесь, кажется, была обходная тропа, — лихорадочно соображал человек из будущего, разглядывая черные громады гор, — хорошо бы отправить туда небольшой отряд, чтобы нас не застали врасплох. Главное, выиграть время. А там, глядишь, что-нибудь и придумаю».

Примечания

1